LIFE FOR GOD

Беседы на Послание к Римлянам

Иоанн Златоуст

Отцы Церкви

32 беседы и авторское предисловие

Послание к Римлянам · Romans

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полный текст: 32 беседы и авторское предисловие. Исторический русский перевод, Санкт-Петербургская духовная академия, 1903.

Автор: святитель Иоанн Златоуст. Исторический русский перевод: издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1903, том IX, книга 2. Издание Life for God, 2026. Это исторический перевод, а не новый перевод Сергея Кауди.

Творения Иоанна Златоуста в русском переводе, издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1903, том 9, книга 2, страницы 483–859. Авторское предисловие и все 32 беседы. Основа — электронный текст «Азбуки веры», сопоставленный с исторической перепечаткой CCEL. В беседах 31–32 библейские цитаты восстановлены по более раннему русскому тексту CCEL; современная орфография основного текста сохранена. Современные аннотации, оформление, два редакционных примечания, непроверенный краткий обзор и дублирующий блок цитат не включены.

Использованы исторические русское (1903) и английское (1889) издания, находящиеся в общественном достоянии в США. Метаданные CCEL также обозначают исторический английский текст как Public Domain. Это собственная вёрстка Life for God, а не перепубликация современного PDF-оформления CCEL.

Сохранены авторская аргументация, богословские суждения и исторические особенности переводов. Номера абзацев редакционные. Сокращённые заключительные славословия («и проч.») оставлены как в историческом переводе. В английском предисловии восстановлен пропуск электронной перепечатки; исправление отмечено отдельно. Восстановление цитат в русских беседах 31–32 и исправление явных шрифтовых искажений старой электронной перепечатки зафиксированы в редакционном журнале. Это не новый перевод и не буквальное воспроизведение старой печатной орфографии.

Читать на сайте Life for God →

Источники

Русский исторический текст · СПбДА 1903

English · NPNF I.XI (1889) · CCEL

Русский текст: СПб. духовная академия, 1903, том 9, книга 2 · Азбука веры

Русский исторический текст для сопоставления · CCEL

English historical translation · NPNF I.11 (1889) · CCEL

CCEL source XML · rights metadata: Public Domain

1889 printed edition · University of Toronto / Internet Archive

Printed page 335: restored words in the Argument

Содержание

Об издании 2
Источники 3
Содержание 4
Предисловие автора 6
Беседа 1 13
Беседа 2 25
Беседа 3 45
Беседа 4 57
Беседа 5 67
Беседа 6 89
Беседа 7 108
Беседа 8 134
Беседа 9 160
Беседа 10 175
Беседа 11 194
Беседа 12 215
Беседа 13 243
Беседа 14 275
Беседа 15 307
Беседа 16 324
Беседа 17 356
Беседа 18 372
Беседа 19 393
Беседа 20 418
Беседа 21 431

Беседа 22 446
Беседа 23 457
Беседа 24 473
Беседа 25 485
Беседа 26 504
Беседа 27 517
Беседа 28 528
Беседа 29 537
Беседа 30 551
Беседа 31 564
Беседа 32 580

Предисловие автора

[1] Постоянно слушая чтение посланий блаженного Павла, каждую неделю дважды, а часто три и четыре раза, когда мы совершаем памяти святых мучеников, – я радуюсь, наслаждаюсь духовною трубою, восхищаюсь. Я воспламеняюсь желанием, узнавая любезный мне голос, и мне почти кажется, будто он явился и присутствует предо мною, и я вижу, как он беседует. Но, с другой стороны, я скорблю и сокрушаюсь тем, что не все знают этого мужа так, как должно знать, а некоторые находятся в таком неведении, что не знают ясно и числа его посланий. И это бывает не от недостатка учения, а от того, что не хотят постоянно беседовать с этим блаженным. И мы то, что знаем (если, действительно, что-нибудь знаем), уразумели не при помощи природной способности и остроты ума, но вследствие того, что постоянно были близ этого мужа и ревностно прилежали ему. Любящие знают дела любимых больше всех остальных, так как поистине заботятся о них. И блаженный Павел, показывая это, говорил к Филиппийцам: «яко… есть праведно мне сие мудрствовати о всех вас, за еже имети ми в сердце вас, во узах моих и во ответе и извещении благовестия» (Флп 1.7). Таким образом и вы, если желаете с усердием внимать чтению, не будете нуждаться ни в чем другом, потому что неложно слово Христа, Который сказал: «ищите и обрящете: толцы́те и отверзется вам» (Мф 7.7). Но так как у нас большая часть собравшихся здесь приняли на себя заботу о воспитании детей и о жене и попечение о доме и, вследствие этого, не могут согласиться на то, чтобы всецело предать себя этому труду, то, по крайней мере, постарайтесь принять собранное другими и уделите слушанию того, о чем здесь говорится, такое же большое

внимание, как и собиранию имений. Правда, хотя и стыдно требовать от вас одного только этого, но будет приятно, если вы и в этом не откажете. Ведь отсюда, от незнания Писания, произошли бесчисленные бедствия: отсюда произросла великая зараза ересей, отсюда – нерадивые жития, бесполезные труды. Подобно тому как лишенные этого света не могут прямо идти, так и не взирающие на луч божественного Писания вынуждаются много и часто грешить, так как поистине ходят в самой глубокой тьме. Чтобы этого не было, откроем глаза пред сиянием апостольских глаголов; ведь язык апостола Павла возсиял ярче солнца, он словом учения превзошел всех прочих и получил обильную благодать Духа, так как больше других потрудился. И я утверждаю это не на основании только посланий, но и деянии. Если где-нибудь был удобный случай для проповеди, всюду предоставляли ему; потому даже неверующие назвали этого апостола Гермесом – за совершенство в слове. Намеревающимся приступить к посланию этому необходимо сказать и о времени в которое оно было написано. Вопреки мнению многих, оно не первое из всех остальных посланий, но, будучи составлено ранее тех, которые написаны из Рима, оно позднее других, хотя и не всех. Так, оба послания к Коринфянам были отправлены раньше этого. И это видно из того, что он, написал в конце послания, говоря следующее: «ныне же гряду во Иерусалим служяй святым. Благоволиша бо Македониа и Ахаиа общение некое сотворити к нищим святым живущим во Иерусалиме» (Рим 15.25–26). А в послании к Коринфянам он, говоря о собравшихся нести в Иерусалим подаяние, писал: «аще же достойно будет и мне ити, со мною по́йдут» (1Кор 16.4). Отсюда видно, что когда Павел писал к Коринфянам, его путешествие было еще сомнительно, а

когда писал к Римлянам, то оно было уже решено. Согласившись же с этим, мы должны заключить, что послание к Римлянам писано после послания к Коринфянам. А по моему мнению, и послание к Фессалоникийцам было написано раньше послания к Коринфянам. Написавши предварительно свое послание к первым, он так говорил о милостыне: «о братолюбии же, не требуете, да пишется к вам, сами бо вы Богом учени есте, еже люби́ти друг друга: ибо творите то ко всей братии» (1Фес 4.9–10). А потом уже он писал к Коринфянам, как видно из слов: «вем бо аз усердие ваше, имже о вас хвалюся Македо́няном, яко Ахаиа приготовися от мимошедшаго лета: и яже от вас ревность раздражи мно́жайших» (2Кор 9.2). Отсюда ясно, что Фессалоникийцам говорено было о том прежде. Но хотя послание к Римлянам позднее этих, однако оно написано раньше тех, которые отправлены из Рима. Он еще не прибыл в город Рим, когда написал это послание, как открывается из слов: «желаю бо видети вас, да некое подам вам дарование духовное» (Рим 1.11). К Филиппийцам же Павел писал из Рима, почему и говорит: «целуют вы святии вси, паче же иже от Кесарева дому» (Флп 4.22). И к Евреям писано оттуда же, почему и сказано, что их приветствуют все от Италии (Евр 13.24). Также и послание к Тимофею Павел писал из Рима, находясь в узах. Даже мне кажется, что оно есть последнее из всех его посланий, как видно из сказанного в конце: «аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста» (2Тим 4.6). Всякому же известно, что Павел кончил жизнь в Риме. И послание к Филимону есть также одно из последних, так как Павел написал его в глубокой старости, о чем сам говорит: «якоже Павел старец, ныне же и узник Иисуса Христа» (Флм 1.9). Но, конечно, оно

написано прежде послания к Колоссянам, что опять видно из сказанного в конце послания, так как Павел в послании к Колоссянам пишет: «вся скажет вам Тихи́к,.. егоже послах... с Они́симом верным и возлюбленным братом» (Кол 4.7–9). Онисим же этот был тот самый, о котором Павел написал послание к Филимону, а не другой, соименный ему, что доказывается именем Архипа, на которого Павел в послании к Филимону возложил труд ходатайствовать с ним за Онисима, и которого в послании к Колоссянам он поощряет такими словами: «рцыте Архиппу: блюди служение, еже приял еси,.. да довершиши е» (Кол 4.17). Мне еще кажется, что послание к Галатам написано прежде послания к Римлянам. Если же послания Павла имеют в книгах порядок другой, то это нисколько неудивительно, так как и двенадцать пророков расположены последовательно, в известном порядке книг, хотя по времени они и не следуют один за другим, но разделены между собою большим промежутком времени. Так Аггей, Захария и другие пророчествовали после Иезекииля и Даниила, а многие после Ионы, Софонии и всех прочих; однако же в книгах они соединены вместе с теми, от которых так удалены временем. Никто пусть не считает этот труд излишним и не признает такое исследование делом пустого любопытства, потому что время посланий не мало содействует нам к объяснению их. Так, я замечаю, что Павел к Римлянам и Колоссянам пишет об одном и том же, но неодинаково. К Римлянам он пишет с большим снисхождением, когда говорит: «изнемогающаго же в вере приемлите, не в сомнение помышлении. Ов бо верует ясти вся, а изнемогаяй зелия... яст» (Рим 14.1–2). А к Колоссянам о том же апостол выражается иначе и с большею свободою, именно говорит: «аще убо умросте со

Христом от стихий мира, почто аки живуще в мире стязаетеся? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть вся во истление употреблением,.. не в чести коей, к сытости плоти» (Кол 2.20–23). Причину такой разности я нахожу не в чем другом, как в обстоятельствах времени. В начале следовало быть снисходительным, а после это стало уже не нужно. Можно найти, что Павел и во многих других случаях делал то же. Так обыкновенно поступают врач и учитель. Врач неодинаково будет обходиться с теми, которые только что заболели, и с теми, которые уже выздоравливают; равно и учитель иначе будет обращаться с детьми, начинающими учиться, и иначе с требующими совершеннейших уроков. Итак, Павел писал послания другим, побуждаемый какою-нибудь причиной и целью (на это он и указывает, говоря Коринфянам: «а о нихже писасте ми» (1Кор 7.1), и Галатам изъясняет то же самое, как в предисловии, так и во всем послании). Для чего же и по какой причине он писал к Римлянам? Ведь он ясно свидетельствует о них, что они полны благости, исполнены всякого разумения и могут иных научить (Рим 15.14). Итак для чего же он писал к ним послание? «За благодать, – говорит он, – данную ми от Бога, во еже быти ми служителю Иисус Христову» (Рим 15.15–16). Потому и в начале послания он сказал: «должен есмь,.. еже по моему усердию, и вам сущим в Риме благовестити» (Рим 1.14–15). А то, что Римляне могут и других научить, это и другое подобное сказано больше в похвалу и поощрение, так как и они имели нужду в исправлении посредством послания. И так как Павел сам еще не был в Риме, то он двумя способами исправляет мужей – и полезным писанием, и ожиданием его прибытия. Такова была святая душа Павла; она обнимала всю вселенную и всех заключала в себе, считая родство по Боге самым высшим.

Павел всех любил так, как будто сам родил их, а лучше сказать, обнаруживал любовь больше всякого отца. Такова-то благодать Духа: она побеждает телесные болезни и создает самую горячую любовь. Особенно же это можно видеть на душе Павла, который, как бы получивши крылья, под воздействием любви неутомимо всех обходил, нигде не медлил и не останавливался. Он знал, что Христос, сказав Петру: «любиши ли Мя?.. Паси овцы Моя» (Ин 21.15), указал этим на высочайшую степень любви, и потому сам в избытке обнаружил ее в себе. Итак мы, соревнуя Павлу, будем назидать, если не весь мир, не целые города и народы, то, по крайней мере, каждый – собственный свой дом, свою жену, своих детей, друзей, соседей. И никто пусть не говорит мне: я неискусен и несведущ. Нет никого более неученого, чем Петр, и более неискусного, чем Павел. Он и сам признается в этом и не стыдясь, говорит: «аще бо и невежда словом, но не разумом» (2Кор 11.6). Однако невежда Павел и неученый Петр победили тысячи философов, заставили молчать бесчисленных ораторов, совершивши все это собственным усердием и благодатью Божиею. Какое же оправдание найдем для себя мы, когда оказываемся не в состоянии научить и двадцать человек и быть полезными для живущих вместе с вами? Это пустой предлог и пустая отговорка. Не малоученость, не малообразованность, но леность и сон препятствуют нам учить. Потому, отрясши этот сон, со всем прилежанием позаботимся о собственных членах, чтобы, наставляя ближних своих страху Божию, мы и здесь насладились полным спокойствием, и так сделались участниками бесчисленных благ, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с

Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 1

[1] Рим 1.1–2. Павел, раб Иисус Христов, зван апостол, избран в благовестие Божие, еже прежде обеща пророки своими в писаниях святых.

[2] Моисей написавший пять книг, нигде не поставил своего имени, а равно и те, которые после него описывали последующие события, даже Матфей, Иоанн, Марк, Лука; но блаженный Павел всюду в своих посланиях ставит свое имя. Почему это? Потому что те писали для находившихся возле них и, присутствуя лично, не имели нужды говорить о себе самих; а Павел посылал писания издали и в виде письма, почему для него и необходима была прибавка имени. Если же в послании к Евреям он не делает этого, то по своему благоразумию. Так как евреи его ненавидели, то, чтобы они, услышав в начале послания его имя, не отказались слушать далее, он, скрывши свое имя, этим мудро достиг их внимания. Если же пророки и Соломон надписывали имена свои, то предоставляю вам самим исследовать, почему одни это делали, а другие не делали: ведь не всему нужно мне учить вас, а надобно и вам самим трудиться и исследовать, чтобы не сделаться еще ленивее. «Павел, раб Иисус Христов». Для чего Бог переменил ему имя и бывшего Савла назвал Павлом? Для того, чтобы ему и в этом отношении не быть меньше апостолов, но какое преимущество имел верховный из учеников, такое же приобрел и Павел, и получил основание для большего с ними союза. Не без намерения же называет он себя рабом Христовым. Рабство имеет многие виды. Есть рабство по сотворению, о котором сказано: «яко всяческая работна Тебе» (Пс 118.91), и еще: «раб… мой Навуходоносор» (Иер

25.9), – потому что всякая тварь порабощена своему Творцу. Другой вид – рабство от веры, о котором говорится: «благодарение убо Богу, яко бесте раби греху, послушасте же от сердца, в оньже и предастеся образ учения, и свобождшеся... от греха, порабо́тистеся правде» (Рим 6.17–18). Наконец, есть рабство по образу жизни, о котором сказано: «Моисей раб мой скончася» (Нав 1.2); хотя и все иудеи были – слугами, но Моисей преимущественно сиял жизнью. А так как Павел был рабом во всех видах рабства, то вместо самого почетного титула употребляет наименование: «раб Иисус Христов». А имена домостроительства он прилагает, восходя снизу вверх. Имя Иисус принесено ангелом, сшедшим с небес, когда Сын Божий родился от Девы, а имя Христос происходит от помазания и принадлежит Ему также по плоти. И каким, спросишь, елеем Он был помазан? Он помазан не елеем, но Духом. А писание и таковых обыкновенно называет христами. Преимущественное в помазании есть Дух, потому и елей приемлется. Где же писание называет христами непомазанных елеем? Там, где говорит: «не прикасайтеся помазанным моим, и во пророцех моих не лукавнуйте» (Пс 104.15). Ведь тогда елей не приготовлялся для помазания.

[3] «Зван Апостол». Павел везде называет себя званным, свидетельствуя этим о своей признательности, потому что не сам искал и нашел, но, будучи призван, явился и повиновался. И верующих он также называет званными святыми, хотя они призваны только для того, чтобы уверовать; Павлу же вручено еще другое – апостольство, служение, заключающее в себе бесчисленные блага, совмещающее и превосходящее все дарования. И что еще можно сказать больше того, что Христос, оставляя землю, поручил апостолам, все то, что сам совершал на земле? И

Павел, восхваляя это достоинство апостолов, восклицает: «по Христе... *посольствуем*, яко Богу молящу нами» (2Кор 5.20), то есть – вместо Христа.

4 «Избран в благовестие Божие». Как в доме каждый избран для особого дела, Так и в церкви бывают различные разделения служения. Но мне кажется, что Павел указывает здесь не только на жребий своего служения, но и на то, что он издревле и свыше был назначен для него. Так и Иеремия говорит, что Бог сказал о нем: «прежде неже изыти тебе из ложесн, освятих тя, пророка во язы́ки поставих тя» (Иер 1.5). Так как Павел писал городу тщеславному и напыщенному, то он во всем и показывает Божие рукоположение и говорит, что сам Бог призвал, сам Бог избрал его. Он делает это для того, чтобы послание его признали достоверным и приняли.

5 «В благовестие Божие». Итак, не один Матфей или Марк есть евангелист, равно как не один Павел есть апостол, но также и первые, хотя Павел по преимуществу называется апостолом, а те евангелистами. Самое же благовестие он называет в зависимости не от настоящих только благ, но и от будущих. Как же Павел говорит, что он благовествует о Боге? «Избран, – говорит, – в благовестие Божие». Правда, Отец был известен и прежде евангелий, но, если и был известен, то одним только иудеям, и притом не всем, как надлежало. Тогда не знали Бога, как Отца, и многое представляли недостойно Его. Потому Христос и сказал, что приидут «истинии поклонницы», и что «Отец таковых ищет поклоняющихся Ему» (Ин 4.23). Впоследствии же и сам Отец вместе с Сыном открылся всей вселенной; предвозвещая об этом Христос сказал: «да знают Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послал еси Иисус Христа» (Ин 17.3). Благовестием же Божиим

апостол называет (свою проповедь) для того, чтобы в самом начале возбудить внимание слушателя. Он пришел не с печальной какою-либо вестью, как приходили пророки – с обличениями, укоризнами, угрозами, но с добрыми вестями, с благовестием Божиим о бесчисленных сокровищах постоянных и непреложных благ, которые «прежде обеща пророки своими в Писаниях святых». Сказано ведь: «Господь даст глагол благовествующим силою многою» (Пс 67.12); и еще: «коль красны ноги благовествующих мир» (Ис 52.7)!

6 Видишь ли, как определенно выражены в ветхом завете название и способ евангелия? Оно, говорит, возвещается не только словами, но и делами; затем благовестие не есть что-либо человеческое, но божественное, неизреченное, превышающее всякое естество. А так как называли его – нововведением, то Павел доказывает, что благовестие древнее эллинов (язычества) и прежде было описано у пророков. Если же Бог сообщил его не изначала, то по вине не хотевших предать; кто же хотел, тот слышал. «Авраам отец ваш, – сказано, – рад бы был, да бы видел день Мой: и виде, и возрадовася» (Ин 8.56).

7 Итак, в каком смысле говорит, что «мнози пророцы и праведницы вожделеша видети, яже видите, и не видеша» (Мф 13.17)? В таком, что вы видите и слышите самую плоть и самые знамения, совершающиеся пред глазами. Но ты обрати внимание, за сколько времени раньше об этом было предвозвещено. Всякий раз, как Богу угодно предуготовить что-нибудь великое, Он предсказывает об этом за много времени, чтобы настроить слух к принятию этого при исполнении.

8 «В писаниях святых» пророки не только говорили, но и писали то, о чем говорили. Даже не только писали, но

изображали действиями, например, Авраам вел Исаака (на жертвоприношение), Моисей возносил змия, воздевал руки во время сражения с Амаликом и закалал пасхального агнца.

[9] Рим.1:3. О Сыне своем, бывшем, от семене Давидова по плоти.

[10] Что ты делаешь, Павел? Вознесши наши души и подняв их на высоту, показав великое и неизреченное, сказав о евангелии и евангелии Божием, представив сонм пророков и показав, что они предрекли будущее за много лет раньше, для чего ты опять низводишь нас к Давиду? Скажи мне, – о каком человеке ты говоришь, именуя его отцом Иессеева сына? Сообразно ли это с сказанным прежде? Весьма сообразно, говорит Павел, – потому что у нас речь не о простом человеке. Вследствие этого я и прибавил – «по плоти», давая понять, что Ему же принадлежит и другое рождение – по Духу, Но для чего он начал с рождения по плоти, а не с высшего – с рождения по Духу? Для того, что так начинают Матфей, Лука и Марк. К тому же, намеревающемуся возводить к небу необходимо вести снизу вверх. Так было и на самом деле. Сына Божия видели на земле человеком, а потом признали Его Богом. А какой способ учения употребил сам Он, такой же путь, ведущий к Нему, пролагает и ученик Его. Сначала говорит о рождении по плоти не потому, что оно было первое, но с тою целью, чтобы от него возвести слушателя к другому рождению – по Духу.

[11] Рим.1:4. Нареченнем Сыне Божии в силе по Духу святыни, из воскресения от мертвых Иисуса Христа.

[12] Сказанное не совсем ясно, вследствие буквальной связи выражений; поэтому необходимо разделить речь.

Итак, что же означают эти слова? Мы проповедуем, говорит Павел, происшедшего от Давида. Но это ясно. Чем же доказывается, что воплотившийся есть Сын Божий? Во-первых – пророками, почему Павел и сказал: «еже прежде обеща пророки своими в писаниях святых» (Рим.1:2). Этот способ доказательства имеет немалую силу. Во-вторых – самым образом рождения, который выражен у апостола словами: «от семене Давидова по плоти» (Рим.1:3), так как это рождение нарушило порядок Природы. В-третьих – чудесами, которые совершил Христос, доказав тем необыкновенную силу, что и выражено словом – «в силе». В-четвертых – Духом, Которого даровал верующим в Него и чрез Которого всех соделал святыми, почему и сказано: «по Духу святыни», так как одному Богу свойственно раздавать таковые дары. В-пятых – воскресением Господа, потому что Он первый и один только воскресил сам Себя; и это Он сам называл знамением, преимущественно пред всеми другими достаточным для того, чтобы заградить уста даже бесстыдным. Он сказал: «разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю» (Ин 2.19). И еще: «егда вознесете Мя от земли, тогда уразумеете, яко Аз есмь» (Ин 8.28). И опять: «род сей зна́мения ищет, и зна́мение не дастся ему, токмо зна́мение Ионы» (Мф 12.39). Итак, что значит – «нареченный»? Указанный, открывшийся, признанный, исповеданный по суждению и решению всех, вследствие предсказания пророков, вследствие чудесного рождения по плоти, при посредстве силы, явленной в чудесах, чрез Духа, Которым даровал освящение, чрез воскресение, которым разрушил державу смерти.

[13] Рим.1:5–6. Имже прияхом благодать и апостольство в послушание веры.

14 Заметь признательность раба: он ничего не хочет приписать себе самому, но все приписывает Господу. И, конечно, это даровал Дух. Потому Господь и сказал: «много имам глаголати вам, но не можете носити ныне: егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину» (Ин 16.12–13). И в другом месте Дух повелевает: «отделите Ми Павла и Варнаву» (Деян 13.2).Также апостол в послании к Коринфянам говорит, что «о́вому… Духом дается слово премудрости, иному… слово разума», и что «тойжде Дух» все разделяет, «якоже хощет» (1Кор 12.8, 11). И проповедуя жителям Милета, он говорил: «в нем же постави вас Дух Святый» пастыри и «епископы» (Деян 20.28). Видишь ли, что (апостол) принадлежащее Духу усвояет Сыну и принадлежащее Сыну усвояет Духу? «Благодать и апостольство», то есть, не по заслугам своим мы стали апостолами, так как не достигли этого достоинства многими трудами и усилиями, но получили благодать, и от этого дара свыше совершилось преуспеяние.

15 «В послушание веры». Следовательно, успех проповеди зависел не от апостолов, но от благодати, им предшествующей. Их дело было – обходить и проповедовать, но убеждение производил Бог, действующий в них, как Лука и сказал, что «отверзе сердце» их (Деян 16.14); и опять: «имже дано бе слышати слово Божие в послушание». Не сказал – «для исследования и доказательства», но – «в послушание». Мы посланы, говорит он, не умозаключения составлять, но передать то, что вам вверено. Когда Господь возвестит что-нибудь, слушатели не должны перетолковывать слова Его и с любопытством исследывать, но обязаны только принять их. И апостолы посланы были для того, чтобы

передать то, что слышали, ничего не прибавляя от себя, чтобы и мы, наконец, уверовали. Чему же уверовали?

16 О имени Его.

17 Мы не должны исследовать сущность Его, но веровать во имя Его, так как оно творило и чудеса. «Во имя Иисуса Христа, – говорит Петр, – востани и ходи» (Деян 3.6). Оно и само требует веры, и ничего из этого нельзя постигнуть разумом.

18 Во всех языцех,.. в нихже есте и вы, звани Иисусу Христу.

19 Что это? Разве Павел проповедывал всем народам? Из послания к Римлянам видно, что он обошел (страны) от Иерусалима до Иллирика и оттуда опять доходил до последних пределов земли. Но если бы даже он был и не у всех народов, сказанное им нимало не ложно, потому что он говорит не об одном себе, но и о двенадцати апостолах и о всех, благовествовавших слово после них. Впрочем, нельзя признавать этих слов спорными и в отношении самого Павла, если иметь в виду его усердие и то, что он после кончины своей не перестает проповедовать в целой вселенной. Заметь также, как Павел превозносит дар (апостольства) и показывает его величие и превосходство пред прежним (ветхозаветным). Если древнее (обетования ветхозаветные) простиралось на один народ, то это (апостольство) привлекло сушу и море. Не оставь без внимания и того, сколько душа Павла далека от всякой лести. Обращая речь к Римлянам, которые пребывали как бы на некоторой вершине всей вселенной, он не отдает им никакого преимущества пред прочими народами и, хотя они тогда владычествовали и господствовали, Павел не говорит, что они имеют какое-нибудь преимущество и в

духовном отношении. Но как мы проповедуем всем народам, пишет он, так проповедуем и вам, причем ставит их на ряду с скифами и фракийцами; а если бы он не это хотел сказать, то было бы излишне прибавлять: «в нихже есте и вы». Делает же он это с тою целью, чтобы низложить их высокомерие, смирить кичливость ума и научить равночестно относиться к другим. Для этого и присовокупил слова: «в нихже есте и вы, звани Иисусу Христу», то есть, с которыми находитесь и вы. Не сказал, что Христос других призвал с вами, но говорит, что вас Он призвал с другими. Если во Христе Иисусе нет ни раба, ни свободного, а тем более – ни царя, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собою пришли.

[20] Рим.1:7. Всем сущим в Риме возлюбленным Богу, званным святым: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

[21] Смотри, как часто Павел употребляет слово – «званный», говоря: «зван апостол… в нихже есте и вы, звани… всем сущим в Риме… званным» (Рим.1:1, 6–7). Это он делает не для многословия, но желая опять напомнить римлянам о благодеянии Божием. Так как среди верующих находились, вероятно, и префекты, и консулы, и бедные, и простолюдины, то, отлагая неравенство чинов, он всем посылает одно приветствие. Если же и рабам, и свободным принадлежит всецелое общение во всем самом необходимом и духовном, как-то: любовь Божия, звание, благовестие, усыновление, благодать, мир, освящение и все прочее, то не крайнее ли будет безумие различать по земным деяниям тех, которых Бог соединил и сделал равночестными в важнейшем? Потому, конечно, апостол в самом начале отвергает этот лютый недуг и направляет римлян к смиренномудрию, которое есть

матерь всех благ. Смиренномудрие и рабов делало лучшими, научая их, что рабство не причинит им вреда, если они имеют истинную свободу, и господ обращало к умеренности, вразумляя их, что нет никакой пользы в свободе, если не бывает совершенства в делах веры. А чтобы тебе понять, что Павел делал это не с намерением все слить и смешать, а, напротив, он знал лучший способ различать, – обрати внимание на то, что он не просто написал: всем сущим в Риме, но с ограничением: «возлюбленным Богу». Это – самое лучшее различение, которое ясно и показывает, откуда происходит освящение.

22 Итак, откуда именно освящение? От любви. Сказав – «возлюбленным», тотчас присовокупил: «званным святым», показывая, что источником всех благ для нас служит любовь; а святыми он называет всех верующих. «Благодать вам и мир». О, приветствие, приносящее бесчисленные блага! его именно и Христос заповедал апостолам произносить, при входе в дом, как первое слово. Поэтому и Павел всегда начинает тем же, т. е. словами: «благодать... и мир». Не малую вражду прекратил Христос, но тяжелую, многоразличную и продолжительную, и притом уничтожив ее не нашими трудами, но Своею благодатью. И как любовь даровала благодать, а благодать даровала мир, то апостол, расположив их в своем приветствии в таком именно порядке, молит о непрерывном и ненарушимом пребывании (любви, благодати и мира), чтобы опять не возгорелась другая брань, и просит Подателя сохранить их непреложными, говоря так: «благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа». Вот здесь предлог «от» (ἀπὸ) относится к Отцу и Сыну, а это равно выражению – «из Него» (ἐξ αὐτοῦ). Апостол не сказал:

благодать вам и мир от Бога Отца чрез (διὰ) Господа нашего Иисуса Христа, но говорит: «от (ἀπὸ) Бога Отца… и Господа… нашего… Иисуса Христа». О, какую силу имеет любовь Божия! Враги и отверженные стали вдруг святыми и сынами. Апостол, назвав Бога Отцом, явил их сынами, а когда наименовал сынами, открыл все сокровище благ. Итак, не престанем являть жизнь достойную дара, соблюдая мир и святость. Другие почести временны, прекращаются с настоящею жизнью и продаются за деньги, почему о них можно сказать, что это не почести, но только наименования почестей, получающие свое значение от пышных одежд и от лести окружающей свиты. А дар освящения и усыновления, как данный от Бога, не уничтожается вместе со смертью, но и здесь делает нас знаменитыми, и сопровождает в жизнь будущую. Соблюдающий усыновление и тщательно хранящий дар святыни гораздо славнее и блаженнее увенчанного диадемою и носящего порфиру; даже в настоящей жизни он наслаждается совершенным спокойствием, насыщается благими надеждами, не имеет никакой причины для страха и беспокойства и пользуется непрерывною радостью. Ведь обыкновенно веселье и радость доставляет не величие власти, не обилие денег, не полнота могущества, не крепость тела, не роскошь трапезы, не пышность одежд и не какое-либо другое из человеческих преимуществ, но только духовное совершенство и добрая совесть. Итак, кто имеет чистую совесть, хотя бы был одет в рубище и боролся с голодом, бывает благодушнее живущих роскошно; равно как сознающий за собою худое, хотя бы владел всеми богатствами, бывает несчастнее всех. Потому и Павел, хотя жил во всегдашнем голоде и наготе, хотя каждый день подвергался ударам, но радовался и веселился более

современных царей. А Ахав, хотя и царствовал и наслаждался разнообразными предметами роскоши, когда совершил свой грех, стенал и скорбел, а лице его опадало как до греха, так и после греха.

23 Итак, если мы желаем наслаждаться радостью, то больше всего иного будем избегать порока и станем следовать добродетели, потому что иначе невозможно достигнуть радости, хотя бы мы взошли даже и на царский престол. Потому и Павел сказал: «плод же духовный есть любовь, радость, мир» (Гал 5.22). Возрастим же этот плод в самих себе, чтобы нам и здесь насладиться радостью, и достигнуть будущего царства, благодатью и человеколюбием Господа вашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 2

[1] Рим 1.8. Первое убо благодарю Бога моего Иисусом Христом о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире.

[2] Начало приличное блаженной душе и достаточное для того, чтобы научить всех посвящать Богу начатки добрых дел и слов и благодарить Его не только за свои успехи в добре, но и за успехи других, потому что это делает душу чистою от зависти и недоброжелательства и привлекает на благодарных большее благоволение Божие. Потому Павел и в другом месте говорит: «благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, благословивый нас всяцем благословением духовным» (Еф 1.3). Благодарить же должны не только богатые, но и бедные, не здоровые только, но и больные, не одни благоденствующие, но и терпящие напасти. Нет ничего удивительного в благодарении тогда, когда дела наши направляются попутным ветром; но когда бывает сильная буря, корабль опрокидывается и находится в опасности, тогда благодарность служит большим доказательством терпения и признательности. За такую благодарность и Иов был увенчан, заградил бесстыдные уста диавола и ясно доказал, что во дни благополучия был благодарным не из выгод, но вследствие сильной любви своей к Богу. Смотри также, за что благодарит Павел, – не за земное и погибающее, как-то: власть, могущество и славу (ведь это и не стоит ни одного слова), но за блага истинные, веру и дерзновение. И с каким расположением он благодарит! Не сказал: «Бога», но: «Бога моего». Это делают и пророки, присвояя себе общее всем. И что удивительного, если (так поступают) пророки? Сам Бог всегда явно

делает это в отношении рабов Своих, называя Себя в частности Богом Авраама, Исаака и Иакова.

3 «Яко вера ваша возвещается во всем мире». Итак, что же? Неужели вся земля слышала о вере римлян? По словам Павла, вся; и в этом нет ничего неправдоподобного. Ведь Рим был городом немаловажным, будучи расположен как бы на некоторой вершине, был известен всем. Ты же обрати внимание на силу проповеди, как она в короткое время при посредстве мытарей и рыбаков покорила себе самую славу городов и как мужи сирияне сделались учителями и наставниками римлян. Итак, Павел свидетельствует им о двояком, успехе (проповеди), – о том, что римляне уверовали, и уверовали с таким дерзновением, что слава о них распространилась по всей земле. Он говорит: «вера ваша возвещается во всем мире». Вера, а не словопрения, не состязания, не доказательства, хотя в Риме и было много препятствий учению. Римляне, недавно получив власть над вселенною, много думали о себе, жили богато и роскошно, а проповедь принесли к ним рыбари – иудеи и от иудеев, народа ненавидимого и для всех презренного, и повелевали поклоняться Распятому, воспитанному в Иудее; эти учители вместе с учением внушали и строгую жизнь таким людям, которые заботились об удовольствиях и стремились только к настоящему. Притом, проповедники были люди бедные, простые, низкого происхождения и из незнатных. Но ничто из этого не воспрепятствовало распространению слова: сила Распятого была такова, что слово распространялось всюду, «возвещается, – как говорит Павел, – во всем мире». Он не сказал – объявляется, но – «возвещается», то есть, для всех они (апостолы) служили предметом разговора. Свидетельствуя об этом и фессалоникийцам,

апостол присовокупляет и другое: сказав: «от вас... промчеся слово Боже», прибавил: «яко не требовати нам глаголати что» (1Фес 1.8). Там ученики стояли на степени учителей, смело всех наставляли и привлекали к себе. Проповедь нигде не останавливалась, но быстрее огня обтекала всю вселенную. Здесь же только сказано, что «возвещается». И хорошо апостол сказал: «возвещается», показывая, что ничего не должно ни прибавлять к сказанному, ни убавлять, так как дело вестника передать только то, что ему было сказано. Потому и священник называется вестником (ангелом), так как возвещает не свои слова, но пославшего. Конечно, и Петр проповедовал там (в Риме), но Павел труды его считает за одно с своими. Так много, как я сказал выше, был он свободен от всякой зависти.

[4] Рим.1:9. Свидетель бо ми есть Бог, Емуже служу духом моим во благовествовании Сына Его.

[5] Конечно, это – изречение апостольского духа и сердца, выражение отеческой попечительности. Но что именно значат эти слова и для чего Павел призывает во свидетели Бога? У него речь была о привязанности, а так как он еще не видел римлян, то и призывает во свидетели не кого-либо из людей, но Испытующего сердца. Сказав: «люблю вас», он представил в доказательство то, что всегда молится и желает прийти к ним, но так как и это для них не было ясно, он прибегает к достоверному свидетельству. Может ли кто-нибудь из нас похвалиться, что, молясь дома, вспоминает о всех членах Церкви? Не думаю. Но Павел не за один город, а за целую вселенную приносил молитвы Богу и притом не раз, два или три, а непрестанно. А непрестанно носить кого-нибудь в памяти невозможно, не имея великой любви. Пойми отсюда,

какой привязанности и любви свойственно иметь в молитвах и иметь непрестанно. А когда Павел говорит: «Емуже служу духом моим во благовествовании Сына Его», этим он показывает нам вместе и благодать Божию и свое смиренномудрие, – благодать Божию в том, что ему поручено такое дело, а свое смиренномудрие в том, что он приписывает все не своему прилежанию, но помощи Духа. Упоминание же о благовествовании указывает на один из видов служения. Ведь существует много различных способов служения вообще, а равно и служения Богу. Как при (земных) царях все подчинены одному государю, хотя не все одинаково служат, но служба одного состоит в начальстве над войском, другого в управлении городами, а иного в хранении денег в казне, так и в делах духовных – один служит и работает Богу тем, что верует и хорошо устрояет свою жизнь, другой тем, что принял на себя попечение о странниках, а иной тем, что взял на себя ходатайство за нуждающихся. Подобным образом, и у самих апостолов Стефан и окружавшие его служили Богу предстательством за вдовиц, а иные служили учением слова, каков был и Павел, служивший Богу проповедью евангелия. Таков был род его служения и на это он был поставлен. Потому он не только призывает во свидетели Бога, но и говорит о том, что ему было вверено, показывая, что если бы он не получил столь великого уполномочия, то ложно не призвал бы во свидетели Доверившего. Вместе с тем Павел желает показать и то, что любовь его к римлянам и попечение о них необходимы. Чтобы не сказали: «ты кто и откуда и почему говоришь, что заботишься о таком обширном и царственнейшем городе»? – апостол и доказывает, что для него эта забота необходима, потому что на него возложен такой род служения – проповедовать евангелие. А тот,

кому поручено такое дело, имеет необходимость всегда содержать в мыслях намеревающихся принять слово. Кроме того, словами: «духом моим» апостол указывает и на другое, именно на то, что служение его Богу гораздо выше эллинского (языческого) и иудейского. Служение эллинское есть ложное и плотское, а иудейское, хотя и истинное, но также плотское; служение же Церкви противоположно, и несравненно выше иудейского, потому что наше служение Богу совершается не при посредстве овец, тельцов, дыма и курения, но чрез душу духовную, что именно и изобразил Христос, сказав: «дух [есть] Бог: и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися» (Ин 4.24).

[6] «Во благовествовании Сына Его». Сказавши выше, что благовестие принадлежит Отцу, апостол приписывает его здесь и Сыну: так безразлично говорится об Отце и Сыне. По блаженному евангельскому изречению апостол знал, что то, что свойственно Отцу, принадлежит Сыну, а свойственное Сыну принадлежит и Отцу. «Мои вся, – говорит (Христос), – Твоя суть, и Твоя Моя» (Ин 17.10).

[7] Яко безпрестани память о вас творю... в молитвах моих.

[8] Такова истинная любовь. И мне кажется, что апостол говорит все об одном, хотя и употребляет здесь четыре выражения, именно: воспоминает, воспоминает непрестанно, воспоминает в молитвах, воспоминает в молитвах о важных делах.

[9] Рим.1:10. Моляся, аще убо когда поспе́шен буду волею Божиею приити к вам, желаю бо видети вас.

[10] Замечаешь ли ты, что апостол горит сильным желанием увидеть римлян и не решается на это против воли Божией, но желание свое умеряет страхом Божиим?

Он любил их и стремился к ним, но однако же и в то время, когда любил, не захотел увидеться с ними против воли Божией. Такова истинная любовь, а не та, которая у нас, нарушающих и тот и другой закон любви. Мы или никого не любим, или если любим, то против воли Божией, делая то и другое вопреки божественному закону. Тяжело слышать это, но еще тяжелее совершать.

11 Когда же, спросишь, мы любим против воли Божией? Всякий раз, как не обращаем внимания на Христа, томимого голодом, а детям, друзьям, родным даем более, чем сколько им нужно. Но нужно ли и продолжать слово? Каждый из нас, если испытает совесть свою, найдет, что это бывает у него во многих случаях. Не таков был блаженный Павел, который умел любить, и любить, как должно и как приличествовало, и который, превосходя всех в любви, не переступал её границ. Итак, смотри, как обильно он был преисполнен тем и другим – и страхом Божиим, и любовью к римлянам. Его сильная любовь выражалась в том, что он непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получал просимого; а постоянное благочестие проявлялось в том, что он, имея любовь, не переставал быть покорным мановению Божию. Некогда Павел трижды просил Господа и не только не получил просимого, но, и не получив, счел за великую милость то, что не был услышан: так он во всем взирал на Бога. Теперь же хотя и получил (просимое), но не в то время, когда просил, а после, и нисколько этим не огорчился. Говорю же я это для того, чтобы и нам не скорбеть, когда мы не бываем услышаны, или же бываем услышаны позже. Ведь мы не лучше Павла, который то и другое признает за милость, и – совершенно справедливо. Однажды отдав себя всеуправляющей руке, он подчинялся ей с такой покорностью, как глина

горшечнику, и следовал туда, куда вел Бог. Апостол, сказавши, что он молился о том, чтобы увидеться с римлянами, упоминает далее и о причине своего желания. Что же это за причина?

[12] Рим.1:11. Да некое подам вам дарование духовное, ко утверждению вашему.

[13] Значит, он предпринимал путешествие не просто, не так, как многие ныне совершают путешествие без цели и нужды, но его побуждали дела необходимые и важные, хотя он и не хочет сказать об этом ясно, а только намекает. Он не сказал: иду научить вас, наставить в вере, восполнить недостающее; но говорит: «да некое подам», давая тем знать, что не свое им подает, а передает то, что сам получил. И при этом выражается опять смиренно – «да некое». Подам нечто малое, говорит он, и соразмерное с своими силами. В чем же состоит то малое, что он намерен передать теперь? «Это есть, – говорит апостол, – нечто служащее, ко утверждению вашему» (Рим.1:11–12).

[14] Значит, от благодати зависит и то, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда услышишь о благодати, не подумай, что будет отвергнута награда за произволение. Упоминая о благодати, апостол не труд выбора унижает, а отсекает кичливость высокомерия. Итак, не ослабевай (духом) оттого, что Павел назвал это «дарованием» благодати. Вследствие великой признательности к Богу, он обыкновенно и добрые дела называл дарованием благодати, потому что и для них нужна нам большая помощь свыше. Сказав же – «ко утверждению вашему», он скрытным образом показал, что римляне нуждаются в большем исправлении. То, что он хочет сказать им, состоит в следующем: с давнего времени я желал и

просил (Бога) увидеть вас не для чего-либо другого, но для того, чтобы укрепить вас, утвердить и прочно водрузить в страхе Божием, чтобы вы никогда не колебались. Но он не сказал именно так, потому что мог бы огорчить римлян, а на то же самое намекает в других словах и слегка, выражая это в словах: «ко утверждению вашему». Затем, так как и это было сказано очень сильно, то смотри, как апостол смягчает слова свои пояснением. Римляне могли сказать: «так что же? Неужели мы колеблемся, кружимся и имеем нужду в твоем слове, чтобы стать твердо»? Апостол заранее устраняет это возражение, говоря так:

[15] Рим.1:12. сие же есть, соутешитися в вас верою общею, вашею же и моею.

[16] Он как бы говорил этим следующее: не подозревайте, что я сказал это для обвинения вас: не с таким намерением сказаны слова мои. А что же хотел я выразить? Вы, будучи окружены со всех сторон гонителями, потерпели много притеснений; потому я пожелал увидеть вас, чтобы утешить, или, лучше сказать, не только утешить вас, но и самому получить утешение.

[17] Заметь мудрость учителя. Он сказал: «ко утверждению вашему» (Рим.1:11), но, зная, что такое выражение для учеников тяжело и сильно, присовокупляет – к утешению вашему. Но и это опять тяжело, хотя не столько, конечно, как первое, однако же все еще тяжело. Потому он опять умеряет силу слов своих, всячески смягчая речь и делая ее приятной. Он не просто сказал: утешиться, а: «соутешитися»; но и этим не удовольствовался, а употребляет другое и более приятное выражение, сказав: «верою общею, вашею же и моею». Какое смиренномудрие! Он ясно выразил, что сам имеет в них

нужду, а не они только в нем, и учеников возвел на степень учителей, не пожелав оставить себе никакого преимущества, но показав полную с ними равночестность. В этом, говорит он, заключается общая наша польза: и я имею нужду в вашем утешении, и вы в моем. А как же это бывает? «Общею… верою, вашей же и моею». Как в том случае, если кто-нибудь соединяет много светильников, возжигает яркое пламя, так обыкновенно бывает и с верующими. Всякий раз, как мы разделены между собою, тогда, конечно, бываем слабее духом. А когда, увидев друг друга, взаимно себя поддерживаем, тогда получаем большое утешение. Не суди об этом по настоящему времени, когда, по благодати Божией, и в селе, и в городе, и в самой пустыне существуют многочисленные сонмы верных, а всякое нечестие изгнано; но помысли о том времени, когда было приятно и учителю увидеть учеников и братиям встретиться с братиями, пришедшими из другого города. Чтобы сделать сказанное более ясным, приведу пример. Если бы как-нибудь случилось (чего да не будет), что мы, будучи уведены в землю персов, или скифов, или других варваров, были разсеяны в тамошних городах по двое и по трое, а потом вдруг увидели бы кого-нибудь прибывшего отсюда, то представь себе, какое великое утешение мы получили бы. Разве вы не видели, как заключенные в темницах, увидевшись с кем-нибудь из родственников, вскакивают и прыгают от радости? И не дивись, если тогдашние времена сравню с пленом или темницею. Тогда христиане терпели гораздо большие бедствия: разсеянные и гонимые они жили в голоде и среди войн, трепетали ежедневной смерти, не смели положиться на друзей, домашних, родных, в целом мире были как странниками, а лучше сказать, больше переносили трудностей, чем живущие на чужой стороне.

[18] Потому-то апостол говорит: «ко утверждению вашему», и «соутешитися… общею… верою». Но он говорит это не в том смысле, будто сам нуждался в их содействии, – нет. В чем мог нуждаться тот, кто был столпом церкви, крепче железа и камня, духовным адамантом, у которого было достаточно сил для проповеди в многочисленных городах? Но, чтобы не выразиться резко и не причинить сильной укоризны, он и прибавил, что и сам имеет нужду в утешении римлян. Если же кто-нибудь скажет, что здесь видны утешение и радость апостола, вследствие приращения в римлянах веры, и что в этом Павел имел нужду, тот не погрешит в таком изъяснении слов его.

[19] Итак, если ты (могли сказать апостолу) желаешь, молишься, надеешься насладиться утешением и преподать его, то что препятствует тебе прийти? Разрешая такое сомнение, Павел присовокупил:

[20] Рим.1:13. не хощу же не ведети вам, братие, яко множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых доселе.

[21] Обрати внимание на степень рабского послушания и на пример великой признательности. Апостол говорит только, что у него были препятствия, но какие именно – об этом не говорит. Ведь он не исследует повелений Владыки, а только повинуется им, хотя другим и естественно было недоумевать, почему Бог столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры целой вселенной, препятствовал так долго пользоваться столь великим, как Павел, учителем. Кто овладел главным городом, тот легко нападает и на подданных, а кто миновал столицу и покоряет сперва подданных, тот оставляет без внимания самое главное. Впрочем, апостол не рассуждает ни о чем подобном, а

предается непостижимому Промыслу, обнаруживая в этом благонастроенность души своей и научая всех нас никогда не испытывать Бога о причинах дел, хотя бы и казалось, что события смущают многих. Господину свойственно только повелевать, а рабам повиноваться. Поэтому Павел и говорит, что у него были препятствия, но какие именно – не упоминает. Я сам не знаю, говорит он. Не спрашивай же и ты о намерении и воле Божией. «Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако» (Рим 9.20)? И скажи мне: для чего ты стараешься узнать? Разве ты не знаешь, что Бог о всем печется, что Он премудр и ничего не делает без цели и напрасно, что Он любит тебя больше родителей и несравненно превосходит отца любовию и мать заботливостию? Итак, не спрашивай больше, не простирайся далее, и – этого достаточно для твоего успокоения, тем более, что положение римлян и тогда было устроено премудро. Если же ты не знаешь, каким именно способом, то не беспокойся: ведь это наиболее и свойственно вере – признавать разум Промысла, не зная способов домостроительства Божия.

22 Итак, Павел достиг того, о чем заботился. Чего же именно? Он доказал, что не по нерадению о римлянах он не приходил к ним, но потому, что у него были препятствия, хотя он и сильно желал прийти. Отклонив же от себя нарекание в беспечности и убедив, что не менее их желал увидеть, он приводит и другие доказательства любви своей. При всех препятствиях, говорит он, я не переставал домогаться, и хотя, при всех стремлениях, постоянно встречал препятствия, я однако же никогда не оставлял своего намерения, а в тоже время не противился воле Божией и сохранял любовь. Тем, что был расположен прийти и не отказывался (от своего

намерения), апостол доказал усердие к римлянам, а тем, что был задерживаем и не противился, он обнаружил всецелую любовь свою к Богу.

23 Да некий плод имею и в вас.

24 Хотя выше апостол и сказал о причине своего желания и представил ее подобающим для себя образом, однако же и здесь причину эту приводит вновь, вполне устраняя подозрение римлян. Так как Рим был знаменитый город, единственный повсюду – на суше и на море, то одно только желание обозреть его было для многих поводом к путешествию; чтобы и о Павле не подумали чего-либо подобного и не стали подозревать, будто он хочет побывать там единственно в намерении похвалиться своим общением с римлянами, он неоднократно и указывает причину своего желания. И хотя выше сказал: я весьма желал видеть вас, чтобы подать вам некоторый духовный дар, здесь он говорит еще яснее: «да некий плод имею и в вас, якоже и в прочих языцех». Властителей апостол поставил наравне с подвластными и, не смотря на тысячи трофеев, на победы и знаменитость государственных сановников, поместил их на ряду с варварами. И весьма справедливо. Где благородство веры, там нет ни варвара, ни эллина, ни чужеземца, ни гражданина, но все стоят на одной степени чести.

25 Заметь же и в этом скромность Павла. Он не сказал: приду научить, наставить в вере, но – что? «Да некий плод имею и в вас». Не просто – «плод», но – «некий плод». Опять ограничивает все относящееся к себе, как и выше говорит: «да некое подам» (Рим.1:11). Потом апостол, как и прежде, ограничивает и их, присовокупляя: «якоже и в прочих языцех». В виду того, что вы богаты и имеете у себя больше других, не подумайте, что в отношении

остальных я показываю меньше старания; ведь мы ищем не богатых, а верующих. Где ныне греческие мудрецы, которые, нося длинные бороды и закутавшись в плащи, были проникнуты чрезмерною гордостью? И Грецию и всю варварскую страну покорил скинотворец. Поставляемый среди языческих мудрецов в образец и превозносимый Платон три раза приходил в Сицилию с своими пышными словами и блистательною славою и не только не преодолел и одного тирана, но так несчастно окончил свое дело, что потерял даже и самую свободу. А этот скинотворец обошел не одну Сицилию или Италию, а целую вселенную, и во время проповеди не оставлял ремесла, но и тогда сшивал кожи и управлял мастерскою. И это нисколько не соблазняло знаменитых римлян, – как и вполне естественно. Учителей обыкновенно делают презренными не ремесла и занятия, но ложь и вымышленные учения. Потому, конечно, их впоследствии осмеивали и афиняне; а Павла со вниманием слушали и варвары, и невежественные, и необразованные. Ведь проповедь предлагается для всех вообще; она не знает ни различия в достоинстве, ни преимущества народа и ничего тому подобного. Она требует одной веры, а не рассудочных доказательств. Потому она особенно и достойна удивления, что не только полезна и спасительна, но и удобна, весьма легка и для всех доступна. В этом преимущественно и заключается действие Промысла Божия, что Бог предлагает дары Свои всем без различия. Как Он распорядился солнцем, луною, сушею, морем и тому подобным, не уделив большей их доли богатым и мудрым, а меньшей бедным, но предоставив всем пользоваться в равной мере, – так Он устроил и с проповедью, и даже гораздо в большей степени, насколько проповедь необходимее всего

указанного выше. Потому и Павел неоднократно повторяет: «всем народам» (Рим.14:25). Потом апостол, показывая римлянам, что он никакой милости им не делает, но исполняет повеление Господа, и научая их воздать благодарение Богу всяческих, говорит:

[26] Рим.1:14. Еллином же и варваром, мудрым же и неразумным должен есмь.

[27] Он писал об этом и в послании к Коринфянам. А говорит он это, приписывая все Богу.

[28] Рим.1:15. Тако есть, еже по моему усердию и вам сущим в Риме благовестити.

[29] О, благородная душа! Принявши на себя дело, исполненное столь многих опасностей, – морское путешествие, искушения, наветы, нападения (а намеревающемуся проповедовать в таком городе, где владычествовало нечестие, естественно было потерпеть бури искушений; действительно, апостол и жизнь окончил в этом городе, где был обезглавлен тогдашним властителем), – Павел, однако, ожидая перенести столь много бедствий, не сделался вследствие этого более нерешительным, но спешил, скорбел и был исполнен усердия. Потому и говорит: «тако есть, еже по моему усердию и вам сущим в Риме благовестити.»

[30] Рим.1:16. Не стыжуся бо благовествованием.

[31] Что ты говоришь, Павел? Тогда как надлежало бы сказать: хвалюсь, величаюсь, превозношусь, ты не говоришь этого, но нечто меньшее, именно, что ты не стыдишься, как мы обыкновенно отзываемся о чем-нибудь не очень важном. Итак, что значат эти слова? Почему апостол так выражается, хотя благовествованием дорожил больше, чем небом? Так, в послании к Галатам

он говорил: «мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал 6.14). Почему же здесь не говорит: хвалюсь, но сказал: «не стыжуся?» Римляне были слишком преданы мирским занятиям вследствие своего богатства, власти, побед и ради собственных царей, которых они считали равными богам, даже так и называли их, и поэтому угождали им храмами, жертвенниками и жертвами. Так как они были весьма надменны, а Павел должен был проповедовать Иисуса, называемого сыном плотника, воспитывавшегося в Иудее, в доме незнатной женщины, не имевшего при Себе оруженосцев, не окруженного богатством, но умершего вместе с злодеями, как преступник, и претерпевшего много и другого бесславного, то римлянам, которые еще не знали неизреченных и великих тайн, естественно было всего этого стыдиться. Потому апостол и говорит: «не стыжуся», научая и их пока не стыдиться, так как знал, что как только они усовершенствуются в этом, скоро пойдут дальше и будут хвалиться. Потому и ты, услышавши вопрос: «поклоняешься ли ты Распятому?» – не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся и со смелым взором, с открытым челом подтверди свое исповедание. И если опять спросят: «неужели ты поклоняешься Распятому?» – опять отвечай: да, и не прелюбодею, не отцеубийце, не детоубийце (а таковы у язычников все боги), но крестом победившему демонов и уничтожившему тысячи их чародейств. Крест для нас есть дело неизреченного человеколюбия, символ великого попечения. Затем, так как они (языческие философы), будучи проникнуты внешнею мудростью, сильно этим гордятся и хвалятся своим витийством, то я, говорит о себе Павел, навсегда отказавшись от

рассудочных доказательств, иду проповедовать крест и не стыжусь этого.

32 Сила бо Божия есть во спасение.

33 А так как эта сила Божия бывает и в наказание (ведь, когда Бог наказал египтян, то сказал: сия есть сила моя великая), и в погибель [как и сказано: «убойтеся... могущаго и душу и тело погубити в геенне» (Мф 10.28)], то апостол, вследствие этого, и говорит: иду к вам не с такою силою, несу не казни и мщение, но то, что служит ко спасению. Как же так? Разве евангелие не возвещало и о наказании – о геенне, о тьме внешней, о черве ядовитом? Ведь мы узнали об этом не из какого-либо другого источника, но из евангелия. Как же апостол говорит о нем: «сила Божия во спасение»? Но выслушай и следующее:

34 всякому верующему, Иудеови же прежде и Еллину.

35 Не просто всем, но принимающим. Хотя бы ты был эллин и прошел всю порочность, хотя бы ты был скиф или варвар, даже настоящий зверь, хотя бы ты был исполнен всякого неразумия, обременен тяжестью бесчисленных грехов, но одновременно с тем, как принял слово крестное и крестился, ты загладил – все это. Почему же апостол говорит здесь: «Иудеови же прежде и Еллину?» Что означает это различие? Ведь он сам много раз говорил, что обрезание есть что, ни необрезание: как же теперь разделяет, ставя иудея выше эллина? Что это значит? Конечно, не то, что первый больше получает благодати потому только, что он первый, так как тот же самый дар дается и иудею и язычнику; но слово «прежде» употреблено только для обозначения порядка. Иудей не имеет преимущества получить оправдание в большей

степени, а только удостоен получить его прежде. Так и просвещаемые (вы, посвященные в таинства, знаете, о чем я говорю) все приступают ко крещению, но не все в одно время, а один бывает первым, другой вторым; но, конечно, первый получает не больше второго, а второй не больше следующего за ним, но всем подается одно и то же. Итак, словом «прежде» здесь выражается первенство в порядке речи, а не какое-либо преимущество в благодати. Далее апостол, сказав: «во спасение», опять возвеличивает дар, показывая, что он не ограничивается настоящим, но простирается и в будущее. Это он выразил словами:

[36] Рим.1:17. правда бо Божия в нем является от веры в веру, якоже есть писано: праведный же от веры жив будет.

[37] Итак, сделавшийся праведным «будет… жив» не в настоящей только жизни, но и в будущей. Но не это только здесь подразумевает апостол, а и другое вместе с этим, именно – блеск и славу таковой жизни (праведника). Так как возможно спастись и со стыдом для себя (как, например, спасаются многие из освобождаемых от наказания по царской милости), то, чтобы ты, услышав о спасении, не стал предполагать того же, апостол и прибавил – «о правде», и правде не твоей, но Божией, намекая при этом на её обилие и доступность. Не трудами и потом ты заслуживаешь ее, а получаешь даром свыше, принося с своей стороны только одно – веру. Потом, так как казалось невероятным учение о том, что прелюбодей, сластолюбец. гробокопатель и чародей вдруг не только освобождаются от наказания, но становятся праведными и оправдываются правдою свыше, то апостол подтверждает эту мысль ветхим заветом. И прежде всего

в кратком изречении он открывает беспредельное море событий для способного обнять его взором. Сказавши: «от веры в веру», апостол обратил внимание слушателя на ветхозаветное домостроительство Божие, которое он с великою мудростью изображает в послании к Евреям, и показывает, что тогда таким же образом оправдывались и праведники и грешники, вследствие чего и упомянул как о Раави, так и об Аврааме. А здесь, только намекнув на то же самое (так как спешил перейти скорее к другому рассуждению), апостол опять подтверждает свою мысль пророками и выводит на средину Аввакума, который взывает и говорит, что желающему жить не иначе возможно быть живым, как чрез веру. Беседуя о будущей жизни, он говорит: «праведник... от веры жив будет» (Авв 2.4). Так как то, что дарует Бог, превосходит всякую мысль, то вера по справедливости для нас необходима. «Презóрливый же и обидливый муж и величавый ничесóже скончает» (Авв 2.5). Пусть еретики услышат этот духовный голос. Они должны понять, что природа рассудочных доводов подобна лабиринту и грифам, нигде не имеет никакого конца, не позволяет мысли утвердиться на основании и ведет начало от кичливости. Ведь те, которые стыдятся допустить веру и показать, что они не знают небесного, ввергают себя в прах бесчисленных помыслов. Но, жалкий и бедный человек, достойный непрестанных слез, ведь если кто-нибудь спросит тебя: «как произошло небо или земля»? даже – что уже говорить о небе и земле – если спросят только тебя: «как сам ты родился, как воспитан и вырос»? – ты, конечно, не стыдишься своего незнания; а когда бывает речь о Единородном, то ты, считая недостойным себя не знать всего, неужели вследствие стыда ввергнешь себя в

бездну погибели? Но ведь любовь к спору и безвременное любопытство есть дело недостойное.

38 И зачем мне говорит о догматах? От самой поврежденности настоящей жизни мы освободились не иначе, как чрез веру. Верою просияли все доселе жившие, Авраам, Исаак, Иаков; верою спаслась блудница, как в ветхом, так и в новом завете. Ведь сказано: «верою Раав блудница не погибе с сопротивльшимися, приимши *соглядатели*.» (Евр 11.31). Она не стала разсуждать: как эти пленники, беглецы и изгнанники, ведущие кочевую жизнь, могут овладеть нашим городом, который защищен стенами и богинями? Если бы она стала так размышлять, то погубила бы и себя и их, как действительно и погибли предшественники спасенных Раавью. Те, увидев людей великорослых и сильных, стали изыскивать средства, как победить их, и все погибли без войны и сражения. Видишь ли, какова бездна неверия и какова стена веры? Неверие довело до погибели бесчисленное множество людей, а вера не только спасла жену блудницу, но и сделала ее покровительницею столь великого народа.

39 Итак, зная это и другое большее, никогда не будем испытывать Бога относительно причины событий, но без исследования и излишней пытливости станем принимать все, что бы Он ни повелел, хотя бы Его повеление и казалось несообразным с точки зрения человеческих размышлений. Скажи мне, в самом деле, что может представляться более несообразным, как то, чтобы сам отец умертвил единственного и возлюбленного своего сына? Однако ж праведник, получив такое приказание, не стал рассуждать об этом, а принял повеление только по достоинству приказавшего и повиновался. Но другой, получив от Бога повеление бить пророка и считая его

несообразным, задумался над этим делом, а не просто послушался, и за это был наказан смертно, а бивший угодил Богу (3Цар 20.35). И Саул, против воли Божией спасший жизнь людям, был низложен с престола и подвергся жестокому наказанию. Можно найти и многие другие примеры, которые все научают нас никогда не изведывать причины повелений Божиих, а только не противиться и повиноваться им. Если же опасно любопытствовать относительно того, что Бог повелел, и если испытующих ожидает крайнее наказание, то какое оправдание некогда будут иметь те, которые судят о предметах более непостижимых и страшных, например: каким образом Отец родил Сына? Какова Его сущность? Итак, зная это, со всем благоволением примем матерь всех благ – веру, чтобы нам, как плывущим в спокойной гавани, соблюсти правильное учение и, направляя жизнь свою со всею безопасностью, достигнуть и благ вечных, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение во веки веков. Аминь.

Беседа 3

[1] Рим 1.18. Открывается бо гнев Божий с небесе на всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде.

[2] Заметь благоразумие Павла, как он, начавши с более приятного, обращает речь к более страшному. Сказавши, что Евангелие есть причина спасения и жизни, сила Божия, что оно способно совершить спасение и оправдание, он говорит теперь то, что может устрашить даже невнимательных. Обыкновенно большая часть людей привлекается к добродетели не столько обещанием благ, сколько страхом скорбей; но апостол склоняет римлян и тем, и другим. Так и Бог не только обещает царство, но и угрожает геенною; и пророки таким же образом проповедовали иудеям, всегда присоединяя к благам и наказания. По той же причине и Павел разнообразит речь, и не без основания, но сперва предлагает приятное, а потом печальное, показывая, что первое есть дело предваряющей воли Божией, а последнее зависит от порочной жизни нерадивых. Так и пророк прежде упоминает о благах, говоря: «аще хощете и послушаете мене, благая земли снесте: аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы пояст» (Ис 1.19–20). В таком же порядке и Павел располагает здесь свою речь. Смотри, говорит он, Христос пришел и принес прощение, оправдание и жизнь, но дарует это не просто, а при посредстве креста. Но самое важное и удивительное здесь не то, что Он только даровал нам это, но то, что Он так много пострадал. Потому, если вы надменно поступите с дарами, то подвергнетесь бедствиям. И заметь, как апостол возвышает речь: «открывается бо, –

говорит он, – гнев Божий с небесе». Откуда это видно? Если такой вопрос предложит верующий, то мы представим ему изречение Христа; а если бы спросил неверный и эллин, то сам Павел заграждает ему уста тем, что говорит впоследствии о суде Божием, приводя непререкаемое доказательство из событий, совершившихся с язычниками. И что всего удивительнее, – апостол доказывает, что противящиеся истине сами подтверждают учение истины тем, что делают и говорят каждый день. Но об этом скажем после, а теперь займемся настоящим предметом.

3 «Открывается бо гнев Божий с небесе». Конечно, и в настоящей жизни часто это бывает, например (гнев Божий открывается) в голоде, язвах и войнах, когда наказывается или каждый в отдельности, или все вместе. Что же тогда произойдет чрезвычайного? То, что наказание будет большее, общее и другого рода; ведь то, что бывает ныне, служит к исправлению, а то, что случится тогда, будет наказанием. Указывая именно на это, Павел и сказал, что ныне «наказуемся, да не с миром осудимся» (1Кор 11.32). Ныне многим кажется, что многое совершается не вследствие гнева свыше, но по причине человеческой неприязни, но тогда, когда Судия, сидя на страшном престоле, повелит одних ввергнуть в пещь, других – в тьму внешнюю, а иных осудит на другие неизбежные и нестерпимые муки, тогда будет ясно, что наказание от Бога. И ради чего апостол не сказал так ясно, что, например, Сын Божий придет с тьмами ангелов и потребует отчета у каждого, но говорит: «открывается… гнев Божий?» Слушатели были еще из новообращенных, потому апостол сначала привлекает их тем, что они и сами признавали. Притом, мне кажется, что это было обращено к язычникам; вследствие этого апостол

начинает с общих понятий, а после ведет речь и о суде Христовом.

4 «За всякое нечестие и неправду человеков, содержащих истину в неправде». Здесь апостол показывает, что пути нечестия многочисленны, а путь истины один, так как заблуждение есть нечто разнообразное, многовидное и смешанное, а истина одна. Сказав об учении, апостол говорит и о жизни, упомянув о неправде людей. И неправда бывает разная: одна касается имущества, когда кто-нибудь обижает в этом своего ближнего, другая – жен, – когда кто-нибудь, оставив свою жену, расторгает брак другого. Павел называет это лихоимством, говоря: «еже не преступати и лихоимствовати в вещи брата своего» (1Фес 4.6). Иные опять, вместо жены и имения, похищают честь ближняго; и это также неправда, ибо «лучше имя доброе, не́же богатство много» (Притч 22.1). Хотя некоторые утверждают, что у Павла это сказано об учении, но однако нет препятствия относить его слова и к тому, и другому (т.е. и к учению, и к жизни). А что значит – «содержащих истину в неправде», узнай из последующего.

5 Рим.1:19. «Зане, *еже возможно разумети о Бозе*, яве есть в них, Бог бо явил есть им.

6 Но язычники эту славу приписали деревьям и камням.

7 Подобно как тот, кому была вверена царская казна и приказано истратить ее для славы царя, а он издерживает ее на злодеев, блудниц и чародеев, пышно содержа их на царские деньги, наказывается, как весьма тяжко оскорбивший царя, – так и язычники, получивши ведение о Боге и славе Его, а потом приписавши его идолам, «содержали истину в неправде» (Рим.1:18), и, по

собственной вине, оскорбили знание, воспользовавшись им не так, как следовало. Теперь ясны ли для вас слова апостола, или нужно еще пояснить их? Может быть, необходимо опять повторить. Так, что же значит сказанное апостолом? Бог ведение о Себе вложил людям с самого начала; но язычники, приложив свое знание о Боге к деревьям и камням, оскорбили истину, по собственной вине, так как сама истина пребывает неизменною и имеет славу непоколебимую. А из чего видно, Павел, что Бог и язычникам дал это знание? Из того, отвечает апостол, что «еже возможно разумети о Бозе*, яви есть в них*» . Но это – изъяснение, а не доказательство. Ты же докажи мне и убеди, что знание о Боге открыто было язычникам, но они самовольно уклонились от него. Как же оно было им открыто? Разве им голос раздался с неба? Нет, но Бог сделал то, что больше голоса могло привлечь их внимание, именно – Он поставил пред ними свое творение, которое, при посредстве одного созерцания красоты всего видимого, научало и мудреца, и необразованного, и скифа, и варвара возноситься мыслию к Богу. Потому апостол говорит:

[8] Рим.1:20. невидимая бо Его от создания мира творенми помышляема видима суть.

[9] То же подтверждает и пророк: «небеса поведают славу Божию» (Пс 18.1–2). Что скажут язычники в день суда? Мы не знали Тебя? Но разве вы не слышали голоса неба, воспринимаемого взором, и стройной во всем гармонии, звучащей громогласнее трубы? Разве вы не заметили законов дня и ночи, всегда остающихся неизменными, твердого и непоколебимого порядка зимы, весны и остальных времен года, величия моря во время великой бури и среди волнений? Неужели вы не заметили, что все

пребывает в порядке и своею красотою и величием возвещает Творца? Это самое и даже больше этого Павел выразил в следующих словах: невидимая бо Его от создания мира творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти им безответным (Рим.1:20).

10 Конечно, не для этого Бог сотворил мир, хотя это и случилось. Он предложил людям этот урок не для того, чтобы лишить их оправдания, но для того, чтобы они познали Его; оказавшись же неблагодарными, люди сами лишили себя всякой защиты. Затем, показывая, каким образом язычники оказались лишенными оправдания, апостол говорит:

11 Рим.1:21. занеже разумевше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша.

12 Весьма велико и одно это прегрешение, но вторая их вина состояла в том, что они поклонялись идолам, что осуждал еще Иеремия, говоря: «два... зла сотвориша людие сии: мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенныя» (Иер 2.13). Далее доказательством того, что язычники знали Бога и не воспользовались этим знанием, как должно, апостол выставляет то, что они признавали многих богов, почему и прибавил: «занеже разумевше Бога, не яко Бога прославиша». Он указывает и причину, вследствие которой они впали в такое безумие. Какая же это причина? Та, что они во всем положились на свои помышления. Впрочем, апостол не так сказал, а гораздо выразительнее.

13 Осуетишася помышлении сво́ими, и омрачися неразумное их сердце.

[14] Подобно тому,. как если кто-нибудь в безлунную ночь решается идти неизвестною дорогою, или плыть по морю, тот не только не достигает цели, но скоро погибает, так и язычник решившись идти путем ведущим к небу, лишили самих себя света, а затем, предавшись, взамен света, тьме умствований, стали искать безтелесного в телах и неописуемого в образах, и таким образом подверглись ужаснейшему крушению. Кроме указанной причины их заблуждения, Павел приводит и другую:

[15] Рим.1:22. глаголющеся быти мудри обюроде́ша.

[16] Много о себе думая и не пожелавши идти путем, какой предписан им Богом, они погрязли в помыслах неразумия. Затем, указывая и изображая гибель язычников, насколько она была ужасна и лишена всякого оправдания, апостол говорит:

[17] Рим.1:23. и измениша славу нетленнаго Бога в подобие образа тленна человека и птиц и четвероног и гад.

[18] Первая вина язычников в том, что они не нашли Бога; вторая – в том, что не нашли, имея к тому большие и очевидные основания; третья – в том, что называли себя мудрыми; четвертая – в том, что не только не нашли, но и почитание, принадлежащее Богу, воздали демонам, камням и деревьям. В послании к Коринфянам Павел также обличает высокомерие. язычников, но иначе чем здесь. Там он поражает их крестом, говоря: «зане буее Божие премудрее человек есть» (1Кор 1.25); а здесь он без всякого сравнения осмеивает языческую мудрость, доказывая, что она сама по себе есть глупость и одно обнаружение высокомерия. А чтобы ты знал, что язычники имели знание о Боге, но сами погубили его, Павел сказал: «измениша», так как изменяющий

что-нибудь изменяет с тою целью, чтобы иметь нечто другое. Язычники хотели найти нечто большее, но так как были любителями нововведений, то и не удержались в данных пределах, а потому лишились и прежнего. В этом и состояла вся эллинская мудрость. Потому они и восставали друг против друга, Аристотель восставал на Платона, стоики вооружались на Аристотеля и вообще один был противником другого, так что не удивляться им нужно за их мудрость, а отвращаться и ненавидеть, потому что вследствие этого самого они и сделались неразумными. Если бы они не предались размышлениям, доказательствам и софизмам, то не потерпели бы того, что потерпели. Далее, продолжая обвинение, апостол осмеивает и все идолослужение язычников. Если вообще изменение славы Божией смешно, то изменение в такой большой степени – вне всякого оправдания. Размысли же, кому изменили язычники и чему воздали славу. О Боге надлежало думать, что Он Господь всего, что Он сотворил несущее, что Он обо всем промышляет и печется. В этом состоит слава Божия. К кому же приложили ее язычники? Не к людям, но к «подобию образа тленна человека». Даже на этом не остановились, но снизошли до животных, а лучше сказать, до изображений их. И ты заметь мудрость Павла, как он представил две крайности: Бога, Который выше всего, и пресмыкающихся, которые ниже всего, или, лучше сказать, не пресмыкающихся, но подобия их, чтобы ясно показать несомненное безумие язычников. Познание, какое надлежало иметь о Существе, несравненно все превосходящем, они приложили к тому, что без сравнения ниже всего. Но, скажет кто-нибудь, имеет ли это отношение к философам? Да, к ним преимущественно и относится все сказанное. Они имеют учителями египтян, которые изобрели это.

Гордится этим и Платон, который и представлялся более почтенным, чем другие; и учитель его был привержен к тем же идолам, так как он, именно, приказал принести петуха в жертву Эскулапу. В язычестве можно было видеть изображения животных и пресмыкающихся, а также Аполлона и Диониса, почитаемых вместе с пресмыкающимися. А некоторые философы даже возвели на небо тельцов, скорпионов, драконов и всякую другую суету, так как диавол всеми мерами старался низвести людей до подобия пресмыкающихся и самым неразумным из всех тварям подчинить тех, которых Бог хотел возвести превыше неба. Не отсюда только, но и из другого можно видеть, что глава философов (Платон) виновен в указанном выше. Когда он сличает поэтов и говорит, что им нужно верить в их учении о Боге, так как они имеют точное знание, то в доказательство он представляет не более, как собрание басен, и утверждает, что смешные эти вымыслы нужно признавать истинными.

[19] Рим.1:24. Темже и предадé их Бог в похотех сердец их в нечистоту, во еже сквернитися телесем их в себе самех.

[20] Здесь апостол показывает, что нечестие было причиною нарушения законов. А слово – «предадé» здесь означает – попустил. Подобно тому как предводитель войска, оставив его и удалившись во время жаркого боя, предает воинов врагам, не чрез содействие свое, но тем, что лишает. своей помощи, так и Бог, исполнив со Своей стороны все, оставил тех, которые не хотели принять Его повелений и первые от Него удалились. И рассуди: Бог предложил людям вместо учения мир, дал им разум и рассудок, способный понимать то, что должно. Но они ничем из этого не воспользовались для своего спасения и даже извратили то, что получили. Итак, что же

надлежало делать? Неужели привлекать их силою и по неволе? Но это не значит делать их добродетельными. Оставалось предоставить их самим себе, что Бог и сделал, чтобы люди, посредством личного опыта узнавши все то, к чему они так сильно стремились, сами наконец бежали от позора. Ведь если какой-либо царский сын, к бесчестью отца, пожелает быть с ворами, убийцами и грабителями гробниц и общество таких людей предпочтет отцовскому дому, то отец, конечно, оставит его, чтобы собственным опытом он мог убедиться в безмерном своем неразумии.

21 Но почему апостол не упомянул ни об одном ином грехе, например, об убийстве, любостяжании и других подобных, но упоминает только о невоздержании? Мне кажется, что он имеет в виду современных ему слушателей и тех, которые должны были получить его послание. «В нечистоту, во еже сквернитися телесем их в себе самех». Заметь, какое выразительное изречение. Язычники, говорит Павел, не имели нужды в других оскорбителях, но сами себе делали то, что им могли бы причинять враги. Потом, возвращаясь опять к причине, апостол говорит:

22 Рим.1:25. иже премениша истину Божию во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца.

23 Что особенно было смешно в язычестве, то апостол перечисляет по видам, а что представляется достойнее прочего, о том он говорит вообще, но посредством того и другого доказывает, что язычество есть служение твари. И заметь, как он выразил свою мысль. Не сказал просто: «послужиша твари», но прибавил: «паче Творца»; такою прибавкою он увеличивает вину язычников и лишает их всякого извинения.

24 «Иже есть благословен во веки, аминь.

25 Но это нисколько не повредило славе Божией, говорит Павел, потому что Бог благословен во веки. Здесь апостол показывает, что Бог оставил язычников не потому, что мстил за Себя, так как Он ничего от этого не потерпел. Если язычники и оскорбляли Его, то Он не оскорблялся, слава Его не умалилась, но Он всегда пребывает благословен. Если и любомудрый человек часто может совсем не чувствовать оскорбления, то тем более Бог, Существо бессмертное и неизменяемое, слава непреходящая и неподвижная. Ведь и люди уподобляются Богу в этом отношении тогда, когда они нисколько не чувствуют обиды от тех, которые желают вредить им, когда они не оскорбляются наносимыми им обидами, не чувствуют ударов, когда их бьют, и насмешек, когда другие смеются Над ними. Но возможно ли это? – спросит кто-нибудь. Возможно, даже весьма возможно всякий раз, как ты не скорбишь по поводу случившегося. И как возможно, спросят, не скорбеть? А я спрашиваю: как можно скорбеть? Скажи мне? если бы тебя оскорбило собственное твое дитя, то неужели ты эту обиду счел бы за действительную обиду? Неужели ты стал бы скорбеть? Нет. А если бы ты стал обижаться, то не смешон ли ты тогда будешь? Будем и мы таким же образом относиться к ближнему, и тогда не потерпим ничего неприятного (ведь обижающие другого неразумнее детей); не будем требовать, чтобы нас не обижали, но, будучи обижены, перенесем обиду великодушно, так как в этом и состоит истинная честь. Почему же так? А потому, что в этом ты господин, а в том – другой. Разве ты видел, чтобы пораженный адамант сам ударил? Такова, ответишь ты, его природа. Но ведь и тебе, по доброй твоей воле, возможно сделаться таковым, каков он по природе. Что

же? Разве ты не знаешь, что отроки не опалились в пещи, а Даниил во рве не потерпел никакого зла? И. ныне это может случиться. И нас окружают львы, гнев и похоть, имеющие опасные зубы и растерзывающие всякого подвергшегося (их нападению). Будь же таким, как Даниил, и не позволяй этим страстям впиваться зубами тебе в душу. Но, скажешь, Даниилу во всем помогала благодать. Правда, но помогала потому, что ей предшествовала собственная его воля. Таким образом, если и мы пожелаем сделаться подобными ему, то благодать и ныне готова помогать. Как ни голодны звери, они не прикоснутся к твоему ребру. Если они устыдились тогда, когда увидели тело раба, то неужели не усмирятся теперь, когда увидят члены Христовы (а таковы мы – верующие)? Если же не усмиряются, то, конечно, по вине вверженных. Действительно, многие доставляют этим львам обильную пищу тем, что содержат блудниц, нарушают браки, мстят врагам, – поэтому и растерзываются прежде, чем достигнут дна (рва). Но не то случилось с Даниилом, не то будет и с нами, если мы пожелаем, а совершится нечто больше того, что было прежде с Даниилом.

26 Тогда львы не сделали вреда, а нам, если мы будем бодрствовать, обижающие принесут и пользу. Так, Павел сделался знаменитым от оскорбителей и злоумышленников, а Иов – вследствие многих болезней и ран, Иеремия – из-за грязного рва, Ной – вследствие потопа, Авель – вследствие злоумышления, Моисей – по вине жаждавших крови иудеев; так и Елисей, так и каждый из великих тех мужей – все они получили блестящие венцы не за безмятежную и роскошную жизнь, но за скорби и искушения. Потому и Христос, ведая об этом способе прославления, говорил ученикам: «в мире

скорбни будете: но дерзайте, [яко] Аз победих мир» (Ин 16.33). Так что же, спросят: разве не многие также пали под тяжестию зол? Пали, но не от свойства искушений, а от собственного нерадения. Но Тот, Кто творит «со искушением и избытие, яко возмощи… понести» (1Кор 10.13), сам да поможет всем нам и да прострет руку, чтобы мы, торжественно прославленные, достигли вечных венцов, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 4

[1] Рим 1.26–27. Сего ради предаде́ их Бог в страсти безчестия: и жены бо их измениша естественную подобу в презъестественную. Такожде и мужие, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотию своею друг на друга.

[2] Итак, все страсти безчестны, но особенно безчестна безумная любовь к мужчинам, потому что душа страдает и унижается в этих грехах более, чем тело в болезнях. Смотри же, как апостол и здесь лишает язычников прощения, сказавши о женщинах подобно тому, как и об учении: «измениша естественную подобу». Никто не может, сказать, говорит он, что они дошли до этого, будучи лишены обыкновенного способа соития, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своей похоти, так как изменять возможно только то, что имеют, как апостол и сказал в речи об учении: «премениша истину Божию во лжу» (Рим.1:25). Тоже самое опять, но несколько иначе, апостол сказал и о мужчинах: «оставльше естественную подобу женска пола». И у женщин, и у мужчин он равно отнимает возможность извинения, обвиняя их не только в том, что они имели наслаждение и, оставив то, что имели, обратились к иному, но и в том, что, презрев способ естественный, прибегли к противоестественному. Но противоестественное и более неудобно, и более неприятно, так что не может быть и названо удовольствием. Ведь истинное удовольствие сообразно с природою, а когда Бог оставляет, тогда все приходит в беспорядок. Вследствие этого у язычников не только учение было сатанинское, но и жизнь дьявольская. И

когда апостол беседовал об учении, то он указал на мир и человеческий разум, сказавши, что люди силою разумения, данного от Бога, и при посредстве всего видимого могли возвыситься до Творца, но не захотели этого и остались без оправдания. А здесь, вместо мира, он указал на удовольствие, сообразное с природою, которым они могли наслаждаться с большею свободою и с большею приятностью, освободившись от стыда. Но язычники не захотели этого и, оскорбивши самое естество, оказались вне всякого извинения. Бесчестнее же всего то, что и женщины стремятся к таким смешениям, которых им следовало бы стыдиться более мужчин. И здесь достойно удивления благоразумие Павла, как он, нападая на два противоположные дела, со всею точностью достиг своей цели. Ведь он хотел и выразиться благопристойно, и уязвить слушателя, но то и другое было невозможно: одно препятствовало другому. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателя; а чтобы сильнее поразить его, необходимо было представить дело яснее во всей его наготе. Но разумная и святая душа Павла с точностью преодолела то и другое, усилив обвинение наименованием естества и воспользовавшись этим словом как бы некоторым покровом для благопристойности речи.

3 Итак, коснувшись сперва женщине, апостол обращает потом речь к мужчинам: «такожде и мужие, оставльше естественную подобу женска пола». Является доказательством крайней порчи то, когда развращены тот и другой пол, когда мужчина, поставленный быть наставником жены, и женщина, которой поведено быть помощницею мужа, поступают друг с другом, как враги. Заметь же, какие сильные выражения употребляет апостол. Не сказал, что они питали взаимную любовь и вожделение, но – «разжегошася похотию своею друг на

друга». Замечаешь ли, что все произошло от преизбытка вожделения, которое не в силах оказалось остаться в собственных своих пределах? Все, преступающее законы, установленные Богом, питает вожделение к необычному и незаконному. Подобно тому, как многие, потерявши позыв к обыкновенной пище, нередко едят землю и мелкие камни, а другие, томясь сильною жаждою, часто пьют и грязную воду, – так и язычники вскипели этою противозаконною любовью. И если ты спросишь: откуда такая напряженность страсти? – отвечаю: оттого, что они были оставлены Богом. А отчего произошло это Божие оставление? От беззакония оставивших Бога.

4 Му́жи на муже́х студ содевающе.

5 Ты, услышавши (говорит апостол) о том, что они (язычники) разжигались, не подумай, что у них была одна только болезнь вожделения: все зависит преимущественно от безпечности, которая и разжигала страсти. Потому он не сказал – соблазнившись, или – впавши (Гал 6.1), как выразился в другом месте, а как выразился? «Содевающе». Они считали грех занятием не простым, но таким, которое совершали с ревностию. Не сказал также – вожделение, но – «студ» по преимуществу, потому что они посрамили естество и попрали законы. Смотри, какое большое замешательство произошло с той и другой стороны. Не только голова стала внизу, но и ноги вверху; люди сделались врагами себе самим и друг другу, так как открыли какую-то жестокую брань, которая беззаконнее всякого междуусобия, – брань многоразличную и разнообразную. Они разделили ее на четыре вида, все суетные и преступные, так что эта борьба у них была не двойная и тройная, но в четырех видах. Рассуди сам. Двоим, разумею жену и мужа,

надлежало составлять одно, как сказано: «будета два в плоть едину» (Быт 2.24). А это вызывалось желанием общения, которое и соединяло оба пола друг с другом. Диавол, истребив эту взаимную склонность и давши ей иное направление, таким образом разделил между собою полы и, вопреки закону Божию, из одного целого сделал две части. Ведь Бог сказал: «будета два в плоть едину», но дьявол единую плоть разделил на две. Вот первая брань. Опять, каждая из этих двух частей стала враждовать как сама с собою, так и друг против друга, потому что женщины стали наносить поругание не только мужчинам, но и женщинам, а мужчины восставали друг на друга и против женского пола, как обыкновенно и бывает в какой-нибудь ночной битве. Видишь ли вторую и третью брань, четвертую и пятую? Но есть еще и иная: кроме сказанного, они восстали и на самую природу. Так как дьявол видел, что самое вожделение больше всего соединяет полы, то и постарался разорвать этот союз, чтобы уничтожить человеческий род не только противозаконным расточением семени, но и взаимною борьбою и восстаниями.

6 И возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприемлюще.

7 Смотри, как апостол опять переходит к источнику зла – нечестивому учению, и говорит, что «студ» был воздаянием за это беззаконие. Итак как, говоря о геенне и наказании, апостол для людей нечестивых, избравших такую жизнь, показался бы не заслуживающим доверия и даже смешным, то он разъясняет, что в самом этом удовольствии заключается наказание. И не удивляйся тому, что они не чувствуют этого, но испытывают наслаждение: ведь и безумные и одержимые болезнью

умопомешательства, много мучая самих себя и находясь в жалком положении, однако смеются и радуются своим делам, по поводу которых другие о них плачут. Но, мы не говорим, что вследствие этого они освобождены от наказания, напротив, потому самому они и находятся в ужаснейшем мучении, что сами не сознают своего положения. Не больным нужно судить о положении дел, а здоровым. Известно, что в древности такое дело считалось даже законным, а один языческий законодатель запретил рабам натирать себя маслом до суха и мужеложствовать, предоставив только свободным такое преимущество, а лучше сказать – такое студодеяние. И, вообще, язычники не считали это дело бесстыдным, но, как нечто почетное и более высокое, чем состояние рабов, предоставляли его лишь свободным. Так думал мудрейший народ афинский и великий из афинян Солон. Можно найти много и других философских сочинений, зараженных тою же болезнью. Однако же, вследствие этого, мы не назовем такого дела законным, а, напротив, – признаем жалкими и достойными многих слез тех людей, которые приняли этот закон. Что делают блудницы, то же, а лучше сказать – более безобразное совершают и мужеложники. Смешение с блудницами хотя беззаконно, но естественно, а мужеложство и противозаконно, и противоестественно. Если бы не было геенны и не угрожало наказание, то это было бы хуже всякого наказания. Если же они наслаждаются, то это говорит лишь об усилении наказания. Если бы я увидел, что бежит нагой человек, вымаравший все свое тело грязью, и не только не стыдится, но и хвалится этим, то я не стал бы радоваться вместе с ним, но больше его рыдал бы о нем, потому что он не чувствует стыда своего. Но, чтобы яснее представить вам поругание, выслушайте от

меня и другой пример. Если бы кто-нибудь уличил девицу в том, что она в своей опочивальне имела смешение с неразумными животными, а она и после того стала бы услаждаться таким смешением, то недостойна ли была бы она слез, преимущественно вследствие того, что не могла избавиться от этой болезни по той причине, что не сознавала порока? Конечно, это всякому ясно. А если то беззаконие тяжко, то и это (мужеложство) – не менее того, так как терпеть поругание от своих прискорбнее, чем от чужих. Я утверждаю, что эти (мужеложники) хуже убийц, так как лучше умереть, чем жить после такого поругания. Убийца отторгает душу от тела, а этот губит и душу вместе с телом. Какой ни назови грех, ни один не будет равен этому беззаконию. И впадающие в него, если бы сознавали совершаемое, приняли бы бесчисленные смерти, чтобы только не подвергаться этому греху.

8 Ничего, ничего нет неразумнее и тяжелее такого поругания. Если Павел, рассуждая о блуде, сказал: «всяк... грех, егоже аще сотворит человек, кроме тела есть: а блудяй во свое тело согрешает» (1Кор 6.18), то что сказать об этом безумии, которое настолько хуже блуда, что нельзя и выразить? Не говорю, что ты только сделался женщиною, но более: ты погубил свое существование, как мужчина, ты ни в женское естество не изменился, ни того, какое имел, не сохранил, а сделался общим предателем того и другого естества и достоин изгнания и от мужчин и от женщин и побиения камнями, так как ты оскорбил тот и другой пол. Чтобы тебе понять, насколько велик этот грех, (представь следующее): если бы кто-нибудь, пришедши к тебе, объявил, что он сделает тебя из человека собакою, то ты не убежал ли бы от него, как от человека самого вредного? Но вот ты сделал самого себя из человека не собакою, а животным более

презренным, чем собака: она еще годна к чему-нибудь, а предавшийся распутству ни к чему негоден. И скажи мне, если бы кто-нибудь угрожал сделать так, чтобы мужчины носили и рождали детей, то разве. мы не исполнились бы гнева? Но вот теперь предающиеся такому неистовству поступают сами с собою гораздо хуже, так как не одно и тоже, во-первых, измениться в женскую природу и, во-вторых, оставаясь мужчиною, сделаться женщиною, а лучше сказать – ни тем, ни другим. Если же ты желаешь узнать чрезмерность зла и в другом отношении, то спроси, почему законодатели наказывают тех, которые делают других скопцами, и узнаешь, что ни за что иное, как именно за изувечение природы, хотя они и не наносят человеку такого поругания (какое наносится мужеложеством), потому что оскопленные и после оскопления во многих случаях бывают полезны.

9 Между тем нет ничего непотребнее мужчины, сделавшегося блудницей, потому что не только душа, но и тело допустившего такое поругание становится ничтожным и достойным изгнания отовсюду. Какие же геенны достаточны для таких! А если ты, слыша о геенне, смеешься и не веришь, то вспомни об огне содомском. Ведь мы видим, даже в настоящей жизни видим подобие геенны. Так как многие готовы были совсем не верить явившимся по воскресении и возвестившим, что и теперь существует огонь неугасимый, то Бог и вразумил их событиями настоящей жизни. Таково было сожжение Содома и истребление его огнем, о чем знают бывшие там и собственными глазами видевшие следы божественного наказания и небесных молний. Пойми же, как велик был грех, побудивший геенну явиться преждевременно, С другой стороны, так как многие презирали речи (о геенне), то Бог на деле показал им подобие её в

некотором новом виде. Дождь тот был необыкновенный, как и смешение содомлян было противоестественно; он затопил землю, как и похоть наводнила их души. Этот дождь был по своему действию противоположен дождю обыкновенному: он не только не возбудил утробу земли к произрастанию плодов, но и сделал ее неспособною к принятию семян. Таково было и смешение мужчин земли содомской, которое делало их тела более бесплодными. Что грязнее, что отвратительнее того мужчины, который стал блудницею? Какое неистовство, какое безумие! Откуда вторглась эта похоть, оскорбляющая человеческую природу, наподобие врагов, а лучше сказать, настолько ужаснее врагов, насколько душа превосходнее тела? О, вы бессмысленнейшие и бессловесных, бесстыднейшие и собак! И у тех никогда не бывает такого смешения, так как природа знает свои границы, а вы, срамя свою роль, сделали его бесчестнее существ неразумных. Итак, откуда произошло это зло? От роскошной жизни, от незнания Бога: всякий раз, как люди отвергают страх Божий, тогда оставляет их и всякое добро.

10 Итак, чтобы этого не было, будем иметь пред глазами истинный страх Божий. Ничто, ничто так не губит человека, как если сняться с этого якоря, а равно ничто так не спасает, как если всегда держаться на нем. Если мы, имея пред глазами человека, с меньшею решительностью приступаем ко грехам, а часто не делаем ничего неуместного, стыдясь более почтенных слуг, то рассуди, какою безопасностью мы будем пользоваться тогда, когда будем иметь пред глазами Бога. Ведь при таком нашем настроении, нигде на нападет на нас дьявол, потому что труд его был бы бесполезен. Когда же дьявол заметит, что мы блуждаем вне и бродим без узды, то он,

воспользовавшись нашим почином, наконец получит возможность и совсем разлучит нас от стада. И что переносят нерадивые из рабов, которые, оставив необходимые дела, из-за которых были посланы господами на рынок, без надобности и напрасно останавливаются с проходящими и тратят здесь свободное время, тому же подвергнемся и мы, когда отступим от заповедей Божиих. Вот стоим и мы, удивляясь богатству, красоте тела и остальному, что до нас не касается, как и те рабы смотрят на представления фокусников, а потом, пришедши поздно, терпят дома жестокие побои. А многие, следуя за другими, совершающими подобные непотребства, оставили даже путь, лежащий пред ними. Но не будем так делать, потому что мы посланы совершить многое из необходимого; если же мы, пренебрегши этим, остановимся и будем с удивлением смотреть на бесполезные предметы, то, понапрасну и тщетно истратив все свое время, и мы подвергнемся жестокому наказанию. Если же ты желаешь заняться, то есть у тебя то, на что ты должен с изумлением смотреть, чем можешь любоваться все свое время, что не смеха достойно, но удивления и многих похвал, а между тем, если станешь изумляться смешному, ты и сам сделаешься таковым и даже хуже смехотворца. Беги же скорее прочь, чтобы тебе не подвергнуться этому.

11 И скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе взоры твои? Кони ли, украшенные золотом, и слуги-варвары, или евнухи, дорогие одежды, А в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, беготня и волнение? Но неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели?

Они, одержимые сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски нищих, когда бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин, то в толпе льстецов и тунеядцев. Хотя они и в золото одеты, но особенно жалки потому, что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и вглядись, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше быть бедным, но жить добродетельно, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и, вследствие внутреннего богатства, не чувствует наружной бедности. А царь, наслаждаясь тем, что ему вовсе неприлично, наказывается в том, что в особенности ему должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью, преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели. Таким образом и здесь, и там мы насладимся многою радостью и достигнем обетованных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 5

[1] Рим 1.28. Якоже не искусиша имети Бога в разуме, предаде... их Бог в неискусен ум, творити неподобная.

[2] Чтобы не показалось, что апостол, ведя длинную речь о мужеложстве, намекает на римлян, он перешел, наконец, к грехам другого рода и во всей речи своей касается других лиц. И как всегда, беседуя с верующими о грехах и желая доказать, что их должно избегать, апостол приводит в пример язычников, говоря: «не в страсти похотней, якоже и язы́цы неведущии Бога», и далее: «не скорбите, якоже и прочии не имущии упования» (1Фес 4.5, 13), так и здесь он указывает на грехи язычников и лишает последних всякого оправдания, – говоря, что дерзновения их зависят не от неведения, но от склонности. Потому не сказал: так как не уразумели, но говорит: «якоже не искусиша имети Бога в разуме», показывая, что грехи их происходили преимущественно от развращенного рассудка и любви к словопрениям, а не случайного восприятия, – были грехами не плоти, как утверждают некоторые еретики, но ума и порочного желания, и что источник всех зол заключается именно здесь. Так как ум их сделался превратным, то все, наконец, пришло в беспорядок и смятение, когда руководитель оказался поврежденным.

[3] Рим.1:29. Исполненных всякия неправды,.. лукавства, лихоимания, злобы.

[4] Заметь, как речь постепенно усиливается; апостол называет их «исполненными», и притом «всякия неправды». Назвавши вообще порок, он потом переходит к видам его и к подверженным этим грехам, которых он с

выразительностью и называет «исполненными зависти, убийства», потому что убийство происходит от зависти, как это и показано на примерах Авеля и Иосифа. Потом, сказав «рвения, льсти, злонравия: шепотники́, клеветники́, богоме́рзки, досади́тели» (Рим.1:29–30) и поставив в числе преступлений и те, которые для многих кажутся безразличными, апостол опять усиливает обвинение, восходя к твердыне зол и присовокупляя: «го́рды». Согрешить и много думать о себе – хуже самого греха; потому апостол и коринфян обвиняет в том же самом, говоря: «и вы разгордестеся» (1Кор 5.2). Если тот, кто гордится добрым делом, обыкновенно этим все губит, то какого наказания достоин тот, кто делает это по поводу грехов? Такой человек, наконец, неспособен будет и раскаяться. Далее апостол говорит: «обретатели злых», показывая, что они не довольствовались сделанным уже злом, но изобретали и другое, что опять было свойственно людям, поступавшим намеренно и по собственному расположению, а не по увлечению и подражанию. Сказавши о пороке в частности и доказав, что язычники опять восстали и против самой природы; «родителем, – говорит апостол, – непокорны» (Рим.1:30), он восходит, наконец, к корню столь великой порчи, называя их «нелюбовными, непримиримыми» (Рим.1:31). И Христос указывает эту же причину порочности, когда говорит: «за умножение беззакония, изсякнет любы́» (Мф 24.12). Об этом говорит здесь и Павел: «непримирителны, нелюбовны, неклятвохранителны, немилостивны», – показывая, что они погубили самый дар природы. Мы имеем некоторое естественное расположение друга к другу, которое свойственно даже животным, как и сказано: «всяко животно любит подобное себе, и всяк человек искренно своего» (Сир 13.19). Но язычники

сделались свирепее зверей. Таким образом Павел изобразил нам здесь болезнь, распространившуюся во вселенной от порочных учений, и ясно доказал, что та и другая немощь происходит от собственного нерадения больных. Наконец апостол, как сделал и относительно учения, показывает, что язычники и здесь (в жизни) лишены извинения, потому и говорит:

[5] Рим.1:32. Нецыи же и оправдание Божие разумевше, яко таковая творящии достойни смерти суть, не точию сами творят, но и соизволяют творящим.

[6] Предположив два возражения, он предварительно разрешил здесь их оба. Может быть, ты скажешь, говорит он, что ты не знал, как должно тебе поступать. Хорошо; если и не знал, то виновен ты, оставивший Бога, дающего тебе знание. Но теперь мы, на основании многого, доказали, что ты знал и грешил добровольно. Но ты, скажешь, увлекался страстью? Зачем же содействуешь другим и хвалишь? «Не точию сами творят, – говорит апостол, – но и соизволяют творящим», Таким образом, чтобы обличить язычника, апостол прежде всего ставит на вид самый тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего. Итак, сказавши об этом предварительно, апостол в следующих словах опять еще сильнее уличает язычника, говоря так:

[7] Рим.2.1. сего ради безответственен еси, о человече всяк судяй: имже бо судом судиши друг друга, себе осуждаеши.

[8] Это он сказал, обращаясь к правителям, так как тот город (Рим) имел тогда у себя в руках власть над всею вселенною. Итак, апостол прежде всего говорит: всякий,

кто бы ты ни был, сам лишаешь себя оправдания, так как когда ты осуждаешь прелюбодея, а сам прелюбодействуешь, то хотя бы никто из людей и не осуждал тебя, но ты в приговоре о виновном выносишь определение и о себе самом.

[9] Рим.2:2. Вемы бо, яко суд Божий есть поистинне на творящих таковая.

[10] Чтобы кто-нибудь не сказал о себе, что он доселе избегал суда, апостол, устрашая его, говорит, что у Бога не так, как здесь. Здесь один наказывается, а другой, делающий тоже самое, избегает наказания. Но там – иначе. Таким образом, апостол говорит, что судья знает правду, но откуда знает – не прибавил, потому что было излишне. Ведь в рассуждении нечестия он указал то и другое – и то, что человек поступал нечестиво, зная о Боге, и то, что он знал о Нем из рассмотрения творения. Так как там не всем было ясно, то он сказал о причине, здесь же, когда стало всем известно, он проходит мимо. Когда же говорит – всяк «судяй» (Рим.2.1) обращает речь не к одним начальникам, но также к людям частным и подчиненным.

[11] Все люди, хотя бы не имели ни (судейского) престола, ни палачей, ни, палки, однако судят согрешающих, делая это в разговорах и общих беседах, а также судят и судом своей совести. Так, никто не осмелился бы сказать, что прелюбодей не заслуживает наказания. Но осуждают, говорит апостол, других, а не самих себя. Поэтому он сильно восстает на таковых, говоря:

[12] Рим.2:3. помышляеши ли же сие, о, человече, судяй таковая творящим и творя сам та́яжде, яко ты избежиши ли суда Божия.

13 Так как апостол, и на основании учения и на основании дел, доказал великий грех вселенной, состоящий в том, что, хотя люди и были мудры и имели руководителем мир, однако не только оставили Бога, но избрали, вместо Него, подобия гадов, обесчестили добродетель, по влечению естества предались пороку и даже восстали на самое естество, то, наконец, переходит к доказательству того, что все делающие так будут наказаны. Впрочем, говоря о самых делах, он уже упоминал и о наказании, сказавши: «возмездие, еже подобаше прелести их, в себе восприемлюще» (Рим 1.27). Но так как они не чувствуют этого возмездия, то апостол возвещает о другом, которого они особенно боялись. Впрочем, он уже открыл и это наказание. Когда говорит: «суд Божий есть поистине» (Рим 2.2), говорит ни о чем-либо другом, но именно об этом наказании. Кроме того, он опять подтверждает свою речь другими более сильными доводами, говоря так: «помышляеши ли же сие, о, человече, таковая творящим и творя сам таяжде, яко ты избежиши ли суда Божия?» И своего суда ты не избежал, – неужели же избежишь суда Божия? И кто может это сказать? Конечно, ты осудил самого себя. Но если так велика строгость этого судилища и ты не мог пощадить самого себя, то каким образом Бог, безгрешный и безгранично праведный, тем более не сделает этого? Или ты себя самого осудил, а Бог одобрит и похвалит? И какой это могло бы иметь смысл? Конечно, ты сам достоин большого наказания, чем тот, которого ты осудил. Не одно ведь и тоже – просто согрешить и, наказавши другого согрешившего, самому впасть в тот же самый грех. Ты видишь, как апостол увеличил вину? Если ты, говорит он, наказываешь меньшего грешника, между тем как сам не перестаешь осквернять себя грехами, то как Бог, никогда непричастный греху, гораздо больше не

осудит и не обвинит тебя, уже осужденного собственными твоими помыслами? А если ты говоришь, что сам признаешь себя достойным наказания, но вследствие долготерпения (Божия) пренебрегал исправлением и, так как не подвергся наказанию вслед за преступлением, имел. даже надежду на милость Божию, то знай, что вследствие этого самого тебе нужно наиболее бояться и трепетать. Господь медлит наказанием не для того, чтобы совсем не подвергать наказанию, но для того, чтобы, если ты останешься неисправимым, наказать с большею строгостью, чего никогда пусть не случится с тобою. Потому апостол присовокупляет, говоря:

[14] Рим.2:4. или о богатстве благости... и кротости и долготерпении нерадиши, не ведый, яко благость Божия на покаяние тя ведет?

[15] Восхвалив долготерпение Божие и показав величайшую его пользу для внимательных (а она – в том, чтобы привлекать грешников к покаянию), апостол усиливает страх. Для воспользовавшихся, как должно, оно служит основанием спасения, а для презревших – поводом к большему наказанию. А что касается распространенного мнения, что Бог, будучи благ и долготерпелив, не ищет наказания, то, когда ты, внушает апостол, говоришь это, то говоришь ни о чем ином, как о привлечении на себя наказания. Ведь Бог являет Свою величайшую милость для того, чтобы ты освободился от грехов, а не для того, чтобы ты прибавил новые, а как скоро этого не делаешь, то наказание будет ужаснее. Так как – Бог долготерпелив, то поэтому тебе особенно и не должно грешить и Его благодеяния обращать в повод к неблагодарности; ведь хотя Он и долготерпелив, но все-таки и наказывает. Откуда это видно? Из следующих

слов апостола. А именно, если нечестие велико и нечестивые остались без наказания, то всецело необходимо их подвергнуть ему. Если и люди не оставляют этого без внимания, то как оставит Бог? Таким образом апостол отсюда повел речь о суде. Доказав, что многие, если не раскаются, оказываются виновными, а потом – что здесь они не подвергаются наказанию, он заключает отсюда, что суд должен быть и при этом – строжайший. Поэтому говорит:

16 Рим.2:5. по жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев.

17 Когда человека не смягчает благость и не преклоняет страх, то что может быть грубее его? Апостол уже показал Божие человеколюбие, а теперь говорит о наказании, именно о том, что оно, для не обратившегося и при таких условиях, будет невыносимо. И смотри, какие точные он употребляет выражения, когда говорит: «собираеши себе гнев», – представляя его вообще чем-то сберегаемым и показывая, что виновником гнева служит не судия, а сам подсудимый. Сам ты, говорит он, «собираеши себе», а не Бог тебе. Он сделал все, что было нужно, дал тебе способность распознавать доброе и недоброе, явил долготерпение, призвал к покаянию, угрожал страшным днем, всем привлекая тебя к покаянию. Если же ты остаешься непреклонным, то

18 собираеши себе гнев в день гнева и откровения праведнаго суда Божия.

19 Чтобы ты, услышав о гневе, не признал его действием страсти, апостол прибавил: «праведнаго суда Божия». И прекрасно сказал – «откровения» , потому что тогда это открывается, когда каждый принимает по достоинству.

Здесь многие часто вредят и злоумышляют вопреки справедливости, а там не так.

[20] Рим.2:6–7. Иже воздаст коемуждо по делом его: овым убо, по терпению дела благаго.

[21] В беседе о суде и будущем наказании апостол был грозным и строгим, а здесь он не тотчас изобразил ожидаемое мучение, но обратил речь к более приятному – к воздаянию добрых, говоря так:

[22] овым убо, по терпению дела благаго, славы и чести и нетления ищущими, живот вечный.

[23] Здесь он ободряет и тех, которые пали в искушениях, и показывает, что не должно полагаться только на веру, потому что тот (будущий) суд будет оценивать и дела. Заметь, что, говоря о будущем, апостол не может ясно изобразить всех благ, но говорит о славе и чести. Так как эти блага превосходят все человеческое и апостол не может указать здесь (на земле) подобия их, то он, насколько доступно, изображает их при помощи того, что у нас считается лучшим, сравнивая их со славою, честью, жизнью, который для всех людей являются предметом особого попечения. Но однако небесные блага не таковы, а, как нетленные и бессмертные, несравненно выше этого.

[24] Видишь ли, как апостол, упомянув о нетлении, отверз нам двери к познанию воскресения тел? Ведь нетление принадлежит телу, подверженному тлению. Потом, так как этого было недостаточно, он присовокупил славу и честь. Все ведь восстанем нетленными, но не все в славу, а одни для наказания, другие же для славы.

[25] Рим.2:8. А иже по рвению,

[26] говорит далее. Опять он лишает извинения тех, которые жили в пороке, и доказывает, что они впали в грех по упорству и безпечности.

[27] Противляются убо истине, повинуются же неправде.

[28] Вот и другое опять обвинение. Какую защиту может иметь тот, кто избегает света и избирает тьму? И притом апостол не сказал: принуждаются и подвергаются насилию, но: «повинуются неправде», – чтобы ты понял, что их падение – от свободной воли, а преступление – не от необходимости.

[29] Рим.2:9. Скорбь и теснота на всяку душу человека творящаго злое.

[30] То есть: хотя бы кто-нибудь был богат, хотя бы был консулом или даже царем – слово суда никого не устыдится, и достоинства здесь не имеют никакого места. Итак, показавши чрезмерность болезни, представив ее причину – безпечность больных, конец – ожидающую их погибель и легкость исправления, апостол опять и в наказании увеличивает тяжесть для иудея, говоря:

[31] Иудеа же прежде и Еллина.

[32] Кто пользовался большим наставлением, тот, нарушив закон, должен подвергнуться и большему наказанию. Таким образом, насколько мы рассудительнее и могущественнее, настолько большему наказанию подвергаемся за грехи. Если ты богат, то от тебя потребуется больше пожертвований, чем от бедного; если ты более умен, то потребуется и больше послушания; а если облечен властью, то нужны выдающиеся добрые дела; и во всем прочем ты должен поступать по мере своих сил и возможности.

[33] Рим.2:10. Слава же и честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину.

[34] О каком иудее здесь говорит апостол и о каких эллинах беседует? О живших до пришествия Христова. Не дошла еще речь до времен благодати, но апостол пока останавливается на временах более ранних, приготовляя издали и постепенно уничтожая различие между иудеем и эллином, чтобы, когда сделает это в рассуждении благодати, не показалось бы чем-то новым и затруднительным для понимания. Ведь если не было никакого различия в более ранние времена, когда не воссияла еще благодать Христова, когда деяния иудеев для всех были почтенны и блестящи, то что могли бы об этом сказать тогда, когда явилась столь великая благодать? Вследствие этого, конечно, апостол и раскрывает такое учение с большим тщанием. Слушатель, узнав, что оно господствовало в древние времена, тем скорее примет его теперь – по принятии веры. А под эллинами апостол разумеет здесь не идолопоклонников, но людей богобоязненных, повинующихся естественному закону, которые, за исключением соблюдения иудейских обрядов, исполняли все относящееся до благочестия. Таковы были Мелхиседек и бывшие с ним, Иов, ниневитяне, Корнилий. Итак, апостол заранее подкапывает преграду между обрезанием и необрезанием, еще издали уничтожает это различие, чтобы совершить это без всякого подозрения со стороны и приступить к делу на другом основании, как и свойственно всегда апостольской мудрости. Если бы он стал доказывать это прямо о временах благодати, то, кажется, речь его вызвала бы большое подозрение; но когда, рассуждая о господствующих в мире нечестии и развращении, он, по связи речи, доходит и до этого

предмета, то делает свое учение совершенно свободным от подозрения.

35 А что таково было намерение Павла и по этой именно причине он так расположил свою речь, видно из следующего. Если бы он не старался подготовить это, то ему достаточно было бы сказать: «по жестокости… твоей и непокаянному сердцу, собираеши себе гнев в день гнева» (Рим 2.5) и – прекратить эту речь, потому что она уже окончена. Но так как задача его была не в том, чтобы сказать только о будущем суде, но и доказать, что иудей не имеет никакого преимущества пред таким эллином и не должен много думать о себе, то он идет далее и воспользовался указанным планом.

36 Итак, смотри же: апостол привел слушателя в страх, возвестив ему о страшном дне, сказал, насколько дурна порочная жизнь, доказал, что никто не грешит по неведению и не свободен от наказания, значит, если еще не подвергся «наказанию», то несомненно подвергнется; после этого, наконец, он желает раскрыть, что учение закона не было чем-то совершенно необходимым, так как и наказание, и награда бывают за дела, а не за обрезание и необрезание.

37 Итак, когда апостол сказал, что эллин несомненно будет наказан, и из этого положения, как неоспоримого, вывел заключение, что он будет и награжден, то этим уже показал, что закон и обрезание излишни. Здесь он борется преимущественно с иудеями. Так как они любили спорить и, во-первых, вследствие гордости признавали для себя низким считаться наравне с язычниками, а во-вторых, смеялись над учением о том, что вера покрывает все грехи, то апостол сперва обвинил язычников, о которых завел речь, чтобы без всякого

подозрения и смелее напасть на иудеев; потом, перешедши к рассуждению о наказании, доказывает, что иудей не только не получает никакой пользы от закона, но даже обременяется им; все это он и подготовил выше. Если язычник неизвинителен в том отношении, что не сделался лучшим при руководстве природы и разума, то гораздо более неизвинителен иудей, который вместе с этим руководством получил учение и от закона. Таким образом апостол, убедив иудея легко согласиться с этою мыслью в отношении к грехам других, поневоле заставляет его, наконец, сделать тоже самое и по поводу своих грехов. А чтобы речь его была хорошо принята, он начинает ее с более приятного, говоря так: «слава же и честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину». Здесь, какие бы блага кто ни имел, пользуется ими среди многих беспокойств, – будет ли это богач, владелец или царь; он часто бывает в раздоре, если не с другими, то с самим собою, и имеет в своих помыслах жестокую брань. Но там (в пользовании небесными благами) не бывает ничего подобного, напротив – все тихо, свободно от смятения, соединено с истинным миром.

[38] Итак, апостол, научив при помощи сказанного выше, что и не имеющие закона будут наслаждаться теми же благами, представляет и основание, говоря так:

[39] Рим.2:11. несть бо на лица́ зрения у Бога.

[40] Когда он говорил, что за грехи наказываются и иудей и язычник, то это не имело нужды в доказательствах. Но когда желает показать, что и язычник удостаивается чести, то это уже требует основания. Казалось ведь удивительным и странным, чтобы тот, кто не слышал закона и пророков, удостоивался награды за добрые дела.

Потому, как заметил я выше, он, говоря о временах, бывших прежде благодати, приучал к этому их слух, чтобы легче было привести их к признанию этого тогда, когда речь будет о временах веры. И здесь он остается совершенно вне всякого подозрения, так как излагает то, что не прямо относилось к его цели. Потому, сказав: «слава... честь и мир всякому делающему благое, Иудееви же прежде и Еллину» (Рим.2:10), прибавил: «несть бо на лица́ зрения у Бога». Вот с каким успехом апостол одержал победу. Доведя речь до нелепости, он заключает, что Богу не свойственно поступать иначе, потому что это было бы лицеприятием, а в Боге нет лицеприятия. И не сказал: если бы этого не было, то Бог был бы лицеприятен, но выразился величественнее: «несть бо на лица́ зрения у Бога», то есть, Бог испытует не качества лиц, но различие дел. А сказав это, он раскрыл, что различие между иудеем и язычником состоит не в делах, а только в лицах. После этого следовало бы сказать: тем не менее, так как один – иудей, а другой – эллин, то, вследствие этого, один принимает честь, а другой – поругание, но то и другое воздается по делам. Однако апостол не сказал так, потому что мог бы возбудить гнев иудея. Он предлагает нечто иное, большее, повергая еще ниже мудрствование иудеев и ослабляя его до такой степени, чтобы они могли принять и его учение. Что же это такое? То, что следует далее.

[41] Рим.2:12. Елицы бо беззаконно поступиша, – говорит он, – беззаконно и погибнут: и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут.

[42] Здесь, как я заметил выше, апостол доказывает не только равночестность иудея и язычника, но и то, что иудей более обременен, вследствие дарования ему закона.

Язычник осуждается без закона, но это – «беззаконно» указывает здесь не на большую строгость, а на большую снисходительность, то есть, что язычник не имеет обвинителем закона; «беззаконно», то есть – вне осуждения по закону; это, говорит апостол, означает то, что язычник судится по одному только естественному разуму. А иудей судится по закону, то есть, вместе с природой его обличает и закон, так как чем большим попечением он пользовался, тем большему наказанию подвергнется.

43 Видишь ли, как апостол представил иудеям большую необходимость прибегать к благодати? Так как они говорили, что не имеют нужды в благодати, как оправдываемые одним только законом, то апостол доказывает, что они больше эллинов нуждаются в ней, если только должны подвергнуться и большему наказанию. После этого опять приводит другое доказательство в подтверждение сказанного.

44 Рим.2:13. Не слышателие бо закона праведни пред Богом.

45 Справедливо прибавил: «пред Богом». Ведь пред людьми только можно казаться честным и иного хвалиться, но пред Богом совершенно наоборот: одни

46 творцы закона... оправдятся.

47 Видишь, какою способностью владеет апостол, чтобы обратить речь к противоположному? Если ты думаешь спастись посредством закона, говорит он, то язычник, явившись исполнителем написанного (в законе), восхитит у тебя первенство. И как возможно, спросишь, сделаться исполнителем, не будучи слушателем? Возможно, отвечает апостол, даже не только это, но и гораздо

большее. Не только возможно быть исполнителем помимо слушания, но и не быть таковым после слушания, что яснее и с большею силою апостол выразил ниже, говоря: «научая убо инаго, себе ли не учи́ши» (Рим 2.21)? А здесь он пока доказывает первое.

[48] Рим.2:14. Егда бо язы́цы, – говорит (апостол), – не имуще закона, естеством законная творят, сии, закона не имуще, сами себе суть закон.

[49] Не отвергаю закона, говорит он, но и при этом оправдываю язычников. Видишь ли, как он, подрывая славу иудейства, не подает ни малейшего повода говорить о себе, что он унижает закон, а напротив как бы хвалит его и выставляет великим и таким образом все хорошо устрояет? Говоря же – «естеством» разумеет естественный разум. И он показывает здесь, что другие (язычники) были лучше иудеев, и самое главное – лучше потому, что не получили закона и не имеют того, в чем иудеи, по их мнению, имели над ними преимущество. Язычники, говорит (апостол), потому и удивительны, что не имели нужды в законе, но обнаруживали все, свойственное закону, начертавши в умах своих не письмена, а дела. Вот что именно он говорит.

[50] Рим.2:15–16. Иже являют дело законное написано в сердцах своих, спослушествующеи им совести, и между собою помысло́м осуждающим или отвещающим, в день, егда судит Бог тайная человеком, по благовестию моему, Иисусом Христом.

[51] Видишь ли, как (апостол) опять указал на тот день и представил его близость, потрясая их мысль и показывая, что большей чести достойны те, которые, живя вне закона, старались исполнить законное? Уместно теперь

сказать о том, что особенно достойно удивления в рассуждении апостола. Доказав уже предварительно, что эллин выше иудея, он не приводит этого в заключении своих суждений, чтобы не ожесточить иудея. А чтобы представить яснее сказанное мною, приведу собственные слова апостола. Так как он сказал: не «слышателие закона,.. но творцы закона... оправдятся» (Рим.2:13), то ему следовало бы и сказать: «егда бо язы́цы, не имуще закона, естеством законная творят» (Рим.2:14), то они гораздо лучше научаемых от закона. Но (апостол) не говорит этого, а останавливается на похвале язычникам и пока не продолжает далее сравнения, чтобы иудей принял хотя бы и то, что уже сказано. Потому Павел не сказал так, но как же? «Егда бо язы́цы, не имуще закона, естеством законная творят, сии, закона не имуще, сами себе суть закон: иже являют дело законное написано в сердцах своих, спослушествующеи им совести», потому что взамен закона достаточно совести и разума. Этим (апостол) опять доказал, что Бог сотворил человека с достаточными силами избирать добродетель и избегать зла. И не удивляйся тому, что одно и то же он раскрывает раз, два и более. Для него весьма было необходимо доказать эту важную истину, так как находились люди, которые говорили: «почему Христос пришел ныне, и где в прежнее время проявлялись действия Божия промысла?» Апостол, мимоходом отражая их, доказывает, что и в древние времена, даже до закона, род человеческий находился под тем же промыслом. «Разумное Божие яве есть в них» (Рим 1.19) и люди знали, что добро и что худо, поэтому судили и других, за что (апостол) укорял их, говоря: «имже... судом судиши друга, себе осуждаеши» (Рим 2.1). Иудеям же даны были не только разум и совесть, но еще и закон.

52 Для чего же (апостол) присовокупил: «осуждающим или отвещающим?» Ведь если имеют писанный закон и проявляют свои дела, то что, наконец, может осудить разум? Но слово – «осуждающим» (апостол) относит не только к язычникам, а и ко всему роду человеческому. В день суда предстанут собственные наши мысли, то осуждающие, то оправдывающие, и человеку на том судилище не нужно будет другого обвинителя. Далее (апостол), усиливая страх, не сказал: человеческие грехи, но: «тайная человеком». Так как он выше сказал: «помышляеши ли… судяй таковая творящим и творя сам таяжде, яко ты избежиши ли суда Божия» (Рим 2.3)? – то, чтобы ты не допустил, что приговор Божий таков же, какой и ты сам произносишь, но понял, что определение Божие гораздо строже твоего, (апостол) и заметил: «тайная человеком», а потом присовокупил: «по благовестию моему, Иисусом Христом». Ведь люди бывают судьями одних только явных дел. Хотя выше (апостол) говорил об одном Отце, но, когда уже поразил слушателей страхом, начал речь и о Христе, однако же не просто, но и здесь сперва упомянул об Отце, а потом наименовал Христа. Этим он возвышает достоинство своей проповеди, и говорит, что проповедь эта возвещает то же самое, что раньше открыла природа. Видишь ли, как (апостол), мудро ведя своих слушателей, приблизил их к евангелию и Христу и как доказал, что наши дела не останавливаются здесь, но простираются далее? Что он раскрыл выше, сказавши: «собираеши себе гнев в день гнева» (Рим.2:5), тоже подтверждает теперь и здесь: «судит Бог тайная человеком».

53 Итак, каждый, обратясь к своей совести и размышляя о грехах своих, пусть потребует строгого отчета от себя самого, чтобы тогда не быть нам осужденным вместе с

миром. Суд тот страшен, престол Судии грозен, требования отчета исполнены ужаса, река огненная пространна. «Брат же не избавит, избавит ли человек» (Пс 48.8)? Вспомни то, о чем говорится в евангелии, вспомни ангелов, повсюду летающих, чертог заключенный, светильники неугасимые, воинства небесные, влекущие к пещи. Помысли и о том, что если бы теперь пред одною только церковью был обнаружен тайный проступок кого-либо из нас, то он пожелал бы лучше погибнуть и дать себя поглотить земле, чем иметь стольких свидетелей своего преступления; Что же мы будем испытывать тогда, когда пред целою вселенною будет все выставлено на этом блистательном и открытом позорище и когда знакомые и незнакомые будут созерцать все наши дела? Но, увы мне, чем я вынуждаюсь устрашать вас? Не людским ли мнением, тогда как следовало бы сделать это силою страха Божия и собственного сознания? Скажи мне, что с нами будет тогда, когда нас связанных, со скрежещущими зубами, поведут во тьму кромешную? А лучше сказать, что мы будем делать, когда (что всего страшнее) предстанем пред Богом? Если кто имеет чувство и разум, тот уже подвергся геенне, как только оказался вне лицезрения Божия. Но так как и это нас не огорчает, то Бог и угрожает огнем. Но ведь следовало бы не тогда скорбеть, когда нас наказывают, а тогда, когда грешим. Послушай, как Павел плачет и сокрушается из-за грехов, за которые он не имел подвергнуться наказанию: «несмь достоин нарещися апостол, – говорит он, – зане гоних церковь Божию» (1Кор 15.9). Послушай, как и Давид, хотя был освобожден от наказания, но поскольку признавал себя оскорбившим Бога, призывает на себя мщение и говорит: «да будет... рука Твоя на мне и на дому отца моего» (2Цар

24.17). Оскорбить же Бога – тяжелее, чем быть наказанным. А мы находимся в столь жалком расположении духа, что если бы не было страха геенны, то, может быть, и не пожелали бы сделать что-нибудь доброе. Потому мы и достойны геенны, если не за что-либо иное, то именно за то, что страшимся геенны больше, нежели Христа. Не таков был блаженный Павел, но совершенно противоположного настроения. Но так как мы – иные в сравнении с ним, потому и осуждаемся в геенну. Если – бы мы любили Христа, как и должно любить, то знали бы, что оскорбить любимого тяжелее геенны. Но мы не любим, потому и не понимаем громадности этого наказания. И это именно есть то, о чем я преимущественно сокрушаюсь и плачу. И чего не делал Бог, чтобы быть любимым нами? Чего Он не предпринимал и что оставил без применения? Мы оскорбили Бога, Который ничем нас не обидел, а напротив облагодетельствовал бесчисленными и неизреченными благами; мы отвратились от Него, когда Он призывал нас и всеми мерами привлекал к Себе, – и однако Он не наказал нас, но сам поспешил к нам, остановил бегущих, а мы устремились от Него и предались дьяволу. Но Бог и в этом случае не оставил нас, а посылал к нам опять тысячи призывающих – пророков, ангелов, патриархов; мы же не только не приняли посольства, а еще оскорбили пришедших. И после всего того Бог, не возгнушался нами, но, как ревностные из презираемых почитателей, всюду ходил и говорил – небу, земле, Иеремии, Михею, не с тем, чтобы нас обвинить, но чтобы оправдать собственные деяния. Вместе с пророками Он и сам приходил к удалившимся от Него, готов был дать им отчет, просил, чтобы мы вступили с Ним в разговор, и так как мы были ко всему глухи, Он

привлекал к беседе с Собою. «Людие мои, – говорил Он, – что сотворих вам, или чим... стужих вам? Отвещайте Ми» (Мих 6.3). После всего этого мы умертвили пророков, побили их камнями и совершили тысячи других злодеяний. Что же было взамен этого? Бог послал – не пророков, не ангелов, не патриархов, но самого Сына. Умерщвлен был и Сын, пришедший на землю; но это не потушило любви, а еще сильнее воспламенило ее, и Господь, и после убиения Сына Его, не престает просить, молить и делать все, чтобы привлечь нас к Себе. И Павел восклицает: «по Христе убо посольствуем, яко Богу молящу нами: примиритеся с Богом» (2Кор 5.20).

54 Но ничто из этого не изменило нас, а Господь не оставил нас в таком положении, но продолжает то угрожать геенною, то обещать царство, чтобы хотя этим привлечь нас; мы же еще пребываем в своей бесчувственности. Что может быть хуже такого зверства? Если бы это совершил человек, то не сделались бы мы его рабами навсегда? А от благодетельствующего нам Бога мы отвращаемся. О, беспечность, о, неблагодарность! Мы, которые всегда живем во грехах и пороках, если когда-нибудь сделаем какое-либо и малое добро, то, по примеру безрассудных рабов, с большою мелочностью высчитываем и со строгой точностью определяем вознаграждение, если только дело заслуживает какой-нибудь платы. Но ты получишь большую награду, если станешь работать не в .надежде на награду. Ведь говорить об этом и точно высчитывать – это занятия, свойственные больше наемнику, нежели благоразумному слуге. Должно все делать для Христа, а не для награды. Потому Он и угрожал геенною, и обещал царство, чтобы мы возлюбили Его. Итак, возлюбим Христа, сколько и должно любить: в этом великая награда, в этом царство и

радость, наслаждение и слава и честь, в этом свет, неисчислимое блаженство, которого не может ни слово выразить, ни ум постигнуть. Впрочем, я и не знаю, как я перешел на такие речи, советуя людям, которые не презирают ради Христа настоящего господства и славы, пренебречь царством, хотя великие и знаменитые те мужи достигли и этой меры любви.

55 Послушай, как Петр пламенеет любовью ко Христу, предпочитая Его и душе, и жизни, и всему; даже когда отрекся от Него, то не из страха наказания плакал, но потому, что отвергся Возлюбленного, что было для него мучительнее всякого наказания. И все это он обнаружил прежде получения благодати Духа и часто обращался ко Христу, говоря: «камо и́деши» (Ин 13.36)? И прежде этого: «к кому и́дем» (Ин 6.68)? И опять: «иду по Тебе, а́може аще и́деши» (Мф 8.19). Христос составлял для апостолов все и они ни неба, ни царства небесного не предпочитали Возлюбленному. «Ты для меня все это», – говорит Петр. И почему ты удивляешься, если Петр был так привержен ко Христу? Послушай, что говорит пророк: «что бо ми есть на небеси? и от Тебе что восхотех на земли?» (Пс 72.25) Слова эти значат следующее: из всего горнего и дольнего ничего иного не желаю, как только Тебя одного. Вот это – любовь, вот это – привязанность. Если и мы так станем любить, то не только настоящее, но и будущее. почтем за ничто в сравнении с этою любовью нашей и, наслаждаясь любовью к Нему, приобретем чрез это царство. Но как это будет возможно? спросишь ты. Если мы представим себе, сколько раз мы оскорбляли Бога после бесчисленных благ, от Него полученных, и Он не переставал призывать нас, – сколько раз мы удалялись от Него, и Он не презирал нас, но сам приходит к нам, призывает нас и привлекает к Себе, – если мы размыслим

о всем этом и подобном, то получим возможность возжечь в себе такую любовь. Если бы тот, кто так любил, был незначительный человек, а тот, кого так сильно любят, был царь, то неужели бы он не тронулся величием любви? Даже весьма был бы тронут. Но когда бывает наоборот и с одной стороны – неизреченная красота, слава и богатство любящего нас, а с другой – совершенное наше ничтожество, то как же не достойны бесчисленного наказания мы, ничтожные и презренные, любимые чрезмерною любовью Существа великого и чудного, но высокомерно отвергающие Его любовь? Ведь Бог не имеет в нас никакой нужды и однако не перестает любить нас, а мы крайне нуждаемся в Нем, однако любви Его не принимаем, предпочитая Ему деньги, человеческую дружбу, телесный покой, власть и славу, тогда как Он ничего нам не предпочитает. Он одного имел Сына единородного и возлюбленного и Его не пощадил ради вас; а мы многое предпочитаем Ему.

56 Итак, разве не по справедливости нам угрожают геенна и наказание, хотя бы они были вдвое, втрое, даже в тысячу раз ужаснее? Что мы можем сказать в ответ, когда повеления сатаны предпочитаем законам Христа и нерадим о своем спасении, предпочитая дела лукавства Тому, Кто все за нас претерпел? И какого извинения заслуживает все это? Какого оправдания? Никакого. Станем же наконец твердо, не увлекаясь по стремнинам, образумимся и, размыслив обо всем этом, воздадим Богу славу посредством дел, потому что одних слов недостаточное – чтобы и нам насладиться славою от Него, достигнуть коей да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и вовеки веков. Аминь.

Беседа 6

[1] Рим 2.17–18. Се ты иудей именуешися, и почиваеши на законе, и хвалишися о Бозе, и разумееши волю, и разсуждаеши лучшая, научаем от закона.

[2] Сказавши, что для спасения язычника, если он бывает исполнителем закона, ничего более не нужно, и окончив удивительное свое сравнение, апостол указывает, наконец, преимущества иудеев, которыми они гордились пред язычниками. Прежде всего, самое имя иудея, как ныне имя христианина, было очень почтенно, так как и тогда различие людей зависело от имени, почему апостол и начинает речь с этого. И заметь, как он уничтожает это (преимущество); он не сказал: ты иудей, но говорит: «именуешися... и хвалишися о Бозе», то есть, ты возлюблен Богом и предпочтен прочим людям. А мне думается, что он здесь слегка осмеивает высокомерие и безумное честолюбие иудеев, потому что они этим даром Божиим воспользовались не для собственного своего спасения, но для того, чтобы заводить распри и презирать остальных людей. «И разумееши волю, и разсуждаеши лучшая». Конечно, и то был недостаток, если не подтверждалось делами, но однако иудеям казалось, что в этом состоит преимущество, почему апостол с ясностью на это и указывает. Но он не сказал – исполняешь, а: «разумееши... и разсуждаеши», сам же не следуешь и не исполняешь этого.

[3] Рим.2:19. Уповая же себе вожда быти слепым.

[4] Опять и здесь не сказал: ты путеводитель слепых, но говорит: «уповая», ты этим хвалишься, потому что высокомерие иудеев действительно было велико. Потому

апостол выражается почти теми же словами, какие употребляли, величаясь, и иудеи. Смотри, например, что говорят они о себе в Евангелии: «во гресех ты родился еси весь, и ты ли ны у́чиши» (Ин 9.34)? Они много гордились пред всеми. Павел настойчиво и изобличал это, одних восхваляя, а других унижая, чтобы таким образом сильнее укорить их и увеличить обвинение. Потому он и продолжает, усиливая ту же мысль и подкрепляя ее различными выражениями:

5 Рим.2:19–20. уповая же себе вожда быти слепым, света сущим во тме, наказателя безумным, учителя младенцем, имуща образ разума и истины в законе.

6 Опять не сказал: в совести, в делах и в оправданиях, но: «в законе». Как поступил апостол, обличая язычников, так поступает и здесь. Как там сказал: «имже бо судом судиши друга, себе осуждаеши» (Рим.2:1), так и здесь говорит:

7 Рим.2:21. научая убо инаго, себе ли не учи́ши?

8 Впрочем, там он употребляет выражение более резкое, а здесь более легкое. Не сказал: ты достоин большого наказания за то, что, тогда как тебе так много было вручено, ты ничем не воспользовался, как должно; но, излагая свою мысль в виде вопроса, обращается и говорит: «научая убо инаго, себе ли не учи́ши?» Обрати внимание на мудрость Павла и в другом отношении. Он перечисляет такие преимущества иудеев, которые зависели не от их усердия, но составляют дар свыше, и доказывает, что эти преимущества, по нерадению иудеев, не только для них излишни, но и приносят увеличение наказания. Называться иудеем, получить закон и все прочее, что перечислил теперь апостол, не составляет их

заслуги, но есть дар благодати свыше. И хотя в начале он говорил, что одно слышание закона, если не присоединится исполнение, не приносит никакой пользы, ибо «не слышателие... закона, – говорит, – праведни пред Богом» (Рим.2:13), но теперь он доказывает нечто гораздо большее, а именно, что не только слышание, но и то, что важнее – самое обучение закону не поможет учащему, если он не исполняет того, чему учит, и не только не поможет, но еще навлечет большее наказание. И как искусно употребляет апостол выражения. Ведь он не сказал: ты получил закон, но: «почиваеши на законе» (Рим.2:17). Иудей не трудился, ходя повсюду и спрашивая, что ему должно делать, но он с удобством владел законом, указывающим путь, который вел к добродетели. Если язычники и имели природный разум, в котором и заключалось их преимущество, так как они все исполняли без слушания закона, то там (у иудеев) было больше удобства. А если ты говоришь: «я не только слушаю, но и учу», то это служит лишь к увеличению наказания. И так как иудеи этим много превозносились, то апостол и доказывает, что они преимущественно вследствие этого и достойны осмеяния. Когда же говорит: «вожда... слепым,.. наказателя безумным, учи́теля младенцем» (Рим.2:19–20), то изображает надменность иудеев, потому что они весьма худо обходились с обращенными из язычества и называли их подобными наименованиями.

9 Потому апостол пространно и указывает то, что иудеи сами ставили себе в похвалу, зная, что все сказанное служит к большему их обвинению. «Имуща образ разума и истины в законе» (Рим.2:20). Это подобно тому, как кто-нибудь, имея у себя царское изображение, не может по нему ничего написать, а те, у которых нет его, и без

образца верно ему подражают. Итак, сказав о преимуществах, которые иудеи получили от Бога, (апостол) говорит об их недостатках, в которых обвиняли их и пророки, и изображает их так:

[10] Рим.2:21–22. научая убо инаго, себе ли не учиши? Проповедая не красти, кра́деши: глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идол, святая кра́деши.

[11] Хотя вам (иудеям) и было строго запрещено касаться имуществ, принадлежащих идольским капищам, как скверны, но страсть сребролюбия заставляла вас, говорит (апостол), нарушать и этот закон. После того (апостол) излагает наиболее тяжкую вину иудеев, говоря:

[12] Рим.2:23. иже в законе хвалишися, преступлением закона Бога безчествуеши.

[13] Он представил две вины, а правильнее – три. Иудеи бесчестят, бесчестят тем, что назначено к их чести, бесчестят Того, Кто даровал им честь, а это и есть верх крайней неблагодарности. Но чтобы не подумали, что (апостол) обвиняет иудеев сам от себя, он выставил их обвинителем пророка, теперь Исаию, который в немногих словах и вообще изобличает их в главном пороке, а после и Давида, который и раскрыл их вины подробно и с большей доказательностью. Не я укоряю вас в этом, говорит (Павел), а послушайте, что сказал Исаия:

[14] Рим.2.24. имя бо Божие вами ху́лится во язы́цех (Ис 52.5).

[15] Вот и еще два обвинения. Они, говорит, не только сами оскорбляют Бога, но и других приводят к тому. Итак, какая польза от обучения, как скоро вы не учите самих себя? Но об этом (апостол) сказал уже выше, а здесь он

обратился к противоположному. Вы не только сами себя, но и других не учите тому, что должно делать; и, что всего хуже, вы не только не учите жить по закону, но учите противоположному, учите хулить Бога, что противно закону.

16 Но важно обрезание, говорит (иудей). Согласен и я, но важно тогда, когда сопровождается внутренним обрезанием. И обрати внимание на благоразумие (апостола), как благовременно он завел речь об обрезании. Он не стал говорить о нем сначала, потому что оно было в великом уважении. Но когда доказал, что иудеи оскорбили Бога в важнейшем и виновны в богохульстве, когда слушатель готов был сам обвинить их и лишить первенства, тогда начинает речь об обрезании, надеясь, что уже никто его не осудит, и говорит:

17 Рим.2:25. обрезание бо пользует, аще закон твориши.

18 Конечно, обрезание можно было отвергнуть и другим способом, например, спросив: что такое обрезание? Не есть ли это заслуга обрезывающегося? Не составляет ли оно доказательства его доброй воли? Но ведь оно совершается в незрелом возрасте, затем многие, жившие в пустыне, оставались необрезанными, а также и из многих других примеров можно видеть, что обрезание не весьма было необходимо. Но однако (апостол) не этими доводами отвергает обрезание, а примером Авраама, чем преимущественно и следовало. Ведь в этом и было торжество победы, чтобы малозначительность обрезания доказать тем самым, за что оно было уважаемо иудеями. Хотя (Павел) мог сказать, что и пророки называют иудеев необрезанными, но это было недостатком не самого обрезания, но злоупотреблявших им. А требовалось доказать, что обрезание не имеет никакой силы и при

добродетельной жизни. Это наконец и раскрывает (апостол). И здесь он не приводит еще в пример патриарха, но, сперва опровергнув обрезание другими доводами, оставляет его (патриарха) для последующего, когда он ведет речь о вере, говоря: «како убо вменися вера Аврааму? Во обрезании ли сущу, или в необрезании?» (Рим 4.10). (Апостол) пока противополагает обрезание языческому необрезанию и не желает сказать ничего другого, чтобы не слишком было обидно (иудею); а когда рассматривает обрезание в отношении к вере, тогда и сильнее нападает на него. Конечно, пока предлагается противоположение обрезания необрезанию, (апостол)выражается легко и говорит:

19 обрезание бо пользует, аще закон твориши: аще же закона преступник еси, обрезание твое необрезание бысть.

20 Здесь (апостол) говорит о двух обрезаниях и двух необрезаниях, равно как допускает и два закона. Есть закон естественный и есть закон писаный; но есть и средний между обоими – закон от дел. Смотри же, как (апостол) показывает и раскрывает все эти три закона. Он говорит: «Егда бо язы́цы, не имуще закона» – какого закона, скажи мне? – закона писанного – «естеством законная творят» – по какому закону? – по закону, обнаруживающемуся в делах – «сии закона не имуще» – какого? – писанного – «сами себе суть закон» – как это? – пользуясь законом естественным – «иже являют дело законное» – какого закона? – закона дел (Рим.2:14–15). Один закон, именно тот, который в письменах, есть внешний, другой, который дан природой, есть внутренний, а третий открывается в делах. Первый

сообщают письмена, второй – природа, а третий – дела. Этот именно третий закон и нужен, для него даны и первые два – естественный и письменный; если его не существует, то нет никакой пользы и в тех, даже от них бывает и величайший вред. Это именно доказывает (апостол)) когда говорит о законе естественном: «имже бо судом судиши друга, себе осуждаеши» (Рим.2:1), и о законе писанном: «проповедая не красти, кра́деши» (Рим.2:22). Равным образом, и необрезаний два, одно естественное, а другое нравственное. И обрезание одно совершается над плотью, а другое зависит от воли. Например, я говорю, что некто обрезан в восьмой день, это – обрезание плотское; а когда говорю, что кто-нибудь исполнил все узаконенное, то это есть обрезание сердца, которого преимущественно и требует Павел или, вернее сказать, самый закон.

21 Итак, ты видишь, как (апостол), допустив обрезание на словах, уничтожает на деле. Он не сказал, что обрезание излишне, бесполезно, непригодно, но что же именно говорит? «Обрезание бо пользует, аще закон твориши». Он пока принял обрезание, говоря: согласен, не спорю, что обрезание есть дело хорошее, но когда? Когда ты соблюдаешь и закон. «Аще же закона преступник еси, обрезание твое не обрезание бысть». И здесь не сказал: оно уже не приносит пользы, – чтобы не подумали, что он уничтожает обрезание; но, сперва освободив иудея от обрезания, потом уже поражает его, так что теперь укоризна падает не на обрезание, а на того, кто утратил его по нерадению. Как тех, которые находятся в чинах, а потом уличены в важнейших преступлениях, судьи сперва лишают отличия чинов, а потом уже наказывают, так и Павел поступил (с иудеем). Сказав: «аще же закона преступник еси», прибавил: «обрезание твое необрезание

бысть», и доказав, что он необрезанный, безбоязненно, наконец, изрекает над ним приговор.

[22] Рим.2:26. Аще убо необрезание оправдание закона сохранит, не необрезание ли его во обрезание вменится?

[23] Смотри, что делает (апостол): он не говорит, что необрезание превосходит обрезание, – это было бы очень прискорбно для тогдашних его слушателей, – но говорит, что необрезание сделалось обрезанием. Потом рассматривает, что такое обрезание и что такое необрезание, и говорит, что обрезание есть дело доброе, а необрезание – дело худое. Затем необрезанного, имеющего добрые дела, включив в понятие обрезания, а обрезанного, пребывающего в порочной жизни, исключив из обрезания, он таким образом отдает преимущество необрезанному. И не говорит уже о человеке необрезанном, но переходит к самому действию – необрезанию, говоря так: «не необрезание ли его во обрезание вменится?» Опять и здесь не сказал: признается, но: «вменится... во обрезание», что гораздо выразительнее; равно и выше не сказал: «обрезание твое считается в необрезание», но: «бысть... необрезание» (Рим.2:25).

[24] Рим.2:27. И осудит еже от естества необрезание,

[25] Видишь ли, что апостол имел в виду два необрезания, одно естественное, а другое добровольное? Здесь, конечно, он говорит о естественном, но не останавливается на этом, а продолжает:

[26] закон совершающее, тебе, иже писанием и обрезанием еси преступник закона.

[27] Заметь весьма тонкое разумение апостола. Он не сказал, что необрезанием естественным осуждается

обрезание, но там, где было преимущество обрезания, он говорит и о необрезании, а где была недостаточность его, он показывает, что не самое обрезание побеждается, а иудей, имеющий обрезание, избегая оскорбить слушателя словом. Не сказал также: осудит тебя, имеющего закон и обрезание, но выражается еще снисходительнее: «тебе, иже писанием и обрезанием еси преступник закона», то есть, естественное необрезание защищает обрезание, потому что оно поругано, и помогает закону, потому что он нарушен. Вот какой замечательный он ставит трофей, – так как победа тогда должна быть более блестящей, когда иудей осуждается не иудеем, а необрезанным, как некогда и сказал Христос: «мужие Ниневитстии востанут,.. и осудят... род сей» (Мф 12.41).

[28] Итак, (апостол) унижает не закон (напротив, он весьма уважает его), но нарушителя закона. Потом, когда (апостол) ясным образом раскрыл это, он смело, наконец, определяет, что такое иудей, и показывает, что он не отвергает ни иудея, ни обрезания, а отвергает того, кто не иудей, и не обрезанный. И кажется, что он с одной стороны защищает обрезание, а с другой опровергает понимание его, основывая свой приговор на опыте. Он доказывает, что не только нет ничего общего между иудеем и необрезанным, но даже необрезанный, если он внимателен к себе самому, выше иудея, и он именно и есть истинный иудей. Потому говорит:

[29] Рим.2:28. не бо иже яве, иудей есть, ни еже яве во плоти, обрезание.

[30] Здесь он поражает иудеев, как делающих все на показ.

[31] Рим.2:29. Но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, не писанием.

[32] Сказав это, (апостол) отверг все плотское. И обрезание наружное, и субботы, и жертвы, и очищения – все это он разумел под одним выражением, сказав: «не бо иже яве, иудей есть» (Рим.2:28). Но так как у них (иудеев) преимущественная речь была об обрезании, которому уступала и суббота, то (апостол), естественно, о нем больше и распространяется. Сказав же: «обрезание сердца духом», (апостол) этим пролагает путь жизни церковной и вводит веру, так как верование сердцем и духом имеет похвалу от Бога. И для чего (апостол) не сказал, что добродетельный эллин не меньше добродетельного иудея, но говорит, что добродетельный эллин лучше преступающего закон иудея? Для того, чтобы сделать победу несомненною. Как скоро признано (сказанное апостолом), то обрезание плоти по необходимости отвергается и становится ясно, что повсюду нужна жизнь. Когда эллин спасается без этого (без обрядов), а иудей и при обрядах наказывается, то иудейство становится упраздненным. А под эллином (апостол) разумеет не идолопоклонника, но человека благочестивого и добродетельного, освобожденного от законных обрядов.

[33] Рим 3.1. Что убо лишшее иудею?

[34] Так как (апостол) все отринул – слышание, учение, имя иудея, обрезание и все остальное, сказав, что не тот иудей, кто таков по наружности, но тот иудей, кто внутренне таков (Рим 2.28), то предвидит естественно возникающее возражение и опровергает его. Какое же это возражение? Если, скажут, в этом нет никакой пользы, то для чего и был призван народ и было дано обрезание? Что же делает (апостол) и как он разрешает возражение? Так же, как он решил и предыдущие. Как

выше он ничего не ставил в похвалу иудеям, но во всем видел Божии благодеяния, а не их заслуги, потому что именоваться иудеем, разуметь волю, рассуждать о лучшем – все это дано им не по заслугам, а по Божией благодати, – в чем укорял иудеев и Пророк, говоря: «не сотвори тако всякому язы́ку, и судьбы своя не яви им» (Пс 147.9), а также и Моисей, говоря: спросите, было ли по слову сему, разве «слыша народ глас Бога жива... из среды огня», и остался жив (Втор 5.26), – так же поступает (апостол) и здесь. Как тогда, когда шла речь об обрезании, он не сказал, что обрезание не приносит никакой пользы без жизни, но, раскрывая тоже самое и лишь выражаясь менее резко, говорит, что обрезание приносит пользу вместе с делами, и опять: «аще же преступник... Закона... еси», не прибавил: обрезание не приносит тебе никакой пользы, но выражается так: «обрезание твое не обрезание бысть» (Рим.2:25), и далее опять говорит, что необрезанием осуждается не самое обрезание, но преступник закона, – щадя, с одной стороны, закон, а с другой – нападая на людей, – так он поступает и здесь. Возразив самому себе, и сказавши: «что убо лишшее иудею?» – он дал на это ответ не отрицательный, а утвердительный, сказанным же впоследствии он опроверг это и доказал, что иудеи за такое преимущество подвергаются наказанию. Каким же образом? Объясню это, представив самое возражение.

[35] Рим 3.1–2. Что убо лишшее иудею, или кая польза обрезания? Много, по всякому образу: первее,.. яко вверена быша... словеса Божия.

[36] Замечаешь ли, что, как сказал я выше, (апостол) исчисляет не заслуги (иудеев), но благодеяния Божии? Что же значат слова: «вверена быша?» То, что им был

вручен закон, так как Бог считал их настолько достойными, что вверил им предсказания, возвещенные свыше. И я знаю, что некоторые относят выражение – «вверена быша» не к иудеям, а к слову (Божию), то есть закон сделан предметом веры; но последующее не позволяет так думать. Во-первых, (апостол) говорит это, обвиняя иудеев и показывая, что они хотя получили многие благодеяния свыше, но явили великую неблагодарность. Потом это видно и из последующего. (Апостол) прибавил:

[37] Рим.3:3–4. что бо, аще не вероваша нецыи?

[38] А если не уверовали, то как же некоторые говорят, что слово (Божие), сделалось предметом веры? Итак, что же говорит (апостол)? То, что Бог вверил им (слово Свое), а не то, что они уверовали слову. Иначе, какой же смысл имеет последующее? Ведь (апостол) прибавил: «что бо, аще не вероваша нецыи?» Тоже самое видно и из того, что (апостол сказал) после этого, а именно он говорит:

[39] еда... неверствие их веру Божию упразднит? Да не будет.

[40] Итак, то, что им было вверено, (апостол) провозглашает даром Божиим. Ты же обрати внимание на благоразумие (Павла) и в этом случае. Обвинение их он опять представляет не от самого себя, но как бы в виде возражения, и говорит как бы следующим образом: но может быть ты спросишь, какая польза от этого обрезания? Сами иудеи не сделали из него должного употребления; им вверен был закон, а они не уверовали. И сначала (апостол) не нападает на них сильно, но как только начинает оправдывать Бога от упреков, то обращает на них все свое обвинение. И почему, говорит

он, ты обвиняешь Бога в том, что они не уверовали? И какое это имеет отношение к Богу? Неужели неблагодарность облагодетельствованных Богом уничтожает Его благодеяние? Или – обращает ли она честь в нечестие? Это именно означают слова: «еда неверствие... их веру Божию упразднит? Да не будет». Это подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: я оказал честь такому-то человеку, если же он не принял чести, то в этом не моя вина и это не оскорбляет моего человеколюбия, а показывает лишь его бесчувственность. Но Павел говорит не только это, а нечто гораздо большее, именно, что неверие иудеев не только не может быть поставлено в вину Богу, но, напротив, доказывает наибольшую славу Его и человеколюбие, когда Он явно оказывает честь и тому, кто готов Его обесчестить.

41 Видишь ли, как (апостол) обвинил иудеев тем самым, чем они хвалились? Хотя Бог оказал им столько чести, что, даже предвидя будущее, не лишил их Своего благоволения, однако они оскорбили Почтившего их именно тем, чем были почтены. Потом, так как (апостол) сказал: что же, если «некоторые» и неверны были? – а между тем оказались неверными все, то, чтобы сказанным не согласно с действительностью опять не показаться строгим обвинителем иудеев, как бы их врагом, он то, что оказалось в действительности, излагает в виде общего суждения и заключения, говоря так:

42 да будет же Бог истинен, всяк же человек лож.

43 Это означает следующее: я не утверждаю, говорит (апостол), что только некоторые были неверны, но, если угодно, признавай, что все были неверны (этот почти совершившийся факт допуская условно, чтобы не огорчить иудеев и не навлечь на себя их подозрение).

Впрочем, и в этом случае Бог еще более оправдывается. Что значит: «оправдывается»? Если рассудить и исследовать то, что Бог совершил для иудеев, и что было от них в отношении к Богу, то победа будет на стороне Божией, и все оправдания принадлежат Богу. И, ясно доказав это сказанным выше, (апостол) приводит потом и слова пророка, который подтверждает его слова и говорит: «яко да оправдишися во словесех Твоих и победиши, внегда судити Ти» (Пс 50.6). Бог все сделал с Своей стороны, но иудеи не стали от того лучшими. Потом (апостол) представляет другое возникающее отсюда возражение и говорит:

[44] Рим.3:5–6. аще ли неправда наша Божию правду составляет, что речем? Еда ли неправеден Бог наносяй гнев? По человеку глаголю. Да не будет.

[45] (Апостол) одну неправильность устраняет другою. Но так как это не ясно, то необходимо сказать яснее. Итак, о чем говорит (апостол)? Бог почтил иудеев, а они оскорбили Его. Но это составляет победу Его, доказывает великое Его человеколюбие, так как Он почтил и людей столь неблагодарных. А так как, говорит (иудей), Бог победил и правда Его просияла в полном блеске вследствие того, что мы оскорбили Его и поступили несправедливо, то за что же, говорит, подвергаюсь наказанию я, сделавшийся виновником Его победы именно потому, что оскорбил Его? Как же (апостол) решает это? Другим неправильным суждением, как сказал я. Если ты, говорит он, сделался виновником победы Божией и после того подвергаешься наказанию, то это несправедливо, а если Бог не несправедлив, однако же тебя наказывает, то ты еще не сделался для Него виновником победы. И обрати внимание на благоговение

апостола. Сказавши: «еда неправеден Бог наносяй гнев?» – прибавил: «по человеку глаголю». Так сказал бы всякий, говорит (апостол), рассуждая по человеческому разуму; но ведь праведный суд Божий несравненно превосходит то, что представляется справедливым для нас, и имеет некоторые другие непостижимые для нас основания. Затем, так как это было не совершенно ясно, то он говорит тоже самое в другой раз:

[46] Рим.3:7. аще бо истина Божия в моей лжи избыточествова в славу Его, что еще и аз яко грешник осуждаюся?

[47] Ведь если Бог, говорит, явился человеколюбив, справедлив и благ вследствие того, что ты преслушался Его, то ты не только не должен подвергаться наказанию, но и еще получить награду. А если это так, то получится другая нелепость, повторяемая многими, именно: будто из зла происходит добро и причиною добра служит зло. Необходимо допустить одно из двух – или Бог, когда наказывает, является несправедливым, или же Он получает от наших злых дел победу, когда не наказывает. Но то и другое до крайности нелепо. Апостол, доказывая это, признал родоначальниками таких учений эллинов, считая достаточным для опровержения сказанного качество тех лиц, которые говорят это. Тогдашние язычники, осмеивая нас (христиан), именно говорили: будем делать зло, чтобы произошло добро. Потому (апостол) ясно и изложил это, говоря так:

[48] Рим.3:8. и не якоже ху́лимся, и якоже глаголют нецыи нас глаголати, яко сотворим злая, да приидут благая: ихже суд праведен есть.

[49] Так как Павел учил: «идеже... умножися грех, преизбыточествова благодать» (Рим 5.20), то язычники, осмеивая его и давая превратный смысл словам его, говорили, что должно предаваться порокам, чтобы насладиться благами. Но Павел, конечно, не так учил, – потому, исправляя это, говорит: «что убо? Пребудем ли во гресе, да благодать преумножится? Да не будет» (Рим 6.1). Ведь я, говорит (апостол), сказал о минувших временах, а не затем, чтобы мы сделали это своим правилом. Отклоняя заблуждающихся от такого понимания его слов, (апостол) сказал, что это, наконец, и невозможно. Как мы, говорит он, умершие для греха, будем еще жить во грехе (Рим 6.2)?

[50] Итак, (апостол) легко обличил эллинов, потому что жизнь их была очень развращенна, а жизнь иудеев хотя и представлялась в полном пренебрежении, но у них были большие основания для своего оправдания – закон и обрезание, а также то, что с ними беседовал Бог и они были учителями всех людей. Поэтому (апостол) лишил их такой защиты и даже доказал, что они из-за этого именно и подвергаются наказанию, – чем и заключил здесь свою речь. Если же делающие это, говорит он, не наказываются, то необходимо допустить богохульное положение: «сотворим злая, да приидут благая». А если и это нечестиво и если говорящие так подвергнутся наказанию (что Павел и объявил, сказав: «их... суд праведен есть»), то вполне ясно, что грешники наказываются; притом, если достойны наказания говорящие так, то тем более – делающие, а если достойны наказания, то достойны, как согрешившие. Ведь наказывает не человек, – чтобы кто-нибудь мог заподозрить его приговор, – но Бог, все делающий справедливо. Если же они наказываются справедливо, то

несправедливо говорили то, что говорили осмеивающие нас, так как Бог все сделал и делает для того, чтобы жизнь наша во всем сияла и всюду усовершалась. Итак, не будем предаваться беспечности; тогда в состоянии будем и язычников отвратить от заблуждения. Если мы станем любомудрствовать на словах, а на деле будем вести себя непристойно, то какими глазами будем смотреть на них? Какими устами станем рассуждать о догматах? Тогда язычник всякому из нас скажет: «ты, не исполнивши малого, как можешь быть достоин учить других большему? Еще сам не научившийся тому, что корыстолюбие есть зло, как ты можешь любомудрствовать о небесных предметах? Ведь знаешь, что это худо? Тем больше вина твоя, что ты, и зная, грешишь». Но зачем мне говорит об язычнике? Наши законы, когда жизнь наша порочна, даже не позволяют нам и пользоваться такой свободою. Сказано: «грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания Моя» (Пс 49.16)? Когда иудеи отведены были в плен и персы усиленно просили их, чтобы они пели им священные свои песни, они ответили: «како воспоем песнь Господню в земли чуждей» (Пс 136.4)? Если же непозволительно было петь слово Божие в варварской земле, то гораздо более непозволительно это варварской душе, так как жестокая душа есть варварская. Если тем, которые находились в плену и сделались на чужой земле рабами людей, закон повелевает молчать, то гораздо более справедливо сомкнуть свои уста рабам греха и живущим чужою жизнью. И хотя иудеи имели тогда органы, как сказано: «на вербиих посреди его обе́сихом орга́ны нашя» (Пс 136.2), но и при всем этом нельзя было петь. Так и нам, хотя мы имеем уста и язык, эти органы слова, непозволительно пользоваться

свободою речи, пока мы раболепствуем греху, наиболее жестокому из всех варваров.

51 И скажи мне, что ты станешь говорить язычнику, как скоро сам хищничаешь и лихоимствуешь? Отступи, скажешь, от идолослужения, познай Бога, не стремись к серебру и золоту. Но разве он не засмеется и не скажет в ответ: сперва научи этому самого себя; Ведь не одно и то же – идолопоклонствовать, будучи язычником, и совершать тот же самый грех, будучи христианином. И как мы будем в состоянии других отклонить от идолопоклонства, когда и сами не удалились от него? Ведь мы к себе ближе, чем к ближнему. Когда не можем убедить самих себя, как мы убедим других? Кто не правит хорошо собственным домом, тот не порадеет и о церкви. Как же может исправить других тот, кто не умеет управлять своею душою? Не говори мне, что ты не кланяешься золотому идолу, но докажи мне, что ты не делаешь того, что повелевает золото. Ведь бывают различные виды идолопоклонства: один почитает своим господином маммону, другой признает богом чрево, а третий – грубейшую страсть. Но ты (говоришь) не приносишь им в жертву волов, как язычники? Правда. За то ты, – что гораздо хуже, – закалаешь им в жертву свою душу. Ты не преклоняешь пред ними колена и не кланяешься? Но ты с очень большою покорностью исполняешь все то, что прикажут тебе и чрево, и золото, и господствующая страсть. И эллины потому именно и гнусны, что обоготворили страсти, назвав вожделение – Афродитою, ярость – Аресом, пьянство – Дионисом. Если ты не делаешь изваяния идолов, как язычники, за то с большим усердием подчиняешься тем же страстям, делая члены Христовы членами блудницы, оскверняя себя и прочими беззакониями. Потому прошу вас избегать

идолопоклонства (так Павел называет любостяжание), понявши всю важность этого порока, – избегать любостяжания не только в деньгах, но и во всякой порочной склонности, в платье, в трапезе и во всем прочем. Ведь мы за неповиновение законам Господним подвергнемся гораздо более жестокому наказанию, как и сказано: «раб, ведевый волю господина своего, и не... сотворив,.. биен будет много» (Лк 12.47). Итак, чтобы нам избегнуть этого наказания и сделаться полезными для других и для самих себя, станем стремиться к добродетели, удалив из души всякий порок. Таким образом мы достигнем и будущих благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, честь, держава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 7

[1] Рим 3.9–18. Что убо? преимеем ли? Никакоже: прежде бо обвинени есмы, Иудеи же и Еллины, вси под грехом быти. Якоже есть писано... несть праведен никтоже: несть разумеваяй... несть взыскаяй Бога: вси уклонишася, вкупе непотребни быша: несть творяй благостыню, несть даже до единаго. Гроб отверст гортань их, язы́ки своими льщаху: яд аспидов под устнами их: ихже уста клятвы и горести полна суть. Скоры ноги их пролияти кровь: сокрушение и озлобление на путех их, и пути мирнаго не познаша. Несть страха Божия пред очима их.

[2] Апостол обвинил эллинов, обвинил иудеев, следовало, наконец, говорить об оправдании, которое совершается чрез веру. Ведь если не помог закон естественный, не сделал что-нибудь больше и закон писаный, но оба даже послужили бременем для людей, не воспользовавшихся ими, как должно, и показали, что они сделались достойными большего наказания, то, наконец, необходимо было спасение при помощи благодати. Итак, скажи нам об этом, Павел, и открой. Но (апостол) еще не решается, опасаясь бесстыдства иудеев; он опять ведет речь об их обвинении и сперва представляет обвинителем Давида, который пространно изображает то, что Исаия выразил кратко, – налагая на них (иудеев) крепкую узду, чтобы они не убежали, и чтобы всякий из поучаемых о вере слушателей, будучи достаточно убежден обвинениями пророков, не уклонился. Пророк же указывает три большие недостатка, говоря, что они все без исключения делали зло, не примешивали ко злу добра, но предавались только одному пороку, и, наконец, делали зло со всею настойчивостью. Но чтобы (иудеи) не

могли возразить: «так что же? ведь это не о нас сказано», – (апостол) и прибавил:

[3] Рим.3:19. вемы же, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет.

[4] После Исаии, который несомненно говорил о них, (апостол) привел слова Давида, для того, чтобы показать, что они имеют связь со сказанным у Исаии. Какая была, говорит (апостол), необходимость пророку, посланному для вашего исправления, обличать других? Ведь закон дан не другим, но вам. А почему (апостол) не сказал: вемы, яко елика пророк глаголет, но: «елика закон глаголет?» Потому, что Павел весь Ветхий Завет обыкновенно называет законом. Так и в другом месте говорит: «закона ли не слушаете,.. яко Авраам два сына име» (Гал 4.21–22), а здесь он назвал законом псалмы, сказав: «вемы, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет». Потом (апостол) доказывает, что это сказано не просто для обвинения, но потому, что закон пролагал также путь вере. Согласие Ветхого Завета с Новым таково, что обвинения и обличения совершались всецело с той целью, чтобы пред слушателями отверзлась светлая дверь веры. Так как иудеев погубило преимущественно то, что они высоко о себе думали, о чем (апостол) потом и заметил, говоря: «не разумеюще бо Божия правды и свою правду имуще поставити, правде Божией не повинушася» (Рим 10.3), то закон и пророки прежде всего и укрощали их высокомерие и низлагали надменность, чтобы, пришедши в сознание собственных грехов, отложивши всякую гордость и увидевши себя в крайней опасности, они с великим усердием притекли к Подающему им прощение грехов и приняли благодать чрез веру. Намекая на это и

здесь, Павел говорит: «вемы, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет».

5 Да всяка уста заградятся и повинен будет весь мир Богови.

6 Здесь он показывает, что иудеи, не смея хвалиться делами, бывают хвастливы и бесстыдны только на словах. Потому главным образом он употребил выражение: «да всяка уста заградятся», указывая на их бесстыдное и неудержимое хвастовство и на их буквально требующий заграждения язык: ведь как неудержим поток, так стремился и он; но пророк заградил его. Когда же Павел говорит: «да всяка уста заградятся», он не то говорит, будто они для того грешили, чтобы заградились уста их, но (говорит) обличались они потому, что, греша в одном и том же, не сознавали этого. «И повинен будет весь мир Богови». Не сказал – иудеи, но – весь род человеческий. Именно словами: «да всяка уста заградятся» апостол намекает на иудеев, хотя и не сказал этого ясно, чтобы речь не была для них резкою, а словами: «повинен будет весь мир Богови» сказано вместе и об иудеях, и об эллинах. Но и этого не мало для смирения гордыни иудеев, как скоро и здесь они не имеют никакого преимущества пред язычниками, но, по слову спасения, преданы наравне с ними. Так, повинным в собственном смысле может называться тот, кто не в силах оказывается защитить себя сам, а имеет нужду в помощи другого, каково и было наше положение, когда мы погубили дарованные нам средства ко спасению.

7 Рим.3:20. Законом бо познание греха.

8 Апостол опять напал на закон, по уже с пощадою, так как сказанное служит обвинением не закона, но

нерадения иудеев; при всем том, намереваясь говорить о вере, он постарался и здесь доказать, что закон весьма немощен. Если, говорит он, ты хвалишься законом, то сам себя больше посрамляешь, потому что он обличает твои грехи. Но (апостол) не сказал так резко, а снисходительнее: «законом бо познание греха». Значит, и наказание больше, но только для иудеев. Ведь закон совершил то, что грех сделался для тебя известен, а от тебя зависело избегать его (греха); ты же, не уклонившись, навлек на себя большее наказание, и таким образом вразумление закона сделалось для тебя поводом к большему мучению.

[9] Итак, когда (апостол) усилил страх, тогда, наконец, начинает речь о дарах благодати, возбудив в слушателях сильное желание получить отпущение грехов, и говорит:

[10] Рим.3:21. ныне же кроме закона правда Божия явися.

[11] Здесь (апостол) изрек нечто великое и нуждающееся во многом разъяснении. Если жившие в законе не только не избегли наказания, но даже навлекли на себя большее, то как возможно без закона не только избегнуть наказания, но и оправдаться? Апостол и говорит здесь о двух весьма важных предметах: об оправдании и о достижении этих благ независимо от закона. Потому сказал не просто – правда, но – «правда Божия», достоинством лица доказывая величие дара и силу обещания, так как Богу все возможно. И не сказал – дана правда, но – «явися», устраняя обвинение в нововведении; являться может только то, что существовало прежде, но было сокрыто. И не только этим, но и следующими словами (апостол) доказывает, что явившееся не есть что-либо новое. Сказав – «явися», присовокупил:

[12] свидетельствуема от закона и пророк.

[13] Не приходи в смущение оттого, что правда Божия дарована только ныне, говорит (апостол), и не смущайся этим, как делом новым и необычайным: об этом издревле говорили и закон и пророки. Частью доказал это (апостол) выше, а частью докажет впоследствии, – выше, когда привел слова Аввакума: «праведный… от веры жив будет» (Рим 1.17; Авв 2.4), а впоследствии, когда укажет на Авраама, Давида, которые говорили нам об этом. У иудеев было большое уважение к этим лицам, из которых один был патриарх и пророк, а другой царь и пророк, и обетования относительно этого были даны им обоим. Потому и Матфей, начиная Евангелие, прежде всего упоминает об Аврааме и Давиде, а потом уже по порядку перечисляет праотцев. Сказавши: «книга родства Иисуса Христа», он не после Авраама, Исаака и Иакова, но вместе с Авраамом упомянул о Давиде. И что удивительно – Давида поставил прежде Авраама, говоря так: «сына Давидова, сына Авраамля» (Мф 1.1), а потом уже начал перечислять Исаака, Иакова и всех следующих. Потому и апостол часто упоминает здесь об Аврааме и Давиде и говорит: «правда Божия… свидетельствуема от закона и пророк». Чтобы кто-нибудь не сказал: «как мы спасаемся, коль скоро нисколько не содействуем этому сами?» – (апостол) и показывает, что и мы не мало вносим в это дело, – я разумею веру. Потому, сказав: «правда Божия», присовокупил:

[14] Рим.3:22–23. верою… во всех и на всех верующих.

[15] Здесь опять иудей может прийти в смущение, не имея никакого преимущества пред прочими людьми и поставляемый вместе со всею вселенной. Чтобы он не испытал этого, (апостол) поражает его страхом, прибавив:

16 несть бо разнствия. Вси бо согрешиша.

17 Не говори мне, что такой-то эллин, этот скиф, а тот фракиянин: все находятся в одном и том же положении. Хотя ты получил закон, но научился из закона только тому одному, как узнавать грех, а не как избегать его. Потом, чтобы (иудеи) не сказали: «хотя мы и грешим, но не так, как язычники», – (апостол) присовокупил:

18 и лишени суть славы Божия.

19 Таким образом, хотя ты грешил и неодинаково с остальными, однако и ты лишаешься славы: ведь ты из числа оскорбивших Бога, а оскорбитель принадлежит не к прославляемым, но к посрамленным. Но ты не страшись, я сказал это не для того, чтобы ввергнуть тебя в отчаяние, а для того, чтобы показать тебе человеколюбие Владыки. Потому (апостол) и присовокупил:

20 Рим.3:24–25. оправдаеми туне благодатию Его, избавлением, еже о Христе Иисусе, егоже предположи Бог очищение верою в крови Его, в явление правды Своея́.

21 Смотри, сколько доводов приводит (апостол) в подтверждение сказанного. Во-первых, доказывает достоинством лица: совершает это не человек слабый силами, но Бог, для Которого все возможно, так как сказано, что «правда есть Божия». Во-вторых, доказывает законом и пророками: и не устрашайся, когда ты и услышишь слова: «кроме закона» (Рим.3:21), так как это имеет значение по отношению к самому закону. В-третьих, доказывает ветхозаветными жертвами, почему сказал: «в крови Его», напоминая иудеям об овцах и тельцах. Если, говорит (апостол), заклания бессловесных избавляли от греха, то тем более – кровь Иисуса Христа. И сказал не просто – куплею, но – «искуплением», чтобы

нам больше не возвращаться в то же самое рабство. Вследствие этого же он называет Иисуса Христа «очищением», показывая, что если столь великую силу имел образ, то гораздо большее действие окажет самая истина. И опять, показывая, что это не есть что-либо недавнее и новое, апостол говорит: «предположи». Сказав же: «предположи Бог» и признавши это делом Отца, он показывает, что тоже самое принадлежит и Сыну. Отец предположил, а Христос совершил все дело Своею кровию. «В явление правды Своея». Что значит – «явление правды»? Как явление богатства состоит в том, чтобы не только самому быть богатым, но и других делать богатыми, явление жизни – в том, чтобы не только самому быть живым, но и мертвых оживлять, и явление силы – в том, чтобы не только самому быть сильным, но и укреплять слабых, так и явление правды состоит в том, чтобы не только самому быть праведным, но и других, истлевших в грехах, мгновенно делать праведными. Изъясняя это, (апостол) и сам раскрыл, что значит явление, сказавши:

[22] Рим.3:26. быти ему праведну и оправдающу сущаго от веры Иисусовы.

[23] Итак, не сомневайся: ты оправдываешься не делами, но верою. Не избегай же правды Божией, так как она представляет двойное благо, – и легко приобретается, и предложена всем. Не стыдись и не красней. Если сам Бог явно совершает это дело, даже, как мог бы сказать кто-нибудь, хвалится им и превозносится, то как ты можешь скрываться и прятаться от того, чем прославляется твой Владыка? Итак, ободрив слушателя словами, что совершающееся есть явление правды Божией, он колеблющегося и не решающегося прийти

опять побуждает страхом, говоря так: «за отпущение прежде бывших грехов» (Рим.3:25).

24 Ты видишь, как он часто напоминает иудеям о грехах? Выше он сказал: «законом бо познание греха» (Рим.3:20), потом: «вси бо согрешиша» (Рим.3:23), а здесь выражается еще сильнее. Он не сказал: по причине грехов, но: «за отпущение» (Рим.3:25), т. е. вследствие омертвения от грехов. Ведь больше уже не было надежды на выздоровление, но как расслабленное тело нуждалось в помощи свыше, так и омертвевшая душа. И – что всего поразительнее – (апостол) более сильным обвинением людей считает то, что он указывает в качестве причины расслабления. Что же такое? То, что расслабление случилось во время долготерпения Божия. Вы не можете сказать, говорит он, что не пользовались многим долготерпением и благостью. Слова – «в нынешнее время» (Рим.3:26) означают, что Бог оказал великое долготерпение и человеколюбие. Когда мы дошли до отчаяния, говорит (апостол), и было время суда, когда зло возросло и грехи умножились, тогда Бог явил силу Свою, чтобы уразуметь тебе, как велико у Него богатство правды. Если бы это совершилось в начале, то не показалось бы настолько удивительным и необычайным, как теперь, когда испытаны уже все способы врачевания.

25 Рим.3:27. Где убо похвала? Отгнася, – говорит. Которым законом? Делы ли? Ни, но законом веры.

26 Великого труда стоило Павлу доказать, что вера получила такую силу, о какой закон не мог никогда и воображать. Так как он уже сказал, что Бог оправдывает человека верою, то теперь опять обращается к закону и не говорит: где заслуги иудеев, где праведные дела? но: «где... похвала»? – везде показывая, что иудеи только

хвалились, будто имеют какое-то преимущество пред остальными, но ничего не доказали на деле. И, спросив: «где убо похвала»? – не сказал: исчезла и погибла, но: «отгнася», чем больше указывается на неблаговременность, так как хвалиться было уже не время. Подобно тому как, когда наступил суд, желающие раскаяться не имеют уже удобного времени, так и тогда, когда приговор, наконец, был произнесен, все готовы были погибнуть, явился Тот, Кто благодатью уничтожает все зло, – иудеи не имели уже времени защитить себя оправданием от закона. Если им и нужно было утверждаться на этом, то прежде пришествия Христова. А когда пришел спасающий чрез веру, время подвигов было уже отнято, и так как все прежние средства оказались недействительными, Христос спасает благодатью. Потому и пришел Он ныне, чтобы не сказали (если бы он явился в начале), что возможно было спастись и при помощи закона, собственными трудами и заслугами. Итак, устраняя такое их бесстыдство, Христос промедлил долгое время, чтобы спасти Своею благодатью тогда, когда посредством всего ясно было доказано, что людям недостаточно собственных сил. Потому (апостол), говоря и выше: «в показание правды» (Рим.3:25), присовокупил: «в нынешнее время» (Рим.3:26). А если бы некоторые и стали противоречить, то они поступили бы подобно тому человеку, который, совершив тяжкие преступления и оказавшись не в состоянии оправдаться на суде, был бы осужден и должен был подвергнуться наказанию, но потом царской милостью был бы освобожден, а после освобождения имел бы бесстыдство хвалиться и утверждать, что он не совершил никакого проступка. Это надлежало доказать прежде явления дара, а когда он явился, хвалиться уже было не время. Это именно и

случилось с иудеями. Они уже были проданы из своего отечества, почему и пришел (Христос) и Своим пришествием лишил их похвалы. Ведь тот, кто говорит о себе, что он – учитель младенцев, кто хвалится законом, называет себя наставником неразумных, а между тем, подобно им, имеет нужду в Учителе и Спасителе, тот не имеет основания хвалиться. Если и прежде этого обрезание было необрезанием, то тем более ныне, так как оно уничтожено и для прошедшего, и для настоящего времени. Сказав же – «отгнася», (апостол) и показывает, как это случилось. Итак, как уничтожено? – спрашивает (апостол).

27 Которым законом? Делы ли? Ни, но законом веры.

28 Вот и веру (Павел) назвал законом, охотно пользуясь для того прежними наименованиями, чтобы сгладить кажущееся нововведение. В чем же состоит закон веры? В спасении по благодати. Здесь (апостол) доказывает могущество Бога, потому что Он не только спас, но и оправдал и привел в похвалу, не имея для того нужды в наших делах, а требуя одной веры. И он говорит это, приучая уверовавшего иудея к скромности, а неуверовавшего смиряя, чтобы и его потом привлечь. Тот, кто получил спасение, если станет много о себе думать, то, вникнув в закон, узнает, что закон сам заградил ему уста, сам обвинил его, сам отказал ему в спасении и лишил похвалы; а неуверовавший, в свою очередь, наученный тем же самым смирению, может быть приведен к вере. Видишь ли, каково богатство веры, как она удалила нас от всего прежнего, не дозволив даже хвалиться этим?

29 Рим.3:28. Мыслим убо верою оправдатися человеку, без дел закона.

30 Когда (апостол) доказал, что оправдывающиеся верою стоят выше иудеев, тогда, наконец, он с большою свободою рассуждает и о вере и опять устраняет то, что по-видимому могло смущать. Иудеев смущали две следующие мысли: первая – возможно ли спастись без дел тем, которые не спаслись делами, а вторая – справедливо ли необрезанным пользоваться равными правами с теми, которые столько времени воспитывались в законе; последняя мысль беспокоила их гораздо больше первой. Вследствие этого (апостол), раскрыв первую, переходит к этой последней, которая настолько смущала иудеев, что они и после принятия веры обвиняли по этому поводу Петра, из-за Корнилия и его дела. Что же говорит (Павел)? «Мыслим убо верою оправдатися человеку, без дел закона». Он не сказал – иудею, или – находящемуся под законом, но, выразившись общее и открывши дверь спасения всей вселенной, употребил родовое имя и говорит – «человеку». Потом, исходя из этого слова, (апостол) разрешает не указанное здесь возражение. Так как естественно было, что иудеи, услышав о том, что вера оправдывает всякого человека, будут недовольны и соблазнятся, то (Павел) и прибавил:

31 Рим.3:29. или Иудеев Бог токмо?

32 Здесь он как бы говорит следующее: почему тебе кажется нелепым, что всякий человек спасается? Неужели Бог есть частный Бог? Этим он показывает, что желающие унижать язычников больше оскорбляют славу Божию, если не допускают, что Он есть Бог всех. Если же Он есть Бог всех, то о всех и промышляет; а если о всех промышляет, то всех равно спасает чрез веру. Потому (апостол) говорит: «или Иудеев Бог токмо, а не языков?»

33 Ей, и языков.

[34] Бог есть не частный Бог, как это допускается в эллинских мифах, но для всех общий и единый. Потому и присовокупляет:

[35] Рим.3:30. понеже един Бог,

[36] то есть, Он один Владыка и тех, и этих (иудеев и язычников).

[37] Если укажешь мне на Ветхий Завет, то и там промысл Божий простирался на всех, хотя и не одинаково. Тебе дан закон писаный, а им закон естественный, но они нисколько не имели меньше, а если желали, то могли и превзойти тебя. Намекая на это самое, (апостол) присовокупил:

[38] иже оправдит обрезание от веры и необрезание верою,

[39] напомнив иудеям сказанное выше о необрезании и обрезании, где он доказал, что между ними нет никакого различия. А если тогда (в Ветхом Завете) не было никакого различия, то тем более ныне; раскрывая теперь это яснее, (апостол) показал, что то и другое одинаково нуждается в вере.

[40] Рим.3:31. Закон ли убо разоряем верою? – говорит. Да не будет: но закон утверждаем.

[41] Ты заметил разнообразную и неизреченную мудрость (апостола)? Самым словом – «утверждаем» он показал, что закон уже не стоит, но разорен. Обрати внимание и на превосходство силы Павла, а также на то, с каким богатством доказательств он раскрывает то, что желает. Так, здесь он доказывает, что вера не только не вредит закону, но и помогает ему, равно как и закон пролагает путь вере. Как закон, предваряя веру, о ней свидетельствовал, – о чем (апостол) и говорит:

«свидетельствуема от закона и пророк» (Рим.3:21), – так и вера восстановила изнемогающий закон. Как же восстановила? – спросишь. Но какое было дело закона, и для чего он заставлял все совершать? Для того, чтобы сделать человека праведным. Но он оказался бессилен в этом: «вси бо, – говорит, – согрешиша» (Рим.3:23), а вера, явившись, успела в этом, так как, всякий, кто уверовал, вместе с тем и оправдался. Итак, вера утвердила волю закона и привела к концу то, для чего он все делал. Значить, она не упразднила, а усовершила закон. Таким образом (апостол) доказал здесь три положения: возможно оправдаться без закона, закон оказался в этом бессилен и вера не противоборствует закону. Так как иудеев всего более смущало то, что вера представлялась противоборствующею закону, то (апостол) более того, чем сколько желал иудей, доказывает, что она не только не противоборствует, но еще способствует и содействует закону, а это особенно и желали услышать (иудеи).

42 Но так как после той благодати, которой мы оправдались, является нужда и в делах, то покажем прилежание, достойное дара. А покажем, мы это тогда, когда со всем тщанием будем хранить любовь – матерь всех благ. Любовь же заключается не в пустых словах и не в простых приветствиях, но в явлении и совершении дел, например, в том, чтобы избавлять от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися. Ведь и последнее служит признаком любви; хотя и представляется маловажным радоваться с радующимися, однако же это очень великое дело и требует ума философского. Можно найти много людей, которые совершают очень трудное, но в этом оказываются

слабыми. Многие плачут с плачущими, но не радуются с радующимися, а напротив, когда другие радуются, они плачут из недоброжелательства и зависти. Потому не малая заслуга – радоваться тогда, когда брат радуется, напротив – важнее как той, чтобы плакать с плачущими, так и той, чтобы помогать в бедах. Многие подвергаются опасности вместе с находящимися в опасностях, но, когда другие успевают в делах, они терзаются. Такова сила зависти. Хотя там нужны труды и пот, а здесь одно доброе желание и расположение, однако многие, перенесши более тяжелое, не совершили более легкого, но томятся и сами себя губят, когда увидят, что другие преуспевают и что всей церкви оказана услуга или словом, или иным чем-либо. Что может быть хуже такого человека? Он противится уже не брату, но воле Божией. Помыслив об этом, уничтожь недуг свой и по крайней мере избавь самого себя от множества зол, если не желаешь избавить и ближнего. Для чего ты ведешь борьбу с своими мыслями? Зачем наполняешь душу смятением, воздвигаешь бурю, все ниспровергаешь? Находясь в таком состоянии, как ты можешь просить себе отпущения грехов? Если Бог не отпускает грехов тем, которые не прощают сделанных против них грехов, то какое прощение Он даст тем, которые мыслят зло на людей, нисколько их не обидевших? Это – доказательство крайней злобы; таковые вместе с диаволом враждуют на церковь, а может быть они и гораздо хуже самого диавола. Ведь от диавола можно остеречься, а такие люди, нося личину дружбы, тайно возжигают огонь, сами же себя ввергая в печь первыми и страдая болезнью, которая не только не может вызвать сожаления, но и возбуждает сильный смех. Скажи мне: почему ты бледнеешь, трепещешь и сделался крайне робок? Какое

случилось несчастье? Не то ли, что брат твой богат, знаменит и пользуется почетом? Значит, тебе нужно бы украсить себя венком, радоваться и прославлять Бога, что твой сочлен стал знатен и славен, а ты скорбишь о том, что Бог прославляется. Видишь ли, куда направляется вражда? Ты скажешь: не Бог прославляется, а прославляется брат. Но чрез него слава восходит к Богу, а следовательно – и вражда твоя. Но не то печалит меня, говоришь ты, а я желал бы, чтобы Бог прославлялся чрез меня. Так радуйся успехам брата и вот – Бог прославляется и чрез тебя, и все скажут: благословен Бог, имеющий таковых рабов, свободных от всякой зависти, взаимно радующихся счастью друг друга. И что мне сказать о брате? Если он и был твоим недругом и врагом, а Бог чрез него прославился, то потому самому он должен сделаться твоим другом. А ты друга делаешь врагом, когда он получает почести и прославляет Бога. Если бы кто-нибудь излечил твое страждущее тело, то хотя бы он был и враг твой, не стал ли бы ты считать его между первыми своими друзьями? А украшающего тело Христово, то есть, церковь, и своего друга ты считаешь врагом? И как ты можешь иным способом доказать свою вражду ко Христу? Потому, хотя бы кто и творил чудеса, хотя бы соблюдал девство и пост и спал на земле, хотя бы сравнялся и с ангелами в добродетели, но если имеет этот недостаток, – будет нечестивее всех и беззаконнее даже прелюбодея, блудника, разбойника и гробокопателя.

43 И чтобы кто-нибудь не обвинил меня в преувеличении речи, я охотно спрошу вас о следующем: если бы кто-нибудь, взявши огонь и заступ, стал разорять и сжигать этот дом (Божий) и разрушать вот этот жертвенник, то каждый из присутствующих разве не стал бы бросать в него камнями, как в человека нечестивого и

беззаконного? Так что же? А если кто приносит пламя более губительное, чем этот огонь, – я говорю о зависти, которая разоряет не каменные здания и разрушает не золотой престол, но ниспровергает и губит то, что гораздо ценнее и стен, и престола, здание учителей, – то может ли он заслуживать какого-либо снисхождения? Пусть никто не говорит мне, что покушающийся на преступление часто не имеет сил исполнить его: дела оцениваются по расположению; так, Саул умертвил уже Давида, хотя и не осуществил этого на деле. Скажи мне, неужели ты не понимаешь, что, враждуя с пастырем, ты злоумышляешь и на овец Христа, на тех овец, за которых Христос пролил кровь Свою, и нам повелел все делать и терпеть? Неужели ты не приводишь себе на память, что твой Владыка искал твоей славы, а не Своей, ты же ищешь не Его славы, а своей? Конечно, если бы ты искал Его славы, то ты достиг бы и своей, а ища своей прежде Его, никогда не достигнешь и этой. Итак, какое же будет врачевство от этого? Будем молиться все вместе и вознесем один глас за них, как за одержимых бесом. Ведь они находятся в положении даже более жалком, потому что безумие их произвольно, и болезнь эта имеет нужду в молитве, притом в молитве многой. Если не любящий брата, хотя бы расточил имение и просиял в мученичестве, ни в чем не достигнет успеха, то пойми, какого наказания может заслуживать тот, кто враждует на человека, ничем его не обидевшего? Такой хуже и язычника. Если любовь к любящим нас не дает нам никакого преимущества пред ними (язычниками), то, скажи мне, где займет место завидующий любящим?

[44] Завидовать хуже, чем ссориться. Ссорящийся, как скоро будет устранена причина ссоры, обыкновенно прекращает вражду; но завистник никогда не может

сделаться другом. Первый ведет борьбу открытую, а второй – тайную; тот иногда может представить благовидный предлог к ссоре, а этот не может ни на что указать, кроме своего безумия и сатанинского настроения. Итак, чему можно уподобить таковую душу? Какой ехидне? Какому аспиду? Какому червю? Какому ядовитому насекомому? Ведь нет ничего нечестивее и злее такой души. Это, именно это (зависть) ниспровергло церкви, породило ереси, вооружило братскую руку, побудило обагрить десницу в крови праведника, попрало законы природы, отверзло двери смерти, привело в исполнение древние проклятия, заставило того несчастного (Каина) забыть муки рождения, своих родителей и всех других, привело его в такое неистовство и ввергло в такое бешенство, что когда Бог призывал его и говорил: «к тебе обращение его, и ты тем обладаеши» (Быт 4.7), то он не тронулся и этим. Хотя бы Бог и простил ему вину и подчинил брата, однако эта рана настолько неизлечима, что, если бы были приложены и бесчисленные лекарства, она все-таки будет обильно источать свой гной. Почему же ты скорбишь, несчастнейший из всех? Неужели потому, что честь воздана Богу? Но это – сатанинское настроение. Или потому, что брат превзошел тебя славою? Но тебе возможно опять опередить его. Таким образом, если желаешь побудить, то не убивай и не истребляй, но оставь жить, чтобы у тебя сохранился повод к состязаниям, и побуди живого, тогда и у тебя будет светлый венец; а если ты убьешь, то на самого себя произнесешь приговор, который постыднее поражения. Но ничего этого не признает зависть. Ради чего же ты стремишься к славе в такой пустыне? Вот и они (Каин с Авелем) тогда одни только населяли землю, однако это не удержало Каина и

он, все исторгнув из души своей, стал рядом с диаволом и ополчился, именно диавол был тогда вождем Каина. Так как ему недостаточно было того, что человек сделался смертным, то он самым родом смерти постарался увеличить несчастие и внушил Каину сделаться братоубийцею; он, никогда не насыщающийся нашими бедствиями, спешил, нетерпеливо желал видеть исполнение своего дела. Подобно тому, как если кто-нибудь, имея врага своего в узах и увидев, что над ним произнесен уже приговор, спешит, прежде чем он вышел из города, увидеть его умерщвленным и внутри города и не может переждать надлежащего времени, так спешил тогда и диавол. Хотя он и услышал, что человек должен возвратиться в землю, но он весьма сильно желал увидеть нечто большее, – чтобы сын умер прежде отца, брат убил брата и смерть была преждевременная и насильственная.

45 Видишь ли, к чему послужила зависть, как она исполнила ненасытное желание диавола и предложила ему такую снедь, какую только он желал увидеть. Итак, будем избегать этого недуга. Ведь тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать того огня, уготованного диаволу. А освобождаться от болезни мы станем тогда, когда помыслим, как возлюбил нас Христос и как повелел нам любить друг друга. Как же Он возлюбил нас? Он дал и честную кровь Свою за нас, бывших Его врагами и причинивших Ему величайшие оскорбления. И ты делай это по отношению к брату своему, как Он и говорит: «заповедь новую даю вам, да любите друг друга: якоже Аз возлюбих вы» (Ин 13.34). Лучше же сказать, Христос не ограничился этой мерою, так как сделал это за врагов. Но ты – неужели не хочешь отдать крови своей за брата?

Зачем же ты, без меры нарушая заповедь, даже проливаешь его кровь? Затем, Христос совершил то, к чему Он не был обязан, а если это сделаешь ты, то лишь исполнишь долг свой. И тот, который, получивши десять тысяч талантов, стал требовать сто динариев, был наказан не за одно только то, что требовал, но и за то, что не сделался лучшим под влиянием благодеяния, не последовал примеру царя и не простил долга (Мф 18.23–35). Раб, если бы простил долг, исполнил бы только свою обязанность. И мы во всем, что ни делаем, исполняем только свою обязанность. Потому и Христос сказал: «егда... вся... сотворите,.. глаголите, яко раби неключи́ми есмы:.. еже бо должни бехом сотворити, сотворихом» (Лк 17.10).

[46] Итак, если мы обнаруживаем любовь, если отдаем имение нуждающимся, то исполняем нашу обязанность не потому только, что сам Бог показал нам пример благодеяний, но и потому, что, когда даем, уделяем из принадлежащего Богу. Почему же ты лишаешь самого себя того, над чем Бог хочет поставить тебя господином? Ведь Он велел тебе давать другому, чтобы и сам ты владел тем же. Пока ты один владеешь, то и сам не имеешь, а когда даешь другому, тогда получаешь и сам. И что может сравняться с такою любовью? Христос пролил кровь за врагов, а мы и имения не отдаем за благодетеля; Он пролил собственную Свою кровь, а мы жалеем имения, которое не наше; Он совершил это прежде нас, а мы не делаем и после Него; Он сделал это для нашего спасения, а мы не хотим и для собственной своей пользы; Ему нет никакого прибытка от нашего человеколюбия, но вся выгода возвращается к нам. Для того мы получили повеление раздавать имение, чтобы не лишиться и самим. Подобно тому как кто дает деньги малому ребенку и

приказывает ему держать крепко, или отдает их на сбережение слуге, чтобы нельзя было желающему похитить, так делает и Бог. Отдай нуждающемуся, говорит Он, чтобы кто-нибудь не похитил их у тебя, например: клеветник, вор, диавол, а после всех смерть. Пока ты сам владеешь ими, то не в безопасном месте хранишь, а если передашь их через бедных Мне, то я все сберегу тебе в целости и в надлежащее время возвращу с большою прибылью. Я беру их не затем, чтобы отнять для Себя, но для того, чтобы приумножить, сберечь в совершенной целости и сохранить их для тебя к тому времени, когда никто не даст взаймы, никто не сжалится.

47 Итак, что может быть жестокосерднее нас, не соглашающихся и после таких обещаний дать взаймы Богу? Конечно, вследствие этого мы и отходим к Нему скудными, нагими и нищими, не имея при себе вверенного нам, потому что со своей стороны не передаем этого на сохранение Тому, Кто сберегает всех тщательнее. Потому мы и подвергнемся крайнему наказанию. Во время нашего обвинения, что мы в состоянии будем сказать о своей погибели? Какое представим оправдание? Какую защиту? В самом деле, почему ты не дал? Не веришь, что получишь обратно? И как можно сказать это? Давший тому, кто не дал, не тем ли вернее отдаст после получения? Но вид их (имуществ) веселит тебя? Вследствие этого и давай усерднее, чтобы еще больше увеселяться там, когда никто не отнимет их у тебя, тогда как, владея этим теперь, ты подвергнешься бесчисленным бедствиям. Диавол, подобно псу, бросается на богатых, как бы желая вырвать кусок хлеба или пирога из рук у ребенка.

48 Итак, отдадим это Отцу. Дьявол, как скоро увидит это, непременно убежит прочь, а по уходе его, Отец в сохранности отдаст тебе все это тогда, когда диаволу нельзя уже будет беспокоить тебя, именно в будущем веке. Богатые в настоящей жизни ничем не отличаются от малых детей, которых беспокоят щенята, так как все лают вокруг них, теребят их и тащат – не только люди, но и низкие страсти, чревоугодие, пьянство, лесть и всякого рода распутство. Когда нужно дать взаймы деньги, то мы обыкновенно отыскиваем тех, кто дает больше (прибыли), высматриваем людей честных. А в этом случае мы поступаем напротив: оставляем справедливого Бога, подающего не сторицею, но в сто крат больше, тогда как тех, которые не отдадут нам и самого капитала, мы ищем.

49 Чем, в самом деле, заплатит нам чрево, пожирающее большую часть (нашего имущества)? Нечистотою и тлением. Чем заплатит тщеславие? Завистью и клеветою. Чем заплатит скупость? Заботами и попечениями. Чем заплатит распутство? Геенною и ядовитым червем. Вот должники богачей, такую именно прибыль они получают с капитала – зло в настоящей жизни и бедствие в будущей. Итак, скажи мне, неужели мы будем давать взаймы им, под условием столь великого наказания, а не вверим богатство Христу, Который обещает нам небо, бессмертную жизнь и неизреченные блага? И какое мы будем иметь оправдание? Почему же ты не даешь Тому, Кто несомненно возвратит и возвратит с избытком? Может быть, потому, что Он возвратит спустя продолжительное время? Но Бог возвращает и в настоящей жизни, так как неложен сказавший: «ищите… царствия Божия… и сия вся приложатся вам» (Мф 6.33). Замечаешь ли ты необыкновенную щедрость? То, говорит Он, сохранено для тебя и не умаляется, а настоящие

блага даю в виде прибавки и прибыли. Кроме того, полученное чрез продолжительное время увеличивает твое богатство, потому что прибыль становится больше. Мы видим, что и ростовщики так поступают с берущими взаймы, охотнее снабжая тех, которые берут на долгое время. Тот, кто возвратил весь долг вскоре, пресек и увеличение роста; а тот, кто держал у себя более продолжительное время, доставил и больше прибыли. Потом, с людьми мы не затрудняемся отсрочкою, но даже сами придумываем средства продлить ее, а по отношению к Богу неужели мы будем настолько малодушны, что вследствие этого станем колебаться и отказывать, хотя, как я сказал, Бог и здесь отдает, и там, по указанной причине, хранить все, уготовляя нечто иное, большее. Ведь великость даваемого и красота того дара превышают малоценность настоящей жизни и, находясь в тленном и смертном теле, невозможно принять те неувядаемые венцы и нельзя в настоящей мятежной жизни, исполненной беспокойств и подверженной многим переменам, принять тот непреложный и безмятежный жребий. Если бы кто-нибудь, занявший у тебя золото, обещался возвратить тебе долг тогда, когда ты живешь в чужой земле, не имеешь рабов и не можешь даже привезти деньги домой, то ты, конечно, весьма много стал бы просить его, чтобы он лучше отдал их тебе дома, а не на чужой стороне. А духовные и неизреченные блага неужели ты желаешь получить здесь? Какое это безумие! Если возьмешь здесь, то, без сомнения, получишь тленное, а если подождешь будущего времени, то Господь отдаст тебе нетленное и бессмертное. Если возьмешь здесь, то получишь свинец, а если – там, то – чистое золото. Кроме того, Бог не лишил тебя и настоящих благ, так как вместе с тем обещанием дал и другое, говоря так:

всякий возлюбивший те дела получит во сто крат в этом веке и наследует жизнь вечную (Мф 19.29).

50 Если же мы получаем во сто крат, то виноваты мы сами, не давая взаймы тому, кто может столько заплатить, так как все давшие, хотя бы дали и немного, получили именно столько (во сто крат). Скажи мне: что великое дал Петр? Не изорванную ли сеть, не трость ли только и уду? Однако же Бог отверз ему дома вселенной, распростер пред ним сушу и море, все призывали его к себе и, продавая свои имущества, приносили цену их к ногам его, не отдавая даже в руки (потому что не смели): столько были для него щедры и такую оказывали ему честь. Но скажешь: он был Петр. Так что же? Ведь не одному только Петру обещал это Христос, не сказал ему: Петр, ты один получишь во сто крат, но (сказано): «всяк, иже оставит дом и братьев,.. сторицею приимет» (Мф 19.29). Бог не знает различия лиц, но – достоинства дел. Но меня, говоришь ты, окружает куча детей и я желаю оставить их богатыми. И конечно, – зачем ты станешь делать их бедняками? Но если ты все оставишь им, то опять все свое имущество вверишь ненадежной охране, а если сделаешь их сонаследником и попечителем Бога, то оставишь им и бесчисленные сокровища. Подобно тому как, когда мы сами себя защищаем, Бог за нас не вступается, а когда вверяем себя Ему, получаем от Него больше, чем ожидаем, тоже бывает и в отношении нашего имущества: если мы сами заботимся о нем, Бог удаляется от промышления о нем, а если все возложим на Его попечение, Он устроит во всякой безопасности и наше имение, и детей. И почему ты удивляешься, если так поступает Бог? Всякий может видеть, что тоже бывает и у людей. Если ты перед смертью не пригласишь никого из близких позаботиться о детях твоих, то часто и тот, кому

бы очень хотелось, стыдится и не решается вступиться в это дело самовольно, а если ты возложишь на него такое попечение, то, будучи удостоен столь великой чести, он и сам вознаградит за это величайшею благодарностью.

51 Итак, если желаешь оставить детям своим большое богатство, оставь им промысл Божий. Тот, Кто без всякого твоего участия дал тебе, душу, образовал тело и даровал жизнь, когда увидит, что ты обнаруживаешь столь великую преданность и поручаешь Ему и детей и им принадлежащее, неужели не отверзет для них всего Своего богатства? Если Илия, прокормленный малым количеством муки, когда увидел, что та женщина предпочитает его детям, явил в хижине вдовицы гумно и точило, то подумай, какую милость покажет Владыка Илиин. Потому станем заботиться не о том, чтобы детей оставить богатыми, но о том, чтобы сделать их добродетельными. Если они станут надеяться на богатство, то не будут заботиться ни о чем другом, как имеющие возможность прикрыть порочность нравов обилием денег; а когда увидят, что они лишены этой опоры, то сделают все, чтобы посредством добродетели найти себе большее утешение в вечности.

52 Итак, не оставляй богатства, чтобы оставить добродетель. Ведь крайне безрассудно при жизни своей не делать детей господами того, что имеем, а по смерти давать легкомыслию молодости полную свободу. Когда мы живы, то можем требовать у них и отчета и, если они дурно пользуются настоящим, можем вразумлять и обуздывать их, а по смерти своей, если мы вместе с нашим отсутствием и их молодостью, предоставим им и свободное пользование богатством, то ввергнем этих несчастных и жалких в величайшую бездну, подложив

огонь к огню и подливши масла в раскаленную печь. Таким образом, если желаешь оставить детей подлинно богатыми, то оставь должником их Бога и Ему вручи свое завещание. Если они сами получат богатство, то не будут знать, кому отдать его, а встретятся со многими – и клеветниками, и людьми бесчестными, если же ты заранее отдашь его взаймы Богу, то сокровище останется, конечно, неприкосновенным и возвращение его состоится с большой легкостью. Бог милостив, возвращает нам то, что должен, и взирает на Своих заимодавцев приятнее, нежели на тех, которые ничего не давали Ему взаймы, и, кому больше всего должен, того особенно и любит. Потому, если хочешь всегда иметь Его своим другом, во многом сделай Его своим должником. Не столько заимодавец радуется тому, что имеет должников, сколько веселится Христос, имея заимодавцев; кому Он ничего не должен, от тех бежит прочь, а кому должен, к тем притекает.

53 Итак, станем делать все, чтобы иметь Его должником своим, – теперь самое удобное время давать взаймы, теперь настоит в этом нужда. Если не дашь Ему теперь, то после удаления отсюда Он не будет уже иметь в тебе нужды. Здесь Он жаждет, здесь алчет; жаждет же потому, что жаждет твоего спасенья; вследствие этого Он и просит, вследствие этого Он и ходит наг, приготовляя тебе бессмертную жизнь.

54 Итак, не презри Его: не сам напитаться Он хочет, но напитать тебя, не сам одеться, но одеть тебя и приготовить тебе ту золотую ризу, царскую одежду. Не видел ли ты, что наиболее заботливые врачи, когда моют больных, и сами моются, хотя это для них и не нужно? Так и Христос все делает для тебя недужного. Поэтому Он и

не насильно требует у тебя, чтобы дать тебе большое вознаграждение, – чтобы ты понял, что Он требует не по Своей нужде, а для исправления твоей нужды. Для того Он приходит к тебе в бедном одеянии, протягивая десницу и не гнушается, если дашь самую мелкую монету, не отходит, если укоришь, но приступает к тебе снова, так как Он желает, сильно желает нашего спасения. Итак, станем презирать имущество, чтобы не быть и нам презренными от Христа; станем пренебрегать богатством, чтобы приобрести его. Если мы будем беречь его здесь, то несомненно погубим и здесь, и там, а если будем раздавать его со многою щедростью, то в той и другой жизни насладимся великим благополучием. Потому желающий сделаться богатым пусть сделается нищим, чтобы быть богатым, – пусть тратит, чтобы собрать, и расточает, чтобы соединить. А если это кажется тебе новым и странным, то посмотри на сеятеля и рассуди, что он не может иначе собрать большего, если не разбросает того, что имел, и не истратит того, что приготовил. Итак, станем сеять и мы, будем возделывать небо, чтобы пожать нам в большом изобилии и достигнуть вечных благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 8

[1] Рим 4.1–2. Что убо речем Авраама отца нашего обрасти по плоти? Аще бо Авраам от дел оправдася, имать похвалу, но не у Бога.

[2] Сказавши, что мир сделался виновен пред Богом, что все согрешили и невозможно спастись иначе, как чрез веру, апостол старается далее доказать, что такое спасение – основание не для стыда, но для блестящей славы и даже большей, чем слава от дел. А так как спасение, совершающееся со стыдом, внушает некоторую и печаль, то он теперь устраняет такое предположение, хотя уже намекнул на это и прежде, когда (спасение чрез веру) назвал не только спасением, но и правдою. «Правда бо Божия, – говорит, – в нем является» (Рим 1.17), то есть, он так спасается, как спасается и праведник, с полным дерзновением. И называет это спасение не только правдою, но и явлением Бога, а Бог является в славных, светлых и великих делах. Кроме того, тоже самое он раскрывает и в другом месте, излагая речь в вопросах, как он обыкновенно всегда делает для ясности и вследствие уверенности в словах своих. Так поступил он и выше, говоря «что убо лишшее иудею?» И: «что убо? Преимеем ли лишшее?» И еще: «где... похвала? Отгнася» (Рим 3.1, 9, 27). Так и здесь он говорит: «что убо речем Авраама отца нашего?» В виду того, что иудеи постоянно ссылались на то, что патриарх и друг Божий первый принял обрезание, апостол и хочет доказать, что и он оправдался верою: это и составляет торжество его великой победы. Ведь нимало не странно оправдаться верою тому, кто не имеет дел, но украшенному заслугами сделаться праведным не вследствие их, а по вере – это было удивительно и

особенно обнаруживало силу веры. Поэтому апостол, умолчав о всех остальных, обращается с речью к Аврааму. Он назвал его отцом по плоти, лишая иудеев истинного с ним родства и открывая путь к родству с ним язычникам. Потом говорит: «аще бо Авраам от дел оправдася, имать похвалу, но не у Бога».

3 Итак, сказав, что Бог оправдывает обрезание от веры и необрезание верою, и достаточно раскрыв это выше, он примером Авраама подтверждает это даже больше, чем обещал, вводит в состязание веру и дела и всю борьбу сосредоточивает около праведника, и не без намерения. Ведь он сильно возвеличивает Авраама, называя его праотцом, с тою целью, чтобы этим заставить иудеев во всем повиноваться ему. Не говори мне об иудее, рассуждает (Павел), не приводи в пример того, или другого; я восхожу к главе всех, откуда и получило начало обрезание. «Аще бо Авраам от дел оправдася, – говорит (апостол), – имать похвалу, но не у Бога». Сказанное неясно, – потому необходимо сделать это более ясным. Существуют две похвалы: одна за дела, другая за веру. Апостол, сказав: «аще… от дел оправдася, имать похвалу, но не у Бога», указал здесь на то, что можно иметь похвалу за веру, притом гораздо большую. Великая сила Павла в том особенно и обнаруживается, что он предмет своего рассуждения обратил к противоположному и доказал, что спасение чрез веру гораздо в большей мере имеет все то, что принадлежит спасению от дел, т. е. похвалу и дерзновение. Хвалящийся делами может выставлять на вид собственные труды, а кто вменяет себе в честь, что верует в Бога, тот представляет гораздо лучший предлог к похвале, так как он славит и возвеличивает Господа.

[4] По вере в Бога признав истинным то, чего не открыла природа видимых вещей, он доказал тем искреннюю любовь к Богу и торжественно возвестил силу Его, а это свойственно благороднейшей душе, философскому разуму и высокой мысли. Не красть, не убивать – это свойственно людям обыкновенным, но верить, что Бог силен совершить невозможное – для этого нужен благородно мыслящий дух, крепко приверженный к Богу, – потому что это служит признаком истинной любви. Почитает Бога и тот, кто исполняет заповеди, но гораздо более чтит Его тот, кто умудряется верою; первый послушался Его, а последний приобрел о Боге надлежащее понятие, прославил и возвеличил Его более прославления делами. Первая похвала принадлежит совершающему добрые дела, а последняя прославляет Бога и принадлежит всецело Ему, так как верующий хвалится высоким своим представлением о Боге, которое и переходит в его славу. Потому (апостол) и говорит, что он имеет похвалу пред Богом, но, впрочем, не по этой одной причине, а и по другой. Верующий хвалится не тем только одним, что искренно возлюбил Бога, но еще и тем, что удостоился от Него великой чести и любви. Как он возлюбил Бога, имея о Нем высокое понятие (а это и служит доказательством любви), так и Бог возлюбил его, тысячекратно повинного пред Богом, не только освободив его от наказания, но и соделав праведным. Значит, верующий имеет основание хвалиться, как удостоенный великой любви.

[5] Рим 4.3–4. Что бо писание глаголет? Верова… Авраам Богови, и вменися ему в правду. Делающему же мзда не вменяется по благодати, но по долгу.

6 Итак, последнее важнее? – спрашивает он. Нимало, потому что вменяется и верующему; но не вменилось бы, если бы он и сам ничего не привнес.

7 Таким образом, и верующий имеет должником Бога, и притом в делах не случайных, но великих и высоких. Доказав же высоту его ума и духовного разумения, (апостол) сказал не просто – верующему, но:

8 Рим.4:5. верующему... во оправдающаго нечестива, вменяется вера его в правду.

9 Пойми же, насколько важно увериться и убедиться в том, что Бог и жившего в нечестии может вдруг не только освободить от наказания, но сделать праведным и удостоить бессмертных почестей. Но не думай, что верующий ниже делающего потому, что последнему вменяется не по благодати. Верующего преимущественно то и делает славным, что он воспользовался такою благодатью и обнаружил такую веру. Заметь, что верующему назначено и большее воздаяние, так как делающему дается мзда, а ему праведность; праведность же гораздо важнее мзды, потому что сама есть воздаяние, заключающее в себе многие награды. Итак, доказав сказанное примером Авраама, (апостол) обращается к Давиду, который подтверждает ту же мысль. Что же говорит Давид и кого называет блаженным? Того ли, кто хвалится делами, или того, кто удостоился благодати и получил прощение грехов и дар? А когда я говорю о блаженстве, то разумею вершину всех благ. Как праведность выше мзды, так блаженство выше праведности.

10 Итак, (апостол), доказав превосходство праведности не только примером Авраама, получившего ее, но и

рассудочными доводами (сказав: «имать бо похвалу, но не у Бога» (Рим.4:2)), опять раскрывает ее важность иным способом, ссылаясь на Давида, свидетельствующего в ее пользу. И Давид, как утверждает (апостол), называет оправдавшегося чрез веру блаженным, говоря:

[11] Рим.4:7. блажени, ихже отпустишася беззакония.

[12] По-видимому, (апостол) приводит неподходящее свидетельство, так как Давид не сказал: блаженны те, коих вера вменена в праведность, но (апостол) делает это намеренно, а не по незнанию, чтобы показать большее превосходство веры. Если блажен тот, кто получил прощение по благодати, то тем более блажен оправданный и обнаруживший веру. А где блаженство, там изъят всякий стыд и пребывает великая слава, потому что блаженство и есть полнота наград и славы. Потому (апостол), говоря о преимуществе делающего: «делающему же мзда не вменяется по благодати» (Рим.4:4), не подтверждает этого Писанием, а превосходство верующего доказывает свидетельством из Писания, словами Давида:

[13] блажени, ихже отпустишася беззакония и ихже прикрышася греси.

[14] Почему ты, спрашивает (апостол), смущаешься тем, что получаешь отпущение грехов не по долгу, а по благодати? Но вот – этот именно (получивший отпущение по благодати) и ублажается, так как (пророк) не назвал бы его блаженным, если бы не знал, что он наслаждается многою славою. И (апостол) не говорит, что такое отпущение относится к обрезанию, а что?

[15] Рим.4:9. Блаженство... сие, – что гораздо важнее прощения грехов, – на обрезание ли, или на необрезание?

16 Итак, спрашивается: это великое благо (блаженство) с чем находится в связи, с обрезанием или с необрезанием? Заметь особенность речи: (апостол) доказывает, что блаженство не только не чуждо необрезания, но и совмещается с ним более обрезания. А так как и сам Давид, называющий блаженным получившего прощение грехов, был обрезан и говорит обрезанным, то заметь, какое искусство обнаружил Павел, чтобы сказанное Давидом приложить к необрезанным. Усвоив блаженство праведности и доказав, что оба они составляют одно, (апостол) рассматривает, как оправдался Авраам. Если блаженство свойственно праведнику, а с другой стороны и Авраам оправдался, то посмотрим, когда он оправдался, будучи еще необрезанным, или уже обрезанным. Будучи необрезанным, говорит (апостол.):

17 Рим.4:10. како убо вменися ему? в обрезании ли сущу, или в необрезании? Не во обрезании, но в необрезании.

18 «Глаголем бо, яко вменися Аврааму вера в правду» (Рим.4:9). Выше, ссылаясь на Писание, (апостол) сказал: «что бо писание глаголет? Верова... Авраам Богови, и вменися ему в правду» (Рим.4:3), а здесь он предлагает другое мнение и утверждает, что праведность была в необрезании. Потом он решает новое, возникающее отсюда, возражение: если (Авраам), рассуждает он, оправдался будучи необрезанным, то для чего введено обрезание?

19 Рим.4:11. Знамение прият, – отвечает (апостол), – и печать правды веры, яже в необрезании.

20 Заметил ли ты, каким образом он доказал, что (скорее) иудеи находились в положении незванных гостей (των παρασίτων), чем те, которые, пребывая в необрезании,

потом приобщены были к иудеям? Ведь если (Авраам) оправдался и увенчан, будучи необрезанным, потом принял обрезание, а впоследствии вошли и иудеи, то, значит, Авраам прежде всего есть отец необрезанных, имеющих с ним родство по вере, а потом уже отец обрезанных, – он есть сугубый праотец. Замечаешь ли, что вера воссияла? Пока не было веры, патриарх не оправдался. Замечаешь ли, что необрезание нисколько не препятствует? (Авраам) был не обрезан, и это не помешало ему оправдаться. Следовательно, обрезание явилось позднее веры.

21 И почему ты удивляешься, что обрезание явилось позднее веры, как скоро оно позднее и необрезания? И не только позднее веры, но и гораздо несовершеннее ее, и притом настолько, насколько знак вещи бледнее самой вещи, насколько, например, изображение воина ниже самого воина. А почему, спросишь, (Авраам) нуждался в подобном знамении или печати? Не он сам нуждался. Для чего же принял? Для того, чтобы сделаться общим отцом верующих как в необрезании, так и в обрезании, а не просто только обрезанных, потому (апостол) присовокупляет:

22 Рим.4:12. не сущим точию от обрезания.

23 Если (Авраам) – отец необрезанных не потому, что сам был необрезан, хотя оправдался в необрезании, но потому, что необрезанные подражали ему в вере, то тем более он не будет по одному обрезанию прародителем обрезанных, если не присоединится и вера. Он принял обрезание, говорит (апостол), для того, чтобы мы, те и другие, имели его праотцом и чтобы необрезанные не изгнали обрезанных. Ты замечаешь, как необрезанные первые имели (Авраама) своим праотцом? Если же

обрезание есть нечто почтенное потому, что возвещает праведность, то немалое преимущество имеет и необрезание, которое достигло ее прежде обрезания. Итак, ты тогда будешь в состоянии иметь (Авраама) праотцом, когда будешь

24 ходить в стопах веры.

25 и когда не станешь упорствовать и спорить, отстаивая закон. Какой же веры? скажи мне.

26 Яже… в необрезании.

27 (Апостол) опять принижает иудейскую надменность, вспоминая о времени праведности. И хорошо сказал: «в стопах», чтобы ты, подобно Аврааму, веровал в воскресение мертвых тел, так как и относительно этого он обнаружил веру свою. Таким образом, если ты отвергаешь необрезание, то знай ясно, что тебе нет никакой пользы и в обрезании. Если ты не последуешь по стопам веры, то, хотя бы и тысячу раз был обрезан, не сделаешься чадом Авраама, так как он для того и принял обрезание, чтобы не отвергнуть тебя, пребывающего в необрезании. И ты не требуй этого от него: дело это послужило пособием тебе, а не ему. Но скажешь, что обрезание служит знамением праведности. И это для тебя, теперь же этого уже нет, так как тогда ты нуждался в телесных знамениях, а теперь в них нет уже нужды. Еще спросишь: по вере (Авраама) разве нельзя было узнать о душевной его доблести? Конечно, можно было, но ты нуждался и в этом дополнении. Так как ты не возревновал о душевной добродетели и не мог ее увидеть, то тебе и дано чувственное обрезание, чтобы ты, упражняясь в этом телесном знамении, мало-помалу руководился и в направлении к душевному любомудрию, и со всем

усердием принявши обрезание, как знак самого высокого достоинства, научился подражать прародителю и почитать его. И это Бог установил не в одном только обрезании, но и во всем прочем, например, в жертвах, субботах и праздниках. А что (Авраам) для тебя принял обрезание, узнай из следующих слов (апостола). Сказавши, что (Авраам) принял знамение и печать, он указывает и причину, говоря: «яко быти ему… отцу обрезания» (Рим.4:11), – для тех, которые принимают и внутреннее обрезание, потому что, если имеешь только одно наружное обрезание, то никакой пользы от него тебе не будет. Обрезание тогда бывает знамением, когда вещь, знамением которой оно служит, то есть вера, бывает видна в тебе; равным образом, если ты не имеешь веры, то и знамение не может уже быть знамением. Чего, в самом деле, оно будет знамением, чего печатью, как скоро нет запечатленного? Это было бы подобно тому, как если бы ты стал показывать нам денежный мешок с печатью, когда внутри его ничего не положено. Так же смешно и обрезание, когда внутри нет веры. Если же обрезание есть знамение праведности, а ты не имеешь праведности, то, значит, не имеешь и знамения. Для того ты и получил знамение, чтобы отыскать вещь, знак которой ты имеешь, потому что, если бы ты мог найти ее без знамени, то ты в нем и не нуждался бы. Обрезание возвещает не одну только праведность, но именно праведность в необрезании. Значит, обрезание возвещает не что иное, как именно то, что нет нужды в обрезании.

[28] Рим.4:14. Аще бо сущии от закона наследницы, испразднися вера, и разорися обетование.

[29] (Апостол) доказал, что вера необходима, что она древнее обрезания, сильнее закона и утверждает его. Как

скоро все согрешили, то она необходима; если (Авраам) оправдался, будучи необрезанным, то она древнее обрезания; если чрез закон бывает познание греха, а вера явилась вне закона, то она и сильнее его; если, наконец, закон свидетельствует о вере, а она утверждает его, то она не противоположна ему, но дружественна и пребывает с ним в союзе. Теперь (апостол) опять, но иным способом, доказывает, что посредством закона невозможно было получить наследия. Сопоставив веру с обрезанием и отметив ее преимущества, он опять противополагает ее закону, говоря так: «аще бо сущии от закона наследницы, испразднися вера». Чтобы кто-нибудь не сказал, что можно иметь веру и соблюсти закон, (апостол) и доказывает, что это невозможно. Кто держится закона в том мнении, что он может спасти, тот бесчестит силу веры. Потому и говорит: «испразднися вера», то есть, нет нужды в спасении благодатью, так как вера не может показать своей силы, и «разорися обетование». Может быть, иудей возразит: какая мне нужда в вере? Значит, если это справедливо, то с верою уничтожаются и обетования.

30 Обрати внимание на то, что (апостол) борется с иудеями во всем от самого начала, – со времени патриарха. Доказав его примером, что праведность есть сонаследница веры, он доказывает тоже самое и относительно обетования; и чтобы иудей не сказал: какое мне дело до того, что Авраам оправдался чрез веру? – Павел и говорит, что наиболее важное для иудея, именно – обетование наследия, не может прийти в исполнение без веры; а это особенно и устрашает иудеев. О каком же обетовании он говорит? О том, что иудей есть наследник мира и все в нем благословляются. А как упразднено это обетование, (апостол) говорит далее.

[31] Рим.4:15. Закон бо гнев соделовает: идеже бо несть закона, [ту] ни преступления.

[32] Если же закон производит гнев и делает виновными в преступлении, то ясно, что он подвергает и клятве, а те, которые подлежат клятве и наказанию и виновны в преступлении, достойны не наследовать, но подвергнуться наказанию и быть изгнанными. Итак, что же бывает? Приходит вера, привлекаемая благодатью, и обетование приводится в исполнение. Где благодать, там прощение, а где прощение, там нет никакого наказания; если же и наказание отменено и является затем праведность от веры, то нет уже никакого препятствия нам сделаться наследниками обетования от веры.

[33] Рим.4:16. Сего ради от веры , – говорит (апостол) , – да по благодати, во еже быти известну обетованию Божию всему семени, не точию сущему от закона, но и сущему от веры Авраамовы, иже есть отец всем нам.

[34] Видишь ли ты, что вера не только утверждает закон, но и обетование Божие делает непреложным; закон же, соблюдаемый не по времени, напротив, и веру упраздняет, и обетованию препятствует.

[35] Этим (апостол) доказывает, что вера не только не излишня, но и настолько необходима, что без нее невозможно и спастись. Ведь закон производит гнев, потому что все его преступили, а вера не оставляет и повода к возникновению гнева: «идеже бо несть закона, – говорит (апостол), – [ту] ни преступления» (Рим.4:15). Видишь ли, как вера не только истребляет совершенный грех, но и не позволяет ему рождаться? Потому (апостол) и говорит: «по благодати». Для чего же это? Не для того, чтобы нас устыдить, но «во еже быти известну

обетованию всему семени». Здесь (апостол) указывает два блага, – во-первых, что дары непреложны и, во-вторых, что они даются всему семени, причем он включает сюда и язычников и показывает, что иудеи окажутся вне, если станут враждовать против веры. Ведь это (вера) более надежно, чем то (закон): вера не вредит тебе, только не упорствуй, она даже спасает тебя, бедствующего от закона. Потом (апостол), после того как сказал – «всему семени», определяет, какому семени, и говорит: «сущему от веры», указывая на родство (Авраама) с язычниками и на то, что не могут мудрствовать об Аврааме те, которые не веруют, подобно ему. Вот вера совершила и иное, третье: она сделала родство с праведником более полным и явила его праотцом многочисленнейшего потомства. Потому (апостол) наименовал его не просто Авраамом, но отцом всех нас, верующих. Потом, подтверждая сказанное свидетельством, (апостол) говорит:

[36] Рим.4:17. якоже есть писано: яко отца многим язы́ком положих тя.

[37] Видишь ли, что это издревле установлено. Но что же? – возразишь ты: может быть, это говорится об измаильтянах или амаликитянах, или агарянах? Впоследствии (апостол) яснее доказывает, что не о них сказано, а пока для подтверждения того же самого спешит к другому, определяя образ такого сродства и раскрывая это с великим глубокомыслием. Что именно он говорит?

[38] Прямо Богу, Емуже верова.

[39] Смысл этих слов таков: как Бог не есть Бог частный, но Отец всех, так и Авраам. И еще: как Бог есть Отец наш не по естественному родству, а по усвоению веры, так и Авраам, потому что послушание делает его отцом всех

нас. И так как иудеи думали, что такое родство не имеет никакого значенья, после того как они получили другое, более грубое, то (апостол) переведя речь на Бога, доказывает, что родство по вере гораздо важнее. А вместе с этим открывает и то, что (Авраам) получил его в награду за веру, так что, если бы этого не было, то, хотя бы он и был отцом всех живущих на земле, выражение: «прямо Богу» не имело бы места, но дар Божий был бы умален; слово «прямо», значит, – подобно. Скажи мне, в самом деле, что удивительного – быть отцом тех, которые произошли от него? Это свойственно и всякому человеку. Но удивительно то, что он по дару Божию получил тех, которые не были его детьми по природе.

40 Таким образом, если хочешь поверить, что патриарх был удостоен чести, то верь, что он – отец всех. И (апостол), сказав: «прямо Богу, Емуже верова», не остановился на этом, но прибавил:

41 животворящему мертвыя и нарицающу не сущая яко сущая.

42 Здесь он ведет предварительную речь о воскресении, которая и нужна была ему для настоящего предмета. Если для Бога возможно оживлять мертвых и не существующее приводить в бытие, то возможно также и не рожденных (от Авраама) сделать детьми его. Потому (апостол) не сказал: приводящему в бытие не существующее, но – «нарицающему», указывая на большую легкость этого дела (для Бога). Как нам легко назвать существующее, так легко и Ему, даже гораздо легче привести в бытие не существующее. А когда (апостол) говорит, что дар Божий велик и неизреченен, и когда рассуждает о силе его, то доказывает, что и вера Авраама достойна этого дара, чтобы ты не подумал, что

Авраам удостоен почестей не по заслугам. Итак, ободрив слушателя, чтобы он не смущался и чтобы иудей не возражал и не говорил: «как можно не детей сделать детьми», (апостол) опять переводит речь на патриарха и продолжает:

43 Рим.4:18. иже паче упования во упование верова, во еже быти ему отцу многим язы́ком, по реченному: тако будет семя твое.

44 Как сверх надежды он поверил с надеждою? Сверх надежды человеческой, с надеждой Божией. (Апостол) доказывает и величие дела, и устраняет невероятность сказанного, а что было противоположно друг другу, то согласила вера. И если бы (апостол) говорил о потомстве, происшедшем от Измаила, то слова («паче упования») излишни были бы, потому что это потомство родилось (от Авраама) не по вере, а по естеству. Но (апостол) разумеет здесь Исаака, потому что (Авраам) уверовал не ради тех язычников, но ради того, кто должен был родиться от бесплодной жены. Значит, если (для Авраама) составляет награду то, чтобы сделаться отцом многих народов, то ясно, что именно тех народов, ради которых он уверовал. А чтобы тебе убедиться, что (апостол) говорит именно об этих народах, выслушай последующее:

45 Рим.4:19. и не изнемог верою, ни усмотри своея́ плоти, уже умерщвленныя, столетен негде сый, и мертвости ложесн Сарриных.

46 Видишь ли, как (апостол) указывает и препятствия, и высокий, все превосходящий, ум праведника? Обетованное, говорит он, было сверх надежды, это – первое затруднение, так как Авраам не имел возможности увидеть другого, который бы при таких обстоятельствах

получил сына. Жившие после него взирали на него, а он ни на кого не взирал, кроме единого Бога, потому и сказано: «паче упования» (Рим.4:18). Потом, омертвевшая плоть его составляла второе затруднение, а омертвение утробы Сарриной – третье и четвертое.

[47] Рим.4:20–21. Во обетовании же Божии не усумнеся неверованием.

[48] Бог не дал доказательства (Своего обетования) и не совершил чуда, но были одни простые слова, заключающие такое обетование, (исполнение) которого природа не обещала. Однако же, (Авраам) «не усумнеся, – говорит. (Апостол) не сказал – не поверил, но – «не усумнеся», то есть не усомнился, не поколебался, хотя и было столько затруднений. Отсюда мы узнаем, что если Бог обещает и тысячи невозможностей, а слышащий не принимает этого, то слабость происходит не от природы вещей, но от неразумия не принявшего обетований.

[49] Но возмóже верою.

[50] Обрати внимание на мудрость Павла. Так как речь была об исполняющих закон и о верующих, то (апостол) доказывает, что верующий делает больше, чем исполнитель закона, имеет нужду в большей силе и во многой крепости и переносит необыкновенный труд. Ведь (иудеи) унижали веру, как нечто не требующее труда. Потому (апостол), восставая против этого, доказывает, что не только преуспевающий в целомудрии или в другой какой-либо добродетели, но и являющий веру нуждаются в очень многой силе. Как первый имеет нужду в мужестве, чтобы отгонять помыслы невоздержания, так и верующий нуждается в мощной душе, чтобы отражать мысли неверия. Как же укрепился (Авраам)? Он, говорит

(апостол)) все предоставил вере, а не разуму, так как и он (в противном случае) пал бы. Как же он преуспел в самой вере?

51 Дав славу Богу , – говорит (Павел), – и известен быв, яко, еже обеща, си́лен есть и сотворити.

52 Итак, не испытывать – значит славить Бога, а испытывать – значит грешить. Если мы, испытывая и исследуя земное, не прославляем Бога, то, любопытствуя о рождении Владыки, тем более навлечем на себя крайнее наказание, как оскорбляющие Его. Если не должно входить в исследования об образе воскресения, то тем более – о тех неизреченных и страшных тайнах. И (апостол) не сказал просто – поверив, но – «известен быв». Таково-то свойство веры, она яснее доказательств разума и более убеждает, и невозможно, чтобы другой помысел, проникнув в область веры, поколебал ее. Тот, кто следует доказательствам разума, может и изменить свои убеждения, а кто утверждается на вере, тот уже заградил свой слух для доводов, разрушающих веру. Потому, сказав, что (Авраам) оправдался верою, (апостол) доказывает, что он верою и прославил Бога. Это главным образом и свойственно жизни, как и сказано: «да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, иже на небесех» (Мф 5.16). Вот в этом и проявляется вера. Но с другой стороны, как дела требуют силы, так и вера. Здесь (в делах) часто и тело разделяет труд, а там (в вере) проявляется преуспеяние одной души; таким образом, и труд ее больше, как скоро никто не разделяет с нею подвигов.

53 Замечаешь ли, как (апостол) доказал, что все то, что свойственно делам, как-то: иметь похвалу у Бога,

нуждаться в силе и труде и опять прославлять Бога, – в большей степени принадлежит вере? Сказавши же о том, что (Бог) силен исполнить то, что обетовал, апостол, мне кажется, провозглашает о будущем, потому что Бог обетовал не одно настоящее, но и будущее, образом которого служит настоящее.

54 Итак, не веровать свойственно уму слабому, малому и скудному, так что, всякий раз как кто-нибудь станет хулить нас за веру, то мы в свою очередь будем укорять их в неверии, как людей несчастных, малодушных, неразумных и слабых, которые ничем не лучше ослов. Как веровать свойственно душе возвышенной и благородной, так неверие служит признаком души неразумнейшей, низкой, опустившейся до безумья животных. Потому, оставив тех (неверующих), будем подражать патриарху и прославим Бога, как и он воздал Ему славу. Что же значит: «воздал славу Богу?» Значит: уразумел Его правду, Его бесконечное могущество и, составив себе надлежащее понятие о Боге, совершенно уверился в (Божиих) обетованиях.

55 Итак, станем и мы прославлять Бога верою и делами, чтобы и нам получить в награду прославление от Него, как Он и сказал: «прославляющия Мя прославлю» (1Цар 2.30). Но если бы не было обещано и никакой награды, то удостоиться славить Бога само по себе было бы славою. Если люди, возглашающие славословие пред царями, хвалятся только одним этим, хотя бы и не получали от того никакой другой выгоды, то рассуди, какая нам хвала, когда чрез нас прославляется наш Владыка, а с другой стороны, какое наказание поступать так, чтобы Он хулился чрез нас, тем более, что и прославления Он желает для нас же, потому что сам не имеет нужды в этом

деле. Какое, по твоему мнению, существует расстояние между Богом и человеком? Разве не такое же, какое между людьми и червями? Впрочем, указав и такое расстояние, я еще ничего не сказал, да и вообще нельзя об этом сказать ничего определенного. Но неужели ты пожелаешь от червя иметь великую и громкую себе славу?

56 Итак, если ты и при сильном стремлении к славе не пожелал бы этого, то будет ли нуждаться в твоем прославлении Тот, Кто свободен от такого желания и бесконечно выше тебя? Однако, и не имея нужды в твоем прославлении, Он говорит, что желает его ради тебя. И если Он не погнушался сделаться рабом ради тебя, то почему ты удивляешься, что по тому же побуждению Он принимает и другое? Он ничего не считает недостойным Себя, что бы ни способствовало нашему спасению. Итак, зная это, будем избегать всякого греха, которым Бог хулится. «Якоже… лица змиина, – сказано, – бежи от греха» (Сир 21.2). Если ты подойдешь к греху, он угрызнет тебя, но он не сам к нам подходит, а мы добровольно бежим к нему. Так устроил Бог, чтобы мы не подпали владычеству диавола, потому что иначе никто бы не мог противостоять его силе. Потому Бог удалил его, как какого-нибудь разбойника и мучителя; он не смеет напасть, если только не застигнет кого-нибудь в своих владениях безоружным и одиноким; не дерзает приблизиться, если не увидит, что мы идем пустынею; а эта пустыня и жилище диавола есть не иное что, как грех.

57 Итак, нам нужны щит веры, шлем спасения и меч духовный, чтобы не только не потерпеть нам зла, но, если диавол захочет напасть на нас, отсечь ему голову; нам нужны непрестанные молитвы, чтобы попрать его ногами.

Диавол бесстыден и нагл; к тому же нападает снизу, однако, и таким способом побеждает. А причина этого та, что мы сами не стараемся оказаться выше его ударов: ведь он не может подняться высоко, но пресмыкается по земле, и потому змий есть его образ. А если Бог такое указал ему место в начале, тем более таков он ныне. Если же ты не знаешь, что значит нападать снизу, я попытаюсь объяснить тебе способ такой борьбы. Итак, что значит нападать снизу? Одолевать посредством земных вещей, посредством удовольствий, богатства и всего житейского. Потому, если диавол увидит, что кто-нибудь парит к небу, то, во-первых, он не может наскочить на него, а во-вторых, если и решается, то быстро сам упадет: ведь он не имеет ног, – не бойся, не имеет и крыльев, – не страшись, он ползает только по земли и пресмыкается среди земных дел. Пусть же у тебя не будет ничего общего с землею, тогда тебе не потребуется и труда. Диавол не умеет сражаться открыто, но, как змий, скрывается в терниях, часто притаиваясь в прелести богатства. Если ты посечешь это терние, то он, тотчас придя в робость, убежит, а если ты умеешь заговорить его божественными заклинаниями, то тотчас ранишь его. Есть у нас духовные заклинания – имя Господа нашего Иисуса Христа и сила креста. Это заклинание не только изгоняет дракона из его логовища и ввергает в огонь, но даже исцеляет раны.

[58] Если же многие, хотя и произносили (это заклинание), но не исцелились, то это произошло от маловерия их, а не от бессилия произнесенного; также точно многие прикасались к Иисусу и теснили Его, но не получили никакой пользы, а кровоточивая жена, прикоснувшаяся не к телу, но к краю одежды Его, остановила долговременные токи крови. Имя Иисуса Христа страшно для демонов, страстей и болезней. Итак, станем Им

украшаться, Им ограждаться. Так и Павел сделался велик, хотя он и был одинакового с нами естества, но вера сделала его совершенно иным, и таково было в нем обилие даров что и одежды его имели великую силу. Какого же оправдания достойны мы, если тень и одежды апостолов отгоняли смерть, а у нас даже молитвы не усмиряют страстей? Какая причина этого? Большое различие в духе. Естественные способности у нас с Павлом общие и равные: одинаково с нами он родился и воспитан, обитал на той же земле и дышал тем же воздухом. Но в остальном он был гораздо лучше и совершеннее нас, именно в отношении ревности, веры, любви. Станем же подражать ему, дадим возможность Христу и чрез нас возвещать: ведь Он желает этого более нас и потому устроил орган слова и не хочет, чтобы он оставался без пользы и без действия, но желает всегда иметь его у Себя в руках. Почему же ты не держишь его в готовности для руки художника, но ослабляешь струны, размягчаешь их роскошною жизнью и делаешь гусли для Него вовсе негодными, тогда как следовало бы натянуть и настроить струны, натереть духовной солью? Если Христос увидит, что душа наша так настроена, то извлечет из нее звуки. А когда это произойдет, ты увидишь ликующих ангелов, архангелов и херувимов. Итак, сделаемся достойными пречистых рук; станем просить Господа, чтобы Он прикоснулся к сердцу нашему. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны: сделай только сердце свое достойным такого прикосновения, и Господь первый притечет к тебе. Если Он притекает к тем, которые хотят прибегнуть к Нему (так Он превознес похвалами Павла, не бывшего еще таковым), то чего Он не сделает, когда увидит, что ты совершенно приготовился? А как скоро Христос извлечет звуки из

души нашей, то несомненно снизойдет на нас Дух и мы будем лучше неба, имея не солнце и луну отпечатленными на теле нашем, но самого Владыку солнца, луны и ангелов, в нас поселившегося и шествующего.

59 Я говорю это не для того, чтобы нам воскрешать мертвых, очищать прокаженных, но для того, чтобы мы явили чудо, которое больше всего этого, именно – любовь. Где только есть это благо, там немедленно является Сын со Отцом и снисходить благодать Духа. «Идеже бо, – говорит Христос, – еста два или трие со́брани во имя мое, ту есмь посреде их» (Мф 18.20). Иметь вокруг себя лиц любимых означает сильную привязанность, свойственную сильно любящим. Но кто же, спросишь, настолько ничтожен, чтобы не захотеть иметь с собою Христа? Мы, враждующие друг против друга. Может быть кто-нибудь засмеется надо мною и скажет: что ты говоришь? Ты видишь, что все мы собрались под одними и теми же стенами, в одной и той же церковной ограде, составляем одно согласное стадо, ни с кем не препираемся, руководствуемся все одним пастырем, все вместе слушаем, что говорят нам, воссылаем общие молитвы) – и ты упоминаешь о брани и вражде? Да, напоминаю о брани и говорю это в полном уме, не потерявши рассудка. Я вижу то, что вижу, и знаю, что мы находимся в одной общей ограде, под властью одного пастыря. Но потому я особенно и плачу, что при стольких побуждениях к единодушию мы восстаем друг на друга. Опять спросишь: какую же распрю видишь ты здесь? Здесь – никакой, но когда разойдемся, один обвиняет другого, иной явно оскорбляет, этот завидует, лихоимствует и грабит, тот притесняет, иной предается постыдной любви, иной сплетает тысячи козней. И если бы можно было раскрыть

наши души, то вы увидели бы все это в точности и согласились бы, что я не безумствую.

60 Не видите ли вы в воинских лагерях, что воины, по заключении мира, сложив с себя оружие, без всякого прикрытия и защиты входят в неприятельский стан? А когда они защищены оружием, везде стражи, дозоры, ночи без сна и постоянно горят костры, то это уже не мир, а война. Это можно наблюдать и среди нас: мы друг друга остерегаемся и опасаемся, каждый с соседом перешептывается на ухо, а как скоро увидим, что подходит посторонний, замолчим и все на виду прикроем: это свойственно не людям доверчивым, но чрезмерно осторожным. Но, скажешь, мы делаем это не затем, чтобы обидеть, а затем, чтобы не подвергнуться обиде. Потому-то я и скорблю, что, живя среди братьев, мы во избежание обиды нуждаемся в охране, зажигаем так много огней и расставляем стражу и дозоры. А причина этого – частая ложь, частые обманы, общий недостаток любви и непримиримая вражда. Вследствие этого, конечно, и случается видеть, что многие доверяют больше язычникам, нежели христианам. Какого стыда, конечно, заслуживает это, скольких слез, скольких стенаний! Что же мне делать? – говоришь ты, – этот человек груб и несносен. А где твое любомудрие? Где апостольские уставы, повелевающие нам носить бремена друг друга? Если не умеешь обходиться с братом, то как можешь хорошо жить с чужим? Если не умеешь устроиться с собственным своим членом, то как ты можешь привлечь к себе и приспособить постороннего? Но что же я буду делать? Я вижу крайнее неудобство проливать слезы, так как, по примеру пророка, испустил бы обильные источники из очей, видя на этом поле тысячи браней, которые ужаснее виденных пророком. Он, видя

вторжение варваров, говорил: «чрево мое болит мне» (Иер 4.19), а я вижу, что подчиненные одному военачальнику восстают друг на друга, грызут и терзают члены друг друга, одни из-за денег, другие из-за славы, иные просто без всякой причины смеются и издеваются друг над другом, наносят друг другу тысячи ран, вижу и мертвых, более обезображенных, чем на войне, вижу, что осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, как достойно оплакать такое печальное зрелище.

61 Итак, устыдитесь, устыдитесь этой трапезы, которой все мы приобщаемся; устыдитесь Христа, за нас закланного, и жертвы, здесь предложенной. Даже разбойники, принимая участие в пище, перестают уже быть разбойниками для тех, кого они делают своими сотрапезниками: трапеза переменяет их нравы и делает смиреннее овец тех, которые в другое время лютее зверей. А мы, участвуя в этой трапезе, приобщаясь этого брашна, вооружаемся друг против друга, тогда как следовало бы делать это против диавола, враждующего со всеми нами. Потому, конечно, мы с каждым днем становимся слабее, а он сильнее. Мы не вместе друг с другом ополчаемся на него, но вместе с ним восстаем друг на друга и пользуемся им, как вождем, в этих бранях, тогда как всем нам надлежало бы против него одного сражаться; взамен этого мы, оставив его в покое, обращаем стрелы против братьев. Какие стрелы? спрашиваешь. Стрелы языка и уст. Ведь не только стрелы и копья, но и слова наносят раны, которые даже гораздо болезненнее нанесенных стрелами. Как мы можем прекратить эту борьбу? – спросишь. Если поймешь, что, говоря худо о брате, ты источаешь из уст своих грязь, если будешь представлять, что клевещешь на того, кто составляет один из членов Христовых, что поедаешь

собственную плоть свою, что страшный тот и нелицеприятный суд делаешь для себя еще более строгим, что стрела твоя убивает не пораженного ею, но тебя, пустившего ее. Но он обидел в чем-нибудь и сделал зло? Поскорби, но не говори худо; заплачь, но не ради своей обиды, а вследствие погибели обидчика, как и Владыка твой плакал об Иуде не потому, что сам был распинаем, но потому, что Иуда предал Его. Он оскорбил тебя и укорил? Помолись Богу, чтобы Он скорее над ним умилосердился. Он брат твой, разрешил те же самые болезни рождения, он твой сочлен, призван к одной с тобою трапезе. Но он очень часто нападает на меня, говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно и справедливо отложить свой гнев, так как он получил смертельный удар, его поразил диавол.

62 Итак, не наноси ему ран и ты, не падай с ним и сам: пока стоишь, ты можешь спасти и его, а если нанесением обиды ниспровергаешь и себя самого, кто потом поднимет вас? Тот, раненный (поднимет)? Но он лежит и не сможет. Или ты, с ним вместе павший? Но как ты, неспособный подать руку помощи самому себе, поможешь другому? Итак, стой мужественно и, держа перед собою щит, своим долготерпением извлеки из битвы своего мертвого брата. Его уязвил гнев? Но не уязвляй и ты, а прежде всего извлеки стрелу. Если мы так станем обходиться друг с другом, то скоро все сделаемся здоровыми, а если станем вооружаться друг против друга, то, наконец, не нужно будет и диавола для нашей погибели. Всякая война тяжела, особенно же война междоусобная. Но эта борьба тяжелее и междоусобной, насколько важные права христианского общества, а лучше сказать права и самого нашего родства. Некогда брат убил Авеля и пролил

родственную кровь, но это убийство беззаконнее того, насколько важнее наше родство и насколько ужаснее эта смерть. Каин поразил тело, а ты изострил меч против души. Но ты первый потерпел зло? Не терпеть, но причинять зло – вот что значит подвергнуться злу. Смотри же: Каин умертвил, Авель умерщвлен, но кто оказался мертвым? Тот ли, который вопиет по смерти и о котором сказано: «глас крове брата твоего вопиет ко Мне» (Быт 4.10), или тот, который в жизни трепетал и боялся? Конечно, Каин, который жалок более всякого мертвеца. Видишь ли, насколько лучше подвергнуться обиде, хотя бы (обида) простиралась и до убийства? Пойми, что гораздо хуже делать неправду, хотя бы кто-нибудь дошел и до убийства. Каин поразил и убил брата, но последний увенчан, а первый наказан; Авель был несправедливо истреблен и умерщвлен, но он, умирая, обвинял, одерживал верх и смирял, а оставшийся в живых молчал, покрывался стыдом, побуждался и делал все вопреки своему желанию. Он убил брата, так как видел, что он любим, надеясь лишить его и любви, но лишь увеличил к нему любовь, и Бог, по смерти его, больше искал его, говоря: «где есть Авель брат твой» (Быт 4.9)? Ты не потушил любви завистью, но сильные воспламенил ее; не умалил честь убийством, но увеличил ее. Прежде сам Бог подчинял тебе брата, но, так как ты умертвил его, он по смерти будет твоим судьею: такова у Меня любовь к нему. Итак, кто из них был осужден: наказывающий или наказанный? Тот ли, кто получил от Бога столь великую честь, или тот, кто был предан новому и необыкновенному мучению? Ты не убоялся его живого, говорит (Бог), потому убойся мертвого; ты не трепетал, намереваясь приблизить меч, потому, проливши кровь, ты будешь объят непрестанным страхом; при жизни он был

твоим рабом, и ты не терпел его, за то по смерти он сделался грозным для тебя господином. Итак, помышляя об этом, будем, возлюбленные, избегать зависти, потушим злобу, воздавая друг другу любовь, чтобы получить нам благие плоды ее, как в настоящей, так и в будущей жизни, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа 9

[1] Рим 4.23–24. Не писано же бысть за того единаго точию, яко вменися ему в правду; но и за ны, имже хощет вменитися, верующим в воскресившаго Иисуса Господа нашего из мертвых.

[2] Сказавши многое и великое об Аврааме, о его вере, праведности и чести у Бога, апостол, чтобы слушатель не возразил: «что же нам от этого? ведь Авраам один оправдался», – опять ставит нас вблизи патриарха. Такова сила духовных глаголов. Он сказал, что тот из язычников, который недавно пришел (к вере) и ничего сам не сделал, не только ничего не имеет меньше верующего иудея, но и даже патриарха, а лучше сказать, если нужно сказать что-нибудь удивительное, имеет пред ним и преимущество. Наше благородство настолько велико, что вера патриарха была только образом нашей. И апостол не сказал: если ему вменилось, то, естественно, вменится и нам, – чтобы не вывести тебе отсюда такого умозаключения: он вещает по силе божественных законов и все основывает на изречении Писания. Для чего, говорит он, и было написано, если не для того, чтобы научить нас, что и мы также оправдываемся? Ведь мы поверили тому же Богу и относительно одних и тех же дел, хотя и не в отношении к одним и тем же лицам. Сказав же о нашей вере, (апостол) говорит и о неизреченном Божием человеколюбии, к которому он всегда обращает (речь), вынося на средину крест; это теперь он ясно и выразил, сказавши:

[3] Рим.4:25. иже предан бысть за прегрешения наша и воста за оправдание наше.

[4] Заметь, каким образом (апостол), указав на причину смерти, обращает ее в доказательство воскресения. За что Христос распят? спросишь ты. Не за собственный грех, как видно из Его воскресения. Если бы Он был грешен, то как бы воскрес? А если воскрес, ясно, что не был грешником. Если же не был грешен, то как Он был распят? Ради других. А если за других, то без сомнения и воскрес. Чтобы ты не возразил: как мы можем оправдаться, будучи виновны в столь многих грехах? – (апостол) указал на Того, Кто изгладил все грехи, – чтобы утвердить свое учение (об оправдании), как верою Авраама, которою он оправдался, так и верою в спасительное страдание, которым мы освободились от грехов. Говоря же о смерти Христовой, он говорит и о воскресении. Христос умер не для того, чтобы подвергнуть нас наказанию и осуждению, но чтобы облагодетельствовать. Он и умер, и воскрес для того, чтобы сделать нас праведными.

[5] Рим.5:1. Оправдившеся убо верою, мир имамы к Богу Господем нашим Иисусом Христом.

[6] Что значит: «мир имамы?» Некоторые объясняют в том смысле, чтобы мы не враждовали, оспаривая введение закона, а мне кажется, что (апостол) беседует здесь о нашей жизни. Так как выше, после многих рассуждений о вере и об оправдании посредством дел, он впереди поставил веру, то, чтобы не подумали, что эти слова служат основанием беспечности, (апостол) говорит: «мир имамы», то есть, не будем впредь грешить и не станем возвращаться к прежнему, потому что это значило бы враждовать против Бога. Но спросишь: как возможно больше не грешить? А как было возможно первое (освобождение от грехов)? Если мы, будучи столько

виновны, от всего были освобождены Христом, то тем более с Его помощью окажемся в состоянии остаться в том положении, в каком находимся. Ведь не одно и то же – получить мир, которого не было, и сохранить уже дарованный, так как приобретение всегда труднее сохранения; но однако более трудное сделалось уже легким и приведено в исполнение. Итак, более легкое будет для нас и вполне осуществимо, если станем держаться Того, Кто совершил для нас труднейшее. А здесь, мне кажется, (апостол) намекает не только на легкость успеха, но и на необходимость его. Если Христос примирил нас, когда мы находились во вражде с Ним, то с нашей стороны благоразумно пребывать в примирении и явить Ему это воздаяние, чтобы не оказалось, что с Отцом были примирены злые и неблагодарные.

[7] Рим.5:2. Имже , – продолжает (апостол) , – и приведение обретохом верою.

[8] Итак, если Христос привел нас к Богу, когда мы были от Него далеко, то тем более Он нас удержит, когда мы оказались близко.

[9] Не оставляй без внимания, что апостол всегда указывает два условия: то, что требуется от Христа, и то, что требуется с нашей стороны. Но благодеяния Христовы разнообразны, многочисленны и превосходны, так как Он умер за нас, примирил нас, привел к Богу и даровал неизреченную благодать; а мы с своей стороны принесли одну только веру, – потому Павел и говорит:

[10] верою во благодать сию, в ней же стоим.

[11] Какую благодать? – скажи мне. То, что мы были удостоены ведения о Боге, освобождены от заблуждения, познали истину и получили все блага, даруемые чрез

крещение. Христос для того и привел нас, чтобы мы получили эти дары, то есть, чтобы было не просто отпущение грехов и одно только примирение, но и мы приняли бесчисленные достоинства. Даже и этим Он не ограничился, но обещал другие несказанные блага, превышающие разум и слово. Поэтому (апостол) указал те и другие дары: словом – «благодать» он обозначил дары настоящие, которые мы получили, а в словах

12 – и хвалимся упованием славы Божией,

13 открыл нам все будущие дары. И прекрасно он сказал: «в нейже стоим». Такова именно благодать Божия: она не имеет конца, не знает предела и постоянно простирается на большее, что у людей невозможно. Укажу, например, на следующее: иной достиг начальствования, славы и владычества, но не удерживается на этом навсегда, но скоро лишается, и если этого не отнимет у него другой человек, то смерть, явившись, совершенно все похищает. А дары Божии не таковы: их не могут отнять у нас ни человек, ни время, ни стечение обстоятельств, ни сам диавол, ни явившаяся смерть; напротив, когда умрем, будем владеть ими прочнее и, постепенно усовершаясь, станем пользоваться ими еще в большей мере. Затем, если ты не уверен в благах будущих, то поверь им на основании настоящих, которые уже получил. Потому (апостол) и сказал: «и хвалимся упованием славы Божией», чтобы ты узнал, какую душу нужно иметь верующему. Ему должно быть несомненно уверенным не только в дарованных ему благах, но и в будущих, как уже дарованных, так как всякий хвалится тем, что уже дано ему. А так как надежда на будущие блага столько же тверда и ясна, как и надежда на блага дарованные, то мы, говорит (апостол), хвалимся и надеждою на будущее, – почему он и назвал

будущие блага «славою». Ведь если эти блага служат к славе Божией, то несомненно и исполнятся, если и не ради нас, то ради Бога. И что я говорю, продолжает (апостол), что будущие блага достойны похвалы? Даже и настоящие бедствия способны нас возвеличить и побудить ими превозноситься. Потому (апостол) и присовокупил:

[14] Рим.5:3–5. не точию же, но и хвалимся в ско́рбех.

[15] Итак, пойми, каковы будущие блага, как скоро мы величаемся и тем, что представляется для нас печальным. Таков дар Божий и так-то в нем нет ничего неприятного.

[16] В делах внешних подвиги сопровождаются трудом, болезнью и несчастьем, а венки и награды приносят удовольствие; а там не так, но и борьба для нас приятна не менее награды. Так как испытания тогда были многочисленны, а царство было только в упованиях, бедствия были под руками, а блага в ожидании, и все это более ослабляло немощных, то (Павел) еще прежде небесных венцов дает им награды, говоря, что должно хвалиться и в скорбях. Впрочем, не сказал: вы должны хвалиться, но говорит: «хвалимся», представляя увещание в собственном своем примере. Потом, так как сказанное представлялось странным и необыкновенным, то есть, что человек, борющийся с голодом, находящийся в узах и муках, оскорбляемый и унижаемый, должен хвалиться этим, то (апостол) раскрывает это и, что еще важнее, утверждает, что настоящие скорби не только по причине будущих благ, но даже сами по себе достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себе – благо. Почему же? Потому что приучают к терпению. Потому, сказав: «хвалимся в скорбех», присовокупил и причину, говоря:

17 ведяще, яко скорбь терпение соделовает.

18 Заметь опять искусство Павла, как он обращает речь свою совершенно к противоположному. Так как скорби всего чаще заставляли христиан отрекаться от будущих благ и ввергали в отчаяние, то он утверждает, что вследствие скорбей следует надеяться, а не отчаиваться в будущем.

19 Скорбь бо, – говорит, – соделовает... терпение, терпение же искусство, искусство же упование: упование же не посрамит.

20 Скорби не только не лишают этой надежды, но и способны создать ее. Скорбь и до получения будущих благ приносит уже весьма важный плод – терпение и подвергающегося испытанию делает опытным, а затем она несколько содействует и в отношении к будущим благам, потому что усиливает в нас надежду. Ведь ничто так не ведет к благой надежде, как добрая совесть.

21 Потому ни один человек из живущих честно не теряет уверенности относительно будущего, а с другой стороны многие из нерадивых, угнетаемые лукавою совестью, не желают ни суда, ни воздаяния. Итак что же, неужели наши блага состоят в одних надеждах? Конечно, в надеждах, но не человеческих, которые часто разрушаются и посрамляют надеявшегося, когда обещавший покровительство умирает, или, хотя и жив, но переменяет расположение. Но не таковы наши надежды: они тверды и непоколебимы. Тот, Кто дал нам обетование, всегда жив, а мы, имеющие воспользоваться ими, хотя умрем, но опять воскреснем, так что нет ничего, что бы могло нас посрамить, как напрасно и безрассудно утешавших себя пустыми надеждами. Итак, этими

словами достаточно освободив слушателей от всякого сомнения, апостол не останавливает свою речь на настоящих благах, но опять переходит к будущим, зная, что более слабые люди, хотя и ищут настоящих благ, но не довольствуются ими. В будущих же благах он удостоверяет благами уже дарованными. Чтобы кто-нибудь не возразил: «что же? А если Богу не угодно даровать нам эти блага? Правда, мы все знаем, что Он имеет силу, пребывает и живет, но откуда известно, что Он и пожелает нашего блаженства»? – апостол и отвечает, что это видно из благ, нам уже данных. Из каких же именно благ? Из любви, которую Бог явил о нас.

22 Что же именно Он сделал? – спросишь ты. Даровал Святого Духа. Потому (апостол), сказав: «упование... не посрамит», представил и доказательство этого, говоря:

23 яко любы́ Божия излияся в сердца наша.

24 И он не сказал: дана, но: «излияся в сердца наша» указывая на изобилие. Бог даровал нам самое величайшее благо, даровал не небо, не землю, не море, но то, что драгоценнее всего этого – Он сделал людей ангелами, сынами Божиими, братиями Христовыми. Какое же это благо? Дух Святый. Если бы Богу не угодно было наградить нас великими венцами после трудов, то Он не дал бы столь великих благ прежде трудов. Ныне же сила любви Его открывается из того, что Он не медленно и не мало-по-малу даровал нам почести, но вдруг излил весь источник благ, и притом прежде подвигов. Потому, хотя ты и не очень достоин, не отчаивайся, имея великим своим защитником любовь Судии. По этой причине и апостол, говоря: «упование... не посрамит», все возложил не на наши заслуги, но на любовь Божию. Сказав же о

даровании Духа, он опять обращается ко кресту и говорит:

25 Рим.5:6–10. еще бо Христос сущим нам немощным, по времени за нечестивых у́мре. Егда бо за праведника кто у́мрет: за благаго бо не́гли кто и де́рзнет умре́ти. Составляет же Свою любовь к нам Бог.

26 Эти слова означают следующее. Если не скоро кто-нибудь согласится умереть и за добродетельного человека, то представь любовь твоего Владыки, когда Он оказался распятым не за добродетельных, но за грешников и врагов. Это и (апостол) говорит далее:

27 яко, еще грешником сущим нам, Христос за ны у́мре. Много убо паче оправдани бывше ныне кровию Его, спасемся Им от гнева. Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертию Сына Его, множае паче примирившеся спасемся в животе Его.

28 Кажется, как будто в этих словах заключается тождесловие, но при внимательном чтении его не найдется. Смотри же. (Апостол) желает убедить римлян относительно будущих благ и сначала убеждает их мыслью праведника, говоря, что этот совершенно уверен, «яко, еже обеща Бог, си́лен есть и сотворити» (Рим.4:21): потом доказывает это дарование благодатью; далее – скорбями, говоря, что они способны привести нас к надежде; обещанием, что Бог даровал нам Духа, Которого мы и приняли, и, наконец, доказывает это Христовою смертью и нашей прежнею порочностью. И хотя, как замечено выше, сначала представляется, что сказано одно и то же, но на самом деле открываются две, три и более различных мыслей: первая – та, что Христос умер, вторая – что умер за нечестивых, третья – что примирил,

спас, оправдал, сделал безсмертными сынами и наследниками. Потому, говорит (апостол) нам должно укрепляться в уповании не только смертию Христовою, но и тем, что даровано чрез эту смерть. И хотя уже одно то, что Христос умер за нас таковых (грешников) было величайшим доказательством Его любви, но когда умирающий оказывается еще и подателем даров и притом весьма великих для тех, которые их не заслуживали, то такое благодеяние превосходит всякую меру и должно привести к вере и совсем бесчувственного. И не другой хочет нас спасти, но Тот, Кто нас, бывших еще грешниками, возлюбил до того, что самого Себя предал за нас. Видишь, ли, как и в этом месте содержится доказательство относительно надежды на будущее? Прежде этого были затруднения к нашему спасению то, что мы были грешники, и то, что надлежало спастись смертию Владыки. Но последнее, прежде чем совершилось, было невероятным и, чтобы совершиться, нуждалось в великой любви, ныне же, когда это совершилось, и остальное сделалось гораздо легче: ведь мы сделались друзьями, и смерти Господа более уже не нужно.

[29] Итак, Тот, Кто пощадил врагов до того, что не пощадил Сына, неужели не защитит сделавшихся друзьями, когда притом Ему нет уже нужды предавать Сына? Иной часто не спасает потому, что не хочет, или не может, хотя бы и желал. Ни того, ни другого нельзя сказать о Боге, после того как Он отдал Сына. А что Бог и может спасти, (апостол) и это доказал тем, что Бог оправдал нас, бывших грешниками. Итак, какое, наконец, остается для нас препятствие достигнуть будущих благ? Никакого. Затем, чтобы ты, услышав о грешниках, врагах, немощных

и нечестивых, не стал стыдиться и краснеть, послушай, что говорит (апостол) далее:

[30] Рим.5:11. не точию же, но и хвалимся о Бозе Господем нашим Иисусом Христом. Имже ныне примирение прияхом.

[31] Что значит: «не точию же»? Не только мы спасены, говорит (апостол), но и хвалимся тем, чего бы, по мнению других, надлежало нам стыдиться. То, что мы, жившие в столь великой порочности, были спасены, служит величайшим признаком сильной любви к нам Спасающего. Он спас нас не чрез ангелов и архангелов, но чрез Своего Единородного. Итак то, что Он спас, спас грешников, совершил это чрез Единородного, и не просто чрез Единородного, но кровию Его, – все это сплетает нам бесчисленные венки похвалы. В понятии славы и дерзновения нет ничего равного тому, как быть любимыми от Бога и любить Его, нас возлюбившего. Это делает блистательными ангелов, начала и силы, это больше царства, вследствие чего Павел и поставил это прежде царства: и я ублажаю бестелесных, потому что они любят Бога и во всем повинуются Ему. Потому и пророк удивлялся им, говоря: «сильнии крепостию, творящии слово Его» (Пс 102.20), а Исаия восхвалял серафимов, приписывая им великую добродетель, так как они стоят близ славы Божией, а это было знаком величайшей любви.

[32] Итак, будем и мы подражать горним силам и постараемся не только стоять близ престола, но и быть обителью для Сидящего на престоле. Он возлюбил ненавидящих и не прекращает любить: «солнце свое сияет на злыя и благия и дождит на праведныя и… неправедныя» (Мф 5.45). Ты же возлюби любящего,

потому что и Он любит. А почему же, спросишь, этот любящий угрожал геенною, наказанием и мучением? Потому самому, что любит, так как, отсекая твое лукавство и страхом, как бы некоторою уздою, удерживая тебя от стремления к худшему, Он все делает и предпринимает, чтобы и приятными, и прискорбными средствами остановить тебя в стремительном падении, привести в себя самого и отвлечь от всякого порока, который ужаснее геенны. А если ты смеешься по поводу сказанного и желаешь лучше постоянно жить в пороке, чем один день подвергаться наказанию, то это нисколько неудивительно: это признак твоего несовершенного образа мыслей, твоего опьянения и неисцелимой болезни, – так как и малые дети, когда увидят, что врач намеревается прижечь или надрезать (больное место), бросаются и бегут прочь, кричат и вырываются и предпочитают лучше страдать от постоянного гниения тела, нежели перенести временную боль, а после этого наслаждаться здоровьем. А люди, имеющие ум, знают, что болезнь тяжелее надреза, а равно и быть порочным хуже, чем подвергнуться наказанию, так как от одного возможно вылечиться и быть здоровым, а от другого можно погибнуть или остаться в постоянном недуге. Но всякому известно, что здоровье лучше болезни. Потому и о разбойниках должно плакать не тогда, когда им ломают ребра, но тогда, когда они подламывают стены и убивают. Если душа превосходнее тела, как и действительно она превосходнее, то более справедливо стенать и плакать, когда она погибает, если же она не чувствует этого, то тем более должно скорбеть о ней. Так и предающихся необузданной любви следует жалеть больше, чем сильно страдающих горячкою, а пьяниц больше, чем подвергаемых мучению. Но если все это вреднее, то

почему, спросишь, мы больше избираем это? Потому что многим из людей, по пословице, нравится худшее и они предпочитают его, миновав лучшее. Это можно наблюдать при выборе пищи и рода деятельности, в склонностях житейских и в наслаждениях, в удовольствиях, в выборе жен, домов, рабов, угодий и всего прочего. Скажи мне, что доставляет больше удовольствия – сообщение с женщинами или мужчинами? С женщинами или с лошаками? Однако же мы найдем много таких, которые избегают женщин, а имеют соитие с бессловесными и наносят поругание мужчинам, несмотря на то, что сообразное с природою приятнее противоестественного.

33 Вообще есть много людей, которые, как за приятным, гонятся за тем, что смешно, неприятно и влечет за собою наказание. Скажешь, что им это кажется приятным. Но потому-то и жалки эти люди, что неприятное считают приятным. Так они считают наказание хуже греха, а в самом деле это не так, но совершенно наоборот. Если бы наказание было злом для грешников, то Бог не присоединил бы зла ко злу и не восхотел бы сделать их еще худшими. Ведь тот, кто делает все, чтобы истребить зло, не может и увеличивать его.

34 Итак, для грешника нет зла быть наказанным, а напротив, зло – не быть наказанным, подобно как зло для больного – не лечиться. Но ничего нет настолько вредного для человека, как неумеренная страсть. Неумеренной же страстью я называю страсть к наслаждениям, праздной славе, господству и вообще ко всему тому, что сверх потребности. Тот, кто проводит роскошную и распущенную жизнь, представляется счастливее всех, но на самом деле он всех несчастнее, потому что предает

душу свою во власть жестоким владычицам и мучителям. Бог для того и сделал настоящую жизнь нашу исполненною труда, чтобы избавить нас от такового рабства и привести к полной свободе; для того Он угрожает наказанием, для того дал в удел нашей жизни заботы, чтобы обуздать склонность к неге. Так иудеи, пока были заняты копанием глины и деланием кирпичей, и были покорны и непрестанно призывали Бога, а когда получили свободу, начали роптать, огорчать Владыку и погрузились в тысячи пороков. Но что сказать о людях, спрашиваешь ты, которые под влиянием скорби не редко изменяются к худшему? Такая порча бывает следствием не скорби, но людской слабости. Если кто, имея больной желудок, не может принять горького лекарства, которое, бы его очистило, и погибает, то мы обвиняем не лекарство, а слабость органа; так и здесь причина – в слабости души. Если человек испортился в нужде, то тем более подвергнется этому в довольстве. Если он падает, когда связан, – а таков человек в нужде, – то тем более упадет, когда развязан. Если в тесных обстоятельствах портится, то еще легче испортится в благополучии. Но как я могу, спросишь, не испортиться под влиянием несчастий? Если поймешь, что хочешь или не хочешь, но ты должен перенести то, что терпишь; и если станешь переносить с благодарением, то получишь весьма большую пользу, а если будешь сетовать, негодовать и роптать, то и несчастья своего этим не убавишь, и воздвигнешь еще большую бурю. Имея такие мысли, мы все, что бы ни случилось с нами по необходимости, будем принимать так, как бы происходило это по нашему желанию. Положим, например, что один потерял любимого сына, а другой – все имущество; если ты рассудишь, что избежать происшедшего было

невозможно, а с другой стороны, что из неустранимого несчастья можно извлечь для себя и некоторую пользу и мужественно перенести случившееся, и если ты, вместо хулы, воздашь хвалу Господу, то несчастья, постигшие тебя против твоей воли, вменяются тебе в заслугу, как бы происшедшие по твоему желанию. Узнаешь ли ты, что похищен сын преждевременною смертью, – скажи: «Господь даде, Господь отъят». Увидишь ли, что оскудело твое имущество, – скажи: «наг изыдох от чрева матери моея́, наг и отиду» (Иов 1.21). Ты видишь, что злые благоденствуют, а праведные злополучны и терпят тысячи несчастий, и не умеешь найти причину происходящего? Скажи: «ско́тен бых у тебе, и аз выну с Тобою» (Пс 72.22–23). А если ты желаешь узнать и причину этого, то помысли, что Бог назначил день, в который будет судить вселенную, и у тебя исчезнет всякое недоумение, так как тогда каждый получит по заслугам, как Лазарь и богатый. Приведи себе на память апостолов: они подвергались бичеванию и гонению, терпели тысячи бедствий, они радовались, что удостоились принять поругание за имя Христово. И ты, если страдаешь каким-либо недугом, переноси болезнь мужественно и благодари Бога, и таким образом получишь такую же награду, как и апостолы. Но как тот, кто находится в болезни и мучениях, может воздавать благодарение Господу? Если ты любишь Его искренно. Если три отрока, ввержённые в пещь, и другие, находившиеся в узах и в бесчисленных иных бедствиях, не переставали благодарить, то тем более могут это делать те, которые находятся в болезнях и одержимы тяжкими недугами. Ведь нет, действительно нет ничего такого, чего бы не победила любовь. А когда проявляется любовь Божия, то она выше всего, и ни огонь, ни меч, ни

бедность, ни болезнь, ни смерть, ни все прочее – не страшны для того, кто пользуется этою любовью; посмеиваясь над всем, он станет парить к небу и душевным настроением окажется нисколько не ниже живущих на небе; он не посмотрит ни на что иное, ни на небо, ни на землю, ни на море, но устремлен будет к одной только красоте небесной славы; как скорби настоящей жизни не смогут унизить его, так земные блага и удовольствия не в состоянии будут возвысить и сделать надменным.

35 Итак, возлюбим и мы эту любовь (ведь ей нет ничего равного) и ради настоящего, и ради будущего, а лучше сказать, ради самой природы этой любви, потому что мы избавимся от наказаний и в настоящей жизни, и в будущем веке и достигнем царства. Но и кроме избавления от геенны и приобретения царства, нужно упомянуть и нечто другое важное; выше всего это – любить Христа и быть от Него любимым. Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? Это блаженство познается не иначе, как только на опыте. Потому, чтобы познать опытно таковую духовную радость, блаженную жизнь и сокровище неисчислимых благ, мы, оставив все, станем искать этой любви, как для собственной нашей радости, так и для славы любимого Бога, потому что Ему принадлежит слава и держава со Единородным (Сыном) и со Святым Духом, ныне и присно, и во все веки веков. Аминь.

Беседа 10

[1] Рим 5.12. Сего ради якоже единем человеком грех в мир вниде и грехом смерть, и тако смерть во вся человеки вниде, в немже вси согрешиша.

[2] Подобно тому как самые лучшие врачи всегда исследуют корень болезней и доходят до самого источника зла, так делает и блаженный Павел. Сказавши, что мы оправданы, и доказав это примером патриарха, ниспосланием Духа и смертию Христовою (так как Христос и не умер бы, если бы не хотел оправдать нас), он теперь рассматривает прежде доказанное с другой стороны и подтверждает свою речь противоположными доводами, а именно – говорит о смерти и грехе и исследует, как, каким путем и откуда явилась смерть и как она возобладала. Итак, как взошла и возобладала в мире смерть? Чрез грех одного. Что же значит: «в немже вси согрешиша»? То, что как скоро пал один, чрез него сделались смертными все, даже и не вкусившие запрещенного плода.

[3] Рим.5:13. До закона бо грех бе в мире: грех же не вменяшеся не сущу закону.

[4] Некоторые думают, что апостол словом – «до закона» назвал все время, протекшее до дарования закона, то есть, когда жили Авель, Ной, Авраам и далее до самого рождения Моисея. Какой же грех был тогда? Иные утверждают, что апостол ведет речь о грехе в раю, так как грех этот, говорят они, еще не был отпущен и плод его процветал: этот грех и внес общую смерть, которая владела всеми и мучила. Но для чего (апостол) присовокупляет: «грех же не вменяется не сущу закону»?

Те, которые держатся изложенного нами мнения, утверждают, что (апостол) сказал это в ответ на возражение иудеев: «если без закона нет греха, то как смерть истребила всех, живших до закона?» А по моему мнению, будет более согласно с разумом и с мыслью апостола то, что намереваюсь я сказать. Что же именно? Когда (апостол) говорит, что грех был в мире еще до закона, то этим, как мне кажется, он сказал то, что, после дарования закона, возобладал уже грех преступления и господствовал потом во все то время, пока существовал закон, так как грех не мог утвердиться, говорит (апостол), пока не было закона. Итак, если этот именно грех, происшедший от нарушения закона, породил смерть, то как умерли все жившие до закона? Ведь если смерть имела свой корень в грехе, а грех, пока не было закона, не вменялся, то как возобладала смерть? Отсюда ясно, что не этот грех, не грех преступления закона, но другой, именно грех преслушания Адама, был причиною общего повреждения. Чем же это доказывается? Тем, что умерли все жившие и до закона.

[5] Рим.5:14. Царствова смерть , – говорит (апостол) , – от Адама даже до Моисеа и над несогрешившими.

[6] Как царствовала?

[7] По подобию преступления Адамова, иже есть образ будущаго.

[8] Итак, Адам есть образ Иисуса Христа. В каком отношении, спросишь? В том, что как Адам для своих потомков, хотя они и не вкусили древесного плода, сделался виновником смерти, введенной в мир Адамовым ядением, так Христос для верующих в Него, хотя и не совершивших праведных дел, сделался виновником

праведности, которую даровал всем нам чрез крест. Потому (апостол), как выше, так и ниже, высказывает одну мысль и много раз повторяет ее, говоря: «якоже единем человеком грех в мир вниде», еще: «прегрешением единаго мнози умроша», или: «не якоже единем согрешшим дарование», или: «грех... из единаго во осуждение»; еще: «аще бо единаго прегрешением смерть царствова единем»; еще: «темже убо, якоже единаго прегрешением», и еще: «якоже... ослушанием единаго человека грешни быша мнози» (Рим 5.12, 15–19). Апостол не отступает от «единаго» для того, чтобы на возражение иудея: «каким образом род человеческий спасен заслугами одного Христа?» – мог и ты возразить ему: каким образом весь род человеческий осужден за преслушание одного Адама, – тем более, что нет и сравнения между грехом и благодатью, между смертью и жизнью, между диаволом и Богом, но между ними существует бесконечное расстояние? Потому, когда и свойство дела, и могущество совершившего, и самое соответствие дела (ведь Богу более естественно спасать, нежели наказывать) – все показывает, что превосходство и победа на стороне Христа, то, скажи мне, какое ты имеешь основание для неверия? А что совершившееся согласно с разумом, (апостол) доказал это следующими словами:

[9] Рим.5:15. но не якоже прегрешение, тако и дар. Аще бо прегрешением единаго мнози умроша, множае паче благодать Божия и дар благодатию единаго человека Иисуса Христа во многих преизлишествова.

[10] Это означает следующее: если получил столь великую силу грех и притом грех одного человека, то как же его не превзойдет гораздо большей силой благодать – благодать

Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Это более сообразно с разумом, чем первое. Чтобы один наказывался по вине другого – это представляется не совсем справедливым, но чтобы один был спасен чрез другого – это более благопристойно и сообразно с разумом. Если же произошло первое, то тем более должно быть и последнее.

11 Итак, этим (апостол) доказал, что (спасение чрез одного) и справедливо и сообразно с разумом, а как скоро это раскрыто, то и прочее должно быть несомненным. В следующих же словах (апостол) доказывает, что (спасение) было и необходимо. Как же он раскрывает это?

12 Рим.5:16. Не якоже единем согрешшим, дарование: грех бо из единаго во осуждение: дар же от многих прегрешений во оправдание.

13 Что означают эти слова? То, что один грех имел силу навлечь смерть и осуждение, а благодать изгладила не только этот единый грех, но и другие грехи, за ним следовавшие. Чтобы употреблением слов – «как» и «так» не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мера, и чтобы ты, слыша об Адаме, не подумал, что изглажен только тот грех, который внес Адам, (апостол) и говорит, что совершилось отпущение многих преступлений. Но из чего это видно? Из того, что после бесчисленных грехов, следовавших за грехом, совершенным в раю, все кончилось оправданием. Но где оправдание, там необходимо и всецело следуют жизнь и тысячи благ, равно как, где грех, там и смерть.

14 Праведность выше жизни, так как она – корень жизни. А что были дарованы блага более многочисленные и был истреблен не один только первородный грех, но и все

прочие грехи, это (апостол) показал словами: «дар же от многих прегрешений во оправдание». Отсюда, с необходимостью доказывается и то, что смерть исторгнута с корнем. А так как (апостол) сказал, что первое было больше второго (т. е. благодатью даровано больше, чем сколько повреждено грехом), то нужно было доказать опять и это. Потому он сперва сказал, что если грех одного умертвил всех, тем более может спасти благодать одного; после этого он раскрыл, что благодатью истреблен не один только первородный грех, но и все прочие грехи, даже не только истреблены грехи, но и дарована праведность, и Христос не только принес исправление в том, что повредил Адам, но и совершил нечто гораздо большее и высшее. Когда (апостол) объяснил это, то опять здесь является нужда в дальнейшем доказательстве. Как же он раскрывает это?

[15] Рим.5:17. Аще бо единаго прегрешением смерть царствова единем, множае паче избыток благодати и дар правды приемлюще, в жизни воцарятся единем Иисус Христом.

[16] Смысл этих слов таков. Что вооружило смерть против всей вселенной? То, что только один человек вкусил от древа. Если же смерть приобрела такую силу чрез преступление одного, то как скоро найдутся некоторые получивши благодать и праведность, несравненно превосходящие тот грех, то каким образом они могут оставаться повинными смерти? Потому (апостол) не сказал здесь: благодать, но: «избыток благодати», потому что мы получили от благодати не столько, сколько нам было нужно для освобождения от греха, но гораздо больше. Ведь мы были освобождены от наказания, совлеклись всякого зла, были возрождены свыше,

воскресли после погребения ветхого человека, были искуплены, освящены, приведены в усыновление, оправданы, сделались братьями Единородного, стали Его сонаследниками и сотелесными с Ним, вошли в состав Его плоти и соединились с Ним так, как тело с главою. Все это Павел и назвал избытком благодати, показывая, что мы получили не только врачевство, соответствующее нашей язве, но и здоровье, красоту, честь, славу и такие достоинства, которые гораздо выше нашей природы. Каждый из этих даров мог бы сам по себе истребить смерть. А когда все они открыто стекаются вместе, тогда смерть истребляется с корнем и не может уже появиться ни следа ее, ни тени. Это подобно тому, как если бы кто за десять оволов вверг какого-нибудь должника своего в темницу и не только его самого, но, по вине его, и жену его, детей и слуг, а другой, пришедши, не только внес бы те десять оволов, но еще подарил десять тысяч талантов золота, привел узника в царский дворец, посадил на месте самой высокой власти и сделал бы его участником самой высокой чести и других отличий – тогда давший в заем не мог бы и вспомнить о десяти оволах. Также случилось и с нами. Христос заплатил гораздо больше того, сколько мы были должны, и настолько больше, насколько море беспредельно в сравнении с малой каплей. Итак, не сомневайся, человек, видя такое богатство благ, не спрашивай, как потушена искра смерти и греха, как скоро излито на нее целое море благодатных даров. На это и намекнул Павел, сказавши, что «избыток благодати и дар правды приемлюще, в жизни воцарятся». Когда (апостол) ясно доказал это, он опять употребляет прежнее умозаключение и усиливает его повторением, говоря, что если все были наказаны за преступление Адама, то все могут и оправдаться Христом. Потому и говорит:

[17] Рим.5:18. темже убо, якоже единаго прегрешением во вся человеки вниде осуждение, такожде и единаго оправданием во вся человеки вниде оправдание жизни.

[18] Потом, излагая тот же довод, говорит так:

[19] Рим.5:19. якоже бо ослушанием единаго человека грешни быша мнози, сице и послушанием единаго праведни будут мнози.

[20] Сказанное (апостолом) ведет, по-видимому, к немалому недоумению, которое, впрочем, при тщательном внимании, удобно разрешается. Какое же это недоумение? Речь о том, что непослушанием одного человека многие сделались грешными. Конечно, нет ничего непонятного в том, что все происшедшие от того, кто согрешил и стал смертен, сделались также смертными; но какая может быть последовательность в том, что от преслушания одного сделался грешным и другой? Тогда ведь окажется, что последний и не подлежит наказанию, так как не сам собою сделался грешником.

[21] Итак, что значит здесь слово – «грешни»? Мне кажется, оно означает людей, подлежащих наказанию и осужденных на смерть. Что все мы после смерти Адама сделались грешными, (апостол) доказал это ясно и многими доводами, но остается вопрос о том, почему это произошло. Но (апостол) этого и не касается, так как это не относится к предмету его рассуждения. Ведь у него идет спор с иудеем, который отрицает и осмеивает оправдание чрез одного. Потому, доказав, что наказание от одного распространилось на всех, он не присоединил речи о том, почему это случилось, так как (апостол) не говорит ничего лишнего, а ограничивается одним только

необходимым. Правило состязаний не понуждало ни иудея, ни тем более его говорить об этом, потому он и оставляет вопрос не решенным. А если бы кто-либо из вас постарался узнать об этом, то я скажу, что мы не только не получили никакого вреда от той смерти и осуждения (если только станем бодрствовать), но даже имеем пользу от того, что сделались смертными. Первая наша от этого выгода та, что мы грешим не в бессмертном теле, а вторая та, что это доставляет нам тысячи побуждений к любомудрию. Предстоящая и ожидаемая нами смерть располагает нас быть умеренными, целомудренными, воздержными и удаляться всякого зла. А после этого, или, лучше сказать – прежде этого, она доставила уже нам и другие очень многие блага. Отсюда венцы мученические, награды апостольские; так оправдался Авель; так оправдался Авраам, принесши на заклание сына; так оправдался Иоанн, умерщвленный за Христа; так оправдались три отрока; так оправдался Даниил. Если и мы пожелаем, то не только смерть, но и самый диавол не сможет повредить нам. Кроме этого, нужно сказать о том, что нас ожидает бессмертие, что после кратковременных вразумлений мы безопасно насладимся будущими благами, будучи приготовлены в настоящей жизни, будучи наставлены, как бы в некотором училище, болезнями, скорбями, искушениями, нищетою и другими кажущимися нам бедствиями к тому, чтобы сделаться способными к принятию будущих благ.

[22] Рим.5:20. Закон же привниде, да умножится прегрешение.

[23] После того, как (апостол) доказал, что вся вселенная осуждена в Адаме, а спасена и освобождена от осуждения во Христе, он благовременно рассуждает опять о законе,

опровергая мнение относительно его. Закон, говорит он, не только не принес никакой пользы и не только не оказал никакой помощи, но с появлением его увеличилась и болезнь. Но слово «да» (ἵνα) здесь указывает не на причину, а на следствие. Ведь закон не дан для того, чтобы умножился грех, но дан с таким расчетом, чтобы мог уменьшить и истребить преступление; а если случилось противоположное, то не по свойству закона, а по нерадению принявших закон. Для чего же (апостол) не сказал: закон был дан, а говорит: «закон… привниде»? Чтобы показать, что нужда в нем была временной, а не главной и важнейшей, о чем (апостол) говорит и в послании к Галатам, хотя мысль эту выражает иначе, а именно: «прежде… пришествия веры, под законом стрегóми бехом, затворени в хотящую веру открытися» (Гал 3.23). Следовательно, закон охранял стадо не для самого себя, а для другого. Так как некоторые иудеи были завистливы, распущены и нерадивы к собственным дарам, ради этого и дан был им закон, который бы сильнее обличал их, ясно показывал, в каком они находятся состоянии, и, увеличив обвинение, сильнее их обуздывал. Но не бойся: все это послужило не к большему наказанию, но к явлению большей благодати. Потому (апостол) присовокупил:

[24] идеже… умножися грех, преизбыточествова благодать.

[25] Не сказал: «изобиловала», но: «преизбыточествова». Благодать не только освободила от наказания, но и даровала отпущение грехов, жизнь и другие блага, о которых мы многократно упоминали; это подобно тому, как если бы кто одержимого горячкою не только избавил от болезни, но сделал красивым, сильным и уважаемым, или голодного не только накормил, но и сделал его

господином многих владений и возвел на высочайшую степень власти. А каким образом умножился грех? спросишь ты. Закон дал бесчисленные заповеди, а так как люди преступили их все, то грех и умножился. Понял ли ты, какое различие между законом и благодатью? Закон послужил дополнением осуждения, а благодать умножением дара.

[26] Сказав же о неизреченной Божией щедрости, (апостол) снова исследует начало и корень как смерти, так и жизни. Что же составляет корень смерти? Грех. Потому он и сказал:

[27] Рим.5:21. да якоже царствова грех во смерть, такожде и благодать воцарится правдою в жизнь вечную, Иисус Христом Господем нашим.

[28] В этих словах (апостол) представляет грех в положении царя, а смерть в положении воина, который находится под его властью и им вооружается. Итак, если грех вооружил смерть, то вполне ясно, что праведность, сообщаемая благодатью и уничтожающая грех, не только обезоруживает смерть, но уничтожает ее и ниспровергает все царство греха, поскольку она сильнее греха, произошла не от человека или диавола, но от Бога и благодати, и ведет жизнь нашу к более совершенному и бесконечному благу; этой жизни даже и конца не будет, из чего ты можешь узнать преимущества благодати. Грех лишил нас настоящей жизни, а явившаяся благодать даровала нам не только настоящую, но и бессмертную и вечную жизнь. Виновником же всего этого был для нас Христос. Потому, имея праведность, не сомневайся касательно жизни: ведь праведность выше жизни, так как она – матерь ее.

[29] Рим.6.1. Что убо? ...пребудем ли во гресе, да благодать преумножится? Да не будет.

[30] (Апостол) опять переходит к нравоучительной речи, но не преимущественно держится ее, чтобы не показаться для многих неприятным и тягостным, а касается ее только в связи с речью о догматах. Если и при таком искусстве в речи он опасался, как бы некоторые не были недовольны его словами, почему и оговаривался: «дéрзее же писах вам, от части» (Рим 15.15), то тем более он показался бы им резким, если бы не делал этого. Итак, он доказал, что благодать вполне достаточна для уврачевания и великих грехов. Но все же для неразумных эти слова могли показаться побуждением ко греху. Если могли бы они говорить, благодать явилась в большей мере, когда мы много и согрешили, то не престанем грешить, чтобы обильно являлась и благодать. Чтобы они этого не говорили и не думали, смотри, как (апостол) устраняет их возражение, – сначала запрещением, сказав: «да не будет», как обыкновенно выражается о чем-нибудь по общему признанию крайне нелепом, а потом приводит неопровержимое доказательство. Какое же?

[31] Рим.6:2. Иже бо умрохом греху, како еще жити будем в нем?

[32] Что значит – «умрохом?» Или то, что все мы подпали тому же приговору, какой произнесен против греха, или то, что мы, уверовавши и просветившись, сделались мертвыми для греха. Лучше принять последнее, как это видно и из дальнейшего. Что же значит – сделаться мертвым для греха? Ни в чем более не слушаться его. Хотя крещение и совершило это однажды, то есть, умертвило нас для греха, но далее мы сами должны постоянно и со всем нашим прилежанием

совершенствоваться, так чтобы не слушаться греха, что бы он ни приказывал нам, и оставаться неподвижно, подобно мертвецу. Хотя в других местах (апостол) говорит, что умер самый грех, но там он говорит это, желая показать легкость достижения добродетели; здесь же, чтобы скорее возбудить слушателя, к нему самому относит смерть. Потом, так как сказанное было неясно, то он опять объясняет тоже самое, пользуясь выражениями более сильными.

[33] Рим.6:3–4. Или не разумеете , – братья, говорит он, – яко елицы во Христа… крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть».

[34] Что значит: «в смерть Его крестихомся?» То, что и мы должны умереть, как Он, потому что крещение есть крест. Чем для Христа был крест и гроб, тем для нас стало крещение, хотя и в другом отношении Христос умер и погребен плотию, а в нас умер и погребен грех. Потому (апостол) не сказал: «снасаждени смерти», но: «подобию смерти» (Рим.6:5). То и другое – смерть, но не в отношении к одному и тому же бытию: во Христе – в отношении к плоти, а в нас – в отношении ко греху. Как во Христе, так и в нас смерть есть истинная. Но хотя грех и истинно в нас умирает, однако же нужно опять содействие и с нашей стороны. Потому (апостол) присовокупил:

[35] да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити на́чнем.

[36] Здесь вместе с попечением о жизни (апостол) прикровенно говорит и о воскресении. Как же? Ты, спрашивает (апостол), уверовал тому, что Христос умер и

воскрес? Потому верь и собственному воскресению, так как и в этом ты уподобляешься Христу, – и тебе предлежат крест и гроб. Если ты участвовал в смерти и погребении, то тем более будешь участвовать в воскресении и жизни; когда ты освобожден от большего, т. е. от греха, тебе не должно сомневаться в меньшем, т. е. в уничтожении смерти. Но (апостол) пока предоставляет слушателям обсуждать это по собственному разумению, а сам, в ожидании будущего воскресения, требует от нас иного воскресения, именно новой жизни, заключающейся в перемене нравов настоящей нашей жизни. Когда блудник делается целомудренным, корыстолюбец – милосердным, жестокий – кротким, то и в этом заключается воскресение, служащее началом будущего. В каком же смысле это есть воскресение? В таком, что грех умерщвлен, а праведность воскресла, ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и евангельская. А всякий раз, как слышишь о новой жизни, разумей великую перемену и большое превращение.

37 Но мне остается плакать и тяжко воздыхать, когда представлю, с одной стороны, какого великого любомудрия требует от нас Павел, а с другой, какой беспечности мы предали себя, возвращаясь после крещения к прежней старости, поворачивая опять в Египет и вспоминая после манны об египетском чесноке. Чрез десять или двадцать дней по принятии крещения мы уже переменяемся и снова беремся за прежние дела. Павел требует от нас доброго поведения не на известное число дней, а на целую жизнь нашу, мы же возвращаемся на прежнюю блевотину, даже после юности, полученной от благодати, уготовляя себе прежнюю старость от грехов. Ведь любовь к деньгам, служение гнусным страстям и всякий вообще грех обыкновенно делают

старым всякого совершающего их, а ветхое и состарившееся близко к разрушению. Невозможно, подлинно невозможно видеть, чтобы и тело изнемогало от времени так, как портится и ослабевает душа от множества грехов. Она впадает в крайнюю болтливость, говорит невнятно, как старики или безумные, страдает притуплением внешних чувств, поражением членов тела, забывчивостью и гноетечением из глаз, становится отвратительною для людей и вполне пригодной для диавола. Таковы души грешников. Но не таковы души праведников, а юны и бодры, пребывают всегда в полном расцвете возраста, всегда готовы ко всякой борьбе и брани; души же грешников, когда подвергаются и слабому нападению, обыкновенно тотчас падают и погибают. Это выразил пророк, сказав, что «яко прах, егоже возметает ветр от лица земли» (Пс 1.4), так непостоянны и подвержены всякому нападению живущие во грехах. Они не видят хорошо, не слышат правильно, говорят нераздельно, постоянно заикаются, рот их всегда полон слюны, и хорошо бы – только слюны, это было бы не так отвратительно, но они испускают речи зловоннее всякой грязи, а хуже всего то, что они оказываются не в силах выплюнуть слюну таких речей, но с большим бесстыдством вытаскивают ее рукою и снова растирают ее, так как она сделалась густой и трудноразделимой. Вероятно, вы чувствуете отвращение, слыша мое описание, тем отвратительнее самый предмет. Если неприятно это видеть в теле, то гораздо неприятнее в душе. Таков был тот юноша, который, расточив все свое имущество, дошел до последней порочности, сделавшись расслабленнее всякого больного и помешанного в уме. Но как только он пожелал, вдруг сделался молодым от одного лишь расположения и перемены мыслей. Как только он

сказал: «возвращусь к отцу моему» (Лк 15.18), одно это слово, или правильнее сказать, не только слово, но и дело, последовавшее за словами, доставили ему все блага. Он не сказал: пойду и – остался, но сказал: пойду и – пошел и совершил весь путь свой.

[38] Станем так поступать и мы; если мы будем увлечены на чужую сторону, то возвратимся в отеческий дом и не побоимся продолжительности пути. Если только пожелаем, наше возвращение будет удобно и весьма скоро, оставим только чужую и неродную нам сторону, то есть грех, который далеко отводит нас от родительского дома. Итак, оставим грех, чтобы скорее возвратиться под отеческий кров. Отец любвеобилен и не меньше, а еще больше полюбит нас кающихся, чем угождавших Ему, так как и блудного сына отец удостоил тогда большой чести и сам, нашедши сына, обрадовался в большей мере. Но как мне возвратиться? – говоришь ты. Положи только начало дела, и все уже сделано; остановись в порочной жизни и не иди далее, и – ты уже все получил. Как и с больными и то уже составляет начало улучшения, если не делается им хуже, тоже бывает и в отношении ко злу: не иди далее, и порочные дела придут у тебя к концу. Если ты будешь так поступать в продолжение двух дней, то на третий тебе будет легче воздержаться, а к трем дням ты потом приложишь десять, после – двадцать, потом – сто, потом – и целую жизнь. Чем далее станешь подвигаться вперед, тем легче будет казаться твой путь; наконец, достигнешь самой вершины и тогда сразу насладишься многими благами. Ведь и тогда, когда, возвратился блудный сын, явились свирели, гусли, лики, пиршества и празднества; тот, кто должен был потребовать у сына отчета в безвременной расточительности и в таком продолжительном бегстве, не сделал ничего подобного,

но встретил его, как заслужившего похвалу, не сказал ему ни одного укоризненного слова, даже не показал вида, что вспомнил о прежней его жизни, но обнял его, поцеловал, заколол теленка, облек в одежду и много украсил его. И мы, имея такие примеры, сделаемся смелыми и не будем отчаиваться. Ведь Бог не столько радуется, когда Его называют Владыкою, сколько тогда, когда Его называют Отцом, не столько тогда, когда Он приобретает раба, сколько тогда, когда приобретает сына, и Ему более угодно иметь сына, чем раба. Все, что Он ни делал, Он делал для этого именно, и не пощадил Единородного Своего, чтобы мы получили усыновление, чтобы мы любили Его не только как Владыку, но и как Отца. И если Он достигает этого от нас, то превозносится, как и тот, кто прославляет Его; всем об этом объявляет, хотя не имеет нужды ни в чем нашем. Это Он делал и с Авраамом, непрестанно повторяя: Я Бог Авраама, Исаака и Иакова. Хотя следовало бы слугам хвалиться этим, но теперь Господин открыто делает это. Потому и Петра спрашивает: «любиши ли Мя паче сих» (Ин 21.15)? показывая, что прежде любви ничего от нас не требует. Потому и Аврааму велел принести сына в жертву, чтобы показать всем, как сильно любит Его патриарх. А желание быть сильно любимым происходит от сильной любви. Потому и апостолам Христос говорил: «иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин» (Мф 10.37).

39 Поэтому, хотя к нам ближе всего душа наша, однако же Бог ставит ее в отношении любви к Себе на втором месте, так как желает, чтобы мы любили Его выше всякой меры. И мы, когда не сильно к кому-нибудь расположены, от того и не требуем сильной привязанности, хотя бы он был велик и знаменит; когда же кого-нибудь любим горячо и искренно, то, хотя бы любимый человек был прост и

незначителен, мы взаимную его любовь считаем для себя величайшею честью. Так и Христос вменил Себе в славу не только быть нами любимым, но и перенести за нас поношение. Но то по одной только Его любви было славою, а что мы переносим ради Него, это поистине может быть названо и действительно есть слава не только по одной любви, но также по величию и достоинству Любимого нами.

40 Итак, когда мы станем стремиться к величайшим венцам, то не будем считать для себя обременительным и неприятным ни опасности за Него, ни бедность, ни болезнь, ни поругание, ни клевету, ни самую смерть, всякий раз как терпим это за Него, Если будем бодрствовать, из всего этого получим величайшую пользу; а если не будем бодрствовать, то не получим никакой пользы и от противоположных дел. Смотри же: вредит ли кто-нибудь тебе и враждует? Он учит тебя бодрствовать и доставляет тебе случай сделаться подобным Богу. Если ты возлюбишь злоумышляющего против тебя, то уподобишься Тому, Кто «солнце Свое сияет на злыя и благия» (Мф 5.45). Другой отнимает от тебя имущество? Если ты великодушно это перенесешь, получишь одинаковую награду с теми, которые роздали все нищим: (апостол) говорит: «и разграбление имений ваших с радостию приясте, ведящ... лучшее... имети себе имение на небесех,.. и пребывающее» (Евр 10.34). Кто-нибудь зло отозвался о тебе и укорил тебя? Правда ли это, или ложь, но ты сплел себе величайший венок, если кротко перенес укоризну. Клеветник также доставит нам большую награду, так как сказано: «радуйтеся и веселитеся... егда... рекут всяк зол глагол на вы лжуще: ...яко мзда ваша многа на небесех» (Мф 5.11–12). А кто говорит о нас правду, опять приносит нам величайшую пользу, если

только слова его переносим смиренно. Так, фарисей злословил мытаря и, хотя говорил правду, однако сделал из мытаря праведника. И нужно ли перечислять все отдельные случаи, когда можно в точности узнать все это, вспомнив о подвигах Иова? Потому и Павел сказал: «аще Бог по нас, кто на ны» (Рим 8.31)?

[41] Итак, если мы заботливы, то и от неприятного получаем пользу, а если беспечны, то и от полезного не делаемся лучшими. Скажи мне: принесло ли Иуде пользу пребывание вместе с Христом? Полезен ли был иудеям закон? Адаму – рай? Евреям в пустыне – Моисей? Потому, оставив все, должно обратить внимание только на то единственно, чтобы нам благоустроить себя самих; если мы сделаем это, то и сам диавол никогда не в состоянии будет одолеть нас, а принесет нам еще большую пользу, научив нас бодрствовать. Так и Павел побуждал к бдительности ефесян тем, что изобразил лютость диавола. Но мы спим и храпим, притом тогда, когда имеем столь лукавого противника. И если бы мы узнали, что притаилась змея у нашей постели, то, конечно, приложили бы все старание к тому, чтобы убить ее, а когда диавол спрятался в наших душах, то мы думаем, что с нами не происходит ничего худого, а между тем мы уже пали. Причина же этого та, что диавола мы не видим телесными очами, хотя вследствие этого нам следовало бы более бодрствовать и быть осторожными. Ведь от видимого врага и уберечься можно легко, а от невидимого мы не можем поспешно убежать, если не будем всегда вооружены, тем более, что диавол не умеет сражаться открыто, чтобы тотчас самому не попасться в плен, но часто под видом дружбы впускает жестокий яд свой. Так он поступил с женою Иова, внушив ей под личиною нежной любви предложить свой злой совет; так и беседуя

с Адамом он притворяется, что заботится и радеет о нем, и говорит: «отверзутся очи ваши… в оньже аще день снесте от древа» (Быт 3.5); так Иеффаю, под видом благочестия, внушил умертвить дочь и принести беззаконную жертву. Заметил ли ты козни его? Заметил ли разнообразную его брань?

42 Итак, будь осторожен, оградись отовсюду духовным оружием, постарайся в точности узнать его замыслы, чтобы самому тебе не оказаться пленником, а легко захватить его. Так Павел, в точности зная все ухищрения диавола, одолел его, о чем и сам говорит: «не не разумеваем бо умышлений его» (2Кор 2.11). Подобным образом и мы постараемся узнать козни диавола и избегать их, чтобы, одержав над ним победу, заслужить похвалу и в настоящей жизни и в будущем веке и получить нетленные блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 11

[1] Рим 6.5. Аще бо снасаждени быхом подобию смерти Его, то и воскресения будем.

[2] О чем я говорил уже выше, о том скажу и теперь, а именно, что (апостол в послании к Римлянам) часто переходит к нравоучительному слову не так, как в остальных посланиях, которые он разделяет на две части и первую назначает для догматического учения, а вторую попечению о нравах; но здесь не так, а попеременно делает это на протяжении всего послания, чтобы слово его было хорошо принято. Итак, он говорит здесь, что существуют два умерщвления и две смерти: одно умерщвление совершается Христом в крещении, а другое должно совершаться нами посредством нашей деятельности после крещения. То, что в крещении погребены прежние наши грехи, составляет Христов дар, а пребывание после крещения мертвыми для греха – это должно быть делом собственного нашего попечения, хотя и здесь, как увидим, всего более помогает нам Бог. Крещение имеет силу не только заглаживать прежние согрешения, но и защищает от будущих. И как для заглаждения прежних грехов ты принес веру, так и для того, чтобы опять не осквернятся грехами после крещения ты должен обнаружить перемену в усердии. Советуя это самое, (апостол) и говорит: «аще бо снасаждени быхом подобию смерти Его, то и воскресения будем». Заметил ли ты, как он возвысил слушателя, возведя его прямо к самому Господу и стараясь доказать большое с Ним подобие. А чтобы ты не стал возражать, апостол не сказал: смерти, но: «подобию смерти», так как в тебе не самая сущность умерла, а умер греховный

человек, т. е. порочность. Не сказал также (апостол): если мы приобщились подобию смерти, но как говорит? «Аще бо снасаждени быхом», намекнув словом – насаждение на плод его в нас. Как Христово тело, погребенное в земле, принесло плод – спасение мира, так и наше тело, погребенное в крещении, принесло плод – правду, освящение, усыновление и бесчисленные блага, а впоследствии принесет и дар воскресения.

3 И так как мы погребены в воде, а Христос в земле, ты в отношении греха, а Он телом, то (апостол) не сказал: снасаждени быхом смерти, но: «подобию смерти», потому что хотя то и другое есть смерть, но не в отношении к одному и тому же. «Аще снасаждени быхом в смерти, – говорит, – и воскресения будем». Здесь он разумеет будущее воскресение. Так как выше, когда рассуждал о смерти и говорил: «или не разумеете, – братья, – яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся», – он ясно ничего не сказал о воскресении, но о жизни после крещения, повелев «ходить в обновлении жизни» (Рим.6:3), то здесь, употребив то же выражение, предвозвещает уже нам о будущем воскресении. А чтобы ты понял, что (апостол) говорит именно о будущем воскресении, а не о воскресении в крещении, он, сказав: «аще снасаждени быхом подобию смерти Его», не сказал, что и подобию воскресения снасаждени будем, но просто – «и воскресения будем». Чтобы ты не возразил: «если мы не умерли, как умер Христос, то как же мы воскреснем, как Он воскрес?» – апостол, когда упомянул о смерти, не сказал: снасаждени смерти, но – «подобию смерти», а когда говорит о воскресении, не сказал: подобию воскресения, но и самого «воскресения будем». И опять не сказал: «были», но: «будем», указывая и этими словами не на бывшее уже,

но будущее воскресение. Потом, желая сделать свою речь достоверной, он указывает на другое воскресение, совершающееся здесь прежде будущего, чтобы ты по настоящему уверовал и в будущее. Сказав именно, что «снасаждени... воскресения будем», присовокупил:

[4] Рим.6:6. сие ведяще, яко ветхий наш человек с ним распятся, да упразднится тело греховное.

[5] Здесь (апостол) представил вместе причину и доказательство будущего воскресения; и он не сказал: распятся, но: «с ним распятся», сближая крещение и крест. Так и выше говорил: «снасаждени быхом подобию смерти Его... да упразднится тело греховное», называя так не это наше тело, но всю порочность. Как именем ветхого человека он называет вообще все зло, так телом ветхого человека опять называет зло, слагающееся из разных видов порока. И что сказанное – не мое предположение, послушай, как сам Павел объясняет это далее. Сказав: «да упразднится тело греховное», он присовокупил:

[6] яко ктому не работати нам греху.

[7] Желаю, чтобы тело было мертво, но не в том смысле, чтобы оно разрушилось и погибло естественною смертью, а в том, чтобы не грешило. И дальше (апостол) еще более разъясняет это, говоря:

[8] Рим.6:7. умерый бо свободися от греха.

[9] Это (апостол) говорит о всяком человеке, потому что как умерший освобожден от греха уже тем самым, что лежит мертв, так и вышедший из крещения: он однажды уже умер, поэтому ему должно навсегда оставаться мертвым для греха.

[10] Итак, если ты умер в крещении, оставайся мертвым, потому что всякий умерший не может уже грешить; а если ты грешишь, то уничижаешь дар Божий. Таким образом, потребовав от нас столь высокого любомудрия, (апостол) немедленно указывает и на награду, говоря:

[11] Рим.6:8. аще же умрохом со Христом.

[12] Хотя быть в общении с Владыкою прежде всякой иной награды само по себе есть уже величайший венец, но, кроме его, говорит (апостол), я предлагаю тебе другую награду. Какую же? Вечную жизнь.

[13] Веруем , – говорит он, – яко и живи будем с Ним.

[14] Откуда же это видно?

[15] Рим.6:9. Ведяще, яко Христос воста от мертвых, ктому уже не умирает.

[16] Обрати опять внимание на искусство (апостола), как он раскрывает свою мысль от противоположного. Так как крест и смерть естественно приводили некоторых в страх, то он доказывает, что они именно и должны укреплять в надежде. Если Христос умер однажды, говорит (Павел), то не подумай, что Он смертен; напротив, вследствие этого самого Он пребывает бессмертным, так как смерть Его была смертию смерти, и так как Он умер, то и не умирает. Это и есть – смертию

[17] Рим.6:10. греху у́мре.

[18] Что значит: греху? То есть, Сам по Себе Он не был повинен смерти, а умер за наш грех. Для того Он и умер, чтобы истребить грех, подрезать ему жилы и отнять у него всю силу. Замечаешь ли ты, как (апостол) устрашил? Если Христос не умирает в другой раз, то нет и второго крещения, а если нет второго крещения, то ты не должен

иметь склонности ко греху. Все это (апостол) говорит, восставая против думавших: «сотворим злая, да приидут благая» (Рим.3:8), или: «пребудем… во гресе, да благодать приумножится» (Рим.6:1). Желая с корнем уничтожить такое мнение, он и высказывает это.

19 А еже живет , – продолжает, – Богови живет,

20 т. е. непрерывно, так что смерть не имеет уже над ним власти. Если Христос умер первою смертью, не будучи повинен смерти, а за грех других, тем более не умрет Он ныне, истребивши грех. Тоже самое выразил (Павел) и в послании к Евреям, говоря: «единою в кончину веков, во отметание греха, жертвою Своею явися. И якоже лежит человеком единою умре́ти… тако и Христос единою принесеся, во еже вознести многих грехи, второе без грехи явится ждущим Его во спасение» (Евр 9.26–28). Апостол показывает и силу жизни по Богу и могущество греха, – силу жизни по Богу тем, что Христос уже не умрет, а могущество греха тем, что он побудил умереть Безгрешного; следовательно, как же он не погубит тех, которые действительно виновны? Потом, так как (апостол) беседовал о жизни Христовой, то, чтобы кто-либо не сказал: «какое эти слова имеют отношение к нам»? – он присовокупил далее:

21 Рим.6:11. такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови.

22 Хорошо сказал – «помышляйте», потому что пока невозможно представить видимым образом то, о чем он говорит. О чем же мы должны помышлять, спросишь? «Мертвых… себе… быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем», т. е. живущий для Бога достигнет всякой добродетели, имея своим споборником

самого Иисуса; это и значит – «о Христе». Если он воскресил нас мертвых, то тем более может поддержать нас, когда мы живем.

[23] Рим.6:12. Да не царствует убо грех в мертвеннем вашем теле, во еже послушати его.

[24] Не сказал (апостол): да не живет, или: да не действует плоть, но: «да не царствует грех», потому что Христос пришел не упразднить природу, но исправить волю. Затем, показывая, что мы удерживаемся во власти порока не силою или по необходимости, но добровольно, (апостол) не сказал: да не господствует, что указывало бы на принуждение, но: «да не царствует». Неуместно было бы руководимым в царствие небесное иметь царем грех и призываемым царствовать со Христом желать сделаться пленниками греха, как нелепо было бы и то, если бы кто-нибудь, снявши с головы диадему, захотел быть рабом безумной женщины, убогой и одетой в рубище. Потом, так как тяжело победить грех, то смотри, как (апостол) и легкость показал, и в труде утешил, сказав: «в мертвеннем вашем теле». Этим он дает понять, что подвиги временны и скоро прекращаются, а вместе напоминает нам о прежних злых делах и о корне смерти, так как сначала тело сделалось смертным чрез грех. Но можно не грешить, имея и смертное тело. Заметил ли ты все богатство Христовой благодати? Адам, еще не имея смертного тела, пал, а ты можешь быть увенчанным, получив в удел тело, подверженное смерти. А каким образом, спросишь, царствует грех? Не собственною силою, но по твоей беспечности. Потому, сказав: «да не царствует», объясняет самый образ этого царствования, присовокупив следующие слова:

[25] во еже послушати его в похотех его.

[26] Уступить телу все, даже и власть, не составляет чести, но есть крайнее рабство и верх бесчестия. Когда оно делает, что желает, тогда бывает лишено всякой свободы, а когда встречает препятствия, тогда оно преимущественно сохраняет свое достоинство.

[27] Рим.6:13. Ниже́ представляйте уды вашя оружия неправды греху: но... оружия правды.

[28] Итак, тело служит средством и для порока, и для добродетели, подобно оружию, которое у пользующегося им пригодно на дела того и другого рода; так одним и тем же оружием защищаются – и воин, сражающийся за отечество, и разбойник, вооружающийся против граждан; следовательно, вина падает не на оружие, а на того, кто употребляет его во зло. Тоже самое можно сказать о плоти, которая бывает тем или другим не по собственной природе, а по расположению души. Когда ты с излишним вниманием смотришь на чужую красоту, то оружием неправды бывает глаз не по собственной своей деятельности (потому что глазу свойственно смотреть и не лукаво смотреть), но по лукавству управляющего им помысла; если ты обуздал помысел, то и глаз делается орудием правды. Тоже должно сказать о языке, о руках и всех прочих членах. И апостол хорошо наименовал грех неправдою: кто грешит, тот поступает несправедливо или в отношении себя самого, или в отношении ближнего, но гораздо больше в отношении себя, чем в отношении ближнего. Итак, отводя от порока, (апостол) ведет к добродетели и говорит:

[29] но представляйте себе Богови яко от мертвых живых.

[30] Смотри, как он побуждает простыми наименованиями, там назвавши грех, а здесь Бога. Указав, как велико

различие между царствующими, он лишил всякого извинения того воина, который оставил Бога и пожелал подчиниться царству греха. И не здесь только, но и в следующих словах он раскрывает это, говоря: «яко от мертвых живых». Этими словами он показывает гибельность греха и величие Божия дара. Представьте себе, говорит он, каковы вы были прежде и каковы вы стали теперь. Кто же вы были? Мертвецы и погибшие такою гибелью, от которой не было никакой возможности избавиться, потому что не было никого, кто бы мог помочь вам. И какими же вы стали из тех мертвецов? Живущими жизнью бессмертною. Чрез кого? Чрез всемогущего Бога. Итак, справедливо подчиниться Ему с таким усердием, какое свойственно сделавшимся из мертвых живыми.

31 И уды вашя орудия правды Богови.

32 Следовательно, тело не есть что-либо худое, если оно может сделаться оружием правды. Сказав же об оружии, (апостол) возвестил, что наступила тяжкая брань. Потому нам нужны крепкое вооружение, дух мужественный и хорошо сведущий в делах браней такого рода, а всего нужнее вождь. Но вождь уже присутствует, будучи всегда готов для союза с нами, никогда непобедимый; Он приготовил нам и крепкое оружие, требуется лишь от нас согласие употреблять это оружие как должно, под условием и вождю повиноваться, и действовать оружием за отечество. Итак, внушив нам столь великое, напомнив об оружии, битве и бранях, (апостол) опять воодушевляет воина и возбуждает в нем готовность, говоря:

33 Рим.6:14. грех бо вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию.

[34] А если грех более уже не господствует над нами, то для чего апостол (увещевал) прежде: «да не царствует... грех в мертвеннем вашем теле... ниже представляйте уды вашя оружия неправды греху?» (Рим.6:12–13) Что значит эта речь? Здесь (апостол) мимоходом высказывает мысль, которую впоследствии должен раскрыть и обработать со всем искусством. Какая же это мысль? Тело наше до пришествия Христова было легко доступно греху. Ведь после смерти в него вошло большое множество страстей и потому оно сделалось крайне неспособным идти путем добродетели. Не было еще ни вспомоществующего Духа, ни крещения, могущего умертвить, но оно бежало, подобно какому-то необузданному коню, и часто грешило, потому что закон, хотя и предписывал, что нужно делать и чего не делать, не давал подвизающимся ничего, кроме словесного увещания. Когда же явился Христос, борьба сделалась легче. Потому нам, как получившим участие в большей помощи, назначены и более трудные подвиги, почему Христос и сказал: «аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидите в царствие небесное» (Мф 5.20). Впоследствии апостол говорит об этом яснее, а пока он здесь кратко намекает на это, показывая, что если мы не слишком подчинились греху, то он нас не одолеет. Ведь не один только закон повелевает, но и благодать, которая простила прежнее и укрепляет для будущего. Закон обещал венцы после трудов, а благодать сперва увенчала, а потом призвала к подвигам. Но, по моему мнению, здесь разумеется не целая жизнь верующего, а делается сравнение между крещением и законом, о чем (апостол) говорит и в другом месте, что «писмя... убивает, а Дух животворит» (2Кор 3.6). Закон обличает преступление, а благодать освобождает от него. Как закон, обличая, обнаруживает

грех, так благодать, прощая, не позволяет оставаться под грехом, так что ты в двояком отношении бываешь освобожден от власти греха, потому, во-первых, что не находишься под законом, и во-вторых, потому что пользуешься благодатью.

35 Итак, после того как (апостол) успокоил слушателя предыдущими словами, он опять утверждает его, предлагая увещание в виде возражения и говоря так:

36 Рим.6:15. что убо? согрешим ли, зане несмы под законом, но под благодатию? Да не будет.

37 Хотя сначала (апостол) на предложенный вопрос, как крайне неуместный, отвечает отрицанием, но потом переводит речь на увещание и доказывает, что легкость подвигов велика, говоря так:

38 Рим.6:16. не весте ли, яко емуже представляете себе рабы в послушание, раби есте, егоже послушаете, или греха в смерть, или послушания в правду?

39 Не говорю уже, рассуждает (апостол), о геенне и о тяжком будущем наказании, но о настоящем стыде, когда вы становитесь рабами и притом рабами добровольными, рабами греха, и за такую награду, чтобы снова умереть. Если до крещения грех произвел телесную смерть, и рана потребовала такого врачевания, что Владыка всяческих принял смерть и таким образом разрушил зло, то чего не произведет грех, овладевши тобою, когда после столь великого дара и свободы ты снова и добровольно склонишься под его иго? Итак, не стремись в эту бездну, не предавайся добровольно греху. Во время войн часто воины сдаются и невольно, но здесь никто не победит тебя, если ты сам не сделаешься изменником. Потому, внушив надлежащим образом стыд, (апостол) устрашает и

воздаяниями и указывает на возмездия за дела того и другого рода, именно – на праведность и смерть, смерть не телесную, но гораздо более ужасную. В самом деле, если Христос более уже не умрет, то кто разрушит эту смерть? Никто. Следовательно, необходимо вечно терпеть наказание и мучиться, так как не будет уже и чувственной смерти, как здесь, которая дала бы покой телу и разлучила его с душою: «последний… враг испразднится смерть» (1Кор 15.26). Отсюда, наказание будет бессмертно. Но не то ожидает повинующихся Богу, а их наградою будет праведность и блага из нее произрастающие.

[40] Рим.6:17. Благодарим убо Бога, яко бесте раби греху, послушасте же от сердца, в оньже и предастеся образ учения.

[41] Пристыдив рабством, устрашив и побудив воздаяниями, (апостол) опять ободряет (слушателей) напоминанием о благодеяниях. В настоящих словах он показывает, что они освободились от великих зол, что освободились не собственными силами и что будущее более приятно. Подобно тому как кто-нибудь, освободивши пленника от жестокого мучителя и убеждая не возвращаться к нему, напоминает об ужасной его власти, так и Павел весьма ясно изображает минувшие бедствия, говоря и о благодарении Богу. Нужна была не человеческая сила, говорит он, чтобы освободить нас от всех тех зол; но благодарение Богу, Который восхотел и возмог избавить нас. И прекрасно сказал (апостол): «послушасте… от сердца», т. е. вы не подверглись принуждению или насилию, но добровольно, по собственному расположению отстали от греха. В этом заключается как похвала, так вместе и упрек. Если вы пришли добровольно и не

подверглись никакому принуждению, то какое вы можете иметь извинение и какое оправдание, когда возвратитесь опять на прежнее? А потом, чтобы ты познал, что все это зависело не от их только расположения, но и от Божией благодати, апостол, сказав: «послушасте… от сердца», присовокупил: «в оньже… предастеся образ учения». Послушание от сердца показывает свободную волю, а слово – «предастеся» намекает на помощь Божию. Какой же образ учения? Жить правильно и осмотрительно.

[42] Рим.6:18. Свобождшеся же от греха, поработистеся правде.

[43] (Апостол) указывает здесь на два Божия дара: на освобождение от греха и порабощение правде, которое лучше всякой свободы. Бог поступил так же, как поступает, например, тот человек, который, взявши сироту, уведенного варварами в их землю, не только освободил его от плена, но заменил ему собою попечительного отца и возвел его в весьма высокое достоинство. Подобное случилось и с нами. Бог не только освободил нас от древних зол, но привел в ангельскую жизнь, уравнял нам путь к совершеннейшей добродетели, после того как отдал нас под защиту праведности, убил древнее зло, умертвил ветхого человека и руководил нас к бессмертной жизни. Итак, пребудем в этой жизни, как действительно живые, потому что многие, хотя по видимому и дышат, и ходят, однако же находятся в состоянии более жалком, чем мертвые.

[44] Ведь существуют различные роды мертвенности: есть мертвенность телесная, по которой Авраам, будучи мертв, не был мертвым, как и сказано: «несть Бог, Бог мертвых, но… живых» (Мф 22.32); есть мертвенность душевная, которую разумел Христос, говоря: «остави мертвых

погребсти своя мертвецы». (Мф 8.22); есть и другая мертвенность, достойная похвалы, происходящая при посредстве любомудрия, о которой говорит Павел: «умертвите... уды вашя, яже на земли» (Кол 3.5); наконец, есть мертвенность, производящая предыдущую и бывающая в крещении, как сказано: «ветхии наш человек... распятся» (Рим 6.6), т. е. умерщвлен.

45 Итак, зная это, станем избегать того умерщвления, по которому мы, и будучи живыми, умираем, и не станем бояться того, по которому наступает общая смерть. А два другие рода умерщвления, из которых одно есть блаженное и дано Богом, а другое похвально и зависит как от нас, так и от Бога, мы и изберем и с ревностью станем осуществлять. Одно из этих двух умерщвлений Давид ублажает, говоря: «блажени, ихже оставишася беззакония» (Пс 31.1), а другое восхваляет Павел, говоря в послании к Галатам: «иже Христовы суть, плоть распяша» (Гал 5.24). Из другой же пары умерщвлений одно Христос называет достойным пренебрежения, говоря: «не убойтеся от убивающих тело, души́ же не могущих убити», а другое – страшным, говоря: «убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геенне» (Мф 10.28). Итак, избегая геенны, изберем для себя то умерщвление, которое ублажается и восхваляется, чтобы из других двух мертвенностей одной избегать, а другой бояться. Нет для нас никакой пользы видеть солнце, есть и пить, если жизнь наша не ознаменуется добрыми делами. В самом деле, скажи мне, какая польза, если царь облекся в порфиру, имеет при себе оружие, но не управляет ни одним подданным, а доступен всем, желающим оскорбить его и обидеть? Так и для христианина не будет никакой пользы, если он, имея веру и дар крещения, окажется подвержен всем страстям; в

таком случае и обида будет больше, и стыд сильнее. Как царь, облеченный в диадему и багряницу, не только такою одеждою не прибавляет к своей чести, но собственным стыдом бесчестит ее, так и верующий, если ведет порочную жизнь, не только не внушит этими никакого к себе почтения, но еще сделается более смешным. «Елицы бо беззаконно согрешиша, – говорит (апостол), – беззаконно и погибнут: и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут» (Рим 2.12). И в послании к Евреям он говорил: «отверглся кто закона Моисеова, без милосердия при двоих и триех свидетелех умирает: колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый» (Евр 10.28–29)? И вполне естественно, так как Я, говорит (Христос), чрез крещение покорил тебе все страсти. Отчего же случилось, что ты оскорбил столь великий дар и сделался вместо одного другим? Я умертвил и похоронил прежние грехи твои, как червей, – зачем же ты породил другие? Ведь грехи хуже червей: черви точат тело, а грехи повреждают душу и производят большее зловоние. Но мы не чувствуем этого, а потому и не спешим очистить душу. Ведь и пьяный не замечает дурного запаха от испорченного вина, а непьяный хорошо это ощущает. Так и в отношении грехов – живущий целомудренно с точностью примечает их зловоние и нечистоту, а предавший себя пороку, как бы страдая головою вследствие какого-то опьянения, не чувствует даже и того, что он болен. Самое ужасное действие порока состоит в том, что впавшим в него он не дает видеть всю опасность собственной гибели, напротив, валяясь в грязи, они воображают, будто наслаждаются благоуханиями, потому-то они и не могут освободиться, а будучи полны червей, гордятся, точно украшены драгоценными каменьями. Они даже и не желают

истребить их, но откармливают и разводят в самих себе до тех пор, пока не передадут их червям будущего века, так как здешние – приспешники будущих, а лучше – не только приспешники, но родоначальники тех, никогда не умирающих червей, по сказанному: «червь их не умирает» (Мк 9.44). Они-то возжигают и геенну, никогда не угасающую.

46 Итак, чтобы этого не было и с нами, иссушим источник зол, угасим пещь, исторгнем снизу корень порока, так как, если худое дерево срубишь поверх земли, никакой не сделаешь пользы, потому что снизу останется корень порока, из которого опять пойдут худые отпрыски. Что же составляет корень зла? Узнай об этом от доброго садовника, который в точности знает это, ухаживает за духовным виноградником и возделывает целую вселенную. Что же называет он причиною всех зол? Страсть к деньгам. «Корень бо всем злым, – говорит он, – сребролюбие есть» (1Тим 6.10). Отсюда битвы, вражда и войны; отсюда ссоры, брани, подозрения и обиды; отсюда убийство, воровство и гробокопательство; вследствие сребролюбия не только города и области, но дороги, места обитаемые и необитаемые, горы, леса, овраги, словом – все полно крови и убийств. Зло это не щадит и моря, но и там неистовствует со всем бешенством, так как морские разбойники постоянно совершают здесь нападения и изобретают новые способы грабежа. Вследствие сребролюбия извратились законы природы, поколебались союзы родства, рушились права самого бытия.

47 Власть денег вооружила руки не только против живых, но и против умерших; с сребролюбцами нельзя примириться и при посредстве смерти, но они, разломавши гробницы, простирают злодейские руки и к

мертвым телам и освободившегося от жизни не освобождают от злых своих умыслов. Что бы ты ни встретил худого, в доме ли, или на торжище, в судах или в правительственных местах, в царских чертогах или где бы то ни было, ты можешь заметить, что все зло возникло из сребролюбия. Это именно, это зло наполнило все кровью и убийствами, оно возожгло пламень геенны, оно сделало так, что города стали ничем не лучше, но даже гораздо хуже пустыни. От тех, которые производят грабежи на дорогах, можно еще уберечься, так как они не всегда нападают; а те, которые делают тоже самое среди городов, настолько хуже первых, насколько труднее от них уберечься, так как они со всею дерзостью отваживаются на такие дела, какие первые производят скрытно. Сребролюбцы, привлекши к союзу с собою те законы, которые постановлены с целью упразднения их лукавства, наполнили города множеством убийств и преступлений. Скажи мне, не убийство ли и не хуже ли еще убийства – предать нищего голоду, ввергнуть его в тюрьму и вместе с голодом подвергнуть его и мукам и бесчисленным истязаниям. Хотя ты не сам все это делаешь, но служишь причиною этого дела и совершаешь его больше тех, которые тебе служат. Убийца однажды вонзает меч и, причинив кратковременную боль, не продолжает далее мучений; а ты, делая своими клеветами, оскорблениями и злоумышлениями и самый свет для него тьмою и заставляя тысячу раз желать смерти, подумай, сколько причиняешь ему смертей вместо одной. И хуже всего то, что ты грабишь и лихоимствуешь не потому, чтобы тебя угнетала нищета и понуждал голод, но для того, чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на доме и капители у столбов. И какой не может быть достойно геенны все это, когда ты

брата, который вместе с тобою сделался участником неизреченных благ и столько почтен от Владыки твоего, ввергаешь в бесчисленные бедствия, чтобы украсить камни, помост и бессловесных животных, не сознающих этого украшения? И собака у тебя на большом попечении, а человек или, лучше сказать, Христос, ради собаки и всего сказанного осуждается на крайний голод. Что хуже такого безразличия? Что ужаснее такого беззакония? Сколько будет потребно огненных рек для такой души? Сотворенный по образу Божию стоит обесчещен вследствие твоего бесчеловечия, а головы мулов, везущих твою жену, сияют обильным золотом, а также – покровы и деревянные принадлежности балдахина; если нужно сделать стул или подножие, все делается из золота и серебра; а тот, для кого Христос сошел с неба и пролил драгоценную кровь, вследствие твоего корыстолюбия, не имеет у себя самой необходимой пищи. Твои ложа отовсюду обложены серебром, а тела святых лишены и необходимого покрова; для тебя Христос маловажнее всего – и слуг, и мулов, и ложа, и стула, и подножия. Не говорю уже о других бесчестнейших вещах, предоставляя вам самим подумать о том. Если же ты, слыша это, приходишь в ужас, то перестань так поступать и сказанное нисколько тебе не повредит. Перестань, удержись от этого безумия. Явное ведь безумие заботиться об этом. Потому, оставив это, возведем, наконец, когда-нибудь свои взоры на небо, вспомним о будущем дне, помыслим о страшном суде, о строгом отчете, о неподкупном приговоре; помыслим, что Бог все это видит и однако же не посылает на нас молний свыше, хотя дела наши не молний только достойны. Но Он и этого не делает, ни моря на нас не воздвигает, ни земли в средине не разверзает, ни солнца не погашает, ни небу со

звездами не повелевает пасть, словом сказать, ничего не изменяет, но оставляет, чтобы вся тварь оставалась в порядке и служила нам. Итак, помыслив об этом, возблагоговеем пред величием Его человеколюбия и возвратимся к своему благородству, потому что ныне мы являемся нисколько не лучше, но еще хуже бессловесных. И они любят сродное с ними и довольствуются общностью природы для взаимной склонности друг к другу.

48 А ты, имея кроме общей природы еще тысячи побуждений быть в тесном союзе с собственными своими членами, именно – одарение разумом, участие в благочестии, общение в бесчисленных благах, сделался однако грубее бессловесных животных, обнаруживаешь большую заботу о вещах бесполезных, и пренебрегаешь храмами Божиими, которые погибают от голода и наготы, даже часто сам подвергаешь их тысячам бедствий. Если ты поступаешь так из славолюбия, то надлежало бы тебе позаботиться о брате больше, чем о лошади. Ведь тем лучше пользующийся твоим благодеянием, тем прекраснее сплетается тебе венец за твое усердие; а теперь, поступая совершенно иначе, ты не чувствуешь, что вооружаешь против себя тысячи обвинителей. Кто не скажет о тебе худо? Кто не обвинит тебя в крайней жестокости и человеконенавистничестве, видя, что ты унижаешь человеческий род и ценишь бессловесных выше людей, а вместе с бессловесными и свой дом и домашнюю утварь? Разве ты не слышал, как апостолы говорили, что первые, принявшие учение, продавали дома и имения, чтобы кормить братий? А ты и у других отнимаешь дома и угодия, чтобы украсить лошадь, деревья, покровы, стены, помост. А хуже еще то, что не только мужчины, но и женщины страдают этим безумием, вовлекают мужчин в большие напрасные труды и весьма

часто принуждают их тратиться на все пустое больше, чем на необходимое. А если кто-нибудь обличает их в этом, они выдумывают оправдание, достойное всякого осуждения. И то, и это бывает, говорят они. Что ты говоришь? Неужели ты не боишься это произносить, ставя алчущего Христа на ряду с лошадьми, мулами, ложами и подножками, а лучше сказать и не на ряду, но большую часть ты отдаешь другим, а Христу уделяешь едва и малую долю. Разве ты не знаешь, что все принадлежит Ему – и ты сам, и все, что у тебя? Разве не знаешь, что Он образовал тело, даровал душу, дал в удел весь мир? А ты не даешь взамен этого и малого воздаяния. Если ты отдаешь в наем и небольшой домик, то с большой точностью требуешь за него плату; а теперь, пользуясь всем творением Божиим и обитая в столь великом мире, не соглашаешься заплатить и малой цены, но и самого себя и все, что имеешь, отдал в жертву тщеславию, от которого все это и зависит. Ведь конь, украшенный таким нарядом, не может от этого сделаться лучше в своем достоинстве, а также и сидящий на коне человек, который иногда даже теряет в своем достоинстве. Ведь многие, оставив без внимания седока, обращают взоры на убранство коня, на слуг, идущих спереди и сзади и важно выступающих, а того, кого они сопровождают, многие ненавидят и смотрят, как на общественного врага. Этого не бывает, когда ты украшаешь свою душу, но и люди, и ангелы и сам Владыка ангелов – все сплетают тебе венец.

49 Таким образом, если любишь славу, удержись от того, что делаешь ныне, и не дом, но душу украшай, чтобы сделаться знаменитым и славным; теперь же ничего не может быть ниже тебя, выставляющего на показ красоту дома и имеющего совершенно пустую душу. Если же ты не выносишь слов моих, послушай, что сделал один из

язычников, и постыдись их любомудрия. Рассказывают, что один из них, войдя в великолепный дом, блиставший обильным золотом и сиявший красотою мраморов и колонн, когда увидел, что весь пол в доме устлан коврами, плюнул в лице хозяину дома. Потом, в ответ на упрек, он сказал, что, так как ни на каком другом месте дома нельзя было этого сделать, он и вынужден был нанести обиду лицу хозяина. Видишь ли, как смешон человек, украшающий наружность, и как презирает его всякий, у кого только есть ум? И вполне справедливо. Ведь если бы кто-нибудь заставил жену твою ходить в рубище и быть в пренебрежении, а служанок одел в пышные одежды, то ты, конечно, не перенес бы этого равнодушно, но разгневался и такой поступок назвал бы крайней обидой. Так помышляй и о душе. Когда ты украшаешь стены, пол, домашнюю утварь и все прочее, но не подаешь щедрой милостыни, не упражняешься и в других делах любомудрия, тогда и ты поступаешь точно также и даже гораздо хуже. Ведь между рабою и госпожою нет различия, но между душою и плотью – большое; а если между душою и плотью велико различие, то гораздо больше между душою и домом, между душою и ложем и подножкой.

50 Итак, какого извинения ты можешь быть достоин, когда все это богато покрываешь серебром, а не обращаешь внимания на то, что душа твоя одета в рубище, неопрятна, томится голодом, покрыта ранами и терзается тысячами псов, и когда при всем этом ты еще думаешь хвалиться украшением наружных вещей? Это верх безумия – величаться такими делами тому, кто осмеян, поруган, обезображен, обесчещен и подпал самому ужасному наказанию. Потому умоляю, размыслив обо всем этом, наконец, отрезвимся, придем в себя и это украшение

совне перенесем на душу. Тогда такое украшение пребудет прочным, а нас соделает равными ангелам и доставит нам непреложные блага, которых да будет дано достигнуть всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

Беседа 12

[1] Рим 6.19. Человеческо глаголю, за немощь плоти вашея. Якоже бо представисте уды вашя рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды вашя рабы правде во святыню.

[2] Так как (апостол) потребовал (от римлян) большой строгости в жизни, повелевая им быть мертвыми для мира, умереть пороку и пребывать твердыми в отношении к действию грехов, и так как казалось, что он говорит нечто великое и тяжелое, даже превосходящее человеческую природу, потому, желая доказать, что он не требует ничего чрезмерного и даже не столько, сколько следовало бы от человека, воспользовавшегося столь великим даром (благодати), но и очень соразмерное с человеческими силами и легкое, – он раскрывает это от противного и говорит: «человеческо глаголю», то есть: он как бы говорил по человеческим соображениям, применительно к тому, что обыкновенно бывает; словом – «человеческо» он обозначает соразмерность (требования с силами), как и в другом месте говорит: «искушение вас не дости́же, точию человеческое» (1Кор 10.13), то есть – соразмерное с силами и малое. «Якоже бо представисте уды вашя рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды вашя рабы правде во святыню». Хотя велико различие между господами, но однако (апостол) требует равномерного им служения. Надлежало бы предложить гораздо больше и настолько больше, насколько господство правды обширнее и лучше владычества греха, тем не менее (говорит апостол) ничего больше не требую, вследствие вашей «немощи». И не сказал: по немощи вашей воли или усердия, но: по

немощи «плоти вашея», чтобы сделать речь менее неприятной. Но иное – нечистота, а другое – святыня, иное – беззаконие, а другое – правда. И кто настолько жалок и беден, чтобы не внести такую же ревность в служение Христу, с какою служил греху и диаволу? Выслушай, однако, что (говорит апостол) дальше, тогда ясно узнаешь, что мы не приносим и этого малого. Так как сказанное таким образом казалось просто невероятным и неправдоподобным и никто не согласился бы и слышать, что он не служит Христу столько же, сколько служил диаволу, то (апостол) следующими словами раскрывает это и доказывает достоверность, выводя на средину самое рабство и говоря, как служили греху.

[3] Рим.6:20. Егда бо раби бесте греха , – говорит (апостол) , – свободни бесте от правды.

[4] Это имеет такой смысл: когда вы жили в пороке, нечестии и ужасном зле, то вы жили с таким повиновением греху, что вовсе не делали ничего доброго. Это и есть – «свободни бесте от правды», то есть, вы не были подчинены правде, но были совершенно чужды ей. Вы не разделяли дело служения между правдой и грехом, но всецело предали себя пороку. Потому и ныне, так как вы отложились к правде, всецело предайте самих себя добродетели, вовсе не делая ничего худого, чтобы выполнить хотя бы равную меру. Но не только нет сходства во владычестве, но и в самом рабстве существует большое различие; это самое (апостол) и раскрывает с большою ясностью и показывает, в чем состояло рабство прежде и в чем состоит теперь. И еще не говорит о вреде, происходившем от этого дела, а пока об одном позоре.

[5] Рим.6:21. Кий убо тогда иместе плод, о нихже ныне стыдитеся?

[6] Рабство было таково, что и одно воспоминание о нем приносит теперь стыд. А если воспоминание заставляет стыдиться, то тем более самое дело. Таким образом, вы теперь получили двоякую пользу: освободились от стыда и узнали, в каком состоянии вы были; равно как тогда терпели двоякий вред: делали достойное стыда и не сознавали стыда; это еще хуже первого, и однако, вы оставались в рабстве. Достаточно доказав таким образом вред прежних деяний на основании стыда, (апостол) переходит к самому последствию. Какое же это последствие?

[7] Кончина бо онех смерть.

[8] Так как стыд кажется еще не слишком тягостным бременем, (апостол) переходит к наиболее ужасному, то есть, смерти, хотя достаточно было и сказанного выше. Размысли же, какова чрезмерность зла, когда, освободившись от наказания, не могли избавиться от стыда. Какой награды тебе ожидать за такое дело, от которого покрываешься стыдом и краснеешь при одном воспоминании, хотя ты уже избавился от наказания и пользуешься обилием благодати? Но не таково рабство Богу.

[9] Рим.6:22. Ныне же , – продолжает (апостол) , – свобождшеся от греха, порабощшеся же Богови, имате плод ваш во святыню, кончину же жизнь вечную.

[10] Плодом прежних дел, даже по освобождении, был стыд, а плодом нынешних – освящение, а где освящение, там много и упования. Концом тех дел была смерть, а концом нынешних – жизнь вечная.

[11] Заметил ли ты, что (апостол) на одно указывает, как на данное, а на другое, как на ожидаемое? Но по данному бывает уверенность в ожидаемом, по освящению – в жизни. И чтобы не мог ты сказать, что все есть только ожидаемое, (апостол) доказывает, что ты и здесь уже получил плод: во-первых, освободился от порока и от тех худых дел, о которых одно воспоминание приводит в стыд; во-вторых, поработился правде; в-третьих, получил освящение; в-четвертых, достиг жизни, и жизни не временной, но вечной. Но при всем том, говорит (апостол), послужите Богу хотя бы в той же мере, в какой служили греху. Не смотря на то, что Владыка имеет несравнимое превосходство, и разность как в самом служении, так и в наградах, за которые вы служите, велика, я пока ничего больше не требую. Потом, так как он упомянул об оружии и о царе, то продолжает иносказание и говорит:

[12] Рим.6:23. обро́цы бо греха – смерть, дарование же Божие – живот вечный, о Христе Иисусе Господе нашем.

[13] Сказав, что смерть есть возмездие за грех, (апостол) не сохранил подобного порядка и в отношении к делам добрым и не сказал: награда за ваши заслуги, но – «дарование Божие», показывая, что мы освободились не сами собою и получили не долг, не награду, не воздаяние за труды, но все это произошло по благодати. И отсюда видно преимущество благодати, потому что она не только освободила нас и не только привела к лучшему, но и совершила все это без наших усилий и трудов; она не только освободила, но даровала гораздо больше, – даровала чрез Сына. Все это указал (апостол), так как и о благодати беседовал и должен был отвергнуть закон. А чтобы то и другое не расположило к большей

беспечности, он вставил учение о строгости жизни, постоянно побуждая слушателя к заботе о добродетели. Также и тем, что смерть назвал оброком греха, он опять хочет устрашить и утвердить относительно будущего. Чем приводит (слушателям) на память прежнее, тем же побуждает их к благодарности и укрепляет против всего, что бы ни встретилось. Итак, окончив здесь нравоучение, (апостол) возвращается к догматам и говорит:

14 Рим.7:1. или не разумеете, братие? Ведущим бо закон глаголю.

15 Так как он сказал, что мы умерли для греха, то доказывает здесь, что не только грех, но и закон не имеет уже над нами власти. А если закон не имеет власти, тем более грех. И желая сделать речь приятною, объясняет это примером, взятым из человеческой жизни. И кажется, что он говорит об одном, а предлагает два доказательства предмета, первое – то, что жена, по смерти мужа, не подлежит закону, касающемуся этого мужа, и ей не возбранено стать женою другого; а второе – то, что в настоящем случае не только муж умер, но и жена, так что можно пользоваться двойною свободою. Если по смерти мужа она освободилась от власти, то тем более она стала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождает ее от власти, тем более оба обстоятельства вместе. Итак, приступая к изложению доказательства относительно этого, (апостол) начинает речь с похвалы слушателям и говорит: «или не разумеете, братие? Ведущим бо закон глаголю», то есть, говорю о деле весьма известном и ясном, говорю людям, знающим все это в точности.

16 Яко закон обладает над человеком, во елико время живет.

17 Не сказал: над мужем или женою, но: «над человеком», так как это имя принадлежит обоим. «Умерый бо, – говорит, – свободися от греха» (Рим 6.7). Следовательно, закон положен для живых, а на мертвых не простирается. Замечаешь ли, как он изобразил двоякую свободу? Потом; сделав на это намек в начале, он в доказательстве ведет речь о жене, говоря так:

18 Рим.7:2–3. ибо мужатая жена живу мужу привязана есть законом: аще ли же у́мрет муж ея, разрешится от закона мужескаго. Темже убо живу сущу мужу прелюбодейца бывает, аще будет мужеви иному: аще ли умрет муж ея, свободна есть от закона, не быти ей прелюбодейце, бывшей мужу иному.

19 (Апостол) раскрывает это часто и с большою точностью, потому что твердо уверен в доказываемой им истине. И под именем мужа он разумеет закон, а под именем жены всех верующих. А потом, заключение он выводит не согласно с предыдущим. Следовало бы сказать: таким образом, братья мои, закон не будет иметь над вами власти, так как он умер. Но он не сказал так, но в предыдущем намекнул на это, а в заключении, чтобы сделать свою речь не оскорбительной для иудеев, представляет жену уже умершею и говорит:

20 Рим.7:4. темже, братие моя, и вы умросте закону.

21 Если как то, так и другое обстоятельство дает одинаковую свободу, то что препятствует угождать закону, коль скоро это дело не приносит никакого вреда? «Мужатая жена живу мужу привязана есть законом» (Рим.7:2). Где теперь находятся клеветники закона? Пусть они услышат, как (апостол), находясь и в необходимости, не лишает его достоинства, но с уважением отзывается о

его власти, говоря, что если закон жив, то иудей привязан к нему, и что являются прелюбодеями те, которые преступают и оставляют закон при жизни его; а если кто оставит его после смерти, то это нисколько не странно, потому что и у людей поступающий так не подлежит осуждению. «Аще... же у́мрет муж, разрешится от закона мужескаго».

22 Замечаешь ли, как этим примером он показывает, что закон умер? Но не в заключении он это высказывает. «Живу сущу мужу, прелюбодейца бывает жена». Смотри, как он настойчив в обвинениях нарушителей живого закона. Так как закон перестал существовать, то, без всякого опасения, можно заменить его верою, нимало этим его не оскорбляя. «Живу бо сущу закону, – говорит (апостол), – прелюбодейца бывает жена, аще будет мужеви иному... Тем же, братие моя, и вы» (Рим.7:3–4) – следовало бы сказать: так как закон умер, вы не виновны в прелюбодеянии, вышедши за другого мужа; но апостол не сказал так, но как? – «умросте закону». Если вы сделались мертвыми, то не находитесь под законом. Если жена, по смерти мужа, не подлежит ответственности, тем более она свободна от этого, когда умрет сама. Заметил ли ты мудрость Павла, как он доказал, что по воле закона можно разлучиться с законом и стать женою другого мужа. Закон не запрещает, говорит он, по смерти первого мужа выходить за другого. Да и как запретит, когда и при жизни мужа позволяет жене выходить за другого, если она получила разводную? Впрочем, (апостол) не упоминает о том, что служило преимущественно виною женщин, потому что хотя это и было позволено, но однако не было совершенно свободно от обвинения. А когда (апостол) имеет возможность одержать победу с помощью необходимого и всеми признанного, тогда он не ищет

излишних доказательств, потому что и не имеет в них нужды. Итак, удивительно то, что сам закон освобождает нас от вины, в случае отступления от него, так что его есть воля, чтобы мы принадлежали Христу. И сам закон умер, и мы умерли, и права власти вдвойне уничтожены. Но (апостол) не довольствуется одним только этим, но прибавляет и причину; он не просто упомянул о смерти, но опять прибавил, что это совершил крест, и таким образом сделал нас повинными. Он не просто говорит: вы освободились, но: смертью Владыки. Именно сказано:

23 умросте закону телом Христовым.

24 И убеждает не отсюда только, но также превосходством второго мужа, прибавив:

25 во еже быти вам иному, воставшему из мертвых».

26 Потом, чтобы не возразили: «что же? а если мы не желаем выйти за другого мужа? ведь закон не признает прелюбодейцею вдову, вступающую во второй брак, однако же и не принуждает к новому союзу», – чтобы этого не говорили, (апостол) и доказывает, что мы должны желать нового союза вследствие того, что уже сделал для нас Христос. Это самое он яснее выразил в другом месте, говоря: «несте свои»; и: «куплени… есте ценою», и еще: «не будите раби человеком» (1Кор 6.19–20, 7.23); и еще: «един… за всех у́мре, да живущии не ктому себе живут, но умершему за них» (2Кор 5.14–15). Тоже самое он разумел и здесь, сказав: «телом». Потом (апостол) убеждает высокими надеждами, говоря:

27 да плод принесем Богови.

28 Тогда вы приносили плод смерти, а теперь Богу.

[29] Рим.7:5. Егда бо бехом во плоти, страсти греховныя, яже законом действоваху во удех наших, во еже плод творити смерти.

[30] Видишь ли ты, какой плод от первого мужа? И (апостол) не сказал: когда были мы под законом, – всячески избегая дать какой-нибудь повод еретикам, но говорит: «егда бехом во плоти», то есть в худых делах, в плотской жизни. Не то он разумеет, что доселе они были во плоти, а теперь ходят, сделавшись бесплотными. Сказавши это, он и не говорит, что закон был причиною грехов, и не избавляет его от ненависти, так как закон занимал положение строгого обличителя, обнаруживая грехи; а кто человеку, нерасположенному повиноваться, дает большие повеления, тот увеличивает и преступление. Потому (апостол) не сказал: страсти греховные, бывающие под законом, но говорит: «яже законом» (διὰ τοῦ νόμου), даже не присовокупил: бывающие, но просто: «законом», то есть законом обнаруживаемые или познаваемые. Потом, чтобы не обвинить и плоти, не сказал: страсти, которые производимы были членами, но: «яже... действоваху во удех наших», показывая, что в человеке есть иное начало порочности, зависящее не от управляемых членов, а от действующих помыслов. Душа занимала положение художника, а природа плоти была как бы гуслями и звучала так, как заставлял художник. Потому нестройную игру нужно вменять не гуслям, а художнику.

[31] Рим.7:6. Ныне же , – продолжает (апостол) , – упразднихомся от закона.

[32] Видишь ли, как он опять щадит здесь и плоть, и закон? Не сказал – упразднился закон, или – упразднилась плоть, но – «мы упразднихомся». Но когда же «упразднихомся?»

Когда ветхий человек, одержимый грехом, умер и погребен. Это и выразил (апостол), сказав:

[33] уме́рше, имже держими бехом.

[34] Этим он как бы сказал: узы, державшие нас, истлели и порвались, так что держащему, то есть греху, нечего стало держать. Но ты не падай, не предавайся большей беспечности; ты для того освободился, чтобы снова служить, не по прежнему, но

[35] яко работати нам... во обновлении духа, а не в ветхости пи́смене.

[36] О чем же говорит здесь (Павел)? Необходимо раскрыть это, чтобы не приходить уже в смущение всякий раз как встретимся с подобным выражением. Когда Адам согрешил, говорит (апостол), тело его сделалось смертным и страстным, в нем обнаружилось множество природных недостатков, оно стало упрямым и необузданным конем; но Христос, пришедши, посредством крещения сделал тело для нас более легким, подняв его крылом Духа.

[37] Потому нам и предстоят подвиги неодинаковые с подвигами древних, так как тогда был не так удобен путь. Потому (Христос) и требует от нас не только быть чистыми от убийства, как требовалось от древних, но даже быть чистыми от гнева, предписывает нам воздерживаться не только от прелюбодеяния, но и от похотливого взгляда, не только не нарушать клятвы, но и не клясться, и повелевает нам любить вместе с друзьями и врагов; и во всем прочем Он назначил нам более длинные пути для упражнений, в случае же неповиновения угрожает геенною, показывая, что требуемое Им не предоставляется ревности

подвизающихся, как девство и нестяжательность, но непременно должно быть исполнено. Заповеданное Христом необходимо и обязательно, и не исполнивший этого подвергается крайнему наказанию. Потому и сказал Он: «аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное» (Мф 5.20). А кто не увидит царства, тот неминуемо впадет в геенну. Потому и Павел как выше говорил: «грех бо вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию» (Рим 6.14), так и теперь говорит: «яко работати нам... во обновлении духа, а не в ветхости пи́смене». Теперь не буква осуждающая, то есть, ветхий закон, но Дух вспомоществующий. Потому для древних казалось весьма удивительным, если кто-нибудь соблюдал девство; а теперь это явление распространилось повсюду во вселенной; и смерть тогда лишь немногие мужчины презирали, а теперь и в селах, и в городах бесчисленные сонмы мучеников, состоящие не только из мужчин, но и из женщин. Потом, сказавши это, (апостол) опять разрешает возникающее возражение и в этом разрешении доказывает то, что желает. При этом он представляет решение не прямо, а чрез противоположение, чтобы при помощи необходимости решения получить повод сказать то, что хотел, и чтобы сделать свое обвинение менее резким. Так, сказав: «во обновлении духа, а не в ветхости пи́смене», он присовокупил:

[38] Рим.7:7. что убо речем? Закон ли грех? Да не будет.

[39] Выше было сказано, что «страсти греховныя, яже законом действоваху во удех наших» (Рим.7:5), и еще: «грех... вами да не обладает: несте бо под законом, но под благодатию» (Рим.6:14), также: «идеже... несть закона, [ту] ни преступления» (Рим 4.15); и еще: «закон же

привниде, да умножится прегрешение» (Рим 5.20); и еще: «закон… гнев соделывает» (Рим 4.15). Так как все это по-видимому служило обвинением закона, то апостол, чтобы устранить такое подозрение, представляет и возражение и говорит: «что убо? …Закон ли грех? Да не будет». Он ответил отрицательно прежде доказательства, чтобы расположить к себе слушателя и уврачевать соблазняющегося, так как, услышав и удостоверившись в направлении мыслей апостола, он вместе с ним будет исследовать то, что представляется недоуменным, и не будет подозревать говорящего; потому-то апостол заранее и предложил возражение. При этом он не выразился – что мне сказать? но – «что убо речем?» как бы подавались совет и мнение, и как бы собралась вся церковь, а возражение исходило не от апостола, а явилось в силу последовательности из сказанного и из сущности дела. Что буква убивает, никто не станет отрицать, говорит апостол; что дух животворит, и это ясно, и никто не может это оспаривать. Итак, если в этом нет сомнения, – что мы можем сказать о законе? Что он есть грех? «Да не будет». Итак, разреши недоумение. Ты заметил, как (апостол) рядом с собою ставит противника и, приняв тон учителя, приступает к решению? В чем же состоит решение? Закон не есть грех, говорит апостол, что «греха не знах, точию законом» (Рим.7:7). Обрати внимание на высоту мудрости. Что закон не есть грех, (апостол) изложил при помощи возражения, чтобы, отвергнув это и тем угодив иудею, убедить его принять менее важное. Что же это такое менее важное? То, что

[40] Рим.7:7. греха не знах, точию законом: похоти не ведах , – говорит, – аще не бы закон глаголал: не похощеши.

[41] Ты видишь, как мало-помалу он показывает, что закон не только есть обвинитель греха, но и некоторым образом подает повод к нему? Впрочем, (апостол) раскрывает, что это случается не по вине закона, но от неразумных иудеев. Он постарался заградить уста и манихеев, которые обвиняли закон, именно, сказав: «греха не знах, точию законом, и похоти не ведах, аще не бы закон глаголал: не похощеши», присовокупил:

[42] Рим.7:8. вину же прием грех заповедию, содела во мне всяку похоть.

[43] Замечаешь ли, как (апостол) освободил закон от обвинений? «Вину... прием грех», говорит (апостол), а не закон, увеличил похоть, и произошло противоположное тому, чего желал закон, а это зависело от слабости, а не от дурного его характера. Всякий раз как мы питаем к чему-нибудь вожделение, а потом встречаем препятствие, то пламя страсти разгорается сильнее. Но это происходит не от закона, который наложил запрещение с тем, чтобы совсем отклонить (от страсти), а грех, то есть, твоя беспечность и твоя злая воля употребили добро во зло. Но в худом употреблении лекарства виновен не врач, а больной. Бог не для того дал закон, чтобы им воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать ее; случилось же обратное; но вина в этом не его, а наша. Несправедливо было бы обвинять того, кто больному горячкою, не во время желающему холодного питья, не дает насытиться и тем усиливает в нем страсть этого гибельного для него удовольствия; дело врача – только запретить, а воздерживаться должен сам больной. Что из того, если грех получил повод от закона? Многие дурные люди и при посредстве добрых приказаний увеличивают собственную порочность. Так диавол погубил Иуду,

ввергнув в сребролюбие и побудив воровать принадлежащее нищим; но не то обстоятельство, что ему был вверен денежный ящик, сделало его таковым, а лукавство воли. Оно же изгнало из рая Адама и Еву, побудив их вкусить от древа, и не древо в том было виною, хотя им и был подан повод. Не удивляйся, что Павел, говоря о законе, употребил весьма сильные выражения; он ограничивается необходимым, лишая возможности думающих иначе найти в его словах повод к возражению и обнаруживая большое старание правильно изобразить настоящее. Потому не просто оценивай настоящую речь, но вникни в причину, которая заставила (апостола) так говорить, представь себе неистовство иудеев, и непреодолимое их упорство, которое он старался преодолеть. По-видимому он много говорит против закона, но не с тем, чтобы обвинить закон, а с тем, чтобы уничтожить упорство иудеев. Если же в вину закону поставить то, что грех посредством него получил повод, то окажется, что это случилось и в Новом Завете. И в новом завете имеются бесчисленные законы и притом относительно многих очень важных предметов; и всякий может видеть, что тоже самое бывает здесь не только относительно похоти, но и вообще относительно всякого порока. «Аще не бых пришел и глаголал им, – говорит (Христос), – греха не быша имели» (Ин 15.22). Значит, грех и здесь нашел для себя содержание, а наказание сделалось больше. Также и Павел, рассуждая о благодати, говорит: «колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый» (Евр 10.29)? Следовательно, и худшее наказание получило повод отсюда – от большего благодеяния. Подобно и об язычниках (апостол) говорит, что они сделались безответными, потому что, будучи одарены разумом, созерцая красоту природы и имея

возможность этим путем руководствоваться ко Творцу, не воспользовались, как должно, Божией премудростью. Замечай, что добрые действия во многих случаях для порочных служили поводом к большему наказанию. Но, конечно, не будем за это винить Божиих благодеяний; напротив, после этого еще более станем им удивляться и осудим настроение тех, которые воспользовались добром для противоположных целей. Это же сделаем и в отношении закона. Но все это легко и удобопонятно, вызывается же только следующее затруднение. Почему (апостол) говорит: «похоти... не ведах, аще не бы закон глаголал: не похощеши» (Рим.7:7)? Ведь если человек не знал похоти, пока не получил закона, то почему произошел потоп? За что был попален Содом? Итак, о чем же говорит (апостол)? О похоти напряженной. Потому не сказал: произвел во мне похоть, но – «всяку похоть», намекая здесь на сильное ее развитие. Какая же, спросишь, польза от закона, если он усилил страсть? Никакой, но даже большой вред. Впрочем, не закон виновен, а виновна беспечность принявших закон. Похоть произведена грехом, притом посредством закона, но тогда, когда закон заботился не об этом, а о противоположном. Значит, грех сделался гораздо сильнее закона; но и опять вина в этом не закона, а людской неблагодарности.

44 Без закона бо грех мертв есть,

45 то есть, не так известен. Хотя жившие и до закона знали, что грешат, но вполне узнали после дарования закона. Вследствие того с этого времени стали подлежать и большему осуждению. Не одно ведь и тоже – иметь обвинителем природу или вместе с природой и закон, который дает на все ясные предписания.

[46] Рим.7:9. Аз же живях кроме закона иногда.

[47] Когда же, скажи мне? До Моисея. Смотри, как (апостол) старается доказать, что закон и тем, что сделал, и тем, чего не сделал, обременил человеческую природу. Когда я жил без закона, говорит (апостол), не подвергался такому осуждению.

[48] Пришедшей же заповеди, грех убо оживе.

[49] Рим.7:10. Аз же умрох.

[50] По-видимому, в этом заключается обвинение закона, но если кто тщательно исследует, то здесь обнаружится похвала закону. Ведь закон не произвел греха, дотоле не существовавшего, а только обнаружил грех скрытый; в этом и заключается похвала закону. Если до закона грешили незаметно для себя, то после пришествия закона, хотя и не получили никакой другой пользы, по крайней мере в точности узнали, что грешили; а это уже немало значило в деле освобождения от порока. Если же люди не освободились от порока, то это нисколько не говорит против закона, все для того сделавшего, но вся вина падает на собственную волю людей, повредившуюся сверх всякого ожидания.

[51] Ведь совсем несообразно с разумом получать вред от того, что приносит пользу, почему (апостол) и сказал:

[52] и обретеся ми заповедь, яже в живот, сия в смерть.

[53] Он не сказал: сделалась смертью или породила смерть, но: «обретеся в смерть», изъясняя этим необычность и странность такой несообразности и все обращая на голову людей. Если ты хочешь узнать цель закона, говорит (апостол), то он вел к жизни и для этого дан; если же отсюда произошла смерть, то вина в этом принявших

заповедь, а не самой заповеди, которая ведет к жизни. Еще яснее высказал это (апостол) в следующих словах, говоря:

[54] Рим.7:11. грех бо вину прием заповедию, прельсти мя, и тою умертви мя.

[55] Ты заметил, как он везде касается греха, освобождая закон от всякого обвинения? Почему и присовокупил, говоря:

[56] Рим.7:12. темже убо закон свят, и заповедь свята и праведна и блага.

[57] Если вы желаете, то мы введем в нашу речь толкования и извращающих эти слова (апостола), так как от этого собственная наша мысль будет яснее. Некоторые утверждают, что (апостол) в этих словах говорит не о законе Моисея, но по одним – о законе естественном, а по другим – о заповеди, данной в раю. Но ведь вся цель Павла состояла в том, чтобы отменить закон Моисея, о тех же законах он и не ведет никакой речи, – и вполне естественно, потому что иудеи боялись и трепетали именно закона Моисеева и вследствие этого противились благодати. Притом же, заповедь, данную в раю, как Павел, так и никто никогда, кажется, не называл законом. Чтобы это сделалось более явным из собственных слов (апостола), обратимся к его изречениям, высказанным немного выше. Со всем вниманием беседуя с иудеями о жизни, он говорил: «или не разумеете, братиё яко закон обладает над человеком, во елико время живет? ...Темже вы умросте закону» (Рим 7.1, 4).

[58] Итак, если это сказано о естественном законе, то оказывается, что мы не имеем его, а если это верно, то мы не разумнее бессловесных. Но не так это – нет!

Относительно заповеди, данной в раю, нет необходимости и спорить, чтобы не предпринять нам напрасного прения о том, что признано всеми. В каком же смысле (апостол) говорит: «греха не знах, точию законом?» (Рим.7:7) Он разумеет не совершенное неведение, а самое точное знание. И если это сказано о законе естественном, то какой смысл имеют следующие слова: «аз же живях кроме закона иногда» (Рим.7:9)? Ведь ни Адам, ни другой какой человек никогда, кажется, не жил без закона естественного; вместе с тем, как Бог сотворил (Адама), Он вложил в него и этот закон, сделав его надежным сожителем для всего человеческого рода. Кроме того, (апостол) нигде, кажется, не называет естественный закон заповедью, а этот закон называет заповедью праведной и святой, законом духовным. Закон же естественный дан нам не от Духа, потому что и варвары, и язычники, и все люди имеют этот закон. Отсюда ясно, что (Павел) и выше, и ниже, – везде рассуждает о законе Моисеевом. Потому и называет его святым, говоря: «закон свят, и заповедь свята, праведна и блага». Хотя иудеи и после закона были нечистыми, неправедными и корыстолюбивыми, но это не упраздняет достоинства закона, равно как их неверие не уничтожает веру в Бога. Таким образом, из всего этого видно, что апостол говорит это о законе Моисеевом.

[59] Рим.7:13. Благое ли убо бысть мне смерть? – спрашивает апостол. Да не будет: но грех, да явится грех.

[60] То есть, да будет доказано, насколько великое зло – грех, а также – беспечная воля, стремление к худшему, самое дело худое и развращенный ум, потому что в этом заключается причина всех зол. (Апостол) увеличивает грех, показывая преизбыток Христовой благодати и

поучая, от какого великого зла она избавила человеческий род, так как это зло от всех врачебных средств становилось хуже, а от средств задерживавших его развитие разрасталось еще больше. Потому он и присовокупляет, говоря:

61 да будет по премногу грешен грех заповедию.

62 Ты заметил, как повсюду закон сплетается с грехом? Чем апостол обвиняет грех, тем самым в большей еще степени он доказывает и достоинство закона. И он не малого достиг, показав, какое зло грех, обнаружив и изобразив всю его ядовитость. Он и выразил это в словах: «да будет по премногу грешен грех заповедию», то есть, чтобы открылось, какое зло, какая погибель – грех, а открылось все это чрез заповедь. Этим (апостол) показывает и превосходство благодати пред законом, – превосходство, а не противоположность. Не смотри на то, что принявши закон сделались хуже, но прими во внимание, что закон не только не хотел усилить зло, а даже старался пресечь и зло, прежде существовавшее. Если же он оказался бессилен, то увенчай его за назначение, а еще больше повергнись пред могуществом Христа, потому что Он столь разнообразное и непреоборимое зло уничтожил и, вырвав с корнем, истребил. А всякий раз, как услышишь о грехе, не подумай, что это какая-либо самостоятельная сила, но – порочное действие, постоянно начинающееся и прекращающееся, не существующее прежде совершения, а после совершения опять исчезающее. По причине греха и дан был закон; а закон никогда не дается для истребления чего-либо естественного, но для исправления произвольного худого действия.

63 Об этом знают и внешние (языческие) законодатели, и весь человеческий род. Они (законодатели) противодействуют только тем порокам, которые происходят от нерадения, но не обещаются пресечь тех, которые получены в наследство от природы, потому что это невозможно. Все природное остается непоколебимым, о чем неоднократно я вам и говорил в других беседах. Потому, оставив такие труды, опять займемся нравоучительною речью, а лучше сказать, это и составляет часть тех трудов. Если мы изгоним из себя порок и поселим в себе добродетель, этим ясно научим, что порок не есть природное зло, а спрашивающим, откуда зло, мы легко сможем заградить уста не словами только, но и делами, когда явимся пред ними свободными от их пороков, хотя имеем одинаковую с ними природу. Не на то станем смотреть, что добродетель трудна, а на то, что возможно в ней усовершенствоваться, а если постараемся, то это будет и легко нам, и удобно. Если ты говоришь мне о приятности порока, то скажи и о конце его: ведь он ведет к смерти, как добродетель руководит нас к жизни. Но лучше, если угодно, рассмотрим порок и добродетель без отношения к их концу; мы увидим, что порок сам в себе заключает большую печаль, а добродетель заключает удовольствие. Скажи мне, в самом деле, что тяжелее худой совести? Что прекраснее доброй надежды? Ведь ничто, ничто обыкновенно так не мучит и не угнетает нас, как ожидание худого; ничто столько не поддерживает и едва не окрыляет, как добрая совесть. Это можно узнать и на основании событий, происходящих пред нами. Так, обитающие в заключении и ожидающие осуждения, хотя бы наслаждавшись бесчисленными удовольствиями, живут беспокойнее тех нищих, которые ходят по улице, но не сознают за собою ничего худого,

потому что ожидание бедствий не позволяет испытывать настоящих удовольствий. И что говорить о заключенных? Трудолюбивые ремесленники, занимающиеся работами в течение целого дня, находятся в гораздо лучшем настроении, чем люди свободные и богатые, но сознающие за собою что-либо худое. Потому мы считаем жалкими и гладиаторов; хотя мы и видим, что они упиваются, веселятся и едят в корчемницах, однако называем их несчастнее всех, потому что горечь ожидаемой смерти несравненно превосходит эти удовольствия. Если же такая жизнь им и кажется приятною, то припомните то, о чем я неоднократно говорил вам, – что нет ничего удивительного, когда живущий в пороке не избегает неприятности и муки порока. И вот дело, достойное только проклятия, представляется любезным для тех, кто участвует в нем. Но мы не ублажаем их за это, а напротив, вследствие именно этого считаем несчастными, потому что они и сами не сознают, в каких бедствиях находятся. Что, например, сказать о прелюбодеях, которые для ничтожного удовольствия подвергаются позорному рабству, трате имущества и непрерывному страху, коротко сказать, ведут жизнь Каина и даже еще более тяжелую, потому что боятся настоящего, трепещут будущего, подозревают друзей и врагов, знающих и ничего не знающих. Даже и во время сна они не освобождаются от этого мучения, так как нечистая совесть создает у них страшные сновидения и этим пугает их. Но не таков человек целомудренный: он проводит настоящую жизнь в радости и совершенной свободе.

64 Итак, сравни ничтожное удовольствие с бесчисленными волнениями этих ужасов, а кратковременный труд воздержания с спокойствием

целой жизни, и ты увидишь, что последний приятнее первого. А желающий похитить и присвоить себе чужое имение, тот, скажи мне, разве не переносит бесчисленные труды, непрестанно бегая, обманывая лестью рабов, свободных, придверников, устрашая, грозя, поступая бесстыдно, проводя без сна ночи, дрожа, мучаясь и всех подозревая? Но не таков тот, кто пренебрегает деньгами. Он опять наслаждается полным удовольствием, живя без страха и в совершенной безопасности. А если кому угодно рассмотреть и прочие виды порока, то везде увидит большое смятение, множество подводных камней. Всего же важнее то, что в добродетели начало исполнено трудов, а продолжение приятно, так что этим и самый труд облегчается; в пороке же все бывает наоборот, – за удовольствием следуют болезни и мучения, так что от этого и самое удовольствие пропадает. Как ожидающий венцов нисколько не чувствует настоящей тяжести, так и ожидающий наказаний после удовольствия не может пользоваться чистой радостью, потому что страх все приводит в смятение. А вернее, если внимательнее исследовать, то можно найти, что у порочных еще прежде наказания, определенного за худые дела, возникает большое мученье в тот момент, когда они отваживаются на худое.

65 И если угодно, то посмотрим на людей, которые захватывают себе чужое и всякими средствами наживают деньги. Не станем говорить о страхах, опасностях, трепете, мучении, заботе и о всем подобном, а предположим, что этот человек обогащается беспечально и совершенно уверен в сбережении того, что у него есть. Допустим все это, хотя оно и невозможно. Но какое удовольствие приобретет себе этот человек? То, что он много собрал? Но это именно и не позволяет ему

радоваться; пока человек желает другого и большего, до тех пор продолжаются и его мучения. Всякая страсть тогда доставляет удовольствие, когда останавливается. Испытывая жажду, мы тогда приходим в себя, когда выпиваем столько, сколько желаем, а пока чувствуем жажду, то хотя бы исчерпали все источники, мучение наше бывает больше, и хотя бы выпили тысячи рек, наше наказание бывает тяжелее. Так и ты, хотя бы и приобрел все в мире, но если еще ощущаешь в себе страсть, то тем больше будешь мучиться, чем больше станешь исполнять свое желание. Итак, пойми, что некоторое для тебя удовольствие заключается не в том, чтобы собирать много, но в том, чтобы не желать обогащения, а если станешь желать обогащения, то никогда не перестанешь мучиться. Ведь желание это бесконечно и насколько больший путь ты прошел, настолько больше ты удаляешься от конца. Неужели это не странность, не помешательство, не крайнее безумие? Итак, удержимся от первого шага к пороку, или, лучше сказать, и совсем не будем касаться порочного вожделения, а если прикоснемся, то убежим в самом же начале, как и увещевает нас Приточник, говоря о жене блуднице: «отъиди, не умедли и не приближися к дверем домов ея» (Притч 5.8). Тоже самое и я говорю тебе относительно любостяжания. Если бы ты и мало погряз в море этого безумия, с трудом можешь выйти из него; и как в водовороте, сколько бы ты ни старался, не преодолеешь легко (стремления воды), так – и еще гораздо хуже – впавши в бездну этой страсти, погубишь себя со всем своим имуществом. Потому, умоляю, станем остерегаться в начале и избегать зла малого, потому что из малого рождается большее. Кто во всяком грехе привык говорить: «это еще ничего», тот мало-помалу все погубит. Такая

именно привычка говорит: «это еще не беда» – ввела зло, открыла двери разбойнику и ниспровергла стены городов. Так и в теле усиливаются самые опасные болезни, когда не обращено бывает внимания на незначительные. Если бы Исав не продал первородства, то не сделался бы недостойным благословения; а если бы не сделал себя недостойным благословения; то не дошел бы до того, чтобы желать братоубийства. И Каин, если бы не возлюбил первенства, а уступил его Богу, то не занял бы второго места; потом, занимая второе место, он, если бы послушался увещания, то не совершил бы убийства; и опять, совершив убийство, если бы он обратился к покаянию, а когда призывал его Бог, если бы не дал столь бесстыдного ответа, то не потерпел бы последующих несчастий.

66 Если же жившие до закона от такого нерадения мало-помалу погрязли в самой глубине зла, то помысли, что потерпим мы, призванные к большим подвигам, если со всею тщательностью не будем обращать на себя внимания и не угасим искры зла, прежде нежели воспламенится целый костер. Например, ты часто нарушаешь клятву? Не только удерживайся от этого, но перестань и клясться, тогда первое сделается уже нетрудным, потому что гораздо труднее клянущемуся не нарушать клятвы, чем вовсе не клясться. Ты привык делать обиды, порицать и бить? Предпиши себе самому закон – не сердиться и вовсе не кричать; тогда вместе с корнем исторгнется и плод. Ты похотлив и сластолюбив? Положи себе за правило не смотреть на женщин, не ходить в театр, не любопытствовать на торжище относительно чужой красоты. Гораздо легче сначала не смотреть на красивую женщину, чем, увидев ее и почувствовав вожделение, усмирить вызванную ею бурю.

Ведь подвиги в начале более легки, а лучше сказать, нам и не потребуется бороться, если мы не отворим дверей врагу и не примем семени порока. Потому и Христос определил наказание всякому, кто смотрит на женщину бесстыдно, – чтобы избавить нас от большего труда; повелевает изгонять противника из дома прежде, чем он усилился, – тогда, когда легко можно его выгнать. Какая же необходимость принимать на себя лишние труды и бороться с противниками, когда возможно и без боя доставить себе победный трофей и прежде борьбы восхитить себе награду? Не смотреть на красивых женщин не такой большой труд, как, смотря на них, усмирять себя; лучше же сказать, первое вовсе и не может быть трудом, но, после того как посмотришь, бывает большая неприятность и беда.

67 Итак, когда труд бывает меньше, или даже вовсе не нужен бывает ни труд, ни усилие, а пользы больше, то зачем мы стараемся ввергнуть себя в пучину бесчисленных зол? Ведь не смотреть на женщину не только легче, но и дает более чистую победу над возникающей отсюда страстью, тогда как тот, кто смотрит на нее, если иногда и освобождается от вожделения, то с очень большим трудом и с некоторою нечистотою для себя. Тот, кто не увидел красивого лица, бывает чист от возбуждаемого им вожделения, а кто пожелал увидеть, тот, извратив помысел и тысячекратно осквернив его, тогда только отвергает скверну похоти, когда захочет отогнать ее. Потому и Христос, чтобы мы не пострадали от этого, запрещает не только убийство, но и гнев, не только прелюбодеяние, но и нечистый взгляд, не только клятвопреступление, но и клятву вообще. Даже и здесь не устанавливает меру добродетели, но, узаконив таковое, простирается и далее. Отклонивши от убийства и повелев

быть чистыми от гнева, он повелевает и быть готовыми к перенесению зла и приготовиться терпеть его не в той только мере, какой желает злоумышляющий на нас, но и превосходить ее в гораздо большей степени и побеждать чрезмерность его неистовства избытком нашего любомудрия. Он не сказал: если кто ударит тебя в правую щеку, перенеси равнодушно и успокойся, но присовокупил, что ты должен подставить ему и другую, – говорит: «обрати ему и другую» (Мф 5.39). В этом и состоит блестящая победа, чтобы предоставить ему больше того, что он желает, и пределы его злого желания превзойти богатством своего долготерпения. Таким образом ты укротишь его бешенство, из второго поступка получишь награду за первый и укротишь гнев его.

[68] Видишь ли, что от нас всегда зависит, чтобы не терпеть зла, а не от делающих нам зло? Или, правильнее сказать, мы сами имеем власть не только не терпеть зла, но даже испытывать добро. А особенно удивительно то, что, если мы бываем бдительны, то не только не подвергаемся обиде, но даже от тех, которые нас обижают, получаем большее благодеяние, чем от других. Кто-нибудь оскорбил тебя? Ты имеешь власть обиду эту обратить для себя в похвалу. Если ты со своей стороны оскорбишь, то навлечешь на себя стыд, а если будешь благословлять оскорбившего тебя, то увидишь, что все присутствующие восхваляют тебя и прославляют. Понял ли ты, как мы, если пожелаем, получаем благодеяние от тех, которые нас обижают? Это же можно сказать и относительно денег, ударов и всего остального. Если и за все это мы станем воздавать противоположным, то как тем, что потерпели зло, так и тем, что сделали добро, сплетем себе сугубый венец. И всякий раз, как кто-нибудь, пришедши к тебе, скажет: «такой-то человек оскорбил тебя и в

присутствии всех постоянно худо отзывается о тебе», – ты похвали обидчика в присутствии говорящих; таким образом, если бы ты и желал отомстить, то можешь получить и удовлетворение. Все услышавшие, хотя бы и были очень неразумны, будут хвалить тебя, а обидчика твоего возненавидят, как человека, который лютее всякого зверя, потому что он огорчил тебя, нисколько тобою не обиженный, между тем как ты, потерпевши зло, воздал ему добром. И таким образом ты можешь доказать, что все сказанное о тебе несправедливо. Кто выражает досаду, когда говорят о нем худо, тот своею скорбью доказывает, что сознается в справедливости о нем сказанного, а кто смеется, то этим устраняет всякое о себе подозрение в присутствующих.

69 Итак, смотри, сколько от этого ты приобретаешь себе добра: во-первых, избавляешься от смущения и беспокойства, во-вторых, или лучше – считай это первым, если имеешь грехи, очистишься от них, подобно мытарю, который великодушно перенес обвинение фарисея. Сверх того, таким упражнением ты сделаешь свою душу любомудрой, услышишь от всех бесчисленные похвалы и уничтожишь всякое о себе подозрение по поводу сказанного. Если же хочешь и отмстить обидчику, то это последует в изобильной мере, потому что Бог накажет его за то, что он сказал, а прежде этого наказания и твое любомудрие будет для него как бы жестоким ударом. Ничто обыкновенно так не уязвляет наших обидчиков, как то, что мы смеемся над обидами, нам нанесенными. И как любомудрие самые обиды обращает для нас во благо, так следствием малодушия бывает совершенно противное – и себя мы стыдим, и присутствующим кажемся виновными в том, что говорили, о нас, и душу свою наполняем смятением, и врага радуем, и Бога огорчаем, и

число грехов своих увеличиваем. Размыслив о всем этом, будем избегать бездны малодушия, поспешим в пристань долготерпения, чтобы и здесь обрести покой душам своим, как предрек Христос, и достигнуть будущих благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков Аминь.

Беседа 13

[1] Рим 7.14. Вемы бо, яко закон духовен есть: аз же плотян есмь, продан под грех.

[2] Так как (апостол) сказал выше, что зло увеличилось и что грех, встретившись с заповедью, сделался более сильным и произошло противоположное тому, к чему стремился закон, и так как он привел этим слушателя в большее недоумение, то, освободив спервa закон от худого подозрения, объясняет потом причину, вследствие которой это случилось. Чтобы кто-нибудь, слыша, что грех получил повод в заповеди, что, когда пришла заповедь, грех ожил, что грех обольстил и умертвил заповедью, – чтобы не подумал, что закон был виною всех этих зол, (апостол) прежде всего излагает с большим дерзновением защиту закона, не только освобождая его от обвинения, но и сплетая ему величайшую похвалу. И это он представляет не в таком виде, что сам говорит в пользу закона, но как бы произносит общий приговор. «Вемы бо, – говорит он, – яко закон духовен есть». Этим он как бы сказал: всеми признается и хорошо известно то, что закон духовен, а потому и нельзя допустить, чтобы он был причиною греха и чтобы на нем лежала вина происшедших зол. И смотри, как он не только освобождает его от обвинения, но и хвалит без меры. Назвавши его духовным, он показывает, что закон есть наставник добродетели и враг порока, так как быть духовным значит отводить от всех грехов; это именно и делал закон, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, советуя все относительно добродетели. Откуда же, спросишь, произошел грех, если наставник был так достоин удивления? От нерадения учеников. Потому

(апостол) присовокупил: «аз же плотян есмь», изображая человека, жившего и в законе и до закона. «Продан под грех». После смерти, говорит он, толпою нахлынули страсти. Когда тело сделалось смертным, то оно по необходимости приняло и похоть, и гнев, и болезнь, и все прочее, что требовало многого любомудрия, чтобы наводнившие нас страсти не потопили помысла в глубине греха. Сами по себе они не были еще грехом, но произвела это необузданная их неумеренность. Так, если взять для примера одну из страстей, плотская похоть не составляет греха, но когда она впала в неумеренность и, не желая оставаться в пределах брака законного, стала наскакивать на чужих жен, тогда, наконец, сделалась любодеянием, но не от похоти, а от неумеренности в ней. И заметь мудрость Павла. Восхвалив закон, он немедленно обратился ко временам древним, чтобы, показавши, в каком состоянии находился род человеческий тогда (до закона) и после того, как получен закон, представить необходимость преизобилующей благодати, что (апостол) везде старался раскрыть. Когда он говорит: «продан под грех», разумеет не только живших под законом, но и тех, которые жили до закона и существовали с самого начала мира. Потом объясняет способ того, как человек продан и отдан.

[3] Рим.7:15. Еже бо содеваю , – говорит он, – не разумею.

[4] Что значит: «не разумею»? Не знаю. Как же случилось это? Ведь никто никогда не согрешил в неведении? Видишь ли ты, что если станем выбирать слова не с надлежащею осмотрительностью и не будем обращать внимания на цель апостола, то последует множество несообразностей? Если бы люди грешили в неведении, то они недостойны были бы и подвергаться наказанию.

Поэтому, как выше (апостол) говорит: «без закона… грех мертв есть» (Рим.7:8), не то выражая, что тогда грешили в неведении, а то, что они знали, но не так ясно, потому и наказывались, но не так сильно, – и опять, говоря – «похоти… не ведах» (Рим.7:7), не выражает совершенного незнания, а указывает на самое ясное познание, равным образом, говоря – «содела во мне всяку похоть» (Рим.7:8), не то разумеет, что заповедь произвела похоть, но то, что грех посредством заповеди усилил похоть, так и здесь, когда говорит: «еже бо содеваю, не разумею», не выражает этим совершенного неведения, потому что как же он соуслаждался «закону Божию по внутреннему человеку?» (Рим.7:22) Что же значит: «не разумею?» Пребываю во мраке, увлекаюсь, терплю насилие, сам не знаю, как впадаю в обман, как и мы обыкновенно говорим: не знаю, как такой-то человек пришел и увлек меня, – не оправдывая себя незнанием, а только указывая на какой-то обман, нападение и умысел.

5 Не еже бо хощу, сие творю, но еже ненавижду, то соделоваю.

6 Как же ты не знаешь, что делаешь? Если ты желаешь добра и ненавидишь зло, то это свойственно совершенному знанию. Отсюда ясно, что словами – «не еже… хощу» апостол не уничтожает свободной воли и не вводит какую-то насильственную необходимость. Ведь если мы грешим не произвольно, а по принуждению, то опять наказания, прежде бывшие, не имели бы основания. Но как словом «не разумею» (апостол) выразил не незнание, а то, что сказано нами выше, так, прибавив – «не еже… хощу», обозначил не необходимость, а неодобрение сделанного, потому что если бы словами – «не еже… хощу, сие творю» он не это выразил, то почему

бы не присовокупить ему: делаю то, к чему принуждаюсь и подвергаюсь силой, ведь это именно и противоположно воле и свободе. Но (апостол) не сказал так, а вместо этого поставил – «еже ненавижду», чтобы ты понял, что он и словами – «не еже… хощу» не уничтожил свободы. Итак, что значит: «еже не хощу?» Что не хвалю, не одобряю, не люблю; в противоположность этому он прибавил и следующее: «но еже ненавижду, то соделоваю.»

[7] Рим.7:16. Аще ли, еже не хощу, сие творю, хвалю закон, яко добр.

[8] Видишь ли ты, что разум, пока не поврежден, действительно сохраняет свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то предается с ненавистью, что и может быть величайшей похвалой закона, как естественного, так и писанного. Что закон хорош, говорит (апостол), это видно из того, что я сам себя обвиняю, преступая закон и ненавидя сделанное мною; а если бы закон был виновником греха, то каким образом, находя удовольствие в законе, можно было бы ненавидеть повелеваемое законом?

[9] Хвалю закон , – говорит (апостол) , – яко добр.

[10] Рим.7:17–18. Ныне же не ктому аз сие содеваю, но живый во мне грех. Вем бо, яко не живет во мне, сиречь в плоти моей, доброе.

[11] На этих словах основываются те, которые восстают против плоти и исключают ее из числа творений Божиих. Что же мы можем сказать на это? То же, что сказали недавно, рассуждая о законе, потому что как там (апостол) приписывает все греху, так и здесь. Он не сказал, что плоть делает это, но совершенно напротив: «не ктому аз сие содеваю, но живый во мне грех». Если

же говорит, что не живет в нем доброе, то это еще не обвинение плоти, так как то обстоятельство, что не живет во плоти доброе, не доказывает, что она сама в себе зла. Мы соглашаемся, что плоть ниже и недостаточнее души, но вовсе не противоположна ей, не враждебна и не зла, но, как гусли – музыканту и как корабль – кормчему, так и плоть подчинена душе; и гусли, и корабль не противоположны тем, кто управляет и пользуется ими, но и вполне согласны, хотя и не одинакового достоинства с художником. И подобно тому, как тот, кто говорит, что искусство не в гуслях и не в корабле, а в кормчем и в гусляре, не унижает этих предметов, а показывает различие между художником и искусством, так и Павел, сказавши: «не живет... в плоти моей доброе», не унизил тела, а показал превосходство души. Ведь именно душа всем заведует – и искусством править кораблем, или играть на гуслях; то же самое показывает здесь и Павел, приписывая господствующее значение душе. Разделив человека на две эти половины – душу и тело, он утверждает, что плоть более неразумна, лишена понимания и есть нечто управляемое, а не управляющее; душа же премудра, способна познавать, что должно делать и чего не делать, хотя и не имеет столько сил, чтобы править конем, как желает; в этом вина может быть не одной плоти, но и души, которая, зная, что должно делать, не приводит в исполнение признанного.

[12] Еже бо хотети» , – говорит (апостол) , – прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю.

[13] Опять и здесь, сказав – «не обретаю», разумеет не неведение или сомнение, а нападение и козни греха; выражая это яснее, он прибавил:

[14] Рим.7:19–20. не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сие содеваю. Аще ли еже не хощу аз, сие творю, уже не аз сие творю, но живый во мне грех.

[15] Замечаешь ли ты, как (апостол), освободив от обвинения и существо души, и существо плоти, все перенес на порочную деятельность? Если человек не хочет зла, то душа свободна, а если он не делает зла, то и тело свободно: все зависит только от одной злой воли. Душа, тело и воля в сущности не одно и то же, но первые суть творения Божии, а последняя есть движение, рождающееся из нас самих, которое мы направляем, куда хотим. Воля сама в себе есть природная способность, данная от Бога; но та же воля есть нечто и наше собственное и зависит от нашего разума.

[16] Рим.7:21. Обретаю убо закон, хотящу ми творити доброе, яко мне злое прилежит.

[17] Сказанное неясно. Что оно значит? Хвалю закон по совести, рассуждает Павел, и, когда я хочу делать доброе, нахожу себе в нем защитника, который напрягает мою волю; как я услаждаюсь законом, так и он одобряет мое расположение. Видишь ли, как (апостол) доказывает, что с начала было вложено в нас разумение добра и зла, и что закон Моисея хвалит это разумение и сам восхваляется им? Как выше он не сказал: я учусь у закона, но: «хвалю закон» (Рим.7:16), так и теперь не говорит: воспитываюсь законом, но: «соуслаждаюся... закону» (Рим.7:22). Что значит – «соуслаждаюся»? Соглашаюсь с ним, как с добрым, равно как и он согласен со мною, желающим делать добро. Человеку дано было свыше – желать добра и не желать зла. Закон же, явившись, и во зле сделался обвинителем очень многого и в добре хвалителем большего. Видишь ли ты, что (апостол) приписывает

закону не больше, как некоторое усиление и дополнение? Хотя закон хвалит доброе, а я соуслаждаюсь и желаю добра, однако же злое еще прилежит и действие его не уничтожено. Таким образом, закон для намеревающегося сделать что-нибудь доброе является в этом только союзником и настолько, насколько он сам себе того же желает. А так как (апостол) неясно это выразил, то впоследствии раскрывает и приводит в большую ясность, показывая, каким образом прилежит зло и каким образом закон содействует желающему делать доброе.

[18] Рим.7:22. Соуслаждаюся бо закону Божию по внутреннему человеку.

[19] Я знал добро и до закона, говорит (апостол), и, нашедши его изображенным в письменах, хвалю.

[20] Рим.7:23. Вижду же ин закон во удех моих, противувоюющь закону ума моего.

[21] Здесь опять законом противовоюющим (апостол) назвал грех, не по достоинству, а вследствие чрезмерного послушания повинующихся ему. Как маммону он называет господином и чрево богом не по собственному их достоинству, но вследствие большого рабства подчиненных, так и здесь назвал грех законом вследствие того, что люди служат ему и боятся оставить его так же, как получившие закон страшатся не исполнить закона. И грех, говорит (апостол), противится закону естественному, это и есть – «закону ума моего». И вот (апостол) изображает состязание и битву и весь подвиг возлагает на закон естественный. Закон Моисея дан после и как бы в добавление; но, однако, и тот и другой закон, один научивший доброму, а другой – восхваливший, не совершили в этой борьбе ничего великого: такова

побеждающая и превосходящая власть греха. Павел, изображая это и говоря о поражении в зависимости от силы, сказал:

22 вижду ин закон противувоюющь закону ума моего и пленяющь мя.

23 Не сказал просто – побеждающий, но

24 – пленяющь мя законом греховным.

25 Не сказал также – влечением плоти, или – природою плоти, но – «законом греховным», то есть властью, силой. Как он говорит

26 – сущим во удех моих?

27 Что это значит? Не члены называет грехом, но совершенно отделяет от греха, потому что иное пребывающее в чем-нибудь, и иное то, в чем оно пребывает. Как заповедь не есть зла, хотя грех получил в ней повод, так не зла и природа плоти, хотя грех чрез нее борется с нами, потому что в таком случае и душа будет зла, и еще в большей мере, насколько она имеет власть в том, что должно делать. Но это не так, нет! Если тиран или разбойник овладеет каким-нибудь прекрасным зданием или царским дворцом, то случившееся не может быть осуждением для дома, а вся вина падает на тех, кто совершил это злоумышление. Этого не понимают враги истины, которые вместе с нечестием впадают в совершенное безумие. Они не только обвиняют плоть, но клевещут и на закон. Хотя плоть и зла, но закон добр, потому что воюет с нею и противится ей. А если закон не благо, то благо плоть, потому что она, согласно их мнению, борется с законом и враждует против него. Как же они говорят, что плоть и закон от диавола и вводят противоположное друг другу? Видишь ли, какое вместе с

нечестием и безрассудство? Но не таково учение церкви, которое осуждает только один грех и утверждает, что оба закона, данные от Бога, – и естественный, и Моисеев – находятся во вражде с грехом, а не с плотью; плоть же есть не грех, а Божие творение, весьма полезное для нас и в подвигах добродетели, если мы бодрствуем.

[28] Рим.7:24. Окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея?

[29] Заметил ли ты, какова власть зла, как оно побеждает и ум, находящий удовольствие в законе? Никто не может сказать, говорит (апостол), что грех делает меня своим пленником, потому что я ненавижу закон и отвращаюсь от него, напротив, я нахожу в нем удовольствие, хвалю его, прибегаю к нему, но он не получил силы спасти даже и прибегающего к нему, а Христос спас и убегающего от Него. Заметил ты, как велико превосходство благодати? Но апостол не раскрыл этого, а только, восстенав и горько заплакав, подобно человеку, лишенному помощников, самым затруднительным своим положением доказывает силу Христову и говорит: «окаянен аз человек: кто мя избавит от тела смерти сея?» Закон оказался бессильным, совесть недостаточной, хотя я хвалил доброе, даже не только хвалил, но и боролся со злом, ведь (апостол), назвав грех противовоюющим, показал, что и сам вооружался против греха. Итак, откуда же будет надежда на спасение?

[30] Рим.7:25. Благодарю Бога моего Иисус Христом Господем нашим.

[31] Видишь, как (апостол) показал необходимость явления благодати, а также и то, что она есть общий дар Отца и Сына? Хотя он и благодарит Отца, но причина этого

благодарения есть Сын. А когда ты слышишь, что он говорит: «кто мя избавит от тела смерти сея?» (Рим.7:24) – не думай, что он обвиняет плоть. Он не назвал ее телом греха, но телом смерти, то есть смертным телом, плененным смертью, а не породившим смерть; это служит доказательством не порочности тела, но поврежденности, которой оно подверглось. Как тот, кто пленен варварами, считается принадлежащим к числу варваров не потому, что он варвар, а потому, что находится во власти варваров, так и тело называется телом смерти, потому что оно находится во власти смерти, а не потому, что произвело смерть. Потому и (апостол) желает избавиться не от тела, но от тела смертного, намекая на то, о чем я неоднократно говорил, что тело, сделавшись доступным страсти, от этого самого стало легко подвержено греху.

32 Но если такова была власть греха до благодати, то за что, спросишь, грешники наказывались? За то, что им даны были такие повеления, которые можно было исполнять и во время господства греха. Закон не требовал от них высокого совершенства в жизни, но позволял пользоваться своим имуществом, не запрещал иметь многих жен, предаваться гневу с правдою и пользоваться умеренным наслаждением; им столько было сделано снисхождения, что закон писаный требовал меньше того, сколько повелевал закон естественный. Хотя естественный закон всегда предписывал одному мужчине вступать в брак с одной женщиной, что ясно засвидетельствовал Христос, сказав: «яко Сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть» (Мф 19.4), но закон Моисея, как не запрещал, разводясь с одною, вступать в брак с другою, так не препятствовал иметь вместе двух жен. Кроме того, можно видеть, что жившие прежде этого закона, руководимые одним

естественным законом, исполняли и другое больше тех, которые жили под законом. Итак, жившие в ветхом завете не потерпели никакого убытка, когда у них было введено столь умеренное законодательство. Если же и при этом они не могли остаться победителями, то виною служит их собственное нерадение. Потому Павел и благодарит за то, что Христос не подверг нас никакому испытанию и не только не потребовал отчета в наших делах, но сделал нас способными к большому поприщу. Поэтому говорит он: «благодарю Бога моего Иисус Христом», и не говоря уже о спасении, как о таком деле, которое, по доказанному выше, всеми признано, переходит к другому, очень важному, и раскрывает, что мы не только освободились от прежних грехов, но и на будущее время сделались непобедимыми для греха. «Ни едино убо ныне, – говорит, – осуждение сущим о Христе Иисусе, не по плоти ходящим» (Рим 8.1). Но (апостол) сказал об этом не прежде, как упомянув еще раз о прежнем состоянии. Сказав сперва:

[33] темже убо сам аз умом моим работаю закону Божию, плотию же закону греховному,

[34] присовокупил потом: «ни едино убо... осуждение сущим о Христе Иисусе». А так как словам его противоречило то, что многие грешат и после крещения, то он спешит и к этому и не просто говорит: «сущим о Христе Иисусе», но прибавляя: «не по плоти ходящим», чем и показывает, что все происходит уже от нашего нерадения, так как ныне возможно ходить не по плоти, а тогда (до Христа) было трудно. Потом это же самое (апостол) раскрывает иначе, продолжая так:

[35] Рим.8:2. закон бо Духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть.

36 Под именем закона духа (апостол) разумеет здесь Духа, – как грех назвал законом греха, так и Духа называет законом духа. Но и закон Моисея он наименовал также духовным, сказав: «вемы бо, яко закон духовен есть» (Рим 7.14).

37 Итак, какое же различие? Большое и бесконечное. Тот есть закон духовный, а этот – закон Духа. Чем же отличается один от другого? Тем, что один только дан Духом, а другой принявшим его обильно даровал Духа. Потому (апостол) наименовал его также законом жизни в противоположность закону греха, а не закону Моисея. Когда говорит:

38 свободил мя есть от закона греховнаго и смерти,

39 то разумеет здесь не Моисеев закон, так как нигде не называет его законом греховным (да как он мог и назвать так закон, который неоднократно именовал праведным и святым, разрушителем греха?), но разумеет закон, противовоюющий закону ума. Эту жестокую брань прекратила благодать Духа, умертвившая грех и сделавшая борьбу легкою для нас, сперва увенчавшая, а потом с большою помощью увлекающая на подвиг. И как (апостол) всегда делает, переходя от Сына к Духу, а от Духа к Сыну и Отцу, все наше вменяя Троице, так поступает и здесь; сказавши: «кто мя избавит от тела смерти сея?» (Рим.7:24) показал, что Отец совершает это чрез Сына; потом опять приписывает это Святому Духу вместе с Сыном, когда говорит: «закон Духа жизни о Христе Иисусе свободил мя есть»; после снова приписывает Отцу и Сыну.

[40] Рим.8:3. Немощное бо закона , – говорит, – в немже немоществоваше плотию, Бог Сына Своего посла в подобии плоти греха, и о гресе осуди грех во плоти.

[41] Опять кажется, будто он осуждает закон, но при тщательном внимании открывается, что он очень хвалит его, доказывая, что закон согласен со Христом и предписывает то же самое. Ведь не сказал – худое закона, но – «немощное», и опять – «в немже немоществоваше», а не – в нем поступал худо или злоумышлял. Самую немощь приписывает не закону, а плоти, говоря: «в немже немоществоваше плотию». Плотью же опять здесь называет не самое существо и основание ее, а мудрование плотское, почему и освобождает от обвинения как тело, так и закон, и не только этим, но и следующими словами.

[42] Если бы закон был враждебен, то как Христос явился к нему на помощь, выполнил его праведность и протянул руку, осудив грех во плоти? Это именно и оставалось (сделать), потому что закон давно уже осудил грех в душе. Итак, что же? Неужели закон совершил больше, а Единородный Божий меньше? Никак. Ведь и первое совершил преимущественно Бог, давши закон естественный, а потом приложивши и закон писаный; иначе не было бы никакой пользы от большего, если бы не было предложено меньшее. Какая в самом деле польза знать, что должно делать, не делая этого? Никакой, – напротив, за это будет даже большее осуждение. Таким образом, Кто спас душу, Тот и сделал плоть благопокорною. Учить не трудно, но показать путь, которым с удобством можно достигнуть этого, – вот дело достойное удивления. Для того пришел Единородный и не прежде удалился, как освободив нас от того неудобства. Всего же важнее самый образ победы: (Христос) не

другую принял плоть, но ту же самую, покоренную, подобно тому, как царский сын, увидев, что на рынке бьют женщину худую и продажную, называет себя ее сыном и таким образом освобождает ее от нападающих. То же самое сделал (Сын Божий): Он исповедал Себя Сыном человеческим, явился на помощь плоти и осудил грех. Итак, грех не осмелился бить ее больше, а, лучше сказать, он уже поразил ее ударом смерти, но всего удивительнее то, что не пораженная плоть, но поразивший грех подвергся за это осуждению и гибели. Если бы победа совершилась не во плоти, это не так было бы удивительно, потому что и закон производил это, но удивительно то, что (Христос), имея плоть, воздвиг победный трофей, и та самая плоть, которая тысячекратно была побеждена грехом, одержала над ним блистательную победу. Смотри же, сколько совершилось необычайного: во-первых, грех не победил плоти, во-вторых, он сам был побежден и притом побежден плотью, – ведь не одно и то же – не быть побежденной и победить того, кто всегда побеждал, – в-третьих, плоть не только победила, но и наказала, так как тем, что (Христос) не согрешил, Он явился непобежденным, а тем, что умер, Он победил и осудил грех, сделав для него страшной ту самую плоть, которая была прежде презираема. Так Он уничтожил и силу греха, уничтожил и смерть, введенную в мир грехом. Пока грех встречал грешников, он по справедливому основанию наносил им смерть; когда же, нашедши тело безгрешное, предал его смерти, то, как сделавши несправедливость, подвергся осуждению. Ты видишь, сколько совершилось побед: плоть не была побеждена грехом, но и сама его победила и осудила, и не просто осудила, но осудила, как согрешивший. (Христос) сперва изобличил его в неправде, потом осудил и осудил не просто силой и властью, но и

словом правды. Это и выразил (апостол), сказавши о грехе: «осуди грех во плоти», это тоже значит, что сперва изобличил в тяжком грехе, а потом уже осудил его. Ты видишь, что всюду осуждается грех, а не плоть, плоть же увенчивается и произносит свой приговор над грехом? А если сказано, что (Бог) послал Сына «в подобии плоти», то не думай на основании этого, что плоть Христа была иная: так как (апостол) сказал – «греха», то и прибавил слово – «подобие». Христос имел не грешную плоть, а подобную нашей грешной, но безгрешную и по природе одинаковую с нами. Таким образом и отсюда видно, что природа плоти не зла. Христос уготовал победу, не принявши другой плоти, вместо прежней, и не изменив эту в существе, но, согласившись пребывать в том же самом естестве, достиг того, что оно приобрело венец за победу над грехом, а после этой победы воскресил его и сделал бессмертным. Но какое, спросишь, имеет отношение ко мне то, что совершилось в той плоти? Для тебя преимущественно это и имеет значение, потому и прибавил:

[43] Рим.8:4. да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих.

[44] Что значит «оправдание?» Конец, цель, успех. Чего же закон желал и что некогда производил? Чтобы человек был безгрешен. Это именно ныне совершено для нас Христом; Его дело было противостать и победить, а наше – воспользоваться победою. Итак, мы не согрешим, если не слишком ослабеем и не падем, почему (апостол) и присовокупил: «в нас не по плоти ходящих». А чтобы ты, услышав, что Христос избавил тебя от греховной брани и что, после осуждения греха во плоти, исполнилось в тебе оправдание закона, не отверг всякое приготовление,

апостол, как выше, сказав: «ни едино... осуждение» (Рим.8:1), присовокупил: «не по плоти ходящих», так и здесь то же самое прибавил к словам: «да оправдание закона исполнится в нас», а лучше сказать, здесь прибавлено и нечто гораздо большее. Сказав: «да оправдание закона исполнится в нас, не по плоти ходящих», присовокупил:

45 но по духу,

46 давая тем разуметь, что должно не только воздерживаться от зла, но и украшаться добром. Дать тебе венец – дело Христово, а удержать данное – твое. Христос совершил для тебя то, в чем состояло оправдание закона, именно, чтобы ты не подлежал клятве.

47 Итак, не погуби этого дара, но постоянно сохраняй это прекрасное сокровище. Здесь (апостол) внушает тебе, что для нашего спасения недостаточно крещения, если после него не покажем жизни достойной этого дара. Таким образом, говоря и это, он опять защищает закон. И после того, как мы уверовали во Христа, надлежит все делать и исполнять, так чтобы оправдание закона, исполненное Христом, в нас пребывало и не было уничтожено.

48 Рим.8:5–7. Сущии бо по плоти , – говорит (апостол) , – плотская мудрствуют: а иже по духу, духовная. Мудрова́ние бо плотское смерть есть: а мудрова́ние духовное, живот и мир. Зане мудрова́ние плотское, вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может.

49 Но это не есть обвинение плоти. Пока она сохраняет собственное свое значение, не бывает ничего несообразного; когда же мы позволяем ей все, и она, преступив свои пределы, восстанет на душу, тогда все

губит и портит не по собственной своей природе, но вследствие неумеренности и происходящего из нее беспорядка. «А иже по духу, духовная. Мудрова́ние бо плотское смерть есть». Не сказал: естество плоти или сущность тела, но – «мудрование плотское», – то, что можно исправить и уничтожить. А говоря это, он не приписывает плоти собственного помышления, – нет, – но указывает на более грубое стремление ума, которому дает имя, заимствованное от худшей части человека, подобно тому как часто и целого человека вместе с душою обыкновенно называет плотью. «А мудрование духовное». Опять и здесь говорит о духовном помышлении, как и ниже пишет: «испытаяй же сердца, весть, что есть мудрование духа» (Рим 8.27), и показывает многочисленные блага, проистекающие из него для настоящей и будущей жизни. В сравнении со злом, какое производится плотским мудрованием, гораздо более добра доставляет духовное мудрование, что (апостол) и выразил, сказавши: «живот и мир.» «Живот» – в противоположность прежде сказанному – «мудрование плоти смерть есть» (Рим.8:6), а «мир» – в противоположность сказанному после, потому что, сказавши – «мир», присовокупил: «зане мудрова́ние плотское вражда на Бога», что хуже смерти. Потом, показывая, почему плотское мудрование есть смерть и вражда, говорит: «закону бо Божию не покаряется, ниже бо может». Но не смущайся, слыша: «ниже бо может», так как это затруднение легко разрешить. Под именем плотского мудрования (апостол) разумеет здесь помысел земной, грубый, пристрастный к житейскому и к худым делам, о котором говорит, что он не может покориться Богу. Какая же надежда на спасение, если, будучи злым, невозможно сделаться добрым? Но не это говорит

(апостол), иначе как же сам Павел сделался столь великим? Как – разбойник? Как – Манассия? Как – ниневитяне? Как восстал Давид после своего падения? Как пришел в себя Петр, отрекшийся (от Христа)? Как блудный сын был причислен к стаду Христову? Как возвратили себе прежнее блаженство галаты, утратившие благодать?

50 Итак, (апостол) не то говорит, что худому невозможно сделаться добрым, но то, что невозможно, оставаясь порочным, покориться Богу; а кто переменяется, тому, конечно, легко сделаться добрым и покориться Богу. Он не сказал, что человек не может покориться Богу, но говорит, что худой поступок не может быть добрым; это то же значит, что сказать: блудодеяние не может быть целомудрием, а порок – добродетелью. Так, когда (Христос) говорит в Евангелии: «не может древо… зло плоды добры́ творити» (Мф 7.18), то Он не отрицает этим возможности перехода от порока к добродетели, а говорит только, что пребывание в пороке не может приносить добрых плодов. Он не сказал, что худое дерево не может сделаться хорошим, а говорит, что, оставаясь худым, оно не может приносить добрых плодов. А что худое может измениться, это (Христос) показал и здесь, и в другой притче, когда говорил о плевелах, сделавшихся пшеницею, почему и запрещает их выдергивать, «да не когда восторгающе плевелы, – как сказал Он, – восторгнете купно с ними и пшеницу» (Мф 13.29), то есть ту, которая из них будет. Итак, (апостол) плотским мудрованием называет порок, а духовным мудрованием данную благодать и деятельность, одобряемую благою волей, и рассуждает здесь вовсе не о существе и природе, а о добродетели и о пороке. Чего не мог ты сделать, находясь под законом, говорит (апостол), то можешь

сделать ныне, – можешь ходить прямо и правильно, если получишь помощь от Духа. Недостаточно ведь еще не ходить по плоти, но должно ходить по Духу, потому что для нашего спасения нужно не только уклоняться от зла, но и делать добро. А это будет, если мы душу предадим Духу, а плоть убедим познавать свое положение. Таким образом мы и ее сделаем духовной, равно как, если станем предаваться беспечности, сделаем душу плотской.

51 Так как дар сообщен не по естественной необходимости, но вручен по свободному произволению, то от тебя уже зависит сделаться тем или другим. (Христос) совершил все, что От Него зависело: грех не противовоюет закону ума нашего и не пленяет нас, как прежде, но все это миновало и исчезло, страсти скрылись, страшась и трепеща благодати Духа. Если же ты погашаешь свет, сталкиваешь возницу и изгоняешь кормчего, то самому себе приписывай причину обуревания волнами. А что теперь добродетель сделалась более исполнимой, потому и стремление к любомудрию увеличилось, ты можешь видеть из того, в каком состоянии находился род человеческий, когда господствовал закон, и в каком находится ныне, когда воссияла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможным, как то: девство, презрение смерти и других очень многочисленных страданий, то ныне с успехом исполняется повсюду в мире. Не только у нас, но и у скифов, фракиян, индийцев, персов и у других варварских народов есть лики дев, сонмы мучеников, общины монахов и монахинь, и притом в большем числе, чем живущих в брачном союзе, везде ревностное исполнение поста, обилие нищеты, а жившие под законом, кроме одного или двух примеров, не могли и во сне того себе представить. Итак, видя истину событий, взывающую

громогласные трубы, не предавайся изнеженности и не теряй столь великой благодати. Беспечному и по принятии веры невозможно спастись. Подвиги сделались легкими для того, чтобы ты, совершая борьбу, побеждал, а не для того, чтобы дремал и величием благодати воспользовался как предлогом к нерадению, опять погрузившись в прежнюю тину грехов. Потому (апостол) и присовокупляет:

[52] Рим.8:8. сущии же во плоти Богу угодити не могут.

[53] Итак, что же? Неужели, скажут, мы будем отсекать тело и станем разлучаться с плотью, чтобы угодить Богу? Неужели ты, ведя нас к добродетели, повелеваешь нам быть самоубийцами? Видишь ли, сколько рождается несообразностей, если сказанное (апостолом) мы станем понимать буквально? Под именем плоти Павел и здесь разумеет не тело, не сущность тела, а плотскую и мирскую жизнь, исполненную роскоши и распутства, которая целого человека делает плотью. Как окрыляемые Духом делают и самое тело духовным, так и удаляющиеся Духа, служащие чреву и удовольствиям, делают самую душу плотью, не изменяя ее сущности, но губя ее благородство. Такой образ выражения часто встречается и в Ветхом Завете и означает под именем плоти грубую и нечистую жизнь, исполненную гнусных удовольствий. Так и Ною было сказано: «не имать дух Мой пребывати в человецех сих,.. зане суть плоть» (Быт 6.3). Хотя и сам Ной облечен был плотью, но быть облеченным плотью не составляло вины, так как это было естественно; преступно же возлюбить плотскую жизнь. Потому Павел говорит: «сущии же во плоти, Богу угодити не могут», и продолжает:

[54] Рим.8:9. вы же несте во плоти, но в дусе.

[55] И здесь опять разумеет не просто плоть, но такую плоть, которую увлекают страсти и предают мучению. Для чего же, спросишь, не сказал он именно так и не указал такого различия? Чтобы ободрить слушателя и показать, что не в теле будет жить тот, кто истинно живет. Так как всякому известно, что пребывание во грехе не свойственно духовному, то (апостол) указывает нечто большее, говоря, что духовный человек не только не пребывает во грехе, но даже и не во плоти, – еще здесь делается ангелом, возносится на небо и просто носит только тело. Если же ты осуждаешь плоть за то, что (апостол) по имени ее называет жизнь плотскою, то таким образом будешь осуждать и мир, потому что по имени его часто называется порочная жизнь, как и Христос говорил ученикам: «вы от мира несте» (Ин 15.19); и опять братиям Своим говорил: «не может мир ненавидети вас: Мене же ненавидит» (Ин 7.7). И душу в таком случае придется назвать отчужденною от Бога, потому что (апостол) живущих в заблуждении наименовал душевными. Но не так это, – нет. Везде необходимо обращать внимание не просто на выражения, но на мысль говорящего, и нужно в точности понимать различие сказанного. Одно – добро, другое – зло, иное же – среднее; например, душа или плоть есть нечто среднее и может сделаться как тем, так и другим. А дух всегда благ и никогда не делается чем-либо иным. Опять, плотское мудрование, то есть, порочное действие, всегда зло, так как не покоряется закону Божию. Итак, если ты отдашь душу и тело лучшему, то и сам будешь принадлежать к той же стороне, а если отдашь худшему, сделаешься участником гибели, происходящей отсюда, не по природе души или плоти, но по настроению, имеющему власть избирать то или другое. А что действительно это имеет такое

значение и в сказанном нет осуждения плоти, мы исследуем это точнее, опять обратившись к тому же выражению. «Вы же несте во плоти, но в дусе», – говорит.

56 Как это? Неужели они не были во плоти, но пребывали бестелесными? Какой же это может иметь смысл? Замечаешь ли, что он разумел плотскую жизнь? Для чего же не сказал: вы не во грехе пребываете? Чтобы ты узнал, что Христос не только угасил мучительство греха, но и плоть сделал более легкою и духовною, не чрез изменение ее природы, но посредством большего окрыления ее. Как железо от пребывания в огне само делается огнем, сохраняя собственную природу, так и у верующих, имеющих Духа, самая плоть перерождается в ту же деятельность, делаясь всецело духовною, во всем распинаемая и окрыляемая вместе с душою. Таково, например, было тело говорящего об этом (апостола), почему оно презирало всякую роскошь и удовольствия, а увеселялось голодом, побоями, узами и, терпя это, не скорбело. Свидетельствуя об этом, (Павел) говорил: «еже бо ныне легкое печали нашея» (2Кор 4.17), так было ему хорошо и так он приучил плоть идти наравне с духом.

57 Понеже Дух Божий живет в вас.

58 Слово – «понеже» (апостол) употребляет часто не для означения сомнения, но при полной уверенности и вместо «поелику», как, например, говоря: «понеже праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющим вас» (2Фес 1.6); и в другом месте: «толика пострадасте туне, аще точию и туне» (Гал 3.4).

59 Аще же кто Духа Христова не имать».

60 Апостол не сказал: если вы не имеете, но неприятное отнес к другим.

[61] Сей несть Егов , – говорит.

[62] Рим.8:10. Аще же Христос в вас.

[63] Опять говорит, что Христос в них. О неприятном упомянул кратко и в середине, а о приятном говорит и прежде, и после, притом во многих словах, так что смягчает первое. А, говоря об этом, он не называет Духа Христом, – нет, но показывает, что имеющий Духа не только принимает имя Христа, но и имеет в себе Самого Христа. Невозможно, чтобы Христос не находился там, где присутствует Дух. Где находится одно из лиц Троицы, там присутствует и вся Троица, Она Сама в Себе неразделима и теснейшим образом соединена. Что же будет, спрашиваешь ты, если Христос в вас?

[64] Плоть убо мертва греха ради, дух же живот правды ради.

[65] Видишь ли, сколько бедствий возникает от того, что не имеем в себе Духа Святого: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Его законам, невозможность принадлежать Христу, как должно, иметь Его в себе обитающим. Смотри также, сколько благ бывает, если имеем в себе Духа: принадлежать Христу, иметь в себе Самого Христа, соревновать ангелам. Это и значит – умертвить плоть, т.е. жить вечной жизнью, еще здесь на земле иметь залог воскресения и с легкостью идти стезею добродетели. (Апостол) не сказал, что тело уже недеятельно в отношении греха, но – мертво для греха, чем и возвышает легкость подвигов. Тот (кто имеет Христа) увенчивается даже без дел и трудов. Потому (апостол) и присовокупил – «для греха», чтобы ты понял, что Он раз навсегда истребил порок, а не естество тела. В противном случае было бы уничтожено многое такое, что

может быть полезно для души. Итак, не об этом говорит (апостол), но он желает, чтобы тело, живя и пребывая, было мертво. Когда наши тела в отношении телесной деятельности нисколько не отличаются от лежащих в могиле, это и есть знак того, что имеем в себе Сына, что в нас пребывает Дух. Но ты, услышав о смерти, не страшись, потому что имеешь в себе действительную жизнь, за которою не будет следовать никакая смерть. Такова жизнь Духа, она уже не покоряется смерти, но губит и истребляет смерть, и сохраняет бессмертным то, что получила. Потому (апостол), назвав тело мертвым, не сказал – Дух живит, но наименовал его жизнью, давая тем разуметь, что он может дать жизнь и другим. Потом опять, привлекая слушателя, говорит о причине и свидетельстве жизни: это есть праведность. Когда не бывает греха, не является и смерть, а когда нет смерти, бывает вечная жизнь.

[66] Рим.8:11. Аще ли же Дух воскресившаго Иисуса от мертвых живет в вас, воздвигий Господа оживотворит и мертвенная телеса ваша, живущим Духом Его в вас.

[67] Опять (апостол) начинает говорить о воскресении, потому что надежда воскресения особенно поощряет слушателя и укрепляет его примером Христовым. Не страшись, говорит, того, что ты облечен смертным телом; имей в себе Духа, и тело несомненно воскреснет. Итак, что же? Разве не воскреснут тела, не имеющие Духа? А как же всем должно предстать пред судилище Христово? Как же будет достоверным учение о геенне? Ведь если не имеющие Духа не воскреснут, то нет и геенны. Итак, что значит сказанное (апостолом)? Все воскреснут, но не все в жизнь, а одни – в наказание, другие же – в жизнь. Потому не сказал: воскресит, но: «оживотворит», что

обозначает больше, нежели воскресение, и даровано одним праведным. Указывая же причину этой чести, он прибавил, говоря: «живущим Духом Его в вас». Таким образом, если ты, живя здесь, утратишь благодать Духа и умрешь, не сохранив ее в целости, то без сомнения погибнешь, хотя и воскреснешь. Подобно тому, как (Христос), видя, что в тебе сияет Дух Его, не восхощет предать тебя наказанию, так, увидев, что Он в тебе угас, не согласится ввести тебя в брачный чертог, как и юродивых дев. Итак, не позволяй телу жить ныне, чтобы оно жило тогда; заставь его умереть, чтобы оно не умирало впоследствии. Если оно останется живым, оно не будет жить, а если умрет, будет тогда жить. Тоже будет и при всеобщем воскресении: тело сперва должно умереть и быть погребено, а потом сделаться бессмертным. Тоже совершилось и в крещении: сперва человек распят и погребен, а потом воскрес. Тоже было и с Господним телом: и оно было распято и погребено, а потом воскресло.

[68] Итак, станем и мы делать это, будем непрестанно умерщвлять тело в делах его. Я говорю это не о сущности тела, – да не будет, – а о склонностях к порочным делам. Не терпеть ничего человеческого и не служить удовольствиям – в этом тоже состоит жизнь, а лучше сказать, это и есть единственная жизнь. А тот, кто покорился удовольствиям, не может уже и жить, вследствие возникающих отсюда беспокойств, страхов, опасностей и бесчисленного роя страстей. Придет ли ему мысль о смерти, он уже прежде смерти умер от страха; представится ли ему в уме болезнь, обида, бедность или что-нибудь другое из неожиданного, он уже погиб и уничтожен. Что может быть несчастнее такой жизни? Но не таков живущий Духом: он стоит выше и страхов, и

скорби, и опасностей, и всякой перемены, потому что ничего не терпит, но, – что гораздо важнее, – презирает все, что бы ни случилось. Как же это бывает? Если Дух постоянно живет в нас, как и (апостол) не просто сказал, чтобы Дух на короткое только время пребывал в нас, но всегда жил, вследствие чего и не сказал: Дух живший, но «живущий», означая тем постоянное пребывание. Итак умерший для жизни есть преимущественно таковой (живущий Духом). По этой причине (апостол) и сказал: «дух... живет правды ради» (Рим.8:10). А чтобы сказанное было яснее, представим себе двоих людей – одного преданного роскоши, удовольствиям и житейской прелести, а другого умершего для всего этого – и посмотрим, кто из них больше живет. Пусть один из этих двоих будет весьма богат и знатен, кормит тунеядцев и льстецов, пирует и упивается и проводит в этом целые дни; а другой, живя в нищете, посте, в прочем суровом житии и любомудрии, только к вечеру принимает необходимую пищу, или, если хочешь, не ест по два и по три дня. Кто же у нас из этих двоих преимущественно живет? Хорошо знаю, что многие укажут на того, который веселится и расточает свои имущества, а мы называем того, который удовлетворяется умеренностью. Если же возникает еще спор и противоречие, то войдем в жилище каждого, и именно во время самого веселья, когда богач, по твоему мнению, живет в полном смысле, и, вошедши, посмотрим, в каком состоянии каждый из них находится: из дел их видно будет, кто жив и кто мертв. Итак, одного найдем за книгами, в молитве и в посте или бодрствующим за каким-либо другим необходимым делом, трезвящимся и беседующим с Богом, а другого найдем погруженным в пьянство и в состоянии нисколько не лучше мертвого; если же подождем до вечера, то увидим,

что он еще больше бывает объят смертью и в таком состоянии застает его сон, между тем как первый проводит ночь без сна и бодрствует.

69 Итак, о котором мы можем сказать, что он преимущественно живет, о том ли, который лежит в бесчувственном состоянии и служит для всех предметом смеха, или о том, кто трудится и беседует с Богом? Если ты подойдешь к первому и спросишь о чем-нибудь необходимом, то не услышишь ни слова, как от мертвого; а если пожелаешь побеседовать со вторым, хотя бы и ночью, или днем, то увидишь, что он походит более на ангела, нежели на человека, и услышишь, как он любомудрствует о небесных предметах. Видишь ли ты, что один живет выше всех живущих, а другой лежит в состоянии, которое хуже состояния умерших. Последний, если и примется за какое-нибудь дело, видит одно вместо другого и подобен безумным, а лучше сказать – несчастнее и этих. Если кто-нибудь обидит помешанного в уме, то все мы чувствуем сострадание к обиженному и порицаем обидчика, а если увидим, что кто-нибудь издевается над таким человеком, то не только не чувствуем к нему жалости, но и осуждаем самого лежащего. И, скажи мне, это ли жизнь? Не хуже ли она бесчисленных смертей? Видишь ли ты, что предающийся удовольствиям не только мертв, но даже хуже мертвеца и несчастнее сумасшедшего? Один возбуждает к себе жалость, а другой ненависть, один получает прощение, а другой подвергается наказанию за то именно, чем и болеет. Если же и по наружности так смешон человек, у которого течет гнилая слюна и от которого дурно пахнет вином, то представь, каково положение несчастной души, погребенной в таком теле, как в гробе. Видеть это – то же самое, как если бы кто-нибудь дал полную власть

служанке варварского происхождения, безобразной и бесстыдной, издеваться и оскорблять девицу скромную, благоразумную, свободную, благородного происхождения и прекрасную. Таково пьянство.

[70] Кто из имеющих ум не предпочел бы лучше тысячу раз умереть, чем прожить таким образом один день? На следующий день после такого смешного препровождения времени человек по-видимому встает и трезвым, однако и тогда не имеет совершенного целомудрия, так как его глаза подернуты еще туманом после бури пьянства. Положим даже, что он и совершенно трезв: какая от этого польза? Трезвость его непригодна ни к чему иному, как только заметит порицателей его. Пока он был в безобразном положении, то имел ту выгоду, что не чувствовал насмешек, а с наступлением дня лишается и этого утешения, потому что сам замечает, как слуги перешептываются, жена краснеет от стыда, друзья осуждают и враги насмехаются. Что может быть печальнее такой жизни – в течение дня служить посмешищем для всех, а вечером опять приводить себя в то же безобразное положение? Но что? Ты желаешь, чтобы я представил тебе в пример лихоимца? И лихоимство есть пьянство своего рода, даже более неприятное, а если оно есть пьянство, то, без сомнения, есть и смерть, притом гораздо хуже той смерти, так как и самое опьянение сильнее. Не так гибельно упиться вином, как страстью к деньгам; там вред ограничивается болезнью и оканчивается бесчувственностью и гибелью самого упившегося, а здесь простирается на тысячи душ, всюду возбуждая различные нападения. Итак, противопоставим одно другому, посмотрим, что у них общего и в чем один превосходит другого, и сделаем сейчас сравнение обоих упившихся. Ведь с тем

блаженным, живущих по Духу, их нельзя и сравнивать, а можно только рассматривать в отношении друг к другу. Итак, представим еще раз трапезу, за которой тысячи убийств. Что между ними общего и в чем они походят один на другого? В самом характере болезни: хотя вид пьянства различен, так как одно производится вином, а другое деньгами, но страсть одинакова, потому что они оба одинаково одержимы безумной похотью. Как упивающийся вином, чем больше выпьет чаш, тем больше их желает, так и любящий деньги, чем больше приобретает, тем сильнее разжигает пламя страсти и тем большею томится жаждою. В этом они имеют сходство между собою, а в другом сребролюбец, в свою очередь, имеет преимущество. В чем же именно? В том, что один переносит нечто сообразное с природою, потому что вино имеет горячительное свойство и, усиливая врожденную сухость, таким образом производит у пьяных жажду. А лихоимец вследствие чего постоянно желает большого? Отчего происходит, что когда он больше обогащается, тогда живет в большей нищете? Страсть эта неудобопонятна и походит больше на загадку. Но посмотрим на них, если угодно, когда опьянение их прошло; впрочем, сребролюбца никогда и нельзя увидеть по окончании пьянства, он всегда находится в состоянии опьянения. Итак, посмотрим на них обоих в состоянии опьянения, разберем, кто из них смешнее, и изобразим их самыми точными чертами. Представим себе человека, потерявшего рассудок от вина, как он при наступлении вечера смотрит во все глаза и никого не видит, как бесцельно и без причины блуждает кругом, натыкается на встречающихся, изрыгает, как он растрепан и обнажен до бесстыдства, как жена, дочь, служанка и все много смеются над ним. Выведем также на средину и

сребролюбца. Здесь поступки достойны не только смеха, но и проклятия, сильного гнева и бесчисленных громов. Впрочем, рассмотрим пока одно смешное. И сребролюбец, подобно пьяному, никого не узнает, ни друзей, ни недругов, также слеп, хотя смотрит во все глаза, и как тот везде видит вино, так этот везде видит деньги. Изрыгаемое им гораздо гнуснее, потому что он извергает из себя не пищу, но слова хулы, оскорблений, вражды и смерти, привлекая тем на свою голову тысячи небесных молний. Как у пьяного тело бывает синее и расслабленное, такова же у сребролюбца душа, а лучше сказать, и самое тело у него не свободно от этой болезни, но подвержено ей в большей степени, потому что хуже вина изъедают и постепенно истощают его заботы, гнев, бессонница. Одержимый пьянством может хотя ночью протрезвиться, а сребролюбец пьян постоянно, и днем и ночью, и в бодрственном состоянии и во сне, подвергаясь наказанию больше всякого узника и работающих в рудниках или даже другому более тяжелому мучению.

[71] Скажи же теперь – жизнь ли это, а не смерть ли, или – не хуже ли и всякой смерти? Смерть доставляет покой телу, избавляет от насмешек, стыда и грехов, а эти два рода пьянства ввергают во все это, заграждают слух, ослепляют глаза и держат рассудок в большом мраке. Сребролюбец ни о чем не хочет ни слышать, ни говорить, как только о прибыли и росте на прибыль, о бесстыдных барышах, о ненавистных торговых заведениях, о делах приличных рабам, а не свободному человеку; как собака, он на всех лает, всех ненавидит, от всех отвращается, против всех враждует без всякой к тому причины, восстает на бедных, завидует богатым, ни с кем не водит дружбы. Если он имеет жену, детей и друзей и если из всего этого нельзя извлечь ему для себя выгоды, то они

являются ему врагами более злыми, чем враги действительные. Что может быть хуже такого безумия? Что несчастнее того, когда человек сам себе всюду устраивает утесы, подводные камни, стремнины, пучины и бесчисленные бездны, когда он имеет одно только тело и служит одному чреву? Если тебя привлекают к общественным делам, ты избегаешь этого, опасаясь больших издержек, а сам на себя налагаешь тысячи дел, которые гораздо труднее общественных, совершаешь маммоне служения, которые не только более убыточны, но и более опасны, и приносишь этому злому мучителю не только деньги, телесный труд, душевные мучения и скорби, но и самое тело свое, чтобы у тебя, жалкий и бедный человек, от этого варварского рабства что-нибудь прибавилось. А разве ты не видишь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идут в могилу нагими и лишенными всего и не только не имеют возможности взять ничего из своей собственности, но и то, чем прикрыты, должны уступить червям? Смотри же на них ежедневно и, может быть, это укротит твою страсть, если только, вследствие издержек на погребение, не будешь безумствовать еще больше: ведь страсть жестока, болезнь ужасна. Потому-то и мы в каждое ваше собрание беседуем об этом и постоянно оглашаем ваш слух, чтобы хотя вследствие повторения мог получиться какой-нибудь успех. Но не возражайте: эта разновидная страсть готовит вам многие мучения не только в будущий день, но и прежде его. Стану ли говорить о тех, кто постоянно находится в узах, или кто одержим долговременною болезнью, или борется с голодом, или о ком-либо другом, – ни о ком не смогу сказать, что он терпит столько же, сколько сребролюбцы. Что может быть ужаснее – для всех представляться ненавистным и всех

ненавидеть, ни к кому не относиться хорошо, никогда не быть сытым, всегда терпеть жажду, непрестанно бороться с голодом, который гораздо тяжелее обыкновенного, иметь ежедневные скорби, никогда не быть в здоровом уме, постоянно находиться в волнении и тревогах? Все это и еще больше этого переносят сребролюбцы: в случае прибыли, хотя бы получили и владеют всем, они не чувствуют никакого удовольствия, потому что желают большего, а в случае ущерба, хотя бы потеряли один оболь, они представляют себе, что ни с кем не случалось большего несчастья, как будто они потеряли и самую жизнь. Какое слово может изобразить это зло? А если такова здешняя участь сребролюбца, то помысли, что ожидает его по смерти: лишение Царства, геенские муки, вечные узы, внешний мрак, ядовитый червь, скрежет зубов, скорбь, теснота, огненные реки, никогда неугасающая пещь. Собразив все это и сравнив с удовольствием от денег, исторгни с корнем эту болезнь, чтобы, получивши истинное богатство и освободившись от ужасной этой нищеты, достигнуть тебе и настоящих и будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 14

[1] Рим 8.12–13. Темже убо, братие, должни есмы не плоти, еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате у́мрети, аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете.

[2] Показав, какова награда духовной жизни, которая вселяет в нас Христа, оживотворяет мертвенные тела, окрыляет к небу, делает стезю добродетели более удобной, (апостол) необходимо потом представляет увещание, говоря: итак, мы не должны жить по плоти. Впрочем, он не так сказал, а гораздо выразительнее и сильнее, говоря, что мы должники Духу, – словами: «должни есмы не плоти» он именно на это указал. И всюду он это раскрывает, доказывая, что все, совершенное для нас Богом, было не по долгу, а по одной только благодати, все же, происходящее после этого от нас, есть не дар, а долг. На это он намекает, когда говорит: «ценою куплени есте: не будите раби человеком» (1Кор 7.23), и то же самое показывает, когда пишет: «несте свои» (1Кор 6.19). И о том же самом упоминает еще в другом месте, говоря: «яко, аще един за всех у́мре, то убо вси умроша», и: «за всех у́мре, да живущии не ктому себе живут» (2Кор 5.14–15). То же подтверждает и здесь словами: «должни есмы». Потом, так как сказал, «должни есмы не плоти», то, чтобы ты опять не отнес этого к существу плоти, он не остановился на этом, но присовокупил: «еже по плоти жити». Многое обязаны мы делать и для плоти: питать ее, греть, покоить, лечить в болезни, одевать и оказывать ей множество других услуг. Итак, чтобы ты не подумал, что (апостол) запрещает такое служение плоти, он, сказав «должни есмы не

плоти», поясняет это, говоря: «еже по плоти жити». Запрещаю, говорит он, иметь такое попечение о плоти, которое доводит до греха, а с другой стороны, желаю, чтобы были заботы и о ней, что он и разъяснил впоследствии. А именно, сказав: «плоти угодия не творите» (Рим.13:14), не остановился на этом, но присовокупил: «в похоти». Тому же и здесь учит, говоря: пусть и плоть будет предметом попечения, потому что мы должники ее в этом, но, конечно, не станем жить по плоти, то есть не станем делать ее госпожою нашей жизни. Необходимо, чтобы она шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашей жизнью, а принимала законы Духа. Итак, определив это и подтвердив, что мы должники Духа, потом показывая, должниками каких благодеяний мы состоим, (апостол) говорит не о прошедшем, но о будущем, в чем и должно особенно дивиться его благоразумию. Хотя и прежних благодеяний было достаточно, но однако же он не представляет их теперь и не говорит о неизреченных тех милостях, а указывает на будущие. Многих обыкновенно трогает не столько оказанное уже прежде благодеяние, сколько ожидаемое и будущее. Намереваясь же (говорить о будущих благодеяниях, апостол) сперва устрашает скорбными и худыми последствиями плотской жизни и говорит так: «аще бо по плоти живете, имате у́мрети», разумея здесь смерть бессмертную, то есть наказание и мучение в геенне. Лучше же сказать, – если тщательно рассмотреть это, – живущий по плоти мертв даже и в здешней жизни, как было уже вам объяснено нами в предыдущей беседе. «Аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете». Замечаешь ли ты, что он говорит не о природе тела, но о плотских делах? Он не сказал: «если Духом умерщвляете телесное естество,

будете живы», но – «деяния» и притом не все, а порочные, это ясно и из последующего, где он говорит: если сделаете это, будете живы. Да и как это было бы возможно, если бы он говорил о всех делах вообще? Ведь и видеть, и слышать, и говорить, и ходить есть плотское дело и если станем умерщвлять такие дела, то настолько отрешимся от жизни, что подвергнемся обвинению и в самоубийстве.

3 Итак, какие же дела (апостол) повелевает умерщвлять? Те, которые приводят к пороку, клонятся ко злу, которых невозможно умертвить иначе, как Духом. Убивши же другие дела, можно убить и себя самого, что не позволительно, а эти дела умерщвляются только Духом. Если Дух является, все волнения утихают, все страсти усмиряются и ничто не восстает против нас. Заметил ли ты, как (апостол) увещевает нас будущими благами (о чем я сказал выше) и доказывает, что мы должники не в силу только сделанного уже для нас? Благодеяние Духа, говорит он, состоит не только в том, что Он отпустил нам прежние грехи, но и в том, что соделывает нас и в будущем непобедимыми для греха и удостаивает бессмертной жизни. После того, указывая на новую награду, присовокупил:

4 Рим.8:14. елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии.

5 Этот венец гораздо важнее прежнего. Потому не просто сказал: все живущие Духом Божиим, но – «елицы… Духом Божиим водятся», чем выражает свое желание, чтобы Дух Божий был господином нашей жизни, как кормчий управляет кораблем, или возница парой коней. Не на одно тело, но и на душу (апостол) налагает такую узду. Он не желает, чтобы душа господствовала, но власть ее

подчинил силе Духа. Чтобы (римляне), уповая на дар крещения, не пренебрегли последующей своей жизнью, (апостол) говорит, что, хотя ты и принял крещение, однако, если после этого не будешь водиться Духом, то утратишь дарованное тебе достоинство и право усыновления. Потому не сказал – те, которые приняли Духа, но – «елицы… Духом Божиим водятся», т.е. те, которые так живут в продолжение целой жизни, «сии суть сынове Божии». А как это достоинство дано было и иудеям, потому что сказано: «Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго вси» (Пс 81.6), и еще: «сыны родих и возвысих» (Ис 1.2), и опять: «сын мой первенец Израиль» (Исх 4.22), а также сам Павел говорит: «ихже всыновление» (Рим 9.4), то он и раскрывает, какое существует различие между той и другой честью. Хотя названия одни и те же, говорит он, но дела не одни и те же. И ясное доказательство этого представляет в сравнении и благоуспевших, и сообщенных даров, и будущих наград. И, во-первых, показывает, какие дары сообщены были иудеям. Какие же именно? Дух рабства. Потому присовокупил:

6 Рим.8:15. не приясте бо духа работы паки в боязнь.

7 Потом, не сказавши о противоположном рабству, то есть, духе свободы, указал на то, что гораздо важнее, – именно на дух усыновления, чрез который сообщается и дух свободы, говоря:

8 но приясте духа сыноположения.

9 Понятно, что значит дух усыновления, но что такое дух рабства, это не понятно, а потому необходимо это объяснить, тем более, что сказанное (апостолом) не только не ясно, но даже совершенно невразумительно.

Ведь народ иудейский не получил Духа, – о чем же говорит здесь (Павел)? Так он назвал письмена, потому что они были духовны, а равно и закон духовен, и вода из камня, и манна: «вси бо, – говорит, – тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пи́ша». И камень называет также духовным, говоря: «пияху же от духовнаго последующаго камене» (1Кор 10.3–4).

[10] Так как все эти действия были сверхъестественны, то (апостол) назвал их духовными, хотя участвовавшие тогда в них и не приняли Духа. Почему же ветхозаветные письмена были письменами рабства? Рассмотри всю жизнь иудеев и тогда ясно узнаешь это. У них и наказания воздавались вскоре, и награда следовала тотчас, будучи соразмерной и подобной какому-то ежедневному содержанию, выдаваемому слугам; повсюду пред взором их предносился сильный страх, строго соблюдались телесные омовения, до воздержания в поступках включительно. У нас же не так, но очищается помысел и совесть. (Христос) не говорит только – не убивай, но и – не гневайся, или не только – не прелюбодействуй, но и – не смотри нечистым оком, чтобы мы не из страха настоящего наказания, а из любви к Нему приобретали навык в добродетели и успевали во всем прочем. (Бог) не обещает земли, текущей медом и молоком, но делает нас сонаследниками Единородного, всеми мерами отклоняя нас от настоящих благ и обещая преимущественно даровать такие, какие свойственно получить сделавшимся сынами Божиими; у нас ничего нет чувственного, ничего телесного, но все духовно, иудеи, хотя и назывались сынами, но как рабы, а мы, как сделавшиеся свободными, получили усыновление и ожидаем себе неба; с иудеями (Бог) беседовал чрез других, а с нами Сам лично. Иудеи все делали, побуждаемые страхом наказания, а духовные

все делают по желанию и любви и доказывают это тем, что преуспевают сверх предписанного в заповедях. Иудеи, как наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христиане угождают Отцу; те, будучи облагодетельствованы, богохульствовали, а мы и в опасностях благодарим. Хотя грешникам и теперь должно подвергнутся наказанию, но и в этом большое различие, иудеев священники побивали камнями, сжигали и подвергали отсечению членов тела; равно и мы подлежим взысканию, но для нас достаточно отлучения от Отчей трапезы и удаления от созерцания ее на определенное число дней. Для иудеев усыновление было только честью наименования, а у нас за этим следует и дело – очищение посредством крещения, дарование Духа и ниспослание прочих благ. К этому можно прибавить много и других доказательств нашего благородства и их незначительности. Апостол, все это обозначив словами – Дух, страх и усыновление, представляет и другое доказательство того, что мы имеем духа усыновления. Какое же именно?

[11] О Немже вопием: Авва Отче.

[12] Насколько это важно – о том хорошо знают просвещенные, так как им в таинственной молитве повелевается прежде всего произносить это изречение. Итак, что же? Разве иудеи не называли Бога Отцом? Не слышишь ли, что говорит Моисей: «Бога рождшаго тя оставил еси» (Втор 32.18)? Не слышишь ли, как Малахия укоряет и говорит: «не Бог ли един созда нас,.. не Отец ли един всем вам» (Мал 2.10)? Но хотя бы были приведены и другие многие изречения (Писания), однако мы нигде не найдем того, чтобы иудеи называли Бога именем Отца и молились Ему. У нас же и священникам, и мирянам, и

начальникам, и подчиненным – всем повелено так молиться. И это есть первое слово, которое мы произносим после чудесного того рождения и после нового и необычайного порядка вскормления. Притом, если иудеи когда-нибудь называли Бога Отцом, то по собственному разумению, а живущие по благодати называют так, побуждаемые силою Духа. Как есть дух мудрости, посредством которого немудрые сделались мудрыми, что и обнаружилось в учении, как есть дух силы, посредством которого немощные воскрешали мертвых и изгоняли бесов, есть также дух дара исцелений, дух пророчества и дух языков, так есть и дух усыновления. И как о духе пророчества мы знаем, что имеющий его предсказывает будущее, изрекая не от своего ума, но движимый благодатью, так должно сказать и о духе усыновления, что принявши его именует Бога Отцом, побуждаемый Духом. Апостол, желая показать истинное наше происхождение, употребил и еврейское выражение, он не сказал только – Отче, но – «Авва Отче», как преимущественно законные дети называют отца. Итак, сказавши о различии в жизни, в дарованной благодати и свободе, (апостол) представляет и новое доказательство превосходства, получаемого от этого усыновления. Какое же именно?

[13] Рим.8:16. Самый Дух , – говорит он, – спослушествует духови нашему, яко есмы чада Божия.

[14] Я утверждаю это, говорит он, не только на основании слова, но и на основании причины, порождающей слово, так как произношу это по внушению Духа. Это (апостол) еще яснее выразил в другом месте, сказавши: «посла Бог Духа Сына своего в сердца наша, вопиюща: Авва Отче» (Гал 4.6). Что же значит – «Дух спослушествует духови?»

Утешитель, говорит (апостол), свидетельствует о сообщенном нам даровании. Это – не только голос дарования, но и голос Утешителя, подавшего дар; Он Сам посредством дарования научил нас произносить это слово. А когда свидетельствует Дух, какое может быть недоумение? Если бы это обещал человек, или ангел, или архангел, или другая какая-нибудь подобная сила, то для некоторых сомнение, пожалуй, было бы возможно, но когда высочайшее Существо и даровало это, и свидетельствует нам об этом тем словом, которое повелено произносить в молитве, тогда кто может сомневаться в достоинстве? Когда царь кого-нибудь жалует и пред всеми объявляет о его чести, то осмелится ли кто-нибудь из подданных ему противоречить?

[15] Рим.8:17. Аще же чада, и наследницы,

[16] – продолжает (апостол). Замечаешь ли, как он постепенно увеличивает дар? Так как можно быть детьми и не сделаться наследниками (ведь не все дети бывают наследниками), то (апостол) присовокупляет еще: «и наследницы». Иудеи, помимо того, что не были усыновлены, как мы, еще лишены были и наследства: «злых бо зле, погуби́т,.. и виноград предаст и́ным делателем» (Мф 21.41). А прежде того (Христос) сказал: «яко мнози от восток и запад приидут, и возлягут со Авраамом,.. сынове же Царствия изгна́ни будут вон» (Мф 8.11–12). Но (апостол) и на этом не останавливается, а прибавляет нечто большее. Что же именно? То, что мы наследники Божии, почему и присовокупил:

[17] и наследницы убо Богу.

[18] И что еще важнее, не просто наследники, но и

[19] снаследницы Христу.

[20] Видишь ли, как (апостол) старается приблизить нас ко Владыке? Так как не все дети бывают наследниками, то он показывает, что мы и дети, и наследники. Далее, так как не все наследники бывают наследниками великих деяний, то он показывает, что мы и это имеем, будучи наследниками Бога. И опять, так как можно быть наследником Бога, но не сонаследником Единородного, то показывает, что мы и это имеем. И заметь мудрость (апостола): когда он говорил о том, что потерпят живущие по плоти, он не распространился в описании скорбей, а сказал только, что они умрут, а, коснувшись обетований, говорит гораздо обширнее, упоминает о воздаянии наград и перечисляет различные и великие дары. Если и быть сыном – неизреченная благодать, то представь, насколько важно быть притом и наследником. А если это важно, то гораздо выше быть сонаследником. Потом, желая показать, что все это не есть дар одной благодати, и вместе придать более достоверности словам своим, (апостол) присовокупил:

[21] понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся.

[22] Если мы, говорит (Павел), участвовали (со Христом) в скорбях, тем более будем участвовать в радостях. Тот, Кто одарил такими великими благами еще не оказавших никаких заслуг, не тем ли более вознаградит их, когда увидит, что они и потрудились, и столько страдали?

[23] Итак, доказав, что воздаяние действительно существует, апостол, чтобы речь его получила достоверность и чтобы никто не сомневался, снова доказывает, что оно имеет также силу благодати, – отчасти для того, чтобы и сомневающиеся поверили сказанному, и поверившие не стыдились, будто бы они всегда спасаются по милости, отчасти для того, чтобы ты

знал, сколько воздания Божии превосходят труды твои. Первое он выразил, сказав: «понеже с Ним страждем, да и с Ним прославимся», а относительно второго прибавил, говоря:

[24] Рим.8:18. яко недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас.

[25] В предыдущих словах (апостол) требует духовного исправления нравов, когда говорит: вы не должны жить по плоти, то есть должны удаляться похоти, гнева, сребролюбия, тщеславия, зависти; а теперь, после того как напомнил верующему о всем данном ему даре, имеющем значение и для будущего, после того как укрепил и возвысил его упованиями, поставил близ Христа и объявил сонаследником Единородного, теперь смело выводит его на бедствия. Не одно ведь и то же побеждать страсти, в нас возникающие, и переносить внешние искушения – побои, голод, лишение имущества, заточения, оковы, ведение на казнь. Для последнего много нужно благородства души и бодрости. И заметь, как (апостол) вместе принижает и возвышает мудрование подвизающихся. Всякий раз, как он указывает на то, что награды выше трудов, он побуждает к большим трудам и не допускает высоко о себе думать, как побеждаемых воздаянием венцов. И в другом месте он говорит: «еже бо ныне легкое печали нашея, по преумножению в преспеяние тяготу́ вечныя славы соделовает нам» (2Кор 4.17). Эта речь у него была к более любомудрым; здесь же он не признает страданий легкими, а утешает в них воздаянием будущих благ, говоря: «непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времени». И не сказал: ничего не стоят в сравнении с будущей радостью, но – что гораздо сильнее – в сравнении с будущею славою. Где

радость, там не всегда бывает и слава, а где слава, там, конечно, и радость. Потом, сказав, что слава есть будущая, доказывает, что она уже и существует. Не сказал: в сравнении с тою, которая будет, но: «хотящей… явитися», т.е. она и теперь есть, но скрыта, что яснее он выразил в другом месте, сказав: «живот наш сокровенен есть со Христом в Бозе» (Кол 3.3). Итак, уповай на эту славу: она уже готова и ожидает твоих трудов. Тебя печалит то, что она еще впереди, но это самое и должно радовать тебя, так как там уготована слава великая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояние. (Апостол) не без цели сказал: «страсти нынешняго времени», но с намерением показать, что будущая слава превосходит настоящую, не только качеством, но и количеством. Нынешние страдания, каковы бы они ни были, прекращаются с настоящею жизнью, а будущие блага простираются на бесконечные века. И так как (апостол) не мог подробно исчислить и изобразить их словом, то наименовал их славою, которая в особенности представляется для нас приятною, потому что почитается вершиною и главою всех благ. (Апостол) и другим способом ободряет слушателя и усиливает речь указанием на творение, имея в виду в следующих словах две цели: внушить презрение к настоящему и – желание будущего; вместе с этим он имеет и третью цель, которую правильнее назвать первою, именно показать, насколько любезным является Богу человеческий род и в какой чести у Него естество наше. Кроме того, одним этим учением (апостол), как паутину и детские игрушки, ниспровергает все толки философов, составленные ими об этом мире. Но, чтобы это было более ясно, выслушаем собственные апостольские слова.

[26] Рим.8:19–20. Чаяние бо твари , – говорит, – откровения сынов Божиих чает. Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю, на уповании.

[27] (Апостол) говорит здесь о следующем: тварь эта сильно мучится, чая и ожидая тех благ, о которых мы теперь сказали – чаяние и есть сильное ожидание. А чтобы речь была выразительнее, (апостол) олицетворяет весь этот мир, как делают и пророки, говоря, что реки рукоплещут, холмы скачут, горы прыгают, – но не затем, чтобы мы считали их одушевленными и приписывали им какой-нибудь помысел, но для того, чтобы мы заключали о преизбытке благ, простирающихся и на самые бесчувственные твари.

[28] То же самое (пророки) нередко делают и при изображении чего-нибудь печального, говоря, что виноградник плачет, вино, горы и своды в храмах громко шумят, – чтобы мы опять поняли чрезмерность зол. И апостол, подражая (пророкам), олицетворяет здесь творение и говорит, что оно стенает и мучится не потому, чтобы действительно он услышал стенание земли и неба, но с целью выразить изобилие будущих благ и желание освобождения от настоящих зол. «Суете бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго». Что значит – «суете тварь повинуся?» Сделалась тленною. Для чего же и по какой причине? По твоей вине, человек. Так как ты получил смертное и подверженное страданиям тело, то и земля подверглась проклятию, произрастила терния и волчцы. А что и небо, обветшавшее вместе с землею, впоследствии будет иметь лучший жребий, послушай, как говорит об этом пророк: «в началех Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку́ Твоею суть небеса. Та погибнут. Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшают, и яко

одежду свиеши я, и изменятся» (Пс 101.26–27). И Исаия восклицает: «воздвигните на небо очи ваша и воззрите на землю долу, понеже небо яко дым утвердися, и земля яко риза обетшает, живущии же на земли яко… сия изóмрут» (Ис 51.6). Понял ли ты, как тварь послужила суете и как она освобождается от тления? Один говорит: «яко одежду свиеши я, и изменятся», а Исаия говорит: «живущии же на земли, яко… сия изóмрут», указывая не на совершенную гибель, так как живущие на земле, то есть люди, подвергнутся не конечной, а временной гибели, от которой перейдут в бессмертие; также и тварь. Все это (пророк) и выразил словами: «яко… сия изóмрут». То же самое говорит и Павел впоследствии, а пока он рассуждает о рабстве и показывает, отчего оно произошло, и причиною считает нас самих.

[29] Итак, что же? Неужели тварь, подвергаясь этому из-за другого, оскорблена? Нисколько, потому что она для меня и существует. А если она существует для меня, то каким образом она может подвергаться обиде, как скоро переносит это для моего исправления? Да и вообще, к неодушевленному и бесчувственному не следует и прилагать понятия о справедливом и несправедливом. Но Павел, после того как олицетворил тварь, и не входит в дальнейшие рассуждения по поводу сказанного, а спешит как можно более утешить слушателя другою мыслью. Какою же именно? Что ты говоришь? рассуждает он: неужели тварь чрез тебя потерпела зло и стала тленною? Но ей не причинено этим никакой обиды, потому что чрез тебя же она опять будет нетленною, как это и указано словом – «на уповании». Когда же говорит – «повинуся не волею», то этими словами он вовсе не показывает, что тварь владеет разумом, но вразумляет тебя, что все было делом попечения Христова, а не ее заслуги. Дальше

(апостол) говорит, в какой надежде (тварь покорилась суете).

30 Рим.8:21. Яко и сама тварь свободится.

31 Что значит: «сама?» Не ты один, но то, что ниже тебя, что не имеет ни разума, ни чувства, – и то будет с тобою участвовать в благах.

32 Свободится , – говорит (апостол), – от работы истления,

33 то есть не будет уже тленной, но сделается соответственной благообразию твоего тела. Как тварь сделалась тленною, когда тело твое стало тленным, так и тогда, когда тело твое будет нетленным, и тварь последует за ним и сделается соответственною ему. Выражая это, (апостол) прибавил:

34 в свободу славы чад Божиих,

35 то есть посредством свободы. Как кормилица, воспитавшая царского сына, когда он получит отеческую власть, наслаждается вместе с ним благами, так и тварь, по словам апостола. Видишь ли ты, что человек всюду бывает впереди и что все для него делается? Замечаешь ли, как (апостол) утешает подвизающегося и доказывает неизреченное Божие человеколюбие? Зачем скорбишь по поводу искушений? говорит он. Ты терпишь сам за себя, а тварь за тебя терпит. И не только утешает, но и доказывает достоверность сказанного им. Если надеется тварь, которая из-за тебя стала тем, что она теперь, тем более надейся ты, чрез которого тварь будет наслаждаться всеми теми благами. И люди обыкновенно одевают слуг в лучшее платье ради чести сына, когда ему нужно показаться во всем своем достоинстве. Так и Бог облекает тварь нетлением в свободу славы чад.

[36] Рим.8:22. Вемы бо, яко вся тварь… совоздыхает и сболезнует даже доныне.

[37] Замечаешь ли, как (апостол) стыдит слушателя, говоря как бы так: не будь хуже твари и не прилепляйся к настоящему. Тебе не только не должно прилепляться, но и нужно воздыхать по поводу замедления в твоем преселении отсюда. Если и тварь так делает, тем более прилично это тебе, одаренному разумом. Но этого еще мало, чтобы пристыдить тебя, потому (апостол) присовокупил:

[38] Рим.8:23. не точию же, но и сами начаток духа имуще, и мы сами в себе воздыхаем,

[39] то есть как предвкусившие уже будущих благ. Хотя бы кто был и каменным человеком, все же дарованного нам уже достаточно, чтобы возбудить, отвлечь от настоящего и сугубо окрылить к будущему, – как тем, что дарованное велико, так и тем, что эти столь великие и многие дары только начаток. Если же начаток таков, что чрез него можно освободиться от грехов и достигнуть праведности и освящения, а (апостолы) изгоняли бесов и своею тенью, и одеждами воскрешали мертвых, то представь, каковы все будущие блага. И если воздыхает тварь, которая лишена разума и дара слова и которая о всем этом не имеет никакого познания, то тем более должны воздыхать мы. Но, чтобы еретики не имели повода думать, что (апостол) осуждает все настоящее, он говорит далее: мы воздыхаем не потому, что осуждаем настоящее, но потому, что желаем большего. Это самое выразил он словами:

[40] всыновления чающе.

[41] Что ты говоришь, Павел? Почему ты постоянно обращаешься взад и вперед, то восклицаешь, что мы

стали уже сынами, то опять причисляешь это благо к предметам надежды и пишешь, что нам еще должно получить его? Итак, исправляя это последующим, (апостол) прибавляет:

42 избавления телу нашему,

43 то есть совершенной славы. Теперь участь наша, до последнего нашего издыхания, находится в тайне, потому что многие из сынов делались потом псами и пленниками. А когда мы переселимся отсюда с доброю надеждою, тогда дар сделается неотъемлемым, более явным и великим, тогда не будет и страха, что грех и смерть могут изменить его. Тогда только благодать сделается безопасною, когда и тело наше освободится от смерти и бесчисленных страданий. Слово – «избавление» значит не простой выкуп, но такой, после которого уже нельзя возвратиться в прежний плен. А чтобы ты не впадал в недоумение, непрестанно слыша о славе и не имея о ней ясного понятия, (апостол) в подробности раскрывает будущие блага, указывая на изменение твоего тела и соответственно с тем и всей твари. Это он яснее выразил в другом месте, сказав: «иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы» (Флп 3.21). И в другом послании он пишет: «егда же… смертное сие облечется в безсмертие, тогда будет слово написанное: пожерта бысть смерть победою» (1Кор 15.54). А в доказательство того, что вместе с разрушением тела последует изменение в состоянии и всех предметов, участвующих в жизни, (апостол) написал в другом месте: «преходит бо образ мира сего» (1Кор 7.31).

44 Рим.8:24. Упованием бо спасохомся,

45 – продолжает он. Так как (апостол) доселе вел речь об обетовании будущих благ, а для более немощного слушателя казалось прискорбным иметь лишь надежду на благо, то он сперва раскрыл, что будущие блага гораздо достовернее настоящих и видимых, много беседовал и о дарах уже сообщенных и доказал, что мы получили начаток будущих благ, а затем, чтобы мы не искали всего здесь и не погубили своего благородства, приобретенного чрез веру, говорит: «упованием бо спасохомся». Смысл этих слов следующий. Не нужно здесь всего искать, но нужно и надеяться. Ведь мы и принесли Богу только один тот дар, что поверили Ему в обетование будущих благ, и только одним этим путем мы спаслись. Если мы потеряем этот путь, то погубим свое приношение. Спрашиваю тебя, говорит: не был ли ты виновен в бесчисленных худых делах? Не погибший ли ты человек? Не подлежишь ли ты приговору? Не все ли оказались бессильными спасти тебя?

46 Итак, что спасло тебя? Одна только надежда на Бога, одна вера в то, что Он обещал и даровал: ты ничего большего не мог и принести в дар Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Как скоро она доставила тебе столько благ, то очевидно, что не обманет тебя и относительно будущего. Если она, нашедши тебя мертвым, погибшим, пленником и врагом, сделала другом, сыном, свободным, праведным и сонаследником и доставила тебе столько благ, сколько никто никогда не ожидал, то, после столь великой щедрости и благосклонности, неужели она оставит тебя в последующих обстоятельствах? Итак, не говори мне: опять надежды, опять ожидания, опять вера. Таким образом ты спасся в начале и этот единственный дар ты принес жениху. Потому соблюдай его и храни. Если ты

будешь требовать здесь всего, то погубишь свою заслугу, при посредстве которой ты прославился. Вот почему (апостол) и присовокупляет:

[47] упование же видимое несть упование: еже бо видит кто, что и уповает?

[48] Рим.8:25. Аще ли, егоже не видим, надеемся, терпением ждем,

[49] то есть если всего будешь искать здесь, к чему тогда и надежда? Что же такое надежда? Твердая уверенность в будущем. Большего ли требует от тебя Бог, после того как Сам Он даровал тебе все Свои блага? Он требует от тебя одного только – надежды, чтобы и ты сам мог сколько-нибудь содействовать своему спасению. На это именно и намекает (апостол), говоря: «аще ли, егоже не видим, надеемся, терпением ждем». Бог венчает надеющегося так же, как и того, кто трудится, бедствует и переносит бесчисленные напасти. Слово – «терпение» указывает на усилие в трудах и большое постоянство. Но однако Бог и это даровал надеющемуся, чтобы утешить утружденную душу.

[50] Потом, доказывая, что и для этого легкого труда мы пользуемся сильной помощью, (апостол) присовокупляет:

[51] Рим.8:26. сице же и Дух способствует нам в немощех наших.

[52] Одно принадлежит тебе – именно терпение, а другое есть дарование Духа, поощряющего тебя к надежде и посредством ее облегчающего и труды твои. Потом, чтобы ты знал, что благодать не только сопутствует тебе в трудах и опасностях, но и содействует в самых легких, по-видимому, делах и во всем оказывает свою помощь, (апостол) присовокупил, говоря:

53 о чéсом бо помолимся, якоже подобает, не вемы.

54 Этими словами (апостол) указывает на великое о нас промышление Духа и научает римлян не считать полезным все то, что таковым представляется по человеческому суждению. Так как христианам того времени, которых били и изгоняли и которые терпели бесчисленные бедствия, естественно было искать покоя, считать его полезным для себя и испрашивать у Бога такой благодати, то (апостол) говорит: не считайте для себя действительно полезным того, что вам таковым представляется. Ведь и в том, чтобы знать полезное для себя, мы имеем нужду в Божией помощи: настолько человек слаб и ничтожен сам по себе. Потому (апостол) и сказал: «о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы». А чтобы ученик не стыдился неведения, (апостол) открыл, что и сами учители находятся в неведении. Он не сказал: вы не знаете, но: «не вемы». И что он сказал это не из скромности, обнаружил в других обстоятельствах. Он непрестанно просил Бога в молитвах своих о том, чтобы увидеть Рим, однако это исполнилось не вдруг после его молитвы; также и о жале, данном ему во плоти, то есть о бедствиях, он часто молился и вовсе не получил просимого. Так и в Ветхом Завете не получили желаемого Моисей, просивший увидеть Палестину, Иеремия, молившийся за иудеев, Авраам, ходатайствовавший за содомлян.

55 Но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными.

56 Сказанное неясно, вследствие того, что чудеса, которые были тогда многочисленны, теперь прекратились. Потому необходимо сказать вам о тогдашнем состоянии, и таким образом речь будет более

ясной. Каково же было тогдашнее состояние? Всем тем, кто тогда принимал крещение, Бог сообщал различные дарования, которые вообще назывались духом. «Дуси пророчестии пророком повинуются» (1Кор 14.32). Один имел дар пророчества и предсказывал будущее; другой – дар мудрости и учил народ; иной – дар врачевания и исцелял больных; иной – дар силы и воскрешал мертвых; иной – дар языков и говорил на разных наречиях. Кроме всех этих даров, был и дар молитвы, который также назывался духом; кто имел этот дар, тот молился за весь народ. Так как мы, не зная многого полезного для нас, просим бесполезного, то дар молитвы нисходил на кого-нибудь одного из тогдашних христиан, который один за всех просил общеполезного для всей Церкви и учил других молиться.

[57] Итак, (апостол) называет здесь духом как самый дар, так и душу, которая получает его, ходатайствует пред Богом и воздыхает. Удостоенный такой благодати, встав с великим сокрушением, с сильными внутренними воздыханиями припадая к Богу, просил о том, что полезно для всех. Теперь знамением этого служит диакон, который приносит молитвы за народ. Указывая на это, Павел и говорил: «Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными».

[58] Рим.8:27. Испытаяй же сердца.

[59] Видишь ли, что идет речь не об Утешителе, а о духовном сердце? В противном же случае надлежало бы сказать: испытующий же Духа. Но чтобы ты понял, что говорится о духовном человеке, имеющем дар молитвы, апостол и присовокупил:

[60] испытаяй же сердца весть, что есть мудрование духа,

[61] то есть духовного человека.

[62] Яко по Богу проповедует о святых.

[63] Ходатайствует не для того, рассуждает (апостол), что Богу неизвестны наши нужды, но чтобы мы научились молиться о том, о чем нужно, и просить у Бога угодного Ему: это и значит – «по Богу». Таким образом, это делалось и для утешения присутствующих, и для наилучшего наставления, так как Тот, Кто сообщает дары и подает бесчисленные блага, был Утешитель. «Вся же сия, – говорит (апостол), – действует един и тойжде Дух» (1Кор 12.11). И это бывает для нашего научения и для того, чтобы явить любовь Духа, Который нисходит к нам до такой степени. Потому молящегося слушали все, так как молитва совершалась по воле Божией. Видишь ли, сколько уроков преподает им (апостол) о любви Бога к ним и о чести, им оказываемой.

[64] В самом деле, чего не сделал для нас Бог? Для нас Он создал мир тленный, для нас и нетленный; для нас соизволил, чтобы пророки терпели напасти, для нас послал в пленение, для нас попустил впасть в пещь и претерпеть бесчисленные страдания. Для нас самих создал пророков, для нас – и апостолов; для нас предал Единородного, для нас наказывает диавола, нас посадил одесную, за нас терпел поругания, потому что говорит: «поношения поносящих ти нападоша на Мя» (Пс 68.10). Но, однако, если мы и после этого отступаем от Него, Он не оставляет нас, но опять призывает и располагает других просить за нас, чтобы даровать нам благодать Свою, как и было при Моисее, которому Бог сказал: «остави Мя,.. и потреблю их» (Исх 32.10), чтобы тем побудить его ходатайствовать за иудеев; и теперь Он делает то же самое, почему и сообщает дар молитвы.

(Бог) делал это не потому, что Сам нуждается в нашей молитве, но для того, чтобы мы, спасаясь без молитв, не сделались худшими. По этой, конечно, причине Он неоднократно говорит, что примиряется с иудеями для Давида, для того или другого, делая опять и это с той целью, чтобы примирению дать вид законности, хотя Он более показывал бы Себя человеколюбивым, если бы говорил, что прекращает гнев Свой на иудеев Сам по Себе, а не для того или другого. Но (Бог) не столько об этом заботился, сколько о том, чтобы самая причина примирения не послужила для спасаемых поводом к беспечности. Так, сказав Иеремии: «не молися о людех сих… не услышу бо тебя» (Иер 11.14), Он желал не того, чтобы (пророк) перестал молиться (ведь Бог весьма желает нашего спасения), но чтобы устрашить иудеев; потому пророк, узнавши это, не перестал молиться. А чтобы тебе убедиться, что это сказано с намерением пристыдить (иудеев), а не (пророка) отклонить от молитвы, послушай, что говорит (Бог): разве не видишь, что делают они? И когда говорит городу (Иерусалиму): «аще умыешися нитром и умножиши себе травы борифовы, порочен еси… предо Мною» (Иер 2.22), то не в отчаяние хочет ввергнуть, но побудить к покаянию. Как ниневитян Он устрашил и расположил к покаянию больше всего тем, что изрек о них неопределенный приговор и не подал им доброй надежды, так поступает и здесь, возбуждая (иудеев) и внушая им почтение к пророку, чтобы хотя таким путем послушали его. А так как они пребывали в неисцелимой болезни и нисколько не вразумились тем, что другие были отведены в плен, то (Бог) сперва увещевает их остаться там, а когда они не выдержали этого и стали убегать в Египет, то (Бог) попустил это, но требовал от них, чтобы они не

предавались египетскому нечестию. Когда же они и в этом не послушались, Он посылает к ним пророка, чтобы не развратились совершенно. И так как они не пошли на зов Его, Он Сам идет за ними, исправляет их, удерживает их от большего нечестия и постоянно сопутствует и следует за ними, как нежно любящий отец за сыном, во всем терпящем неудачи. Для этого (Бог) посылал не только Иеремию в Египет, но и Иезекииля в Вавилон. Пророки не противились этому, потому что знали, как много Владыка любит иудеев, даже охотно делали это, подобно благодарному рабу, который исполняется жалости к беспутному сыну (своего господина), когда видит, что отец о нем скорбит и сокрушается. И чего (пророки) не терпели от иудеев? Они были перепиливаемы пилою, гонимы, поносимы, подвергались бесчисленным напастям и после всего этого опять приходили к ним. Самуил не переставал сокрушаться о Сауле, хотя жестоко был оскорблен им и понес нестерпимые обиды; впрочем, он и не помнил ни об одной из них. Иеремия даже написал плач для иудейского народа, а когда персидский военачальник дал ему полную свободу безопасно жить, где хочет, то он предпочел терпеть зло со своим народом и бедствовать на чужой стороне, нежели пребывать в отечестве. Так и Моисей, оставив царский дворец и придворную жизнь, поспешил разделить несчастия израильтян. Даниил в течение двадцати шести дней не вкушал хлеба и томил себя самым строгим постом, чтобы умилостивить Бога к иудеям.

65 Три отрока, находясь в пещи и в сильном огне, возносили усердные молитвы об иудеях, а о себе не сокрушались, потому что были невредимы; и так как надеялись тогда иметь особенное дерзновение, то и молились о них, говоря: «душою сокрушенною и духом

смиренным да прияти будем» (Дан 3.39). Ради них Иисус Навин растерзал ризы свои, ради них Иезекииль проливал слезы и сетовал, видя, что их убивали, а Иеремия говорил: «оставите мене, да горце восплачуся» (Ис 22.4). А прежде того, не осмеливаясь ходатайствовать о совершенном прекращении бедствий, спрашивал, когда они окончатся, говоря: «доколе, Господи»? Так был исполнен любви весь сонм святых мужей. Потому и Павел говорил: «облецытеся убо якоже избра́ннии Божии святи… во утробы щедрот, благость, смиренномудрие» (Кол 3.12).

66 Замечаешь ли всю выразительность слов, а также то, как (апостол) хочет, чтобы мы постоянно были милостивы? Не сказал просто – будьте милосерды, но – «облецытеся», давая тем знать, что милосердие, подобно одежде, всегда должно быть при нас. Не сказал также просто – облекитесь в милосердие, но – «во утробы щедрот», чтобы мы подражали естественному чувству нежной любви. Но мы поступаем напротив. Если кто-нибудь подойдет с просьбой о самой малой монете, то мы укоряем его, поносим, называем обманщиком. И ты не содрогаешься, человек, ты не стыдишься того, что за кусок хлеба называешь обманщиком? Если он и притворяется, то по одному тому заслуживает сожаления, что до такой степени мучится голодом, что вынужден принимать на себя такую личину. И это – доказательство нашей жестокости. Так как мы нелегко подаем добровольно, то бедные поневоле должны выдумывать бесчисленные хитрости, чтобы обмануть наше бесчеловечие и смягчить жестокость. Иное дело, если бы он просил у тебя серебряной или золотой монеты, тогда ты имел бы основание подозревать; если же он подходит к тебе за необходимым пропитанием, то зачем тебе без нужды любомудрствовать и с излишней точностью

исследовать, обвиняя его в бездействии и лености? Если нужно говорить об этом, то не других, а нас самих следует укорять. Потому, когда приходишь к Богу просить помилования во грехах, вспомни об этих словах и ты поймешь, что справедливее тебе самому слышать их от Бога, нежели нищему от тебя. И однако Бог никогда не говорил тебе таких слов, не сказал: иди прочь, ты ведь лицемер, хотя ты постоянно ходишь в церковь и слушаешь Мои законы, но на площади и золото, и свое желание, и дружбу, словом – все предпочитаешь заповедям Моим; теперь представляешься смиренным, а после молитвы бываешь дерзок, жесток и бесчеловечен; итак, уходи отсюда и никогда ко Мне не приходи. Это и даже большее мы достойны бываем слышать, однако же Бог никогда не укорил нас ничем подобным, но и долготерпит, все выполняет с Своей стороны и дает нам больше того, что просим. Размыслив об этом, избавим от нищеты просящих и, хотя бы они притворялись, не станем расследовать этого. Ведь мы и сами имеем нужду в спасении, притом с снисхождением, с человеколюбием и многою милостью. Если по нашему входить в строгое расследование, то невозможно когда-либо и спастись, но все должны подвергнуться наказанию и погибнуть.

67 Итак, не будем строгими судьями других, чтобы и у нас не потребовали строгого отчета: а мы ведь обременены грехами, превышающими всякое помилование. Будем иметь больше сожаления к тем, которые грешат, не заслуживая снисхождения, чтобы и мы сами могли надеяться на такую к себе милость, хотя, сколько бы мы ни старались, никогда не будем в состоянии оказать такое человеколюбие, в каком имеем нужду от человеколюбивого Бога. Отсюда не безрассудно ли, когда мы сами находимся в столь великой нужде, строго

разбирать дела своих собратий и все делать против самих себя? Таким образом не столько ты выставляешь его недостойным твоего благодеяния, сколько самого себя – недостойным Божия человеколюбия. Кто строго взыскивает с своего собрата, с того гораздо строже взыщет Бог. Потому не будем говорить против себя, но, подойдет ли кто-нибудь по беззаботности, или по лености, станем подавать. Ведь и мы сами часто, а вернее сказать, всегда грешим по нерадению, и однако Бог не тотчас требует от нас отчета, но дает нам срок для покаяния, – каждый день питает нас, вразумляет, учит и снабжает всем прочим, чтобы и мы подражали Ему в таком милосердии. Отложим и мы жестокость, свергнем с себя зверство, так как этим мы благодетельствуем больше себе самим, чем другим. Другим даем деньги, хлеб, одежду, а себе самим уготовляем величайшую славу, которую и невозможно изобразить словом, потому что, облекшись в нетленные тела, мы прославимся и воцаримся со Христом. На сколько это велико, узнаем из последующего, а лучше сказать, ныне мы не можем никак получить о том ясного понятия. Но чтобы составить некоторое об этом понятие на основании настоящих наших благ постараюсь, сколько могу, изобразить то, что я сказал. Скажи мне, если бы кто-нибудь тебя, достигшего старости и живущего в бедности, обещался вдруг сделать молодым, привести в цветущий возраст, устроить крепким и красивым больше всех, дать тебе царскую власть над целою землею на тысячу лет и царствование твое оградить совершеннейшим миром, то чего не согласился бы ты сделать и вытерпеть за такое обещание? Но вот Христос обещает не это, но гораздо более важное. Ведь не так велико различие между старостью и молодостью, как между тлением и нетлением, и не так велика разность

между царством и нищетою, как между славою будущею и настоящею, между которыми такое же различие, какое между сновидением и действительностью.

68 Но я и этим еще ничего не объяснил, да и, вообще, нет слов изобразить великость различия между будущим и настоящим, так как, по причине времени, умом совсем невозможно постигнуть всего различия. В самом деле, как сравнить с настоящим жизнь, не имеющую конца? А мир будущей жизни столько же отличен от мира настоящей жизни, сколько мир от войны, нетление столько же превосходнее тления, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи, а лучше – чтобы ни сказал кто-нибудь, нисколько не изобразить вполне этой разности. Если красоту будущих тел я сравню со светом солнечного луча или с самой яркой молнией, то не скажу еще ничего достойного той блистательности. Каких же земных сокровищ, каких тел, или лучше, каких душ не должно презреть ради будущего? Если бы кто-нибудь теперь ввел тебя в царский дворец, доставил тебе возможность говорить с царем в присутствии всех, даже находиться с ним и вкушать с одного стола пищу, то ты, конечно, признал бы себя счастливее всех. А намереваясь взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, соревновать в блистательности с ангелами, наслаждаться тою неизреченной славой, ты еще колеблешься, нужно ли тебе презирать деньги, тогда как, хотя бы предстояло тебе лишиться и самой жизни, тебе следовало бы ликовать, радоваться, окрыляться восторгом. Для получения должности начальника, которая доставляет тебе поводы к воровству (я не могу назвать этого честным прибытком), – ты отдаешь все, что имеешь, одолжаешься у других, а если нужно, не пожалеешь заложить жену и детей, а когда тебе предстоит Небесное Царство, такая власть, в

которой не будешь иметь преемника, когда Сам Бог вверяет тебе в управление не уголок земли, но целое небо, ты медлишь и отказываешься, жалеешь денег и не понимаешь, что если видимая нами сторона неба так прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнее высшая его часть и небо небес?

69 Но так как телесными очами пока невозможно увидеть этого, то вознесись умом и, ставши выше видимого неба, воззри на то небо, которое выше этого, на бесконечную высоту, – на свет, вселяющий ужас, на сонмы ангелов, на бесчисленные лики архангелов и на прочие бестелесные силы. И потом, спустившись с этой высоты, возьми нашу картину и представь то, что вокруг нашего царя, как то: мужей в одеждах, вышитых золотом, пары белых мулов с золотыми украшениями, колесницы с дорогими камнями, белоснежные ковры, бляхи, зыблющиеся на колесницах, драконов, изображенных на шелковых одеждах, щиты с золотыми выпуклостями на средине, ремни от них, испещренные по направлению к окружности множеством камней, коней, убранных в золото, и золотые узды. Но как только мы увидим самого царя, то перестанем смотреть на все это. Он один обращает на себя наше внимание, его порфира, диадема, седалище, пояс, обувь и необыкновенный блеск внешнего вида. В точности объединив все это, опять возведи от этого свой ум горе, к тому страшному дню, в который явится Христос. Тогда увидишь не пары мулов, не золотые колесницы, не драконов и щиты, но то, что полно великого ужаса и производит такое поражающее впечатление, что и сами бесплотные силы приходят в изумление, как сказано: «силы небесныя подвигнутся» (Мф 24.29). Тогда все небо откроется, отворятся врата небесного свода, снизойдет единородный Сын Божий в сопровождении не двадцати

или ста человек, но в сопровождении тысяч и тем ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и прочих сил, все исполнится ужаса и трепета, земля рассядется, и сколько ни было на свете людей – от Адама и до того дня, все восстанут из земли, все будут восхищены, а Христос явятся в такой славе, что и луна, и солнце, и всякий свет скроется при этом блеске. Какое слово изобразит то блаженство, тот блеск и славу? Бедная душа моя! Мне и теперь приходится плакать и тяжело воздыхать при мысли, каких мы лишились благ, какого отчуждены блаженства, именно отчуждены (я и о себе говорю тоже), если не совершим чего-либо великого и удивительного. Пусть никто не говорит мне здесь о геенне, так как лишиться столь великой славы – мучительнее всякой геенны, а быть отчужденну от этого жребия – хуже бесчисленных наказаний. Но однако мы еще стремимся к настоящему и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото, или правильнее сказать, небо, показывает тень, чтобы отогнать нас от истины и обольщает сновидениями (таково и есть настоящее богатство), чтобы при наступлении того дня мы оказались беднее всех.

[70] Итак, размыслив об этом, станем, пока не поздно, избегать обмана и стремиться к будущему. Ведь нельзя сказать, что мы не знали о кратковременности настоящей жизни, когда дела ежедневно громче трубы возглашают о настоящей малоценности, смехе, позоре, опасностях и гибели. Какое извинение будем мы иметь, как скоро с великой ревностью гоняемся за тем, что соединено с опасностями и стыдом, как скоро убегаем того, что безопасно и доставляет нам славу и блеск, как скоро предаемся в полную власть сребролюбия? Рабство

богатства тяжелее всякого мучения, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Потому, чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сетей; пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных богатств, – милостыня и человеколюбие. Это дает нам дерзновение пред Богом, а золото покрывает нас великими стыдом и много содействует диаволу влиять на нас. Но зачем же ты вооружаешь своего врага и делаешь его более сильным? Вооружи против него свою десницу, всю красоту собери в свою душу, все богатство свое сложи в уме, пусть небо, а не кивот и дом, хранит твое золото, а мы облечемся во все свое, потому что мы сами гораздо лучше стен и важнее основания дома. К чему нам, забывши о самих себе, все свое попечение обращать на то, чего, уходя отсюда, нельзя взять с собою, а часто нельзя удержать и оставаясь в здешней жизни, тогда как представляется возможность обогатиться так, что не только здесь, но и там окажемся всех достаточнее? Кто носит в душе и поля, и дома, и золото, тот, куда бы ни явился, приходит со всем этим богатством. Но как, спросишь, это возможно? Возможно с большим удобством. Если ты руками нищих перенесешь это на небо, то все сложишь в свою душу, так что, хотя бы и смерть пришла к тебе, никто не отнимет у тебя этого, но ты и в будущую жизнь переселишься с богатством. Таким сокровищем владела Тавифа, которую прославили не дом, не стены, не камни, не колонны, но прикрытые ею тела вдовиц, пролитые слезы, убежавшая от нее смерть и возвратившаяся жизнь.

[71] Станем и мы приготовлять себе такие хранилища, станем и мы строить себе такие дома. В этом мы будем иметь сотрудником Бога и сами будем Его сотрудниками.

Бог привел нищих из небытия в бытие; ты же тех, которые приведены уже в бытие и существуют, не допустил погибнуть от голода и других несчастий, врачуя и исправляя их и всеми мерами поддерживая храм Божий: что со стороны пользы и славы может сравняться с этим? Но если ты неясно еще понял, какое украшение даровал тебе Бог, повелев снабжать нищих, то размысли сам с собою о следующем. Если бы Бог даровал тебе такую власть, что ты мог бы восстановить обрушивающееся небо, то не признал ли бы ты этого такою честью, которая гораздо выше тебя? Но Бог удостоил тебя еще большей чести. Он поручил тебе исправлять то, что для Него дороже самых небес: а пред лицом Бога ничто видимое не может сравниться с человеком. Для человека Он сотворил и небо, и землю, и море; в нем Он желает обитать больше, чем на небе. Но мы, хотя и знаем это, однако же нимало не имеем старания и заботы о Божиих храмах, но, оставив их в небрежении, строим для себя великолепные и огромные дома. За это мы и лишаемся всех благ, делаемся беднее всякого нищего, потому что украшаем те дома, которых, переселясь отсюда, мы не можем взять с собою, и не радеем о тех, которые можно перенести вместе с собою и туда. Ведь истлевшие тела нищих, без сомнения, воскреснут. И тогда Бог, заповедавший любить нищих, собравши их, похвалит тех, которые заботились о них, и подивится тому, что они всякими способами старались поддерживать их жизнь, которая готова была угаснуть то от голода, то от наготы и холода. А мы, когда предлежат нам столь великие похвалы, все еще медлим и не хотим принять на себя этого прекрасного попечения. Хотя Христос не имеет для Себя пристанища, но ходит странен, наг и голоден, однако же ты без нужды и пользы строишь загородные дома, бани, галереи и множество чертогов,

Христу же не даешь и малого крова, а украшаешь верхние части дома для ворон и коршунов. Что может быть хуже такого легкомыслия? Что ужаснее этого безумия? Это действительно признак крайнего безумия, а лучше сказать – нечто такое, что и нельзя выразить достойным образом. Но, однако, если пожелаешь, то, конечно, возможно вылечиться от этой, хотя и тяжкой болезни, и не только можно, но даже легко, и не только легко, но гораздо легче освободиться от этой опасности, нежели от телесных страданий, насколько и Врач лучше. Итак, станем привлекать Его к себе, станем просить прикоснуться к нам и приложим и с своей стороны все потребное, я разумею желание и готовность. Он ничего другого не потребует, но как скоро примет от нас только это, принесет с Своей стороны все остальное. Принесем же Ему все, что можем, чтобы и здесь наслаждаться совершенным здоровьем и получить будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 15

[1] Рим 8.28. Вемы же, яко любящим Бога вся поспешествуют во благое.

[2] Мне кажется, что все это место обращено у апостола к тем, которые находятся в опасностях, лучше же сказать, к ним относится не только это, но и то, что было сказано несколько выше. Так, слова: «недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас» (Рим.8:18), также и то, что «вся тварь …воздыхает» (Рим.8:22), а равно сказанное выше, что «упованием… спасохомся… терпением ждем… о чéсом помолимся, якоже подобает, не вемы» (Рим.8:24–26), – все это относится к людям, находящимся в напастях. (Апостол) учит их избирать не то, что сами они почитают для себя полезным, но то, что внушает Дух. Ведь многое им представляется полезным, а в самом деле приносит великий вред. Так, покой, освобождение от опасностей и безмятежная жизнь кажутся для них полезными. И удивительно ли, что они так думают, как скоро и самому блаженному Павлу представлялось то же самое? Но однако он впоследствии понял, что полезное совершенно противоположно этому и, понявши, возлюбил. После того, как он три раза молил Господа освободить его от бед и услышал в ответ: «довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается» (2Кор 12.9), то стал уже радоваться, когда был гоним, терпел обиды и невыносимые страдания. «Темже благоволю, – говорит он, – …в досаждениих, в бедах, в изгнаниих (2Кор 12.10).

[3] Потому он и говорил: «о чéсом бо помолимся, якоже подобает, не вемы», и всех убеждал предоставить это Духу, потому что Святой Дух весьма о нас печется, и это

угодно Богу. Итак, подготовив их всех этим, он присовокупляет и теперь сказанное, употребляя довод, достаточный к тому, чтобы ободрить их. «Вемы бо, – говорит он, – яко любящим Бога вся поспешествуют во благое». Когда же говорит – «вся», разумеет и то, что нам кажется прискорбным. Хотя и постигла тебя скорбь или нищета, узы или голод, смерть и другое подобное, но Бог властен изменить все это в противоположное, так как Его неизреченной силе свойственно делать для нас легким и обращать нам на помощь то, что кажется тяжелым. Потому (апостол) не сказал, что с любящими Бога не случается что-либо неприятное, но говорит, что им все содействует ко благу, то есть Бог самые бедствия употребляет для прославления бедствующих, а это гораздо важнее, чем воспрепятствовать наступлению несчастья или отвратить его, когда оно случилось. Так сделал (Бог) и с пещью вавилонской: Он не воспрепятствовал ввергнуть святых отроков в пещь, и, когда они были ввержены, не угасил пламени, но, оставив его гореть, посредством этого пламени сделал отроков более достойными удивления. И на апостолах показал Бог разные подобные чудеса. Если люди, умеющие любомудрствовать, могут из вещей делать употребление, противоположное их природе и, живя в бедности, казаться достаточнее богатых и сиять даже в бесчестии, то тем более Бог на любящих Его покажет не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Нужно только одно – любить Его искренно, а все остальное последует само собою. Как для любящих Бога и то, что, по-видимому, вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное. Иудеям все служило во вред – и явление чудес, и правота догматов, и любомудрие учения; за одно называли они Христа беснующимся, за

другое богопротивным, а за чудеса покушались убить Его. Напротив, разбойник распятый, пригвожденный, поносимый, претерпевающий бесчисленные страдания, не только не понес никакого вреда, но еще получил от этого величайшую пользу. Видишь ли, как «любящим Бога вся поспешествуют во благое?»

4 Итак, сказав об этом великом благе, превышающем всецело человеческое естество, так как оно для многих казалось невероятным, (апостол) удостоверяет в этом, на основании происшедшего, так:

5 сущим по предуведению званным.

6 Заметь, что благо это начинается со времени призвания. Почему же (Христос) не призвал всех сначала, и самого Павла призвал не вместе с прочими, тогда как такая отсрочка представлялась вредной? Но, однако, самые дела показали, что она была полезна. Говорит же здесь (апостол) о предведении для того, чтобы не все приписать званию, потому что в таком случае стали бы спорить и язычники, и иудеи. Ведь если достаточно было одного звания, то почему не все спаслись? Потому он и говорит, что спасение званных совершено не одним призванием, но и предуведением, призвание же не было вынужденное и насильственное. Итак, все были призваны, но не все послушались.

7 Рим.8:29. Ихже бо предуведе, [тех] и предустави сообразных быти образу Сына Его.

8 Замечаешь ли высоту чести? Чем был Единородный по естеству, тем они стали по благодати. Однако (апостолу) было недостаточно сказать – «сообразных», но он присовокупил еще:

9 яко быти Ему первородну.

[10] И этим не ограничился, но и после этих слов прибавляет еще:

[11] во многих братиях,

[12] – желая всеми способами показать явное родство. Впрочем, все это должно разуметь относительно воплощения (Сына Божия), потому что по Божеству Он есть Единородный.

[13] Видишь, сколько сообщено нам благодатных даров? Итак, не сомневайся и относительно будущих даров, тем более, что (апостол) представляет и другое доказательство Божия человеколюбия, говоря, что это было прообразовано так издревле. Люди делают о других заключения на основании дел, но Богу изначала все известно и Он издревле имеет к нам расположение. Потому (апостол) и говорит:

[14] Рим.8:30. а ихже… призва, сих и оправда.

[15] Оправдал банею возрождения.

[16] А ихже оправда, сих и прослави.

[17] Прославил благодатию, усыновлением.

[18] Рим.8:31. Что убо речем к сим?

[19] (Апостол) как бы так говорит: не упоминай мне более об опасностях и злоумышлении против тебя всех. Если некоторые и не верят будущему, но они ничего не могут сказать против благ уже дарованных, например, об изначальной к тебе Божией любви, оправдании, славе. (Бог) дарует тебе это посредством того, что для тебя казалось прискорбным. Ты считал позорным крест, побои, узы, а все это послужило к исправлению целой вселенной. Как ни жестоко тебе кажется, что претерпел (Христос), но

Он обратил это в свободу и спасение всей природы; так и то, что переносишь ты, твои страданья (Бог) обыкновенно обращает в славу тебе и похвалу.

20 Аще Бог по нас, кто на ны?

21 Но кто же не против нас, спросишь ты? Против нас целая вселенная, и мучители, и народы, и родственники, и граждане, но однако все те, которые против нас, так далеки от возможности вредить нам, что невольно делаются для нас виновниками венцов, ходатаями бесчисленных благ, так как Божия Премудрость обращает все козни к нашему спасению и славе. Видишь ли, как никто не оказывается против нас. И Иова сделало знаменитым то, что против него вооружился диавол. Диавол воздвиг против него друзей, жену, раны, домашних и бесчисленные другие ухищрения, однако же ничто не было против него. И это еще не велико было для Иова, хотя само по себе и было весьма велико, а для него гораздо важнее было то, что все кончилось в его пользу. Так как за него был Бог, то все то, что по-видимому было против него, оказалось в его пользу. Тоже случилось и с апостолами. Иудеи, язычники, лжебратия, правители, народы, голод, нищета и бесчисленные бедствия восставали против них, но ничто не было против них. Все это сделало их особенно знаменитыми, славными и достойными похвалы пред Богом и пред людьми.

22 Итак, пойми, что то слово, которое произнес Павел о верных и истинно распявшихся, не мог бы сказать о себе и увенчанный диадемою. Против последнего вооружаются многие иноплеменники, делают покушения враги, злоумышляют телохранители, часто восстают многие из подданных, а против верующего, строго исполняющего закон Божий, не может восстать ни человек, ни демон и

ничто другое. Если ты лишишь его имущества, то доставишь этим награду; если худо отзовешься о нем, то своим злоречием сделаешь его блистательнее пред Богом; если доведешь его до голода, тем большая для него слава и большее воздаяние; а если предашь смерти, что всего ужаснее, тем сплетешь ему мученический венец. Что может сравниться с жизнью человека, против которого ничто не может стоять, которому и намеревающиеся причинить зло не менее приносят пользы, чем и сами благодетели? Потому (апостол) говорит: «аще Бог по нас, кто на ны?» Потом, не довольствуясь этими словами, представляет и здесь тот величайший признак Божией к нам любви, к которому он всегда обращается, – именно смерть Сына. Не только, говорит, оправдал и прославил и соделал соответственными тому образу, но и Сына не пощадил для тебя, – потому и присовокупил слова:

[23] Рим.8:32. иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарствует?

[24] (Апостол) говорит с выразительностью и большой горячностью, чтобы показать любовь Божию. Как Бог оставит нас, ради которых не пощадил Сына Своего, но за всех нас предал Его? Пойми же, насколько велика благость – не пощадить Своего Сына, но предать, предать за всех ничтожных, неблагодарных, врагов, богохульников. «Како убо не и с Ним вся нам дарствует»? Слова эти означают следующее: если Бог даровал нам Сына Своего и не просто даровал, но предал закланию, то, приняв в дар Самого Владыку, почему ты еще сомневаешься во всем прочем? Имея Господа, почему ты недоумеваешь относительно прочих даров? Кто даровал

врагам более важное, тот неужели не дарует друзьям менее важного?

[25] Рим.8:33–34. Кто поемлет на избранныя Божия?.

[26] Это сказано против утверждавших, что вера нисколько не приносит пользы, и против сомневающихся в возможности мгновенного изменения. И смотри, как быстро (апостол) заградил им уста, при помощи достоинства избравшего. И не сказал: кто будет обвинять рабов Божиих, но: «избранныя Божия», потому что избрание есть знамение добродетели. Если занимающийся объезживанием молодых коней признает их способными к бегу, то никто не может опорочить его, и всякий, кто станет обвинять его, становится смешным; тем более смешны те, которые обвиняют, когда Сам Бог избирает души.

[27] Бог оправдаяй, кто осуждаяй?

[28] (Апостол) не сказал: Бог отпускает грехи, но, что гораздо важнее: «Бог оправдаяй». Если приговор судьи, и притом такого судьи, объявляет кого правым, то чего заслуживает обвинитель? Итак, не должно бояться ни искушений, потому что за нас Бог, Который и доказал это Своими делами, ни иудейского пустословия, потому что Бог и избрал, и оправдал нас, а что еще удивительнее, оправдал смертью Сына. Кто нас осудит, когда Сам Бог венчает, когда Христос за нас закалается и не только закалается, но и после этого ходатайствует за нас?

[29] Христос Иисус умерый, паче же и воскресый из мертвых, иже… есть одесную Бога, иже и ходатайствует о нас.

[30] Явившись в собственном Своем достоинстве, Он не прекратил Своего о нас промышления, но ходатайствует о

нас и постоянно сохраняет к нам ту же самую любовь. Он не ограничился просто закланием, но, что особенно доказывает величайшую любовь, не только совершает все, что от Него зависело, но и умоляет об этом другого. Это одно (апостол) и пожелал выразить словом – «ходатайствует», беседуя человеколюбиво и снисходительно, чтобы показать любовь; равным образом, из слова – «не пощаде» (Рим.8:32), если принять его не в таком смысле, будет следовать много несообразного. А чтобы ты понял, что именно это (апостол) хочет раскрыть, он, сперва сказавши, что Христос «есть одесную», потом присовокупил: «ходатайствует о нас», чем и доказал равночестие и равенство, так что ходатайство надобно уже представлять проявлением не меньшего достоинства, но одной только любви. Когда Он Сам есть жизнь, источник всех благ, имеет равную с Отцом власть, воскрешает мертвых и животворит, и все прочее делает, то как Он может нуждаться в ходатайстве для оказания нам помощи? Кто лишенных надежды и осужденных освободил от осуждения собственною властью, сделал праведными и сынами, возвел их на высочайшую степень чести и осуществил на деле то, чего и ожидать было невозможно, Тот, после совершения всего этого и после возведения естества нашего на царский престол, нуждался ли в ходатайстве о том, что более легко? Видишь ли, как все служит доказательством, что слово – «ходатайствует» (апостол) употребил лишь для того, чтобы выразить горячность и силу любви Его к нам, так как и Сам Отец представляется умоляющим людей о примирении с Ним: «по Христе убо посольствуем, яко Богу молящу нами» (2Кор 5.20). Но, однако, когда Бог увещевает и когда люди бывают от имени Христа посланниками к людям, то мы не представляем при этом

ничего унизительного для такого достоинства, но из таких выражений заключаем только об одном, именно о силе любви. Так поступим и здесь. Потому, если Дух ходатайствует воздыханиями неизглаголанными, если Христос умер и ходатайствует за нас, если Отец не пощадил ради тебя Сына Своего, избрал тебя и оправдал, то чего ты боишься, чего трепещешь, пользуясь такою любовью и таким попечением? И (апостол), показав великое о нас промышление свыше, со всею уже свободою продолжает речь свою и не говорит, что и вы должны столько же любить Бога, но, как бы приведенный в восторг этим неизреченным Промыслом, восклицает:

[31] Рим.8:35. кто ны разлучит от любве Христовой?

[32] И не сказал – Божией: так безразлично ему называть и Христа, и Бога.

[33] Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч?

[34] Обрати внимание на мудрость блаженного Павла. Он не упомянул о том, что ежедневно уловляет нас в плен, – о любви к деньгам, о страсти к славе, о власти гнева, но перечисляет то, что гораздо мучительнее этого и способно победить самую природу, указывает на то, что часто против нашей воли потрясает крепость ума, именно говорит о скорбях и теснотах. И хотя легко перечислить все сказанное, но каждое слово заключает в себе бесчисленные ряды искушений. Когда (апостол) говорит о скорби, то разумеет и темницы, и узы, и доносы, и изгнания, и все прочие бедствия, – одним словом указывает на беспредельное море опасностей и в одном выражении открывает перед нами все человеческие злоключения. И, несмотря на это, он отваживается на все

эти бедствия. Потому (апостол) и употребляет образ речи вопросительный, как бы нимало не сомневаясь, что, кто так любим и находится под таким промышлением, того ничто не может отлучить от любви.

35 Потом, чтобы ты не подумал, что эти бедствия являются признаком оставления, (апостол) приводит слова пророка, который за долгое время предвещал это и говорил:

36 Рим.8:36. яко Тебе ради умерщвляеми есмы весь день: вменихомся якоже овцы заколения (Пс 43.23),

37 то есть нам определено терпеть зло от всякого. Но при столь многочисленных и великих бедствиях, среди этих необычайных несчастий для нас служит достаточным утешением самая причина подвигов, или правильнее сказать, не только достаточным, но и гораздо большим, так как мы терпим это, говорит (апостол), не для людей и не для чего-либо житейского, но для Царя всяческих. И не этим одним, но и другими многоразличными и многоцветными венцами он опять украсил подвижников. Так как им, как людям, невозможно подвергнуться смерти много раз, то (апостол) доказывает, что от этого награды нисколько не уменьшаются. Хотя по природе человеку дарован жребий умереть только однажды, но, если захотим, Бог даровал нам возможность ежедневно подвергаться этому, по своей воле. Отсюда ясно, что мы переселимся, имея столько венцов, сколько проживем здесь дней, или даже число венцов будет больше, потому что в один день можно умереть и однажды, и дважды, и много раз. Тот, кто уготован на это, всегда получает совершенную награду. Это разумел и пророк, сказав: «весь день». Апостол же привел слова его для большего ободрения слушателей. Если жившие в Ветхом Завете,

говорит он, имевшие наградой трудов своих землю и то, что разрушается вместе с настоящей жизнью, настолько презирали настоящую жизнь, искушения и бедствия, то какое извинение можем иметь мы, которые и после неба, горнего царства и неизреченных благ, пребываем в лености и не достигаем даже той меры, какой достигали ветхозаветные? (Апостол) однако ж не сказал этого, но, предоставив это совести слушателей, довольствуется одним свидетельством и доказывает, что тела их суть жертва и что они не должны страшиться и смущаться, потому что так устроил Сам Бог. (Апостол) предлагает им и другого рода увещание. Чтобы кто-нибудь не сказал, что он просто любомудрствует вопреки действительному опыту, он и присовокупил: «вменихомся, яко… овцы заколения», означая этим то, что апостолы ежедневно подвергались смерти. Замечаешь ли мужество и кротость? Как овцы не противятся, когда их закалают, так и мы, говорит (Павел). Но так как человеческий разум и после стольких примеров по своей немощи страшился множества искушений, то смотри, как (апостол) снова восстановляет слушателя, возвышает его и возвеличивает, говоря:

[38] Рим.8:37. но во всех сих препобеждаем за возлюбльшаго ны.

[39] То и удивительно, что мы не только побеждаем, но побеждаем тем самым, посредством чего злоумышляют на нас, и не просто побеждаем, но препобеждаем, то есть со всею легкостью, без трудов и пота. Повсюду мы воздвигаем памятники побед над врагами, не только тогда, когда в самом деле терпим, но даже тогда, когда лишь подготовляем к тому душу. И весьма справедливо, потому что Бог нам споборствует. Итак, поверь, что мы,

будучи подвергаемы побоям, одолеваем наносящих их, будучи изгоняемы, побеждаем гонителей и, умирая, поражаем живых. Когда примешь во внимание Божию силу и любовь, то увидишь, что нет никакого препятствия для совершения таких чудесных и необыкновенных действий и для чрезвычайного воссияния победы. Апостолы не просто побеждали, но со многими чудесами, так что можно было понять, что у них была брань с злоумышляющими не против людей, но против той неодолимой силы. Смотри, как иудеи, окружив их, недоумевают и говорят: «что сотворим человекома сима» (Деян 4.16)? То и удивительно, что те, которые задерживают их и требуют отчета, связывая их, подвергая избиению, недоумевали и были в затруднении, будучи побеждены тем, кого они надеялись победить. Ни мучитель, ни палачи, ни полчища бесов, ни сам диавол не могли победить их, но, напротив, все они совершенно побеждены и видят, что все то, что они замышляли против них, обращается в их же пользу. Потому и сказал (Павел): «препобеждаем». Это был новый способ победы – одолевать посредством противоположного, никогда не быть побеждаемым и выходить на состязания, как бы имея в своей воле окончание битвы.

[40] Рим.8:38–39. Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни ангели, ни начала, ни… силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина… кая… тварь возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем.

[41] Велико сказанное, но мы не понимаем этого, так как не имеем настолько великой любви. Но хотя сказанное и велико, апостол, желая показать, что оно ничто в сравнении с той любовью, какой возлюбил Бог, о своей

любви говорит после любви Божией, чтобы никто не подумал, что он превозносит самого себя. И смысл слов его таков. К чему говорить о настоящем и о неразлучных с этою жизнью бедствиях? Хотя бы кто-нибудь мне указал на будущие состояния и силы, каковы жизнь и смерть, ангелы, архангелы и все горние твари, – и этого для меня мало в сравнении с Христовой любовью. Если бы кто стал угрожать мне будущей нескончаемой смертью, чтоб отлучить меня от Христа, или обещал бы мне бесконечную жизнь, я не согласился бы. Зачем же нужно говорить о земных царях и о народных правителях, и именно о том или другом из них? И если ты мне укажешь на ангелов, на все горние силы, на все существующее и на все будущее, то, в сравнении с любовью Христовою, все для меня мало, – все, что находится на земле, что на небе, что под землею, что превыше небес. Потом, так как и этого было недостаточно для изображения сильной любви, которую (апостол) имел, он представил нечто другое, насколько же великое, и говорит: «ни ина… кая… тварь». Это означает следующее: если бы существовала другая подобная тварь, как видимая, так и постигаемая умом, и тогда ничто не отвлекло бы от той любви.

42 Выразился же так (апостол) не потому, чтобы ангелы или другие небесные силы действительно отвлекали его от Христа, – нет, – но желая представить в высшей степени ту любовь, какую имел он ко Христу. Он любил Христа не ради принадлежащего Христу, но ради Самого Христа, к Нему устремлял взор свой и одного страшился – отпасть от этой любви. Отпасть от любви Христовой для него было ужаснее самой геенны, равно как пребывать в любви вожделеннее царства. Итак, чего же можем быть достойны мы, как скоро (апостол) в сравнении с Христовой любовью не удивлялся тому, что на небесах, а

мы предпочитаем Христу лежащее в грязи и в пыли? Он из любви ко Христу готов был подвергнуться геенне и лишиться царства, если бы ему предстояло то и другое, а мы не можем пренебречь и настоящей жизнью. Неужели мы достойны даже обуви апостола, будучи так далеки от величия духа его? Он и самое царство вменял ради Христа ни во что, а мы презираем Христа и придаем большое значение тому, что принадлежит Христу. И хорошо было бы, если бы мы высоко ценили хотя бы принадлежащее Христу, но теперь, оставив и это, а также царство, которое предложено было нам, мы каждый день гоняемся за тенями и призраком, хотя Бог, по Своему человеколюбию и величайшей кротости, сделал то же самое, что делает чадолюбивый отец, который, видя, что частые наставления его не нравятся его сыну, благоразумно предлагает их иным образом. Так как мы не имеем надлежащей любви к Богу, то Он предлагает нам многое другое, чтобы удержать нас при Себе; при всем том, мы не остаемся с Ним, но бежим от Него к детским играм. Не таков был Павел, но как благородный, свободный и любящий отца сын, он ищет только одного – быть вместе с Отцом, остальному же не придает большого значения, а лучше сказать, он во многом превосходит такого сына. Он не одинаково ценит отца и принадлежащее отцу, но когда обращает взоры на отца, ни во что считает принадлежащее ему и предпочел бы терпеть с ним наказания и побои, нежели веселиться вдали от него.

43 Итак, ужаснемся мы, которые не можем презреть денег для Бога или, лучше сказать, не можем презреть денег для самих себя. Один Павел терпел все подлинно для Христа, – не для царства, не для чести, но из любви ко Христу. А нас ни Христос, ни все Христово не отвлекает от житейских занятий, но, как змеи, как ехидны или свиньи,

или как все это вместе, мы пресмыкаемся в грязи. Чем мы лучше этих животных, когда, имея столь многие и великие примеры, все еще смотрим вниз и даже немного не можем посмотреть на небо? Бог за тебя предал Сына, а ты не даешь и хлеба Ему, за тебя преданному, за тебя убиенному. Отец для тебя не пощадил Его, не пощадил, притом, истинного Своего Сына, а ты не обращаешь и внимания на Него, когда Он томится голодом, и притом готовясь растратить Его собственность и растратить для себя. Что может быть хуже такого беззакония? Ради тебя предан, ради тебя умерщвлен, ради тебя странствует, терпя жажду, ты даешь из Его же собственности, чтобы получить от этого пользу, но ты, несмотря и на это, не даешь ничего. Не бесчувственнее ли всякого камня те, которые при стольких побуждающих обстоятельствах остаются в такой диавольской жестокости? Христос не ограничился только смертью и крестом, но благоизволил сделаться нищим, странником, бесприютным, нагим, быть заключенным в темницу, терпеть болезни, чтобы хотя этим привлечь тебя к Себе. Если ты не воздаешь Мне за то, что Я страдал за тебя, говорит Он, то сжалься надо Мною ради нищеты. Если не хочешь сжалиться над нищетою, тронься Моею болезнью, умилосердись ради уз, если же и это не склоняет тебя к человеколюбию, обрати внимание на легкость просьбы. Я не прошу ничего дорогого, но хлеба, приюта и утешительного слова. А если и после этого остаешься жестоким, то сделайся добрее хотя бы ради царства, ради наград, которые Я обещал тебе. Но и они не имеют для тебя значения? Так склонись жалостью хотя бы к самому естеству, видя Меня нагим, и вспомни о той наготе, какую Я терпел за тебя на кресте. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю в лице нищих. И тогда нуждался Я для тебя, и

теперь для тебя же нуждаюсь, чтобы ты, тронувшись тем или другим, захотел оказать какое-нибудь милосердие; для тебя Я постился и опять для тебя же терплю голод, жаждал, вися на кресте, жажду и в лице нищих, только бы тем или другим привлечь тебя к Себе и для твоего же спасения сделать тебя человеколюбивым. Потому, хотя ты обязан Мне воздаянием за бесчисленные благодеяния, но Я не прошу у тебя, как у должника, а венчаю тебя, как за дар, и за это малое дарю тебе царство. Я не говорю: избавь Меня от нищеты или дай Мне богатство, хотя именно для тебя Я обнищал; но прошу только хлеба, одежды, небольшого утешения в голоде. Когда нахожусь в темнице, Я не принуждаю снять с Меня узы и вывести из темницы, но ищу только одного, чтобы ты навестил связанного за тебя, и это принимаю за большую милость, и за это одно дарю тебе небо. Хотя Я избавил тебя от самых тяжких уз, но для Меня достаточно и того, если ты захочешь увидеть Меня связанного. Конечно, Я и без этого могу увенчать тебя, однако же хочу быть должником твоим, чтобы венец принес тебе и некоторое дерзновение. И потому, имея возможность пропитать Сам Себя, Я хожу и прошу, стою у дверей твоих и простираю руку. Я желаю от тебя именно получить пропитание, потому что сильно люблю тебя, Я стремлюсь к твоей трапезе, как это и бывает у друзей, и хвалюсь этим пред лицом целой вселенной, возвещаю о тебе постоянно во услышание всех и показываю всем Своего кормильца. Мы, когда у кого-нибудь питаемся, стыдимся этого и обыкновенно скрываем, но сильно нас любящий Христос, хотя бы мы и молчали, всем рассказывает о случившемся со многими похвалами и не стыдится сказать, что мы одели Его, когда Он был наг, накормили, когда Он был голоден. Размыслив о всем этом, не остановимся на одних

только похвалах, но исполним слова наши на деле. Какая польза от этих рукоплесканий и этого шума? Я требую от вас одного только – доказательства на деле, повиновения в действительности: это моя похвала, это ваше приобретение, это блистательнее для меня диадемы.

44 Итак, вышедши отсюда, вы и себе, и мне приготовьте венец руками нищих, чтобы и в настоящей жизни питаться нам доброю надеждою и, переселившись в будущую жизнь, достигнуть бесчисленных благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 16

[1] Рим 9.1. Истину глаголю о Христе, не лгу, послушествующей ми совести моей Духом Святым.

[2] Не представлялось ли вам великим и сверхъестественным то, что я говорил в предыдущей беседе о любви Павла ко Христу? Подлинно, все это само по себе велико и превосходит всякое слово. Но, однако, сказанное теперь столько превосходит прежнее, сколько прежнее превосходит все, что можно сказать о нас. Я и сам не представлял, чтобы могло быть что-нибудь выше сказанного в прошлой беседе, однако же то, что пришлось прочитать нам сегодня, гораздо блистательнее всего прежнего. Сам (Павел), предвидя это, и объявил в самом начале, что он намерен коснуться еще важнейшего, чему многие не поверят. И прежде всего свидетельствует об истине того, что намерен сказать. Так обыкновенно поступают многие, когда намереваются говорить о чем-либо для большинства невероятном и в чем сами они твердо уверены. «Истину глаголю, – говорит он, – не лгу», – в том свидетель мне совесть моя.

[3] Рим 9.2–3. Яко скорбь ми есть велия, и непрестающая болезнь сердцу моему. Молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа.

[4] Что ты говоришь, Павел? От возлюбленного Христа, от Которого не могли отлучить тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умом, ни другое тому подобное, – от этого (Христа) ты желаешь теперь быть отлученным? Что произошло? Не изменился ли ты, не погубил ли любовь свою? Нет, говорит, не бойся, я только усилил в себе эту любовь. Как же ты желаешь быть

отлученным, домогаешься отчуждения и такого разрыва, после которого другого уже не найти? Потому что сильно люблю Его, говорит. Как, скажи мне, и каким образом? Ведь твои слова походят на загадку? Но лучше, кажется, сперва узнаем, что такое отлучение, а потом уже станем спрашивать его об этом, и таким образом уразумеем эту невыразимую и необыкновенную любовь. Итак, что такое отлучение? Послушай, что говорит сам (Павел): «аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят» (1Кор 16.22), то есть да будет отлучен от всех и сделается чужим для всех. Как никто не смеет прикоснуться просто руками или приблизиться к дару, который посвящен Богу, так (апостол) называет этим именем, в противоположном смысле, и отлученного от церкви, отсекая его от всех и как можно больше отдаляя, повелевая всем с большим страхом удаляться и бежать прочь от такого человека. К дару никто не осмеливался приблизиться из уважения, а от отлученного все удалились по другому, противоположному чувству. Таким образом, отлучение одно, и одинаково то и другое делается для людей чуждым, но способ отлучения не одинаков, но один другому противоположен. От одного удаляются потому, что это посвящено Богу, а от другого потому, что отчуждено от Бога и отлучено от церкви. В последнем смысле сказал и Павел: «молил бых ся… отлучен быти от Христа». Не сказал просто: желал бы, но усиливает речь и говорит: «молил бых ся». Но если тебя смущают слова, которые представляются очень слабыми, то ты размысли о самом деле, и не только о том, что (Павел) хотел быть отлученным, но и о самой причине, по которой желал этого, тогда увидишь всю чрезмерность его любви. Например, он и совершил обрезание, но если мы обратим внимание не на действие, а на намерение и причину

действия, то поэтому еще более будем удивляться ему. Он не только совершил обрезание, а и остриг волосы и принес жертву, но, конечно, мы не считаем его за это иудеем, а, напротив, говорим, что вследствие этого он в особенности сделался свободен и чист от иудейства и стал истинным служителем Христа. А потому, как видя, что (Павел) обрезывает и приносит жертвы, ты вследствие этого не осуждаешь его в приверженности к иудейству, а преимущественно за это хвалишь, как чуждого иудейства, так и видя, что он желает быть отлученным, не смущайся этим, но, понявши причину, по которой он желает этого, тем более прославляй его за то. А если мы не будем расследовать причин, то должны будем назвать и Илию убийцей, а Авраама не просто убийцей, но еще детоубийцей, а также обвиним в убийстве Финееса и Петра; не соблюдая этого правила, мы сделаем нелепые заключения не только о святых, но и о Боге всяческих. Чтобы этого не было во всех подобных случаях, станем исследовать обстоятельства, обращая внимание на причину, намерение, время и на все то, что может служить к оправданию происшедшего. Так нам следует поступить и теперь с блаженной этой душой.

5 Итак, какая причина? Опять Сам возлюбленный Иисус. И, конечно, (апостол) не Его называет причиною, так как говорит: я желал бы отлучен быть от Него

6 по братии моей.

7 Но это указывает только на его смиренномудрие; он не хочет подать и вида, что говорит о деле великом и что приносит это в дар Христу. Потому он и сказал:

8 сродницех,

[9] – чтобы скрыть величие дела. А что он желал всего для Христа, выслушай следующее. Сказав: «сродницех», присовокупил:

[10] Рим 9.4–5. ихже всыновление и слава, и завети и законоположение, и служение и обетования: ихже отцы, и от нихже Христос во плоти, сый над всеми Бог благословен во веки. Аминь.

[11] Что же это, спросишь. Если (Павел) хотел быть отлученным для того, чтобы уверовали другие, то ему надлежало о том же молиться и за язычников, а если он молится только об иудеях, то показывает, что желал отлучения не ради Христа, а ради сродства с иудеями. И, конечно, если бы молился об одних только язычниках, то это не было бы так явно, а так как молится об одних иудеях, то ясно показывает, что заботится об этом для славы Христа. Знаю, что слова мои кажутся для вас странными, но если вы не будете производить шума, то я тотчас постараюсь объяснить их. Не без причины сказал (апостол) то, что сказал, но на том основании, что все, порицая Бога, говорили, что изгнаны и лишены чести те, которые удостоились именоваться сынами Божиими, приняли закон, познали Бога прежде всех народов, пользовались особенною славою, служили Богу прежде всей вселенной, получили обетования, были отцами своих колен и, что всего важнее, стали праотцами Самого Христа (это и значат слова: «от нихже Христос по плоти») и что, вместо них, введены люди из язычников, никогда не знавшие Бога. Так как, говоря это, они хулили Бога, то Павел, слыша это, терзался, скорбел о славе Божией и желал быть отлученным, если это было возможно, под тем условием, чтобы спаслись иудеи, – чтобы такое богохульство прекратилось и не казалось бы, что Бог

обманул их прародителей, которым обещал дары. (Павел желал быть отлученным), чтобы ты понял, сколько его сокрушало мнение, будто осталось без исполнения обетование Божие, данное Аврааму: «тебе дам землю сию и семени твоему» (Быт 12.7). После же этих слов (апостол) присовокупил:

[12] Рим.9:6. не такоже, яко отпаде слово Божие.

[13] Здесь он показывает, что готов все это претерпеть за слово Божие, то есть за обетование, данное Аврааму. Как Моисей по-видимому ходатайствовал за иудеев, но все делал для славы Божией [говорил: прекрати гнев, чтобы не сказали, что Ты не мог спасти и «изведе погубити их в пустыни» (Втор 9.28)], так и Павел говорит: я пожелал быть отлученным, чтобы не сказали, что обетование Божие осталось без исполнения, что Бог не сделал обещанного и слова Своего не привел в действие. Потому он говорит это не за язычников (им ведь не дано было обетования, они не служили Богу и не хулили Его), а молился об этом за иудеев, получивших обетование, и за прочих близких ему. Замечаешь ли, что если бы он молился за язычников, то не так ясно открывалось бы, что он делает это для славы Христовой; а так как он желал быть отлученным за иудеев, то особенно ясно показал, что он желал этого для Христа. Потому и говорил: «ихже всыновление и слава… и служение и обетование» (Рим 9.4). У них, говорит (апостол), закон, свидетельствующий о Христе, с ними заключены были все заветы, от них произошел Сам Христос, из них были все отцы, получившие обетования, но тем не менее случилось противоположное и они лишились всех благ. Потому-то и терзаюсь, говорит, и если бы можно было быть исключенным из лика Христова, отчужденным не от

любви Христовой (да не будет этого, потому что он и делал это из любви ко Христу), но от блаженства и славы, я согласился бы на это под тем условием, чтобы мой Владыка не подвергался хуле и мне ни от кого не слышать, будто дела Его были тенью, будто одним Бог обещал, а другим дал, Христос от одних родился, а других спас. Он дал обетования предкам иудеев и, оставив их потомков, ввел во владение их благами тех, которые никогда не знали Его; иудеи трудились, поучаясь закону и читая пророков, а язычники, недавно отвратившиеся от жертвенников и идолов, сделались выше иудеев. Где же тут Промысл Божий?

14 Итак, говорит (апостол), хотя и несправедливо это мнение, но чтобы не говорили этого о моем Владыке, я с удовольствием лишился бы царства и неизреченной той славы и потерпел бы все бедствия, считая величайшим из всех для себя утешением в скорбях не слышать более хулы на возлюбленного моего. Если ты еще не понял сказанного, то представь, что и многие отцы часто решались на подобное из-за своих детей и предпочитали быть с ними в разлуке, только бы видеть их благополучными, считая их счастье выше удовольствия жить с ними вместе. Но так как мы далеки от такой любви, то и не можем понять сказанного.

15 А некоторые недостойны даже и слышать учение Павла и настолько далеко стоят от величайшей той любви, что думают, будто бы (Павел) говорит здесь о временной смерти. О таких я могу сказать, что они так же не знают Павла, как слепые – солнечного луча и даже гораздо больше. Тот, кто каждый день умирал, подвергался тучам опасностей и говорил: «кто ны разлучит от любве Христовы, скорбь ли, или теснота, или глад, или

гонение?» (Рим. 8:35) – тот, кто не ограничивался сказанным, прошел небо и небо небес, опередил ангелов, архангелов и все горнее, кто постиг вместе настоящее и будущее, видимое и познаваемое умом, печальное, полезное и заключающееся в том и другом и вообще ничего не оставил без внимания, кто и этим не ограничился, но и предполагал другое подобное творение, еще не существующее, – как он после всего этого мог бы упоминать о временной смерти, точно о чем-нибудь важном.

16 Не так это, нет. Такое мнение свойственно червям, гнездящимся в навозе. Если бы (апостол) говорил об этом, то как он стал бы желать быть отлученным от Христа? Ведь такая смерть более соединяла с ликом Христовым и содействовала доставлению будущей славы. Но есть и такие, которые осмеливаются утверждать еще другое, более достойное смеха. Не смерти желал (Павел), говорят они, но быть сокровищем и даром Христовым. И кто из людей, наиболее низких и недостойных, не пожелал бы этого? Но как (Павел) мог бы желать этого за своих родных? Итак, оставив басни и пустословия (которые не стоит и опровергать, так как они подобны детскому лепету), возвратимся опять к самому изречению (апостола) и, наслаждаясь морем любви его, станем безопасно плавать и размышлять о неизреченном пламени, о котором кто ни говорил бы, ничего не скажет достойного. (Любовь Павла) была шире всякого моря, сильнее всякого огня, никакое слово не может изобразить ее по достоинству, один (Павел) постигал ее, как в совершенстве обладавший ею. Итак, повторим опять слова его: «молил бых ся… сам аз отлучен быти» (Рим.9:3). Что значит: «сам аз?» Я, который сделался общим учителем, оказал бесчисленные услуги, ожидаю

себе бесчисленных венцов, возлюбил Христа настолько, что любовь Его предпочитаю всему на свете, ежедневно сгораю за Него и все ставлю ниже любви к Нему. (Павел) заботился не только о том, чтобы быть любимым от Христа, но и о том, чтобы крепко любить Его, и о последнем – в особенности. Потому он только это имел в виду и все легко переносил; во всех делах он наблюдал за одним – удовлетворить этой прекрасной любви. И он желал быть отлученным, но, как не могло это случиться, он пытается защитить себя от обвинений и, представив то, о чем все шумно говорили, старается опровергнуть это. И прежде чем приступить к явному оправданию, он уже бросает некоторые семена его. Когда именно говорит: «ихже всыновление и слава… и законоположение, и служение, и обетования» (Рим.9:4), он выражает этим не что иное, как то, что Бог желал и им спастись; это Он и доказал тем, что сделал прежде, тем, что от них произошел Христос и Он дал обетования отцам их. Но иудеи по собственной неблагодарности отвергли благодеяние. Потому (апостол) представляет то, что свидетельствует только о даре Божием, а не служит к их похвале, – всыновление же, слава, обетования и закон именно и были делом благодати Божией. Представив все это и размыслив, сколько приложили попечений о спасении иудеев Бог и Сын Его, (апостол) громогласно воскликнул и сказал: «Сый… благословен во веки. Аминь» (Рим.9:5). Такое благодарение он воссылает за всех Единородному Сыну Божию. Что нам, если другие хулят, говорит он, мы, зная тайны Его, неизреченную Премудрость и всеобъемлющий Промысл, хорошо знаем, что Он достоин не хуления, а прославления. Но, не довольствуясь собственным сознанием, он старается привести и рассудить довод, употребляет против иудеев

самые сильные выражения и не прежде оставляет их, пока не уничтожает их подозрение. Чтобы не показалось, что он беседует как с врагами, он и потом говорит: «братие, благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу по Израили, есть во спасение» (Рим 10.1), и здесь, кроме прочего, им сказанного, он старается показать, что говорит не по вражде то, что должен сказать против них; потому и не отказывается называть их родственниками и братьями. И хотя все, что ни сказал, говорил для Христа, однако же привлекает к себе и их расположение, предварительно пролагает путь своему слову, отклоняет от себя всякое подозрение касательно того, что намерен сказать против них, и потом уже приступает к рассмотрению того, что занимало многих. Многие, как заметил я выше, спрашивали, почему получившие обетование погибли, а те, которые никогда не слышали о нем, спаслись прежде первых?

17 Итак, устраняя это недоумение, он предлагает свое разрешение прежде возражения. Чтобы кто-нибудь не сказал: что же, неужели ты заботишься о славе Божией более, нежели сам Бог? Неужели Он нуждается в твоей помощи, чтобы Его слово не погибло? Отвечая на это, (апостол) и говорит: я сказал это не в том смысле, что слово Божие не сбылось, но чтобы доказать любовь ко Христу. И хотя дела исполнились в таком виде, продолжает (апостол), но мы не сомневаемся относительно слов Божиих и утверждаем, что обетование непреложно. Бог говорил Аврааму: «тебе… и семени твоему дам… землю… и благословятся о семени твоем все народы» (Быт 26.3–4). Потому посмотрим, говорит, какое это семя, так как не все, происшедшие от Авраама, его семя, почему и сказано:

[18] не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль.

[19] Рим.9:7. Ни зане суть семя Авраамле, вси чада.

[20] Итак, если ты узнаешь, кто называется семенем Авраама, то увидишь, что обетование было дано семени его, и поймешь, что слово Божие не осталось без исполнения. Скажи же мне: кто называется семенем? Не я говорю, отвечает (апостол), но Ветхий Завет изъясняет сам себя, говоря так: «во Исааце наречется тебе семя» (Быт 21.12). Объясни, что значит – «во Исааце»?

[21] Рим.9:8. Сиречь, не чада плотская, сия чада Божия: но чада обетования причитаются в семя.

[22] Заметь мудрость и высоту ума Павла: в объяснении своем он говорит, что не чада по плоти – дети Авраама, но чада Божии; так ветхозаветное он соединяет с настоящим и показывает, что и Исаак не просто был сыном Авраама. Смысл же его таков: те, которые родились по примеру Исаака, – дети Божии и семя Авраама. Потому и сказал – «во Исааце наречется тебе семя», чтобы ты понял, что те, которые родились по образу Исаака, они-то в особенности – семя Авраама. Как же родился Исаак? Не по закону природы, не по силе плоти, но по силе обетования. Что значит: по силе обетования?

[23] Рим.9:9. На сие время прииду , – к тебе, – и будет Сарре сын.

[24] Таково было обетование, и слово Божие образовало и родило Исаака. И что же? Хотя женские ложесна и утроба содействовали рождению, но не сила утробы, а сила обетования произвела чадо. Так и мы рождаемся словом Божиим, потому что то, что рождает нас и образует в купели водной, есть слово Божие, а с другой стороны, мы, когда крещаемся во имя Отца и Сына и Святого Духа,

рождаемся. Это рождение не по естеству, а по обетованию Божию. Как, предрекши рождение Исаака, Он тогда и исполнил его, так и о нашем рождении Он предвозвестил за долгое время чрез всех пророков, а потом привел это и в исполнение. Замечаешь ли, сколько он представил доказательств и как Давший великие обетования со всей легкостью исполнил их. Если же иудеи скажут, что слова – «во Исааце наречется ти семя» (Быт.21:12) означают то, будто родившиеся от Исаака причитаются ему в семя, то должно будет считать сынами Исаака и идумеев и всех, происшедших от него, потому что праотец их Исав был сын Исаака. Но идумеи не только теперь не называются детьми, а даже были весьма чуждыми для израильтян. Видишь ли, что не плотские чада – чада Божии, но и в самой природе предызображается рождение свыше чрез крещение? Если же ты скажешь мне о ложеснах, то и я могу сказать тебе о воде. И как здесь все от Духа, так там все от обетования, потому что ложесна, вследствие бесплодности и старости, были холоднее воды. Потому, со всем вниманием уразумеем свое благородство и покажем жизнь достойную его; в том нет ничего плотского и земного, – пусть не будет этого и в нас. Не сон, не похоть плотская, не объятия и не возбуждение страсти, но Божие человеколюбие все совершило. И как там, когда возраст не подавал никакой надежды, так и здесь, когда наступила вследствие грехов старость, внезапно явился новый человек, и все мы сделались сынами Божиими, семенем Авраамовым.

[25] Рим.9:10. Не точию же, но и Ревекка от единаго ложа… отца нашего… Исаака имущи.

[26] Вопрос был важен, потому (апостол) приводит многие доводы и всеми мерами старается уничтожить затруднение. Если странным и неожиданным было то, что иудеи, после столь многих обетований, погибли, то более странным представляется, что мы, ничего подобного не ожидавшие, вступили в их достояние. Произошло то же самое, как если бы царский сын, которому обещано было наследование престола после царя, был низведен в ряд лишенных гражданских прав, а вместо него взят был из темницы человек, виновный в бесчисленных преступлениях и приговоренный к казни, и получил власть, принадлежащую первому. Что можно сказать по этому поводу? То, что сын недостоин? Но и тот недостоин, даже гораздо более. Значит следовало или вместе наказать, или вместе почтить. Подобное, говорю, случилось с язычниками и с иудеями, даже и гораздо более странное. Что все недостойны, об этом (апостол) объявил выше, сказав: «вси согрешиша, и лишени суть славы Божия» (Рим 3.23); но то необычайно, что, тогда как недостойны были все, спаслись одни язычники. После этого можно предложить и другой вопрос, именно: если Бог не намеревался исполнить обетований, данных иудеям, то для чего Он давал их? Ведь только люди, не зная будущего и часто подвергаясь обману, обещают дары и тем, которые не достойны получить их; а Тот, Кто предвидит настоящее и будущее, Кто ясно знал, что иудеи сделаются недостойными обетований и, вследствие этого, не получат ничего из сказанного, для чего и давал обетования?

[27] Как же решил это Павел? Он показал, кто такой Израиль, которому Бог дал обетования. А когда это было показано, то вместе с тем было и доказано, что все обетования исполнились. Указывая на это, он и сказал:

«не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль» (Рим.9:6). (Апостол) употребил имя Израиля, а не Иакова потому, что это имя было знаком его добродетели, праведности и дара, полученного свыше, и того, что Иаков видел Бога. Но скажешь: все согрешили и лишены славы Божией, а если все согрешили, то почему одни спаслись, а другие погибли? Потому что не все захотели прийти, хотя по воле Божией все спасены, так как все призваны. Впрочем, (апостол) пока не говорит этого, но решает вопрос более широко, выводя из других примеров новый вопрос, как и прежде он наибольшее затруднение разрешил другим затруднением. Когда спрашивалось, как, после оправдания Христа, все прочие стали участвовать в этой праведности, он привел в пример Адама, сказав: «аще бо единаго прегрешением смерть царствова… множае паче избыток благодати приемлюще, в жизни воцарятся» (Рим 5.17). Вопроса об Адаме он не решает, но его примером решает свой вопрос и доказывает, что есть большее основание допускать, чтобы умерший за них имел над ними власть, какую хочет. Большинству кажется не совсем сообразным с разумом, чтобы за грех одного терпели наказание все, а гораздо сообразнее с разумом и приличнее Богу, чтобы за услугу одного все были оправданы. Но, однако, (апостол) не решил первого затруднения, потому что, насколько более оно оставалось неясным, настолько сильнее заграждались уста иудея, недоумение касательно последнего затруднения переходило на первое и последнее делалось от того яснее. Так и здесь (Павел) разрешает вопрос посредством новых затруднений, потому что у него было состязание с иудеями. Потому-то он не решает вполне примеров, им представленных, к чему, как состязавшийся с иудеями, и не был обязан, но, однако, этими примерами объясняет

все, что ему было нужно. Почему ты удивляешься, говорит он, что одни из иудеев спаслись, а другие нет? Всякий знает, что в древности случилось то же и с патриархами. Почему один только Исаак называется семенем Авраама, хотя Авраам был отцом Измаила и многих других? Не потому ли, что мать Измаила была раба? Но какое это имеет отношение к сыну? Впрочем, не спорю, пусть Измаил будет исключен ради матери. Но что сказать о детях Хеттуры? Не свободными ли они были и не от свободной ли родились? Почему же они не удостоились преимуществ, данных Исааку? И что говорю о них? Ревекка была единственною женою Исаака, родила двоих сыновей и обоих от Исаака, однако родившиеся, будучи от одного и того же отца и от одной матери, причинив ей одни и те же болезни рождения, будучи единокровными, единоутробными и, сверх того, близнецами, получили неодинаковые права. Здесь нельзя уже тебе сослаться на рабство матери, как в отношении к Измаилу, и на то, что они родились не из одной утробы, как в отношении к детям Хеттуры и Сарры, но здесь в один и тот же час чувствовались болезни рождения. Потому и Павел, как бы считая последний пример более ясным, говорит, что это сбылось не с одним Исааком, «но и Ревекка от единаго ложа Исаака отца нашего имущи».

[28] Рим.9:11–13. Еще бо не рождшымся, ни сотворшым что благо или зло, да по избранию предложение Божие пребудет, не от дел, но от призывающаго, речеся ей, яко болий поработает меньшему, якоже есть писано: Иакова возлюбих, Исава же возненавидех.

[29] Почему один был любим, а другой ненавидим? Почему один служил, а другой принимал услуги? Разве потому, что один был порочен, а другой добр? Но ведь когда они

еще не родились, один удостоился чести, а другой был осужден, так как еще до рождения их Бог сказал, «яко болий поработает меньшему». Почему же Бог сказал это? Потому что Он не ждет, как человек, окончания дела, чтобы видеть, кто добр, кто нет, но и прежде этого знает, кто порочен и кто нет. То же самое случилось и с израильтянами, притом гораздо чудеснее. Что говорить, продолжает, об Исаве и Иакове, из которых один был порочен, а другой добр? И у израильтян грех был общий: они все поклонились тельцу, однако же одни были помилованы, а другие нет. «Помилую, – говорит, – егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю» (Рим.9:15). Это же можно видеть и на тех, которые наказываются. Что можно сказать о фараоне, почему он был наказан и подвергся столь великому наказанию? Потому что был жесток и непокорен. Но разве он один только был таков, а другого никого не было? Почему же он был наказан так строго? Почему и по отношению к иудеям Бог не сказал обо всем народе, а также не всех удостоил одинаковой чести? Сказано: «аще будут… яко песок морский, останок их спасется» (Ис 10.22). И почему же только остаток? Видишь ли, сколько недоумений вызывает рассматриваемый предмет. И вполне естественно: всякий раз, как противника можно привести в затруднение, не тотчас предлагай разрешение. Ведь если он сам оказывается виновным в своем неведении, то зачем тебе подвергаться излишней опасности? Зачем ты делаешь его более дерзким, принимая все на себя?

30 Скажи мне, иудей, на каком основании ты, находясь в столь больших затруднениях и не имея возможности разрешить ни одного из них, утруждаешь нас вопросами по поводу призвания язычников? А я, конечно, могу указать верную причину, по которой язычники

оправданы, вы же (иудеи) лишились обетований. Итак, какая это причина? Та, что они оправданы верою, а вы хотите оправдаться делами закона и, вследствие такого своего упорства, потеряли все. «Не разумеюще бо Божия правды и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася» (Рим 10.3). Кратко сказать, блаженный (апостол) в этих словах дает общее решение вопроса, но для большей ясности мы исследуем подробно каждое слово, имея в виду, что желанием блаженного Павла было – научить посредством всего сказанного, что один только Бог знает достойных, а из людей никто, и хотя им и кажется, будто они хорошо знают, но постоянно ошибаются в своем заключении. Знающий же тайны уже ясно знает и то, кто достоин венцов, а кто – наказания и мучения. Потому Он многих, которые, по мнению людей, были добры, изобличив, наказал и многих, которые считались порочными, увенчал и засвидетельствовал, что они не таковы. Он произносит приговор не по отзыву рабов, но по собственному строгому и беспристрастному суду и не ожидает окончания дела, чтобы одного признать дурным, а другого нет. Впрочем, чтобы не сказать опять чего-либо неясного, обратимся к апостольским словам. «Не точию же, но и Ревекка от единаго ложа… имущи» (Рим.9:10). Хотя я мог бы, рассуждает (апостол), указать и на детей Хеттуры, но не говорю об этом, а чтобы в совершенстве одержать победу, привожу в пример рожденных от одного отца и от одной матери. Оба родились от Ревекки и Исаака, законного сына безукоризненного и всем предпочтенного отца, которому сказано: «во Исааце наречется ти семя» (Быт.21:12), и который соделался отцом всех нас. А если он наш отец, то и происшедшие от него должны быть отцами, но этого не было. Ты видишь, что не с одним

Авраамом, но и с сыном его случилось это, – что везде блистают вера и добродетель, и они означают подлинное родство. Отсюда мы узнаем, что дети Авраама называются его детьми не только по рождению, но и потому, что достойны добродетели родившего. А если бы назывались только по одному рождению, то Исаву надлежало бы пользоваться равными с Иаковом правами, потому что и Исав произошел от омертвевшей утробы, и его мать была бесплодна. Но требовалось не одно только рождение, а и нрав, который не являются чем-либо случайным, но служит к назиданию в нашей жизни. И (апостол) не говорит, что так как один был добр, а другой порочен, то первый вследствие этого и был предпочтен, – чтобы тотчас не возразили ему: как же? кто более добр? те ли, кто из язычников, или те, кто из обрезанных? Хотя (апостол) мог бы в этом сослаться на действительный опыт, но он не делает этого, так как это казалось ему очень жестоким, а он все возложил на божественный разум, с которым никто не может осмелиться бороться, за исключением разве совершенно безумного. «Еще бо не рождшымся, – говорит, – ни сотворившым что благо или зло… речеся ей, яко болий поработает меньшему» (Рим.9:11–12), и доказывает, что никакой нет пользы в благородстве по плоти, но потребна душевная добродетель, которую Бог знает еще прежде дел. «Еще бо не рождшымся, ни сотворившым что благо или зло, да по избранию предложение Божие пребудет, речеся ей, яко болий поработает меньшему». Избирать от самого рождения есть дело предведения: чтобы обнаружилось, говорит, избрание Божие, совершившееся по изволению и предведению; Бог с первого дня узнал и предрек и доброго, и не доброго.

31 Итак, не говори мне, продолжает (апостол), что ты прочитал закон и пророков и столько времени служил. Знающий и испытующий душу знает также, кто достоин спасения. Потому уступи непостижимому в избрании; Он один правильно знает, кого увенчать. Сколько было таких, которые, судя по внешнему свидетельству дел, казались лучше Матфея? Но тот, кто знает тайны и умеет испытывать способности ума, заметил жемчужину, лежащую в грязи, и, миновав других и дивясь благообразию Матфея, избрал его и, приложив к благородству его воли собственную благодать, явил его достойным. Кто способен судить о временных этих искусствах или о всех прочих делах, тот избирает не то, что одобряют люди несведущие, а то, что сам в совершенстве знает, и одобряемое невеждами нередко отвергает, а отвергаемое ими одобряет. Так поступают в выборе коней занимающиеся их обучением, а также и оценщик дорогих камней и сведущие в остальных искусствах. Тем более человеколюбец Бог, бесконечная Премудрость, один все ясно знающий, не будет держаться людских мнений, но о всем произнесет приговор по собственной премудрости, совершенно точной и непреткновенной. Так Он избрал и мытаря, и разбойника, и блудницу, а первосвященников, старейшин и правителей предал бесчестью и отверг.

32 Всякий знает, что тоже самое случилось и с мучениками. Многие из людей, совершенно отверженных, были увенчаны во время гонений, и, напротив, иные, считавшиеся в народе великими, преткнулись и пали. Итак, не требуй отчета у Творца и не спрашивай, почему один был увенчан, а другой наказан. Он умеет совершать все по справедливости, почему и сказал: «Иакова возлюбих, Исава же возненавидех» (Рим.9:13). Что это

было справедливо, ты узнал из последствий, но Бог ясно это знал и прежде конца. Он требует не только обнаружения дел, но и благородной воли, и благоразумной мысли. Такой человек, хотя бы когда-нибудь и согрешил под влиянием какого-нибудь обстоятельства, скоро исправится, хотя бы ему случилось и закоснеть в пороке, он не будет презрен, но всеведущий Бог скоро вспомнит о нем. А равно человек развращенный, хотя бы и сделал что-нибудь по-видимому доброе, погибнет, потому что делает это с худым расположением. Так Давид, совершив убийство и прелюбодеяние, скоро загладил свои преступления, потому что увлечен был обстоятельствами и сделал это не вследствие привязанности к пороку, а фарисей, не совершивший ничего подобного и даже хвалившийся добрыми делами, все погубил злою волею.

[33] Рим.9:14. Что убо речем? Еда неправда у Бога? Да не будет.

[34] Итак, Бог справедлив и к нам, и к иудеям. Потом (апостол) прибавляет другую мысль, которая темнее предыдущей. Какую же?

[35] Рим.9:15. Моисеови бо глаголет: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю.

[36] Опять он усиливает возражение, прерывая его на половине, разрешая и снова вводя другое затруднение. Но чтобы слова эти сделать более ясными, необходимо истолковать их. Бог еще до рождения Иакова и Исава, рассуждает (апостол), сказал, «яко болий поработает меньшему» (Рим.9:12). Итак, что же? Неужели Бог несправедлив. Нисколько. Слушай дальше. Иаков и Исав различались – один добродетелью, другой пороками, но

иудеи все совершили один и тот же грех, именно – слили тельца. И однако одни были наказаны, а другие нет. Потому Бог сказал: «помилую, его же аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю». Не твое, Моисей, дело знать, кто достоин человеколюбия, но предоставь это Мне. А если не Моисеево дело знать это, тем более – не наше. Потому (апостол), чтобы убедить возражающего и достоинством лица, не просто привел эти слова, но упомянул, кому они были сказаны. «Моисеови бо глаголет», – говорит он. Высказав же решение затруднения, он прерывает его на половине, вводя новое противоположное и говорит так:

[37] Рим.9:16–17. темже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога. Глаголет бо Писание Фараонови: яко на и́стое сие воздвигох тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвестится имя Мое по всей земли.

[38] Как выше сказал, что одни были спасены, а другие наказаны, так и здесь говорит, что фараон был сохранен для наказания. Потом опять вводит противоположение.

[39] Рим.9:18–19. Темже убо егоже хощет, милует: а егоже хощет, ожесточает. Речеши убо ми: чесо ради еще укоряет? Воли бо Его кто противитися может?»

[40] Видишь ли, как (апостол) всеми мерами постарался сделать вопрос затруднительным? И не тотчас дает решение, делая и это с пользою, но сперва заграждает уста возражающему, говоря так:

[41] Рим.9:20–21. темже убо, о, человече, ты кто еси, против отвещаяй Богови?

[42] (Апостол) делает это с целью устранить праздное его любопытство и излишнюю суетливость, налагая на него узду и внушая понимать различие между Богом и

человеком, а также то, как непостижим Божественный Промысл и превышает наше разумение и как все должно покоряться Богу; и это он делает для того, чтобы, убедив в этом слушателя, укротив и смирив его мысль, с большим удобством можно было дать свое решение и слова свои сделать для слушателя вполне понятными. И не говорит, что невозможно этого решить, но что? Считает преступным и спрашивать об этом, так как что сказано Богом, тому должно повиноваться, а не расследовать, хотя бы мы и не знали причины. Потому (апостол) и говорит: «ты кто еси против отвещаяй Богови»? Замечаешь ли, как он уничижил и низложил надменность? «Ты кто еси»? Разве ты участник власти? Уж не назначен ли ты судьею для Бога? Но ведь в сравнении с Богом тебя нельзя и назвать чем-нибудь, нельзя и сказать, что ты то или другое, но ничто. А спросить: «ты кто еси?» – гораздо уничижительнее, нежели сказать: ты ничто. И вообще своим вопросом (апостол) выражает большое негодование. Он не сказал: кто ты, говорящий Богу? – но: «против отвещаяй», то есть ты, который споришь, противишься. Говорить: «следовало так», «не следовало так» – это значит препираться. Видишь, как апостол устрашил, поразил, заставил больше трепетать, чем спрашивать и любопытствовать? Это свойственно опытнейшему учителю – не следовать во всем желанию учеников, но вести их по своей воле, сперва исторгнуть терние, а потом бросать семена и не вдруг давать ответ на каждый вопрос.

43 Еда речет здание создавшему е: почто мя сотворил еси тако? Или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?

[44] Здесь (апостол) не уничтожает свободной воли, но показывает, до какой степени должно повиноваться Богу. В том, чтобы требовать отчета у Бога, тебе приходится чувствовать себя не более, как брением. И не только не должно тебе противоречить и предлагать вопросы, но даже должно и не говорить, не мыслить, уподобляться той бездушной глине, которая покорна рукам горшечника и употребляется им, как он желает. Для того именно и взят апостолом такой пример, не в образец жизни, но в доказательство покорного и безмолвного повиновения. И должно это наблюдать везде – принимать примеры не все целиком, а выбирать из них нужное, для чего они и приведены, а все остальное следует отбросить. Когда говорится: «возлег почи яко лев» (Чис 24.9), то мы берем лишь понятие о непобедимом и страшном, а не зверское или что-нибудь другое свойственное льву, и опять, когда говорится: «срящу их аки медведица лишаема» (Ос 13.8), то берем понятие мстительности, а когда говорится: «Бог наш огнь потребляяй есть» (Втор 4.24), то берем понятие об истребительном наказании; так и здесь необходимо понимать слова: глина, горшечник и сосуд. Когда (апостол) присовокупляет и говорит: «или не имать власти скудельник на брении, от тогожде смешения сотворити ов убо сосуд в честь, ов же не в честь?» – то не думай, что у Павла это сказано в смысле творения или для доказательства необходимости воли, но – для выражения власти и различия в распоряжениях. Если же не в этом смысле мы поймем слова его, то получатся многие нелепые следствия. Ведь если здесь идет речь о воле, то Бог окажется творцом и добра, и зла, а человек и в том, и в другом ни мало не будет виновен; тогда окажется, что и Павел, увенчивая везде свободную волю, сам себе противоречит.

45 Итак, (апостол) хочет здесь раскрыть не что иное, как убедить слушателя во всей полноте повиноваться Богу и ни в чем не требовать от Него отчета. Как горшечник, рассуждает он, из одной и той же смеси делает, что ему угодно, и никто ему не противоречит, так и ты не спрашивай Бога и не любопытствуй, почему Он одних из людей одного и того же рода наказывает, а других награждает, но благоговей пред Ним и подражай глине и, как она покорна рукам горшечника, так и ты покоряйся воле Распорядителя вселенной. Он ничего не делает без цели и как случится, хотя сам ты и не постигаешь тайны Премудрости. Ты позволяешь горшечнику из одной и той же смеси приготовлять разные изделия и не порицаешь его за это, а у Бога требуешь отчета относительно наказаний и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоин и кто не достоин, но так как самый состав имеет одну и ту же сущность, то предполагаешь, что и воля у всех одна и та же. Какая неосновательность! Ведь не от горшечника зависит, что из одной и той же смеси иное идет для почетного, а другое для низкого употребления, а от распоряжения пользующихся изделием, так и здесь дело зависит от свободной воли. Кроме того, как заметил я выше, пример должно брать в том одном отношении, что человек не должен противоречить Богу, а предоставлять все Его непостижимой мудрости. Пример должен быть обширнее того предмета, по поводу которого он приводится, чтобы мог сильнее подействовать на слушателей, так как если бы он не был обширнее и не заключал в себе большого, то и не мог бы тронуть и возбудить возражающего, как должно. Итак, (апостол) в надлежащей мере преградил неуместное упорство (слушателей), а потом дает и самое решение. Какое же?

[46] Рим.9:22–24. Аще же хотя Бог показати гнев Свой и явити силу Свою, пренесе во мнозе долготерпении сосуды гнева совершены в погибель: и да скажет богатство славы Своея́ на сосудех милости, яже предуготова в славу, ихже и призва нас не точию от иудей, но и от язык.

[47] Смысл этих слов такой: фараон был сосудом гнева, то есть человеком, который своим жестокосердием воспламенил гнев Божий; многократно испытав на себе Божие долготерпение, он не сделался лучше, но остался неисправимым. Потому (апостол) назвал его не только сосудом гнева, но и совершенным в погибель, то есть готовым к погибели и, конечно, от самого себя и по собственной своей воле. Как Бог не оставил ничего из того, что вело к его исправлению, так и сам он не оставил ничего из того, что служило к его погибели и лишало его извинения. Но однако Бог, зная это, переносил все со многим долготерпением, желая привести его к раскаянию, так как если бы не хотел этого, то и не терпел бы столько времени. А так как фараон не захотел воспользоваться (Божиим) долготерпением для покаяния, но уготовал себя во гнев, то (Бог) употребил его на исправление других, чтобы посредством его наказания сделать других более усердными и показать при этом Свое могущество. А что Бог хочет являть Свое могущество не в наказаниях, но иначе – в благодеяниях и милостях – это (апостол) постоянно выше утверждал. Если и Павел не хочет в этом показывать свою силу, потому что говорит: «не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите» (2Кор 13.7), то гораздо более Бог. Но так как (Бог) сперва долготерпел, чтобы привести (фараона) в раскаяние, а он не раскаялся, то не малое еще время Он терпел его, чтобы вместе показать и Свою благость, и Свое могущество, не пожелает ли он как-нибудь

воспользоваться этим великим долготерпением. И как, наказав (фараона), оставшегося неисправимым, (Бог) показал Свое могущество, так, помиловав многих великих, но раскаявшихся грешников, явил Свое человеколюбие.

[48] Но (апостол) не назвал это человеколюбием, а славою, показывая, что это преимущественно составляет славу Божию и что Бог заботился об этом более, чем о всем остальном. Когда же говорит: «яже предуготова в славу», то выражает этим, что не все происходит от одного Бога, потому что, если бы это было так, то ничто не препятствовало бы спасаться всем. Вместе с тем (апостол) опять показывает предвидение Божие и уничтожает различие между иудеями и язычниками. А отсюда опять извлекает немалое оправдание для своих слов. Не только из иудеев одни погибли, а другие спаслись, но это же случилось и с язычниками, почему (Павел) не сказал: все язычники, но – «от язык», и не (сказал): все иудеи, но – «от иудей». Как фараон сделался сосудом гнева по собственному беззаконию, так и спасшиеся сделались сосудом милости по своему благочестию. И хотя большая часть принадлежит Богу, но однако и мы привносим нечто малое от себя. Потому (апостол) не сказал: сосуды заслуг, или: сосуды дерзновения, но: «сосуды милости», показывая, что все принадлежит Богу. Также слова: «ни хотящаго, ни текущаго», хотя и сказаны в виде противоположения, но, как сказанные от лица самого Павла, не представляют никакого затруднения. Когда он говорит: «ни хотящаго, ни текущаго» (Рим.9:16), этим не уничтожает свободы, но показывает, что не все принадлежит человеку, а, напротив, он нуждается в благодати свыше. Должно и желать и совершать подвиги, но надеяться нужно не на собственные подвиги, а на

Божие человеколюбие, как и в другом месте (апостол) сказал: «не аз же, но благодать Божия, яже со мною» (1Кор 15.10). И хорошо сказал: «яже предуготова в славу». Так как иудеи укоряли (христиан) тем, что они спасаются по благодати, и думали этим пристыдить их, то (Павел) вполне устраняет такую мысль. Если дело спасения принесло славу Богу, то гораздо более и тем, чрез кого Бог прославился. Заметь же благомыслие и неизреченную мудрость (апостола). Рассуждая о наказаниях, он мог бы представить в пример не фараона, но согрешивших из иудеев, сделать свою речь более ясною, доказать, что даже и там, где были одни и те же отцы, и одни и те же грехи, одни погибли, а другие были помилованы, и убедить их более не недоумевать по поводу того, что некоторые из язычников спаслись, тогда как иудеи погибли. Но (апостол), чтобы не сделать свою речь неприятною, не быть вынужденным назвать иудеев сосудами гнева, в пример наказания представляет варвара, примеры же помилованных заимствует из иудейского народа. И хотя (апостол) достаточно оправдывает Бога, Который, хорошо зная, что (фараон) уготовал себя в сосуд гнева, употребил с Своей стороны все – ожидание, долготерпение и не просто долготерпение, но великое долготерпение, однако же не захотел сказать, что (Бог) также поступал и с иудеями. Почему же одни бывают сосудами гнева, а другие сосудами милости? По собственной своей воле. Но Бог, по безмерной Своей благости, оказывает милость тем и другим. Он миловал не только спасаемых, но и фараона, сколько мог, и те, и этот пользовались одинаковым долготерпением. А если (фараон) не был спасен, то совершенно вопреки воле Божией, так как со стороны Бога (фараон) не имел ничего меньше спасенных.

[49] Итак (апостол), представив решение вопроса на основании дел, для большей несомненности сказанного приводит и слова пророков, которые предвозвестили то же. И Осия, говорит он, давно писал об этом так:

[50] Рим.9:25. нареку не люди моя люди моя, и не возлюбленую возлюблену (срав. Ос 2.23).

[51] Чтобы не сказали: ты вводишь нас в заблуждение, – говоря это, (апостол) призвал во свидетели Осию, который взывает и говорит: «нареку не люди моя люди моя». Кто же это были – «не люди моя?» Очевидно, язычники. Кто – «не возлюбленая?» Опять они же. Однако же о них сказано, что будут народом, возлюбленною и сынами Божиими.

[52] Рим.9:26. Тамо нарекутся сынове Бога живаго,

[53] – продолжает (апостол). Если станут говорить, что это сказано об уверовавших из иудеев, то и тогда наше толкование будет уместно. Если произошла такая перемена с теми, которые после многих благодеяний оказались неблагодарными и чуждыми, утратили даже то, что делало их народом, то что могло воспрепятствовать призванию и удостоению за послушание таких же милостей тех, которые отчуждены были не после того, как приняты, но с самого начала были чужды? (Апостол) не довольствуется тем, что сослался на Осию, но после него приводит слова Исаии, который говорит согласно с Осией.

[54] Рим.9:27. Исаия же , – продолжает (Павел) , – вопиет о Израили,

[55] то есть смело и не скрываясь провозглашает. Итак, почему вы обвиняете нас, когда и пророки громче трубы возглашают то же? Что же вопиет Исаия?

[56] Аще будет число сынов Израилевых яко песок морский, останок спасется (Ис 10.22).

[57] Ты видишь, что и по словам Исаии не все будут спасены, но лишь достойные спасения? Я не боюсь множества, говорит (Бог), и Меня не устрашает род, так размножившийся, но Я спасаю только тех, которые оказываются того достойными. И не просто (пророк) упомянул о песке морском, но напоминает им и о ветхозаветном обетовании, которого они сделались недостойными. Итак, почему же вы волнуетесь, ссылаясь на то, будто обетование нарушено, когда все пророки объявляют, что не все спасаются? Потом он говорит и об образе спасения. Замечаешь ли точность пророка и благоразумие апостола, который приводит свидетельство наиболее подходящее? Оно не только показывает, что спасутся не все, а некоторые, но и добавляет, как спасутся. Как же они спасутся и каким образом Бог удостоит их благодеяния?

[58] Рим.9:28. Слово… скончавая и сокращая в правде , – говорит (пророк) , – яко слово сокращено сотворит Господь на земли (срав. Ис 10.23).

[59] Это значит следующее: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя делами законными, напротив, спасение совершится весьма кратким образом. Такова вера: она в кратких словах содержит спасение. «Аще бо исповеси усты твоими Господа Иисуса, – говорит (апостол), – и веруеши в сердце твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися» (Рим 10.9).

[60] Понял ли ты, что значит: «слово сокращено сотворит Господь на земли»? Достойно удивления то, что краткое слово это принесло не только спасение, но и праведность.

[61] Рим.9:29. И якоже проречe Исаиа: аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом, и якоже Гоморру уподобилися быхом (срав. Ис 1.9).

[62] Опять (апостол) доказывает здесь нечто другое, – именно то, что и немногие спаслись не сами собою. И они погибли бы и претерпели бы участь Содома, то есть подверглись бы истреблению, так как и содомляне погибли все без исключения и от них не осталось даже и случайного семени; и эти, продолжает (апостол), погибли бы, как и те, если бы Бог не оказал великой благости и не сохранил их ради веры. Это произошло и вовремя чувственного (вавилонского) плена, потому что большинство иудеев были отведены в плен и погибли, а немногие только спаслись.

[63] Рим.9:30–31. Что убо , – говорит, – речем? Яко язы́цы не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры. Израиль же гоня закон правды, в закон правды не пости́же.

[64] Здесь, наконец, самое ясное решение. Так как (апостол) на основании дел доказал, что не «вси… сущия от Израиля, сии Израиль» (Рим.9:6) и подтвердил это предками Иакова и Исава и свидетельством пророков, то он потом предлагает самое главное решение на основании Осии и Исаии, предварительно усилив недоумение. Было два вопроса: о том, что язычники получили спасение, и о том, что они получили его, не домогаясь, то есть не позаботившись о нем. И опять касательно иудеев было также два недоумения: иудеи не достигли спасения, и не достигли несмотря на то, что домогались. Потому (апостол) употребил самые сильные выражения. Он не сказал, что имели праведность, но –

«постигоша», потому что наиболее необычайным и странным было то, что искавший не получил, а не искавший получил. И по-видимому словом – «гоня» (апостол) угождает иудеям, но впоследствии он наносит решительный удар. А так как он мог дать сильное решение, то не побоялся и возражение сделать более неприятным. Поэтому он не беседует о вере и о праведности, из нее возникающей, но доказывает, что иудеи побеждены прежде веры и осуждены по собственным законам. Ты, иудей, говорит (Павел), не нашел даже законной праведности, потому что нарушил закон и стал повинен клятве; а язычники, вошедшие не при помощи закона, а иным путем, нашли праведность больше законной праведности, именно праведность от веры. Тоже говорил (апостол) и выше: «аще бо Авраам от дел оправдася, имать похвалу, но не у Бога» (Рим 4.2), – доказывая, что праведность от веры выше праведности от закона. Итак, выше я говорил, что было два недоумения, а теперь стало три вопроса: что язычники нашли праведность, что нашли ее, не искавши, и что нашли праведность больше праведности от закона. Вопросы, противоположные первым, возникают и касательно иудеев: что Израиль не нашел праведности, что он не нашел ее, несмотря на то, что искал, и что не нашел даже меньшей праведности. Итак, поставив слушателя в затруднение, (апостол) предлагает потом краткое решение и излагает причину всего сказанного. Какая же это причина? Та, что человек оправдывается не от веры, но от дел закона. Вот самое ясное решение всего места, которое не так легко было бы принято, если бы (апостол) предложил его в начале; а так как он поместил его после многих недоумений, доводов и объяснений, и употребил многочисленные предварительные оговорки, то и сделал

его вполне понятным и доступным. Причиною погибели иудеев, говорит он, было то, что

65 Рим.9:32–33. не от веры, но как бы от дел закона,

66 хотели оправдаться. Не сказал – от дел, но – как бы от дел закона, показывая, что они не имели и этой праведности.

67 Преткнушася бо о камень претыкания, якоже есть писано: се, полагаю в Сионе камень претыкания и камень соблазна: и всяк веруяй в онь не постыдится.

68 Замечаешь ли опять, как от веры получается дерзновение и всеобщий дар. Сказано ведь не только об иудеях, но о всем человеческом роде. Всякий, говорит (апостол), и иудей, и эллин, и скиф, и фракиянин, и кто бы то ни был, если уверовал, будет пользоваться большой свободой. У пророка же удивительна его речь не только о том, что уверуют, но и о том, что не уверуют, так как преткнуться значит не уверовать. Как выше, рассуждая о погибших и спасаемых, (апостол) сказал: «аще будет число сынов Израилевых яко песок морский, останок спасется», и еще: «аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом», и также: «призва… не точию от иудей, но и от язык» (Рим.9:24, 27, 29), – так и здесь говорит, что одни уверуют, а другие преткнутся, а преткновение происходит от невнимания и оттого, что засматриваются на что-нибудь другое. И иудеи, обращая все внимание на закон, преткнулись о камень. Камень же претыкания (апостол) назвал и камнем соблазна по отношению к настроению и концу неверующих. Теперь ясно ли для вас сказанное или требует еще большего пояснения? Думаю, что для внимательных понятно, если же для иных не

вразумительно, то можно и, случайно встретившись, спросить и узнать. Для того я и представил очень пространное толкование, чтобы, прервав последовательность речи, не быть вынужденным повредить ее ясности. По той же причине здесь я и оканчиваю слово, не предлагая нравоучения, как имею обыкновение делать, чтобы в вашей памяти не затемнить множества предметов, о которых было говорено. Теперь время заключить речь, кончив ее надлежащим образом, то есть славословием Богу всяческих. Итак, давши общий отдых – и себе, говорившему, и вам, слушавшим, – воздадим Ему славу, потому что Его царство и сила и слава во веки. Аминь.

Беседа 17

[1] Рим 10.1. Братие, благоволение убо моего сердца и молитва, яже к Богу, по них есть во спасение.

[2] (Апостол) намерен опять обвинить (иудеев) и притом сильнее прежнего, потому он опять отклоняет от себя всякое подозрение в неприязни и пользуется большим предварительным разъяснением. Не обращайте внимания на слова и обличения, говорит он, а на то, что я возвещаю это не с враждебным расположением. Не свойственно ведь одному и тому же лицу желать (иудеям) спасения и не только желать, но молиться об этом, и в то же время ненавидеть и отвращаться от них; а под словом «благоволение» (апостол) разумеет здесь, именно, сильное желание. Заметь, что и молитва его приходит от сердца. Не о том он прилагает великую заботу и молится, чтобы иудеи избегли наказания, но чтобы и спаслись. И не здесь только, но и в следующих словах (апостол) обнаруживает благорасположение, какое имеет к иудеям. Он с великим усилием старается, сколько можно, извинить (иудеев) и ищет для них хотя бы некоторой тени оправдания, и однако же не успевает в этом, будучи побежден свойством дел.

[3] Рим.10:2. Свидетельствую бо им, яко ревность Божию имут, но не по разуму.

[4] Итак, это достойно извинения, а не осуждения. Если они были отвергнуты не по человеческой своей природе, а по ревности, то справедливее жалеть их, нежели наказывать. Но заметь, как (апостол) мудро и угодил им словом, и обнаружил неуместное их любопрение.

[5] Рим.10:3. Не разумеюще бо Божия правды,

[6] говорит он. Еще предлог к извинению, который впоследствии усиливает обвинение и лишает всякого оправдания.

[7] И свою правду, – говорит, – ищуще поставити, правде Божией не повинушася.

[8] Этими словами он показывает, что иудеи впали в заблуждение больше по упорству и властолюбию, чем по неведению, и даже не представили той праведности, какая требуется законом, что (апостол) и выразил словами – «ищуще поставити». Впрочем, ясно (апостол) и не раскрыл этого, так как не сказал, что они лишены той и другой праведности, но со свойственным ему благоразумием сделал только весьма вразумительный намек. Если иудеи усиливались еще представить законную праведность, то ясно, что не представили. А если не покорились правде Божией, то и лишились ее. Праведность же иудеев (апостол) называет собственной или потому, что закон не имел уже силы, или потому, что она приобреталась трудами и потом; а правдой Божией он называет праведность от веры, потому что она приобретается единственно по благодати свыше и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божию. Но те, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредством закона, далеки от веры. Будучи же далекими от веры и не получив оправдания, даруемого верою, а равно не имея возможности оправдаться законом, они все потеряли.

[9] Рим.10:4. Кончина бо закона Христос, в правду всякому верующему.

[10] Заметь благоразумие Павла. Так как то и другое он назвал правдою, то чтобы уверовавшие из иудеев не

подумали, что они имеют одну правду, а лишены другой и потому обвиняются в беззаконии (ведь им, как новообращенным, надлежало еще опасаться), и чтобы иудеи опять не предполагали исполнить правду и не говорили: если мы доселе не исполнили, то без сомнения исполним, – смотри, что делает (апостол). Он доказывает, что праведность одна, что законная праведность заключается в праведности по вере и кто приобрел праведность по вере, тот исполнил и праведность законную, а кто отверг первую, тот лишился и последней. Если Христос есть цель закона, то не имеющий Христа, хотя бы и думал, что имеет праведность, однако не имеет ее, а имеющий Христа, хотя бы и не исполнил закона, всего достиг. Цель врачевания есть здоровье. Как тот, кто может сделать здоровым, хотя бы и не знал врачебного искусства, все имеет, а не умеющий вылечить, хотя бы и думал, что следует искусству, всего лишается, так бывает и относительно закона и веры: кто имеет веру, тот достиг цели закона, а кто вне веры, тот чужд и веры, и закона. Чего желал, именно, закон? Сделать человека праведным. Но он оказался бессилен, потому что никто не исполнил закона. Такова была цель закона, к этому все клонилось, для этого все совершалось – и праздники, и заповеди, и жертвы, и все остальное, чтобы человек оправдался. Но этой цели вернее достиг Христос посредством веры. Итак, не бойся, говорит (апостол), что ты нарушаешь закон, после того как пришел к вере: ты тогда преступаешь закон, когда по причине закона не будешь веровать во Христа; когда же уверуешь в Него, тогда ты исполнил и закон, даже гораздо больше, потому что ты достиг гораздо большей праведности. Такую свою мысль (апостол) подтверждает и Писанием.

[11] Рим.10:5. Моисей… пишет правду, юже от закона,

[12] – говорит он. Это значит: Моисей показывает нам, в чем состоит законная праведность и какова она. Итак, в чем она состоит и как приобретается? Исполнением заповедей.

[13] Сотворивый та… жив будет в них,

[14] – говорит он. Сделаться праведным по закону нельзя иначе, как исполнивши все заповеди, но это никому не оказалось возможным.

[15] Итак, праведность эта уничтожилась. Но скажи нам, Павел, о другой праведности, о праведности по благодати, – в чем она состоит и как приобретается? Выслушай, насколько ясно (апостол) описывает ее. После того, как он обличил праведность по закону, он переходит к праведности по благодати и говорит:

[16] Рим.10:6–9. а яже от веры правда, сице глаголет: да не речеши в сердцы твоем: кто взыдет на небо? сиречь Христа свести. Или кто снидет в бездну, сиречь Христа от мертвых возвести. Но что глаголет? …Близ ти глагол есть во устех твоих, и в сердцы твоем, сиречь глагол веры, егоже проповедаем. Яко аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердцы твоем, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися.

[17] Итак, чтобы иудеи не могли сказать: каким же образом нашли большую праведность те, которые не нашли меньшей? – (апостол) приводит бесспорное доказательство, что новый путь легче прежнего. Там требовалось исполнение всех заповедей: когда все исполнишь, жив будешь; а праведность от веры не то говорит, но что же именно? «Аще исповеси усты Господа Иисуса, и веруеши в сердцы твоем, яко Бог Того воздвиже от мертвых, спасешися». Потом, чтобы вследствие

доказательства, что путь этот удобен и легок, не показалось, что он не стоит и внимания, смотри, как (апостол) распространяется о нем. Не тотчас приступил к тому, о чем мы сказали, но что говорит? «А яже от веры правда, сице глаголет: да не речеши в сердцы твоем: кто взыдет на небо, сиречь Христа свести? Или кто снидет в бездну, сиречь Христа от мертвых возвести». Как нерадение и расслабление, обессиливающие труды, сопротивляются добродетели, обнаруживающейся в делах, и нужна сильно бодрствующая душа, чтобы не уступить, так и всякий раз, когда необходимо уверовать, возникают помыслы, возмущающие и расслабляющие мысли многих и, чтобы отразить их, нужна душа исполненная сил. Потому (апостол) обнаруживает эти самые помыслы, и как поступил, рассуждая об Аврааме, так делает и здесь. Доказавши там, что Авраам оправдался верою, (апостол), чтобы не подумали, что он приобрел столь великий венец напрасно и даром, восхваляет свойство веры и говорит: «иже паче упования во упование верова, во еже ему быти отцу многим языком… И не изнемог верою, ни усмотри своея́ плоти уже умерщвленныя, …и мертвости ложесн Сарриных. Во обетовании же Божии не усумнеся неверованием, но возможе верою, дав славу Богу и известен быв, яко, еже обеща, си́лен есть и сотворити» (Рим 4.18–21). Этим (апостол) доказал, что Аврааму нужны были и дела, и душа возвышенная, принимающая то, что выше надежды, и не соблазняющаяся видимым. Так он поступает и здесь и доказывает, что нам необходим ум любомудрый, воля сильная и стремящаяся к небесному. Не сказал просто: не говори, но: «да не речеши в сердцы твоем», то есть даже не подумай сомневаться и сказать самому себе: как это возможно? Видишь ли, что в том преимущественно и

состоит свойство веры, чтобы, отвергнув все земные соображения, искать того, что выше природы и, отринув слабость помыслов, принимать все при помощи всемогущества Божия? Иудеи не только это говорили, а также и то, что оправдаться от веры невозможно. Но (апостол) то же самое прилагает и к другому событию, чтобы, показавши, что оно настолько важно, что и по исполнении своем требует веры, этим убедить, что справедливо сплетать венец верующим. И он пользуется изречением Ветхого Завета, стараясь всегда избегать обвинений в нововведениях и в противоборстве ему. То, что (апостол) говорит здесь о вере, Моисей говорил иудеям о заповеди, доказывая, что они получили от Бога множество благодеяний. Нет нужды говорить, рассуждает (апостол), что должно взойти на небо или переплыть обширное море и тогда получить заповеди, так как Бог сделал это столь великое и трудное дело удобным для нас. Что значит: «близ ти глагол есть»? То есть легко, потому что спасение у тебя в сердце и на устах. Тебе не нужно для своего спасения предпринимать дальний путь, переплывать море и переходить горы, напротив, если ты не желаешь даже переступить и порог, то можешь спастись и сидя дома, потому что средство ко спасению у тебя на устах и в сердце. Потом, приводя новое доказательство относительно легкости слова веры, (апостол) говорит, что Бог воздвиг Христа из мертвых. Помысли о достоинстве совершившего и ты более не увидишь никакого затруднения в этом деле. Итак, что Христос есть Господь, это видно из Воскресения, как (апостол) сказал и в начале послания: «нареченнем Сыне Божии… из воскресения от мертвых» (Рим 1.4). А что и воскресение возможно, это и для совсем неверующих доказано силой совершившего его. Итак, как скоро

оправдание и очень важно, и легко, и удобоприемлемо, даже иначе и оправдаться невозможно, то не крайнее ли это упорство, оставив удобное и легкое, браться за невозможное? Ведь никто не может уже сказать, что отказался от дела по трудности его.

[18] Замечаешь ли, как (апостол) лишает иудеев всякого извинения? Какого в самом деле оправдания заслуживают те, которые избирают самое трудное и неисполнимое, а оставляют легкое и могущее их спасти, чего и самый закон не в состоянии был дать? Все это доказывает не что иное, как только упорную волю, противящуюся Богу. Закон обременителен, а благодать легка, закон и при бесчисленных усилиях не спасает, а благодать дает оправдание как благодатное, так и законное. Итак, что скажут в свое оправдание те, которые упорствуют против благодати и без пользы и цели держатся закона? Потом, так как (апостол) сказал нечто важное, он опять удостоверяет в этом Писанием.

[19] Рим.10:11–13. Глаголет бо Писание , – говорит он: всяк веруяй в Онь не постыдится. Несть бо разнствия Иудееви же и Еллину: той бо Господь всех, богатяй во всем и во всех призывающих Его. Всяк бо, иже аще призовет имя Господне, спасется.

[20] Замечаешь ли, как (апостол) приводит свидетельства о вере и о исповедании? Когда говорит: «всяк веруяй», указывает на веру, а когда говорит: «всяк, …иже аще призовет», разумеет исповедание. Потом, снова возвещая общность благодати и низлагая надменность иудеев, (апостол) в кратких словах напоминает о том, что выше доказывал пространно, и опять подтверждает, что нет разности между иудеем и необрезанным. «Несть бо разнствия Иудееви же и Еллину», – говорит он. И что

выше, когда доказывал это, говорил об Отце, то говорит здесь о Христе. Как выше, раскрывая тоже самое, сказал: «или иудеев Бог токмо, а и не языков? Ей и язы́ков, …понеже един Бог» (Рим 3.29–30), так и здесь говорит: «той бо Господь всех, богатяй во всем и во всех призывающих Его». Видишь ли, как (апостол) доказывает, что Бог сильно желает нашего спасения, так что считает его даже Своим богатством. Потому иудеи и ныне не должны отчаиваться и думать, что они не могут быть прощены, хотя бы и пожелали покаяться. Считающий наше спасение Своим богатством не перестанет обогащаться, так как и изливать дар на всех для Него также есть обогащение. А так как иудеев особенно смущало то, что прежде они пользовались преимуществом пред всем человеческим родом, а теперь ради веры низвергаются с их престола и не имеют никакого преимущества пред остальными, то (апостол) неоднократно делает указания на пророков, которые предвещают им о таком равенстве. «Всяк бо веруяй в Онь, – сказано, – не постыдится», и еще: «всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется». И чтобы не было возражений, в том и другом месте поставлено слово: «всяк».

21 Нет ничего хуже тщеславия. Оно, именно оно больше всего и погубило иудеев. Потому и Христос сказал им: «како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете» (Ин 5.44)? Тщеславие вместе с гибелью и возбуждает большой смех и прежде еще будущего наказания навлекает здесь бесчисленные бедствия. И если угодно тебе знать это, мы, не касаясь пока небес, откуда тщеславие низводит нас, и геенны, в которую оно ввергает, рассмотрим все то, что оно производит здесь. И действительно, что может быть

вреднее, постыднее и тяжелее тщеславия? Что болезнь эта причиняет убытки, доказывается бесполезными и напрасными издержками на театры, ристалища и на другие столь же ненужные развлечения, вроде постройки великолепных и пышных домов и всяких других излишних сооружений, чего теперь нельзя и описать. Всякому же известно, что человек расточительный, любящий пышность и страдающий болезнью тщеславия, по необходимости делается похитителем и корыстолюбцем. Чтобы доставить пищу этому зверю, он налагает свои руки на чужое имущество. И что говорить об имуществе? Этот огонь пожирает не только деньги, но и души, уготовляет не только настоящую, но и будущую смерть. Тщеславие есть мать геенны, сильно воспламеняет адский огнь и ядовитого червя. Всякому известно, что оно и на мертвых простирает свою власть, а что может быть хуже этого? Все прочие страсти прекращаются со смертью, а тщеславие и после кончины продолжает свое действие и над умершим телом силится показать свое свойство. Когда умирающие заботятся, чтобы им были поставлены великолепные памятники, на которые надобно истратить все их имущество, и стараются и в гробе показать необыкновенную пышность; когда люди при жизни за один овол или кусок хлеба оскорбляли подошедших нищих, а умирая, готовят червю обильную пищу, то какую власть ты найдешь мучительнее этой болезни? От этого же зла рождается и нечистая любовь, так как многие вовлечены в прелюбодеяние не красотою лица, не похотью совокупления, но желанием похвастаться: я соблазнил такую-то и вовлек в любодеяние. И нужно ли говорить о других пороках, которые произрастают отсюда? Я предпочел бы лучше быть рабом у множества варваров, чем у одного тщеславия, так как варвары не

повелевают того пленникам, что приказывает тщеславие своим подчиненным. Будь слугою всех, говорит оно, будут ли они знатнее тебя или незначительнее. Не радей о душе, не заботься о добродетели, смейся над свободою, жертвуй своим спасением, а если сделаешь какое-либо добро, то делай не из угождения Богу, но напоказ людям, чтобы от них получить себе венец; если подаешь милостыню, или постишься, труд перенеси, а пользу старайся погубить. Что может быть бесчеловечнее таких требований? Отсюда ведут свое начало и зависть, и высокомерие, и сребролюбие – мать всех зол. Толпа рабов, одетые в золото варвары, тунеядцы, льстецы, высеребренные колесницы и многое другое, что и того смешнее, употребляются не для удовольствия и пользы, но из одного тщеславия. Да, говоришь ты, всякому известно, что страсть эта – зло, но как нам избежать ее, – вот о чем следует сказать. Главное, если ты вполне убедишь себя в том, что эта болезнь тяжела, то сделаешь самое лучшее начало к исправлению, потому что и больной немедленно ищет врача, как скоро прежде всего узнает, что он болен. А если ты ищешь и другого пути избежать (проистекающего отсюда зла), то взирай непрестанно на Бога и довольствуйся славою, исходящей от Него.

22 Если ты заметишь, что страсть эта подстрекает тебя и побуждает рассказать о заслугах своих собратьям, то ты прежде всего размысли, что из этого рассказа не произойдет для тебя никакой выгоды, угаси нелепую страсть и скажи душе своей: вот сколько времени ты мучилась, чтобы рассказать о своих заслугах, и не могла сохранить молчания, но всем объявила, – какая же от этого тебе польза? Пользы никакой, а вред всем большой – потеря всего того, что ты собрала с великим трудом. А

после этого подумай и о том, что приговор и суд народа ошибочны, к тому же и скоро исчезают. На час они удивляются, а как скоро миновало время, обо всем забыли; венец, дарованный тебе Богом, похитили, а своего сохранить для тебя не сумели. Даже если бы людской венец остался у тебя, то было бы весьма жаль променять его на венец Божий; а когда и его не останется, то какое оправдание мы будем иметь в том, что за преходящее отдаем непреходящее и за похвалы немногих теряем столь великие блага? И хотя бы многие воздавали тебе похвалы, все они достойны сожаления, и тем больше, чем больше число людей, делающих это. Если ты удивляешься сказанному, послушай, как Сам Христос подтверждает это: «горе вам, – говорит он, – егда добре рекут вам все человецы» (Лк 6.26). И совершенно справедливо. Если во всяком искусстве судьями следует избирать художников, то как же ты оценку добродетели вверяешь толпе, а не тому, кто больше всех сведущ в этом, кто может и одобрить, и увенчать? Итак, напишем слово Христово на стенах, на дверях и в сердце, и постоянно будем говорить сами себе: «горе нам, егда добре рекут нам вси человецы», потому что и те самые, которые говорят о тебе хорошо, впоследствии осуждают тебя, называя тщеславным, честолюбивым, пристрастным к людским похвалам. Но не так делает Бог. Когда Он увидит, что ты любишь славу Его, тогда особенно похвалит тебя, удивится и возвестит о тебе. А человек не так, но, считая тебя не свободным, а рабом, и часто угождая тебе ложною похвалою, состоящею в пустых словах, обыкновенно похищает у тебя истинную награду и подчиняет тебя себе больше, чем купленного раба. Ведь господа имеют рабов для того, чтобы они слушались их в том, что приказано, а ты служишь и без приказаний. Ты и не ждешь, чтобы

услышать что-нибудь от них, но как только узнаешь, чем можно угодить им, все делаешь, хотя бы они и не приказывали. Какой же геенны достойны будем мы, которые услаждаем дурных людей и служим им прежде, нежели прикажут, а вовсе не слушаем Бога, несмотря на то, что Он ежедневно нам приказывает и увещевает? Если ты любишь славу и похвалы, то избегай похвалы человеческой и тогда приобретешь славу; уклоняйся от людских одобрений и тогда получишь многие похвалы и у Бога, и у людей. Ведь и мы обыкновенно больше всего прославляем того, кто презирает славу, обыкновенно хвалим и удивляемся тому, кто ни во что ставит похвалы и удивление; если же мы так поступаем, то тем более Бог всяческих. А когда Бог восхвалит тебя и прославит, кто может быть счастливее тебя? В самом деле, каково различие между славою и бесчестием, таково же различие между славою небесною и человеческою, лучше же сказать, гораздо больше, до бесконечности.

23 Если же человеческая слава ни с чем несравнима, постыдна и безобразна, то рассуди, какою окажется ее гнусность, когда сопоставим ее с славой небесной. Как блудная женщина, находясь на кровле, отдает себя всем, так поступают и рабы тщеславия, а вернее сказать, они даже гнуснее и блудниц, потому что блудницы нередко пренебрегают некоторыми из полюбивших их, а ты предлагаешь себя всякому – и беглецам, и разбойникам, и мошенникам. При помощи таких и подобных лиц устраиваются вами зрелища, возбуждающая похвалы; и тех самых, из которых каждый сам по себе, по твоему же мнению, ничего не стоит, ты, когда они собраны вместе, предпочитаешь собственному спасению, этим показывая, что ты бесчестнее каждого из них. Как же ты не бесчестнее, как скоро имеешь нужду в их похвалах и не

бываешь доволен сам собою, если не приобретешь славы от других? Кроме всего этого, скажи мне, неужели ты не понимаешь, что, будучи человеком знаменитым и всем известным, ты имеешь бесчисленное множество обвинителей, если согрешишь, а оставаясь в неизвестности, ты будешь в безопасности? Да, говоришь ты: за то и заслугам моим удивляется бесчисленное множество людей. Но в том и несчастье, что болезнь тщеславия вредит тебе не только тогда, когда ты грешишь, а и тогда, когда оказываешь заслуги, и в одном случае она подвергает тебя бесчисленным укоризнам, в другом же лишает всей награды. Гибельно и исполнено всякого бесчестия – любить славу в делах гражданских, а когда та же страсть овладеет тобою и в делах духовных, тогда какое оправдание останется тебе, не желающему воздать Богу такой же чести, какой сам требуешь от домашних? Ведь и раб смотрит в глаза господину, и наемник обращает внимание на хозяина работы, который должен выдать плату, и ученик смотрит на учителя, – а у тебя все напротив: ты, оставив нанявшего тебя Бога и Владыку, смотришь на собратий, хотя сам знаешь, что Бог и впоследствии будет помнить твои заслуги, а человек помнит только в настоящем; для тебя уготовано зрелище на небе, а ты собираешь зрителей на земле. Борец, где подвизается, там ждет себе и одобрений, а ты, подвизаясь для горнего, заботишься получить награду долу. Что может быть хуже такого безумия? Посмотрим же, если угодно, и на самые венцы: иной состоит из высокомерия, иной из зависти к другому, один из насмешки и лести, другой из денег, иной из рабского служения. Как дети во время игры возлагают друг на друга венки из травы и часто, увенчав кого-нибудь так, чтоб он сам не заметил, смеются над ним сзади, так и теперь те, которые тебя

хвалят, часто сами между собой смеются, возложив на тебя траву. И пусть бы еще только траву, но их венец причиняет нам большой вред и губит все наши заслуги.

24 Итак, рассудив о ничтожности его, избегай вреда. Сколько, по твоему мнению, должно быть хвалящих тебя? Сто человек или вдвое, втрое, вчетверо больше, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто раз больше; пусть будет, если угодно, две, четыре, десять тысяч рукоплещущих, но они ничем не отличаются от каркающих ворон, а если ты представишь себе зрелище ангелов, то эти рукоплещущие окажутся ничтожнее червей, а их одобрения слабее паутины, дыма, сновидения. Послушай, как Павел, в точности узнавший людскую славу, не только не домогается ее, но и отвращается, говоря: «мне же да не будет хвалитися, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Гал 6.14). Итак, и ты возревнуй об этой похвале, чтобы не разгневать Господа. А, ища похвалы людской, ты бесчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцем и имея у себя ученика, ты и сам не перенес бы равнодушно, если бы он не стал тебе показывать произведений своего искусства, а выставил бы картину напоказ простым зрителям. Если это обидно для собратий, то гораздо более для Владыки. А если хочешь знать, какие еще есть побуждения презирать людскую славу, то будь исполнен высоких мыслей, смейся над видимым, возрастай в любви к истинной славе, исполнись духовных помыслов, скажи душе своей, как говорил Павел: «не весте ли, яко ангелов судити имамы» (1Кор 6.3)? И возбудив ее этим, вразуми и скажи: неужели ты, судящая ангелов, желаешь, чтобы тебя судили нечистые и хвалили, как хвалят плясунов, лицедеев, звероборцев и наездников, которые стремятся к таким именно похвалам? А ты постарайся быть выше этих кликов,

подражай пустынножителю Иоанну, узнай, как он презирал народную толпу и, видя льстецов, не обращал на них внимания. Когда же все жители Палестины собрались вокруг него, удивлялись ему и приходили в изумление, то он не хвалился и такою честью, но восставал против них и, обращаясь к многочисленному народу, как к ребенку, поражал их такими укоризнами: «змеи, рождения ехиднова» (Мф 3.7). Хотя они сходились и оставляли города для него, чтобы видеть эту священную главу, однако ничто не смягчило Иоанна, – так он далек был от славы и свободен был от всякой гордости. И Стефан, видя, что опять тот же народ не чтит его, но неистовствует и скрежещет зубами, поставив себя выше их гнева, говорит: «жестоковыйнии и необрезании сердцы» (Деян 7.51). И Илия в присутствии войска, царя и всего народа сказал: «доколе вы храмлете на обе плесне ваша» (3Цар 18.21)? Но мы всем льстим, угождаем, покупая себе этим раболепным служением их почтение. Вследствие этого все переменилось, мы лишились благодати первых веков, дела христианства пришли в упадок и все пренебрежено для людской славы.

25 Итак, искореним страсть, и тогда вполне узнаем свободу, найдем пристань и тишину. Ведь тщеславный подобен обуреваемым волнами, всегда трепещет, боится и служит очень многим господам. А кто находится вне этой мучительной власти, тот подобен достигшим пристани и наслаждающимся полною свободою. Но не таков тщеславный, который скольким бы ни был известен, столько же имеет и господ и всем вынужден служить. Как же нам освободиться от этого тяжкого рабства? Если возлюбим другую славу, славу истинную. Как влюбленных в красивое лицо обыкновенно отвлекает от этой любви другое лице, которое красивее прежнего, так и

пристрастных к людской славе может отвлечь от нее слава, воссиявшая с небес. Потому обратим взоры на эту последнюю, узнаем ее в точности, чтобы, удивившись красоте ее, избежать нам позора славы мирской и насладиться многим удовольствием, непрестанно утешаясь славою небесною, достигнуть которой да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 18

[1] Рим 10.14–15. Како убо призовут, в Негоже не вероваша? Како же уверуют, егоже не услышаша? Како же услышат без проповедающаго? Како же проповедят, аще не послани будут? Якоже есть писано.

[2] Апостол опять лишает иудеев извинения. Сказав: «свидетельствую… им, яко ревность Божию имут, но не по разуму», и еще: «не разумеюще… Божия правды, …не повинушася» (Рим.10:2–3), он показывает далее, что и за самое незнание они должны быть наказаны Богом. Впрочем, он не говорит этого прямо, а раскрывает, излагая речь в вопросах, и, для большей ясности доказательств, все это место составляет из возражений и ответов. Смотри же: выше он сказал словами пророка, что «всяк, …иже аще призовет имя Господне, спасется» (Рим.10:13). Но, может быть, кто-нибудь скажет: как могли они призывать Того, в Кого не уверовали? Потом за возражением у него следует вопрос: почему не уверовали? И опять возражение, – потому что, несомненно кто-нибудь мог бы спросить: как они могли уверовать, не слышавши? Они слышали, отвечает (апостол). Потом опять другое возражение: как могли услышать без проповедующего? И опять ответ: многие проповедовали и многие для этого именно и были посланы. Из чего же видно, что они были посланы для проповеди? Тут, наконец, (апостол) приводит слова пророка: «коль красны… ноги благовествующих мир, благовествующих благая» (Ис 52.7). Видишь ли, как самым способом проповеди он доказывает, что они были проповедниками. Апостолы, обходя вселенную, возвещали не иное что, как неизреченные блага и совершившийся

мир Бога с людьми. Потому вы, неверующие, не нам не верите, говорит (Павел), но Исаии, который за многие годы предвозвестил, что мы будем посланы, станем проповедовать и станем говорить то самое, что и сказали. Итак, если спасение зависит от призвания, призвание от веры, вера от слышания, слышание от проповедания, проповедание от послания, а апостолы были посланы и проповедовали, даже вместе с ними ходил и пророк, указывал на них, возвещал и говорил: вот те самые, о которых за долгое время я возвестил свыше и ноги которых я восхвалял за способ проповеди, то ясно, что неверие есть собственная вина иудеев, а со стороны Божией все сделано.

[3] Рим.10:16–17. Но не вси послушаша благовествования: Исаия бо глаголет: Господи, кто верова слуху нашему? Темже убо вера от слуха, слух же глаголом Божиим.

[4] Но вот иудеи опять делали новое возражение, говоря: «если именно эти (апостолы) были посланы и посланы от Бога, то следовало, чтобы все их послушались». И обрати внимание на благоразумие Павла, как он доказывает, что то самое, что приводило в смущение, должно уничтожить волнение и беспокойство. Почему, говорит он, после столь многочисленного и важного свидетельства и после подтверждения его делами, тебя, иудей, соблазняет то, что не все послушались благовествования? Но именно это самое, что не все слушаются, при других доказательствах достаточно к тому, чтобы уверить тебя в истине проповедуемого. И об этом издревле предсказал пророк. Заметь же неизреченную мудрость (апостола), как он доказывает более того, сколько иудеи ожидали и надеялись противоречить ему. Что говорите вы, спрашивает он? То ли, что «не вси послушаша

благовествования?» Но Исаия давно предсказал и это, вернее же сказать, он предрек не это одно, но и гораздо большее. Вы ставите в вину то, что не все послушались, а Исаия говорит и больше этого. Что же именно? «Господи, кто верова слуху нашему?» Потом, уничтожив словами пророка это смущение, (апостол) держится опять прежней связи. Так как он сказал, что нужно сперва призвание, а призываемым нужно уверовать, а уверовавшим прежде услышать, а готовым услышать необходимо иметь проповедников, а проповедники должны быть посланы, и так как он доказал, что они были посланы и проповедовали, то, намереваясь предложить еще новое возражение, взял для этого основание из другого пророческого свидетельства, которым незадолго пред тем решил возражение, и таким образом соединяет его и связывает с предыдущим. После того, как привел слова пророка: «Господи, кто верова слуху нашему?» он, благовременно взявши и другое свидетельство, говорит: «темже убо вера от слуха». И это он сказал не без цели, так как иудеи постоянно искали чудес и желали видеть воскресение; и так как много было таких, которые домогались этого, то (апостол) и говорит, что и пророк возвестил о том, что вера наша должна происходить от слышания. Потому он заранее это и доказывает, говоря: «темже убо вера от слуха». А так как это, по-видимому, было незначительно, смотри, каким образом он усиливает речь свою. Не о простом слышании сказал я, продолжает он, не о том, что должно услышать человеческие речи и им поверить, но говорю о слышании высоком: «слух же глаголом Божиим». Проповедники не свое говорили, а возвещали то, что узнавали от Бога; это гораздо выше чудес. Богу, когда Он говорит и совершает чудеса, одинаково должно верить и повиноваться, потому что

дела и чудеса производятся словом Его; так именно явилось небо и все прочее.

5 Итак, доказав, что должно верить пророкам, которые всегда говорят не свое, но Божие, и что не нужно искать ничего больше слышания, (апостол) излагает уже то возражение, о котором я упоминал, и говорит:

6 Рим.10:18. но глаголю: еда не слышаша?

7 (Апостол) спрашивает: что же из того, если проповедники были посланы и проповедовали то, что им повелено было, ведь иудеи не слышали? Потом со всею полнотою предлагается решение возражения.

8 Темже убо во всю землю изыде вещание их, и в концы вселенныя глаголы их.

9 Что ты говоришь, спрашивает (Павел), неужели они не слышали? Но услышала вселенная, услышали все пределы земные, а вы, у которых проповедники провели столько времени и от которых они произошли, неужели не слышали? Возможное ли это дело? Если услышали пределы вселенной, тем более вы. Потом опять новое возражение.

10 Рим.10:19. Но глаголю: еда не разуме Израиль?

11 А если иудеи, хотя и слышали, но не поняли сказанного, не узнали, что посланные были те самые проповедники, то не заслуживают ли они извинения ради такого неведения? Нимало. Исаия ведь указал признаки проповедников, сказав: «коль красны ноги благовествующих мир» (Рим.10:15). А прежде Исаии изобразил их Сам Законодатель, почему (апостол) и присовокупил:

[12] первый Моисей глаголет: аз раздражу вы о не языце, о языце неразумне прогневаю вас.

[13] Таким образом должно было узнать проповедников не только потому, что иудеи не уверовали, что проповедники благовествовали мир и возвещали о благах и что слово сеялось повсюду во вселенной, но и потому, что удостоены были большей чести те, которые ниже иудеев, то есть язычники. Язычники неожиданно стали любомудрствовать о том, чего никогда не слышали ни сами они, ни предки их. Это было знаком высокой чести, которая должна уязвлять иудеев, побуждать их к соревнованию и приводить на память пророчество Моисея – «раздражу вы, о не языце». Не только величие чести достаточно было к тому, чтобы подвигнуть иудеев к соревнованию, но и то, что народ, удостоившийся ее, был настолько низок, что не достоин был и названия народа. «Аз раздражу вы о не языце, – сказано,– о языце неразумне прогневаю вас». Что было неразумнее и ниже язычников? Посмотри, как Бог заранее дал иудеям признаки и ясные знамения всех этих времен, чтобы отверзть слепоту их. При том это происходило не в тесном углу, но на суше и море, и всюду во вселенной; тех, кого иудеи прежде презирали, они увидели обладателями бесчисленных благ. Итак, следовало понять, что это тот самый народ, о котором говорит Моисей: «раздражу вы о не языце, о языце неразумне прогневаю вас». Но один ли Моисей сказал это? Никак, но и после него то же подтвердил Исаия. Потому Павел и сказал: «первый Моисей», показывая, что есть и второй, говорящий о том же самом яснее и внятнее. И как выше сказал: «вопиет… Исаия» (Рим.9:27), так и здесь:

[14] Рим.10:20. Исаия же дерзает и глаголет.

15 Это значит, что Исаия старался и употреблял все меры к тому, чтобы не выразиться темно, а представить дело пред взорами нашими во всей наготе, предпочитая лучше подвергнуться опасности за то, что сказал ясно, нежели, заботясь о собственном спасении, оставить вам какой-нибудь предлог к извинению; и хотя пророк и не обязан был говорить об этом так ясно, однако же он, чтобы совершенно заградить вам уста, обо всем предсказывает вполне ясно и определенно. О чем же – обо всем? И о вашем падении, и о введении язычников, говоря так:

16 обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим о Мне.

17 Кто же эти не искавшие и не вопрошавшие? Очевидно, что не иудеи, а язычники, которые никогда не знали Бога. Как Моисей отличительный их признак выразил словами: «о не языце», и: «о языце неразумне» (Рим.10:19), так и Исаия изображает здесь то же их свойство – незнание в крайней степени. Это и было самым важным обвинением для иудеев, что не искавшие нашли, а искавшие потеряли.

18 Рим.10:21. Ко Израилю же глаголет: весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и пререкающим.

19 Замечаешь ли, что то, что затрудняло и о чем многие недоумевали, было известно и раньше и ясно разрешено было еще в пророческих писаниях? Что же это такое? Ты слышал, что Павел говорил выше: «что убо речем? Яко язы́цы, не гонящии правду постигоша правду: …Израиль же, гоня закон правды, в закон правды не постиже» (Рим.9:30–31). То же говорит здесь и Исаия, – слова: «обретохся не ищущим Мене, явлен бых не вопрошающим

о Мне» (Рим.10:20) – значат то же, что и сказанное апостолом: «языцы, не гонящии правду постигоша правду». Потом, показав, что совершившееся было делом не одной Божией благодати, но и собственного расположения пришедших, равно как и падение иудеев было следствием упорства непослушных, выслушай, что (апостол) прибавил: «ко Израилю же глаголет: весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и пререкающим». Под словом – «день» он разумеет здесь все прошедшее время, а «воздевать руце» значит у него – звать, привлекать и призывать. Потом, показывая, что во всем этом были виновны сами иудеи, говорит: «к людем непокоривым и пререкающим». Замечаешь ли, как сильно обвинение? Иудеи не только не повиновались (Богу) даже тогда, когда призывал их, но и еще противоречили, и притом не раз, не два, не три, но и во все то время, когда видели, что (Бог) зовет их. А язычники, никогда не знавшие Бога, имели силу привлечь Его к себе. Впрочем, (апостол) не говорит, что они сами смогли привлечь к себе Бога, но, низлагая гордость язычников и показывая, что все произвела благодать Божия, он выражается: «явлен бых, …и… обретохся».

[20] Итак, язычники свободны от всего, спросишь ты? Никак, но их делом было взять найденное и познать открывшееся. После того, чтобы иудеи не сказали: почему же Он не явился и нам? – (апостол) указывает и на нечто большее, говоря, что Он не только им являлся, но и не переставал простирать руки и призывать, являя заботливость чадолюбивого отца, и сердобольной матери. Смотри, какое ясное решение дал (апостол) на все возникшие выше недоразумения, доказав, что иудеи погибли по собственной воле и во всех отношениях не заслуживают извинения. Хотя они и слышали и понимали

сказанное, но при всем том не захотели прийти. И что гораздо важнее, Бог не только дал им услышать и уразуметь это, но присоединил и более сильные меры для побуждения и привлечения упорных и противящихся. Какие же именно? Ободрение их и возбуждение соревнования. Вы сами знаете власть этой страсти, знаете, какую силу имеет соревнование в деле преодоления всякого препятствия и в восстановлении падших.

21 И нужно ли говорить это о людях, когда соревнование оказывает великое влияние и на бессловесных, и на детей в незрелом возрасте? Часто ребенок, когда зовет его отец, не слушается и продолжает упрямиться, но когда видит, что ухаживают за другим ребенком, он без всякого приглашения бежит к родительской груди, и то, чего не могла сделать просьба, легко производит соревнование. Так и Бог поступил с иудеями. Он не только призывал их, простирал к ним руки, но и возбуждал в них страсть соревнования, наделяя благами тех, которые были гораздо ниже их (а это особенно возбуждает соревнование), и притом, не теми благами, какие даны были иудеям, но – что гораздо важнее и делает страсть более мучительной – благами гораздо большими и нужнейшими, такими, каких иудеи и во сне себе не представляли. Но они и при всем том не послушались. Итак, какого извинения достойны те, которые показали свое упорство в столь великой степени? Никакого. Впрочем, (апостол) сам не говорит этого, но предоставляет совести слушателей заключить об этом на основании сказанного и в следующих словах со свойственною ему мудростью опять доказывает то же самое. Как он поступал и выше, вводя в рассуждение о законе и о народе возражения, в которых заключалось

более сильное обвинение, чем сколько было нужно, потом в решении, где опровергалось обвинение, уступал в такой мере, в какой позволяли обстоятельства, чтобы не огорчить своим словом, так поступает и здесь, говоря:

22 Рим.11:1–5. глаголю убо, еда отрину Бог люди Своя, …ихже прежде разумé? …Да не будет.

23 (Апостол), как бы взявши основание в сказанном, представляет себя сомневающимся и, произнеся эти грозные слова, посредством отрицаний их делает удобоприемлемым то, что он старался доказать везде выше и что раскрывает и здесь. Что же такое? То, что хотя число спасенных и невелико, но обетование непреложно. Потому не просто сказал – люди, но присовокупил: «ихже прежде разуме». Далее, в доказательство того, что иудеи не отвержены, говорит:

24 ибо и аз израильтянин есмь, от семене Авраамля, колена Вениаминова.

25 Я, говорит, учитель, проповедник. А так как это противоречило, по-видимому, сказанному выше, именно: «кто верова слуху нашему»? и: «весь день воздех руце Мои к людем непокоривым и пререкающим», и еще: «Аз раздражу вы о не языце» (Рим.10:16, 19, 21), – то (апостол) не ограничился отрицанием и словом: «да не будет», но то же самое повторяет утвердительно и говорит:

26 не отрину Бог людей Своих.

27 Но, скажешь, это не подтверждение, а отрицание. Так вот же тебе сперва одно, а потом и другое подтверждение. Первое, – когда (апостол) объявляет, что он и сам иудей; если бы Бог определил отвергнуть иудеев, то не избрал бы из среды их Павла, которому вверил всю проповедь, дела

целого мира, все тайны, все Домостроительство человеческого спасения. Это – первый довод, а второй, за ним следующий, заключается в словах:

28 люди, …ихже прежде разуме́,

29 то есть о которых Он ясно знал, что они способны к принятию веры и примут ее, так как и из иудеев уверовали три тысячи и пять тысяч, и великое множество.

30 А чтобы кто-нибудь не возразил: разве ты составляешь народ, и из того, что ты призван, разве следует, что призван целый народ? – (апостол) присовокупил: «не отрину людей Своих, ихже прежде разуме́».

31 Он как бы так говорит: со мною есть три тысячи, есть пять тысяч, есть великое множество. Так что же? Неужели в трех, в пяти тысячах и в великом множестве людей заключается то семя, которое уподоблялось множеству небесных звезд и морскому песку? Не явно ли ты нас обманываешь и вводишь в заблуждение, когда себя и немногих с тобою выдаешь за целый народ? Не пустыми ли надеждами ты обольщаешь нас, говоря, что обетование исполнилось, тогда как все погибли, и спасение досталось в удел немногим? Это – хвастовство и кичливость, и мы не потерпим таких ложных заключений. Но чтобы иудеи не могли сказать этого, смотри, какой ответ дает (апостол) в последующих словах: не высказывая возражения, но предупреждая его, он предлагает решение на основании ветхозаветной истории. Какое же это решение?

32 Или не весте о Илии , – говорит он, – что глаголет Писание, яко проповедует Богови на Израиля, глаголя: Господи, пророки Твоя избиша и олтари Твоя раскопаша и аз остах един, и ищут души моея́. Но что глаголет ему Божественный ответ? Оставих Себе седмь тысяч муже́й,

иже не преклониша колена пред Ваалом. Тако убо и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть.

33 Смысл этих слов таков: Бог не отверг народа, потому что если бы отверг, то никого бы не принял, а если некоторых принял, то не отверг. Но если не отверг, говоришь ты, то, значит, всех принял? Нимало. И при Илии спаслось не более семи тысяч, и ныне, вероятно, много есть уверовавших. Нисколько не удивительно, если вы и не знаете их, так как не знал их и пророк Илия, столь великий муж; но Бог устроял Свои дела, хотя пророк и не знал. Заметь же благоразумие (апостола), как он, доказывая то, что предположил доказать, незаметно увеличивает вину иудеев. Он для того вспомнил о всем этом свидетельстве, чтобы яснее обнаружить их неблагодарность и доказать, что они издревле таковы. А если бы он не имел этого намерения, но хотел доказать одно то, что народ состоит из немногих, то сказал бы только, что и при Илии осталось семь тысяч. Но теперь он приводить все свидетельство с начала, так как всеми мерами старался доказать, что поступки иудеев со Христом и апостолами не представляют ничего странного, но обыкновенны у них и обратились в привычку. А чтобы они не сказали: мы убили Христа, как обманщика, и преследуем апостолов, как обольстителей, – (апостол) приводит свидетельство, в котором говорится: «Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша». Потом, чтобы не слишком огорчить этим словом, он представляет другую причину для приведения этого свидетельства. Он приводит его будто бы не с тою главною целью, чтобы обвинить их, но имея в виду доказать нечто иное; а, между тем, лишает их всякого извинения и в прежних делах. Смотри же, как обвинение получает особенную силу в зависимости от обличающего

лица. Обличителем является не Павел, не Петр, не Иаков, не Иоанн, но тот, кому иудеи удивлялись больше всех, глава пророков, друг Божий, такой ревнитель в пользу иудеев, что решился терпеть и голод, тот, кто еще и теперь не умер. Что же говорит он? «Господи, пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша, а аз остах един, и ищут души моея́». Что может быть ужаснее такого зверства? Тогда как следовало молиться о содеянных уже грехах, они намеревались убить и его. Все это лишает их всякого извинения. Ведь не во время голода, но при наступившем плодородии, когда позор уже уничтожен, бесы посрамлены, могущество Божие явлено и сам царь смирился, – они отважились на такое злодеяние, переходя от убийств к убийствам и умерщвляя учителей и тех, кто исправлял их жизнь. И что они могли сказать по поводу этого? Неужели и те были обманщиками? Неужели и о тех не знали, откуда они? Они огорчали вас? Но они же говорили и полезное. А что же жертвенники? Неужели и они огорчали? Неужели и они оскорбляли? Вот какие примеры упорства и высокомерия всегда показывали иудеи. Потому Павел и в другом месте, в послании к Фессалоникийцам, говорит: «таяжде и вы пострадасте от своих сплеменик, якоже и тии от иудей, убивших и Господа Иисуса и Его пророки, и нас изгнавших, и Богу не угодивших, и всем человеком противящихся» (1Фес 2.14–15). Подобное он и здесь говорит, что иудеи разрушили жертвенники и избили пророков. Но что говорит ему Божественный приговор? «Оставих Себе седмь тысящ мужей, иже не преклониша колена пред Ваалом». Ты спросишь, относится ли это к настоящему времени? Вполне относится, – этим и доказывается, что Бог обыкновенно всегда спасает достойных, хотя обетование дано целому народу. То же доказывает

(апостол) и выше, когда говорит: «аще будет число сынов Израилевых яко песок морский, останок спасется», и: «аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, якоже Содом убо были быхом» (Рим.9:27, 29). То же доказывает и здесь, почему и присовокупляет: «тако… и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть».

[34] Смотри, как каждое слово (апостола) сохраняет свою силу, выражая и благодать Божию, и благоразумие спасаемых. Словом – «по избранию» (апостол) показал достоинство спасаемых, а словом – «благодати» означил дар Божий.

[35] Рим.11:6. Аще ли по благодати, то не от дел, зане благодать уже не бывает благодать. Аще ли от дел, ктому несть благодать: зане дело уже несть дело.

[36] Апостол опять, по вышесказанному, нападает на упорство иудеев, и здесь восстает против них, и здесь лишает их извинения. Вы не можете сказать, говорит он, что, хотя пророки увещевали, Бог призывал, самые дела вопияли и соревнование достаточно было для привлечения нас, но повеления были тяжелы, и поэтому мы не могли прийти, так как от нас требовали показать дела и трудные заслуги, о чем даже и нельзя сказать. Но как Бог мог потребовать от вас того, что должно было омрачать благодать Его? Говорил же он это, желая показать, как сильно хотел их спасения. Не только спасение их могло совершиться удобно, но и для Бога было бы величайшей славой явить Свое человеколюбие. Итак, почему же ты побоялся приступить, когда от тебя не требуют дел? Зачем ты споришь и упорствуешь, когда предлагают тебе благодать, а ты без нужды и пользы ссылаешься на закон? Ведь законом ты себя не спасешь, а дар этот унизишь. Если ты упорно хочешь спасаться

законом, то уничтожаешь благодать Божию. Потом, чтобы не признали этого новым учением, (апостол) заранее говорит, что и те семь тысяч спасены благодатью. Словами: «тако… и в нынешнее время останок по избранию благодати бысть» (Рим.11:5), он именно показывает, что и те были спасены благодатью. Тоже самое видно и из слов: «оставих Себе» (Рим.11:4), которыми Бог показывает, что большую часть дела совершил Он сам. А если по благодати, говоришь ты, то почему мы не все спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Благодать, хотя и есть именно благодать, спасает однако ж желающих, а не тех, которые не хотят и отвращаются от нее, которые постоянно восстают на нее и противятся ей. Видишь, как (апостол) везде раскрывает ту истину, что невозможно, чтобы слово Божие не сбылось, и доказывает, что обетование исполнилось на достойных и что достойные, хотя их и немного, могут составить народ Божий (Рим 9.6)? В начале послания ту же мысль он выразил с большей силой, сказав: «что бо, аще не вероваша нецыи», и, не остановившись на этом, присовокупил: «да будет же Бог истинен, всяк же человек лож» (Рим 3.3–4); и теперь он опять раскрывает эту мысль другими доводами, доказывает могущество благодати и то, что всегда одни спасаются, а другие погибают.

37 Итак, возблагодарим Бога за то, что мы оказались в числе спасаемых и, не имея возможности спастись делами, были спасены по дару Божию. Благодарность же свою мы засвидетельствуем не словами только, но и делами и поступками. Благодарность тогда-то бывает совершенною, когда мы исполняем то, что служит к славе Божией, и когда избегаем того, от чего мы освободились. Ведь если мы, оскорбивши царя, вместо того, чтобы подвергнуться наказанию, удостоены награды, потом

опять оскорбили его, то справедливость требует, чтобы мы, как виновные в крайней неблагодарности, понесли и крайнее наказание, притом гораздо больше прежнего, потому что прежнее оскорбление не так доказывало нашу неблагодарность, как совершенное после оказанной нам чести и многих услуг. Потому станем избегать того, от чего мы освободились, и станем благодарить не одними устами, чтобы и о нас не было сказано: «люди сии… устнами… почитают Мя, сердце же их далече отстоит от Мене» (Ис 29.13). Не странно ли, что небеса возвещают славу Божию, а ты, для которого и небеса славят Бога, совершаешь такие дела, что чрез тебя хулится сотворивший тебя Бог? Конечно, за это не один тот, кто хулит, но и ты сам подлежишь наказанию. Небеса славят Бога не тем, что они издают звук, но посредством созерцания побуждают других к славословию; однако же и о них говорится, что они возвещают славу Божию. Так и проводящие достойную удивления жизнь, хотя безмолвствуют, но славят Бога, когда чрез них другие славят Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждает удивление. Поэтому, когда мы беседуем с язычниками, то ссылаемся не на небо, но на людей, которые прежде были хуже зверей и которых Бог сделал подобными ангелам, и, указывая на эту перемену, мы заграждаем им уста.

[38] Человек гораздо лучше неба и может стяжать душу, превосходнее красоты небесной. Небо, будучи видимо в течение такого продолжительного времени, убедило немного, а Павел, проповедавший недолгое время, привлек целую вселенную, потому что обладал душою, которая не меньше неба и могла всех привлечь. Ведь наша душа не достойна и земли; а его (душа) равноценна и небесам. Небо стоит, сохраняя свой предел и закон, а

высота души Павла превзошла все небеса и беседует с Самим Христом; ее красота так велика, что Сам Бог свидетельствует о ней. При сотворении звезд дивились ангелы, а Павлу удивился и Христос, сказавший: «сосуд избран Ми есть сей» (Деян 9.15). Небо часто покрывают тучи, а душу Павла не омрачило никакое искушение, но и среди бурь она являлась блистательнее ясного полдня и сияла так же, как и до мрака. Солнце, в нем сиявшее, изливало не такие лучи, которые могли бы омрачиться от стечения искушений, но при искушениях оно блистало еще больше. Потому и сказал Христос: «довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается» (2Кор 12.9).

39 Итак, будем ему подражать, и если пожелаем, то и в сравнении с нами ничего не будут значить ни небо, ни солнце, ни весь мир, потому что все это для нас, а не мы для этого. Покажем же, что мы достойны того, чтобы все это было создано для нас. Если же окажемся недостойными этого, то как будем достойны Царства? И если недостойны смотреть на солнце те, которые живут для хулы на Бога, то богохульствующие недостойны наслаждаться и тварями, которые прославляют Бога, так как и сын, оскорбляющий отца, не достоин пользоваться услугами честных рабов. Потому творения Божии удостоятся великой славы, а мы подвергнемся наказанию и мучению. И какое будет несчастье если тварь, для тебя призванная к бытию, преобразится в свободу славы чад Божиих, а мы, бывшие чадами Божиими, по вине которых тварь насладится тем великим блаженством, будем посланы за великое нерадение на гибель и в геенну. Потому, чтобы этого не было, мы, приобретя чистую душу, станем и сохранять ее таковою, а лучше сказать – увеличим блеск ее; а если мы осквернили душу, не будем

отчаиваться. «Аще будут греси ваши, – говорит (Бог), – яко багряное, яко снег убелю: аще же будут яко червленое, яко во́лну убелю» (Ис 1.18). А если Бог обещает, ты не сомневайся, но делай то, чем можешь привлечь эти обетования. Ты совершил много худых дел и преступлений? Что же? Ты не сошел еще во ад, где никто не исповедуется, ристалище еще не уничтожено, но ты стоишь среди поприща и можешь даже последней борьбой возместить все поражения. Ты не там еще, где находится богач, и тебе еще не сказано: «между… вами и нами… пропасть велика утвердися» (Лк 16.26). Жених еще не пришел, и никто не побоится дать елея; ты еще можешь купить и оставить для запаса. Никто еще не скажет: «еда како не достанет нам и вам» (Мф 25.9), но есть много продающих, есть нагие, голодные, больные, заключенные в узы. Одних накорми, других одень, лежащих посети, и елея будет у тебя больше источников. Не наступил еще день отчета. Воспользуйся временем, как должно, уменьши долги и тому, кто должен сто мер масла, скажи: «приими писание твое, и… напиши пятьдесят» (Лк 16.6). Также поступай и в отношении денег, слов и всего другого, подражая тому управителю; убеждай к тому и себя, и родственников. Еще ты в праве говорить это, еще не находишься в необходимости просить об этом другого, но имеешь власть давать советы и себе, и другим. А когда переселишься туда, тебе невозможно будет делать, как должно, ни того, ни другого. И справедливо. Тебе дано было столько времени, но ты не принес пользы ни себе, ни другому: как же ты сможешь получить такую милость, находясь уже в руках Судии? Сообразив все это, станем заботиться о своем спасении и не станем губить благовременности настоящей жизни. Возможно, вполне возможно и при

последнем издыхании угодить Богу; возможно и посредством завещания получить одобрение, хотя и не так удобно, как при жизни, однако же можно. Как же именно? Если в число своих наследников впишешь Христа и уделишь Ему часть из всего наследства. Ты не напитал Его при жизни своей? По крайней мере после смерти, когда ты уже не господин своего имения, передай его Христу: Он человеколюбив и не строго с тебя взыскивает. Конечно, и любовь больше и награда больше, если питаешь Его при жизни своей, но если ты и не сделал этого, то, по крайней мере, исполни второе, оставь Его сонаследником своего имущества вместе с детьми своими. А если ты не решаешься и на это, то вспомни, что Отец Его сделал тебя сонаследником Его, и изгони свое бесчеловечие. В самом деле, какое извинение ты будешь иметь, если вместе с своими детьми не сделаешь участником и Того, Кто сделал тебя участником неба и умерщвлен ради тебя? Конечно, Сам Он, что ни сделал, сделал не в уплату долга, но для обнаружения благодати, а ты и после стольких благодеяний остался еще и должником Его. Однако же при всем этом Он венчает тебя, как будто получает от тебя милость, а не долг взыскивает, тогда как в действительности получает от тебя только Свое.

40 Итак, отдай Ему деньги, для тебя уже бесполезные, над которыми ты и не господин, а Христос даст тебе Царство, всегда для тебя полезное, а вместе с ним дарует тебе и здешние блага. Если Он будет сонаследником детей твоих, то облегчит их сиротство, избавит от обид, отразит злоумышления, заградит уста клеветников; если дети твои не будут в состоянии защитить завещание, то Он Сам это сделает и не допустит нарушить. А если и допустит, то Сам по Себе исполнит все написанное с большей

щедростью, потому что ты и Его удостоил вписать вместе с детьми. Потому, оставь Его своим наследником, ведь ты к Нему должен идти и Он будет судить тебя во всем здесь совершенном. Но есть и такие несчастные и жалкие люди, которые, не имея у себя детей, не соглашаются это сделать, а предпочитают разделить свое имущество сотрапезникам и льстецам, охотнее отдать тому или другому, нежели Христу, столько их облагодетельствовавшему. Что может быть неразумнее таких людей? Если ты сравнишь их с ослами или с камнями, то и тогда не выразишь вполне их неразумия и бесчувственности, не найдешь и примера, которым можно было бы достаточно изобразить их безумие и нерассудительность. И какое найдут себе оправдание те, которые не только не накормили Христа при жизни своей, но, и собираясь идти к Нему, из того самого имущества, которым они уже не владеют, не хотят подарить Ему и малой доли, но питают к Нему столь враждебные и неприязненные чувства, что не уделяют Ему даже того, что для них самих сделалось бесполезным? Разве ты не видишь сколько людей не удостоились иметь и такой конец, но похищены внезапно? Бог сделал тебя господином для того, чтобы ты смотрел за принадлежащим тебе, сказал свое слово и распорядился всей своей собственностью. Какое же ты будешь иметь оправдание, когда, получив от Него такую великую милость, пренебрегаешь Его благодеянием и ведешь себя совершенно противно тому, как вели себя твои праотцы по вере? Они еще при жизни своей продавали все и приносили к ногам апостолов, а ты и при смерти не даешь никакой доли нуждающимся. Хотя освобождать других от нищеты при жизни своей и лучше, и подает многое дерзновение, но ты, если не захотел того, по крайней

мере при смерти сделай что-нибудь доблестное. Не большую, правда, любовь ко Христу означает это, однако же – любовь. Ведь если и не будешь иметь первенства с агнцами, но немаловажно находиться и позади них, а не стоять с козлищами и ошуюю. А если ты не исполняешь и этого, то что скажешь в защиту свою, как скоро не делают тебя человеколюбивым ни страх смерти, ни то, что деньги становятся уже для тебя бесполезными, ни то, что доставишь безопасность детям, ни то, что и себе приобретешь там великое снисхождение? Потому советую преимущественно при жизни своей уделять большую часть имущества нуждающимся. А если некоторые настолько малодушны, что не могут решиться на это, те, хотя бы по необходимости, пусть сделаются человеколюбивыми. При жизни своей ты был так пристрастен к деньгам, как будто был бессмертным, но теперь, когда сам видишь, что ты смертен, хотя теперь оставь такую мысль и распорядись своим добром, как смертный, или, лучше сказать, как назначенный постоянно наслаждаться бессмертною жизнью. Как ни тяжко, как ни ужасно то, что намерен сказать я, однако же необходимо это сказать: Владыку причисли к рабам своим. Ведь ты отпускаешь на волю рабов? Освободи и Христа от голода, нужды, уз и наготы. Ты пришел в ужас, услышав это? Гораздо ужаснее будет, если не сделаешь этого. Здесь одно слово приводит тебя в трепет, но что скажешь там, когда переселишься туда, услышишь слова гораздо более ужасные и когда увидишь орудия нестерпимого мучения? К кому ты прибегнешь? Кого призовешь союзником своим и помощником? Авраама ли? Но он не услышит. Или мудрых дев? Но они не дадут тебе елея. Отца или деда? Но никто из них, сколько бы ни был свят, не властен отменить грозного приговора. Размыслив

о всем этом, проси и моли Того, Кто один властен загладить твое рукописание и угасить вечный огонь, Его преклони на милость, всегда питая и одевая, чтобы и отсюда тебе отойти с благою надеждою, и, явившись туда, насладиться вечными благами, которых достигнуть да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 19

[1] Рим 11.7–8. Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избрание получи: прочии же ослепишася.

[2] (Апостол) сказал, что Бог не отверг Своего народа и, объяснив, в каком смысле Он не отверг, прибег снова к пророкам и доказал на основании их, что большая часть иудеев погибла; но, чтобы не подумали, что он обвиняет их самовольно, оскорбляет своей речью и нападает на них, как враг, он прибегает к Давиду и к Исаии, говоря:

[3] якоже есть писано: даде им Бог духа умиления.

[4] Но нам лучше начать речь с сказанного выше. (Павел), упомянув о случившемся при Илии и показав, что такое благодать, присовокупил: «что убо? егоже искаше Израиль, сего не получи». Это не только вопрос, но и обличение. (Апостол) говорит, что иудей борется сам с собою, ищет оправдания и не хочет принять его. Потом, снова лишая иудеев оправдания, он доказывает их неблагодарность тем, что некоторые получили, и говорит: «а избра́ние получи». Избранные и осуждают иудеев, как и Христос сказал: «аще же Аз о веельзевуле изгоню бесы, сынове ваши о ком изгонят? Сего ради тии вам будут судии́» (Лк 11.19). Чтобы никто не осуждал самое свойство дела, а всякий винил настроение иудеев, (апостол) и упоминает о получивших, а потому и употребил весьма выразительное слово, изображающее вместе и благодать свыше, и собственное их старание. Он сказал – «получи» – не с целью отвергнуть свободную волю, но чтобы обозначить величие благ и то, что большее, хотя и не все, было свойственно благодати. И у нас о человеке, которому выпала большая выгода, есть

обычай говорить: такой-то получил или нашел, потому что большая часть приобретается не человеческими трудами, но по дару Божию. «Прочии же ослепишася». Заметь, когда отвержение остальных (апостол) осмелился назвать собственным именем. Он и прежде говорил об этом, но обвинителями представлял пророков, а теперь сам уже является обвинителем. Однако же и здесь не довольствуется собственным своим мнением, но опять указывает на пророка Исаию; сказав – «ослепишася», присовокупил: «якоже есть писано: даде им Бог духа умиления». Откуда же произошло это ослепление? (Апостол) и прежде объяснил причины его и всю вину сложил на голову самих иудеев, доказывая, что они подверглись ослеплению за неуместное упорство; и теперь он повторяет то же самое. Когда говорит:

5 очи не видети и уши не слышати,

6 обвиняет не иное что, как упорную их волю. Имея очи, чтобы видеть чудеса, получив уши, чтобы слышать чудесное учение, они ни теми, ни другими не воспользовались, как должно. Под словом же – «даде» разумей здесь не содействие, а попущение. Умилением же здесь (апостол) называет навык души к худшему, совершенно неисцелимый и неисправимый. И в другом месте Давид говорит: «яко да воспоет тебе слава моя, и не умилюся» (Пс 29.13), то есть не переменюсь. Как умилившийся в благочестии нелегко изменяется, так и умилившийся во зле тоже с трудом может уклоняться от него, потому что умилиться значит не иное что, как укрепиться и прилепиться к чему-нибудь. Потому (апостол), желая выразить, что воля иудеев неисцелима и трудно исправима, назвал это духом умиления. Потом в доказательство того, что иудеи за такое неверие

подвергнутся крайнему наказанию, опять ссылается на пророка, который угрожает им тем именно, что с ними случилось и исполнилось. Пророк именно говорит:

[7] Рим.11:9–10. да будет трапеза их в сеть и в лов, и в соблазн,

[8] то есть, роскошь и все блага пусть минуют и погибнут, и пусть они будут легко обладаемыми для всех. А чтобы видно было, что иудеи переносят это в наказание за грехи, (Давид) присовокупил:

[9] и в воздаяние им. Да помрачаются очи их, еже не видети, и хребет их выну сляцай.

[10] Нужно ли здесь какое-либо толкование? Не ясно ли это и для совсем неразумных? Еще прежде наших слов случившийся исход событий засвидетельствовал сказанное пророком. Когда иудеи были столь легко захвачены, когда легко пленены? Когда был так согбен хребет их? Когда они подвергались столь великому рабству? И важнее всего то, что этим бедствиям не будет конца, как намекнул пророк. Он не просто сказал: «хребет… их сляцай», но и присовокупил: «выну». Если же ты, иудей, утверждаешь, что бедствия кончатся, то суди о настоящем по прошедшему. Ты отправился в Египет, но прошло двести лет, и, при всем твоем нечестии и при самом тяжком твоем блудодеянии, Бог скоро освободил тебя от этого рабства. По освобождении из Египта ты поклонился тельцу, принес сынов своих в жертву Веелфегору, осквернил храм, погрузился во все виды порока, забыл самую природу, наполнил мерзкими жертвами горы, дебри, холмы, источники, реки, сады, убил пророков, опрокинул жертвенники и в высшей степени преуспел в пороках и нечестии; однако же Бог,

предав тебя вавилонянам на семьдесят лет, опять извел в прежнюю свободу, возвратил тебе и храм, и отечество, и древний образ пророчества; опять у тебя были и пророки, и благодать Духа, а лучше сказать, даже и во время самого плена ты не был оставлен, но и там были у тебя Даниил и Иезекииль, а в Египте Иеремия и в пустыне Моисей.

11 После этого ты снова обратился к прежним порокам, предался распутству и при нечестивом Антиохе установил эллинский образ жизни. Но и тогда, три года или немного больше пробыв в подданстве у Антиоха, чрез Маккавеев вы опять воздвигли себе знаменитые победные памятники. Но теперь у вас нет ничего подобного, а все пошло иначе. И особенно удивительно то, что прежние пороки прекратились, а наказание увеличено и нет никакой надежды на перемену вашего положения. Прошло не семьдесят, не сто и не двести лет, но триста и гораздо более, однако же нельзя найти и тени подобной надежды, и при том тогда, когда вы не служите идолам, не делаете ничего такого, на что отваживались прежде.

12 Какая же причина этого? Та, что образ заменен истиной и закон исключен благодатью. Издревле предрекая это, пророк и сказал: «хребет их выну сляцай». Замечаешь ли точность пророчества, как оно предсказало неверие, показало упорство, обнаружило следующий затем суд и обозначило нескончаемость наказания? Так как многие из людей наиболее грубых не верили будущему и хотели судить о будущем по настоящему, то Христос и в этом случае доказал Свое могущество двояким образом, как тем, что уверовавших язычников превознес выше неба, так и тем, что не уверовавших иудеев привел в крайнюю нищету и предал неотвратимым

бедствиям. Итак, апостол, сильно поразив их изображением их неверия, а равно прошедших и будущих бедствий, снова утешает следующими словами:

13 Рим.11:11. глаголю убо: еда согрешиша, да отпадут? Да не будет.

14 Когда (апостол) доказал, что иудеи подвержены бесчисленным бедствиям, он потом придумывает и утешение. И обрати внимание на благоразумие Павла: обвинение он заимствовал у пророков, а утешение предлагает сам от себя. Никто не будет спорить, говорит (апостол), что грехи иудеев велики, но посмотрим, действительно ли падение их так велико, что нельзя помочь ему и нет средств исправить дело. Нет, оно не таково. Замечаешь ли, как он снова касается их и, в ожидании утешения, представляет виновными в грехах, в которых они и сами сознаются? Но посмотрим, какое он придумывает для них утешение. Какое же это утешение? Когда войдет вся полнота язычников, тогда, говорит (апостол), весь Израиль спасется, то есть, во время второго пришествия и при конце мира. Но не тотчас говорит об этом (Павел), а после сильных упреков, после того, как приложил обвинения к обвинениям, после того, как раз, два и многократно привел свидетельства одного пророка за другим – Исаии, Илии, Давида, Моисея, Осии, которые все вопиют против них. Но чтобы этим не ввергнуть иудеев в отчаяние и не заградить пути к вере, а уверовавшим из язычников не дать повода к высокомерию, чтобы они, возгордившись, не потерпели ущерба в вере, (апостол) снова утешает иудеев, говоря:

15 но тех падением спасение язы́ком.

16 Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать в мысль и намерение говорящего, в то, чего он старался достигнуть, о чем и всегда умоляю любовь вашу. Если мы с таким размышлением будем принимать каждое слово, то ни в одном не встретим затруднения. А в настоящем случае главная цель (апостола) состоит в том, чтобы в уверовавших из язычников истребить высокомерие, которое могло возникнуть под влиянием сказанного выше; ведь язычники, научившись скромности, таким образом безопаснее пребудут в вере, а иудеи, освободившись от отчаяния, охотнее приступят к благодати. Итак, обращая внимание на эту цель (апостола), выслушаем все сказанное им в настоящем месте. Что же он говорит? Чем доказывает, что иудеи пали не безнадежно и что они не в конец отвержены? Указанием на язычников, говоря так:

17 тех падением спасение язы́ком, во еже раздражити их.

18 Это не апостола только слова, но и притчи в Евангелиях имеют такой же смысл. Так, устроивший брачный пир для сына, тогда уже стал звать с распутий, когда не захотели прийти званные (Мф 22.9). И насадивши виноградник тогда только отдал его другим виноградарям, когда первые убили наследника (Мф 21.38). И кроме притчи (Христос) говорил: «несмь послан, токмо ко овцам погибшым дому Израилева» (Мф 15.24). А когда стала приступать к нему хананейская женщина, Он сказал и еще больше: «несть добро отъяти хлеба чадом и поврещи́ псом» (Мф 15.26).

19 И Павел к восставшим против него иудеям сказал: «вам бе лепо первее глаголати слово Божие: а понеже… недостойны творите сами себе, …се обращаемся во языки» (Деян 13.46).

[20] И всем этим он показывает, что порядок событий был таков: сперва следовало прийти иудеям, а потом язычникам; но так как иудеи не уверовали, порядок изменен, и неверие и падение иудеев сделали то, что язычники вошли прежде. Потому (апостол) и говорит: «тех падением спасение язы́ком, во еже раздражити их». И не дивись, если прежде случившимся он называет то, что было следствием: он хочет ободрить пораженные их сердца; а смысл слов его таков: Иисус пришел к иудеям, но они, несмотря на великое множество совершенных Им чудес, не приняли Его, а распяли; после этого Он начал привлекать к Себе язычников, чтобы их честь уязвила бесчувственность иудеев и хотя бы взаимным соревнованием убедить их прийти к Нему, так как надлежало прежде принять иудеев, а потом и нас, почему и сказал (апостол): «сила бо Божия есть во спасение всякому верующему, Иудеови же прежде и Еллину» (Рим 1.16). А так как иудеи удалились, мы – вторые – стали первыми. Вот видишь, какую честь он выводит для них и из этого. Во-первых, – ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотели; во-вторых, – ту, что мы призваны не для нашего единственно спасения, но чтобы и они сделались лучше, возревновав нашему спасению. Что же, скажет кто-нибудь, неужели мы не были бы призваны и спасены, если бы это не стало нужным ради иудеев? Конечно, не были бы призваны и спасены прежде иудеев, а спаслись бы в надлежащем порядке. Потому и (Христос), посылая учеников, не просто сказал: «идите… ко овцам погибшым дому Израилева», но: «идите… паче» (Мф 10.6), показывая тем, что после иудеев должно идти и к язычникам. И Павел опять не сказал: вам бе лепо глаголати слово, но: «вам бе лепо первее глаголати» (Деян 13.46), показывая, что во второй прием надлежало

проповедовать и нам. Все же это и сделано, и сказано для того, чтобы иудеи не прибегали к бесстыдному извинению, будто они были оставлены без внимания, а потому и не уверовали. Потому и Христос, хотя все предвидел, однако же пришел к ним первым.

[21] Рим.11:12. Аще ли же прегрешение их богатство мира, и отпадение их богатство язы́ков, кольми паче исполнение их?

[22] Здесь (апостол) говорит приятное иудеям. Если бы они и тысячекратно пали, то язычники не спаслись бы, не принявши веры; а равно и иудеи не погибли бы, если бы не впали в неверие и упорство. Но, как сказал я, (апостол) утешает падших иудеев, в совершенстве доказывая, что они могут надеяться на свое спасение, если переменятся. Если, говорит (апостол), столь многие получили спасение, когда они (иудеи) преткнулись, и столь многие были призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будет, когда они обратятся. Не сказал: кольми паче обращение их, или изменение их, или исправление, но: «кольми паче исполнение их», то есть когда все они придут ко Христу. А этими словами он показывает, что тогда будет большая и почти полная мера благодати и дара Божия.

[23] Рим.11:13–14. Вам бо глаголю языком, понеже убо есмь аз языком апостол, службу мою прославляю, аще како раздражу мою плоть, и спасу некия от них.

[24] (Апостол) опять старается освободить себя от дурного подозрения и хотя, по-видимому, наносит удар обратившимся из язычников, смиряя их высокое о себе мнение, но слегка поражает и иудея; он ищет, чем бы прикрыть такую погибель иудеев и утешить их в этом,

однако же ничего не находит по сущности самого дела. На основании того, что он сказал, иудеи достойны были еще большего осуждения, когда другие, будучи гораздо ниже их, приняли то, что для них было приготовлено. Потому от иудеев он переходит к язычникам и помещает вводную речь о них, желая показать, что все это он говорит для того, чтобы научить их скромности. Хвалю вас, говорит он, по двум причинам: во-первых, потому, что имею в этом необходимость, как назначенный для служения вам, а во-вторых, чтобы чрез вас спасти мне других. И не говорит: братий моих, сродников моих, но: «плоть». Потом, указывая на их упорство, не говорит: не могу ли как-нибудь убедить, но: «аще како раздражу и спасу», и при этом опять не говорит: всех, но: «некия от них», так жестокосерды были иудеи. И опять в самом упреке (апостол) обнаруживает превосходство язычников, хотя иудеи и язычники взаимно служат друг другу в деле спасения, однако же неодинаково: иудеи доставляют блага язычникам неверием своим, а язычники иудеям своею верою. Отсюда видно, что язычники и равны с иудеями, и превосходят их.

[25] Но что можешь сказать ты, иудей? Если бы мы не были отвержены, то вы не были бы призваны так скоро? Это говорит и язычник: если бы я не был спасен, в тебе не возникла бы ревность. А если ты желаешь узнать, в чем мы превосходим, то – скажу тебе – я спасаю тебя тем, что уверовал, а ты, преткнувшись, даровал нам возможность прийти прежде тебя. Потом (апостол), чувствуя, что нанес удар иудеям, обращается к прежней речи и говорит:

[26] Рим.11:15. аще бо отложение их примирение миру, что приятие, разве жизнь из мертвых?

[27] Но и это опять обвиняет иудеев, как скоро другие извлекли для себя выгоду из их грехов, а они не воспользовались даже добрыми делами других. Не удивляйся также, если (апостол) приписывает иудеям то, что случилось по необходимости, – он, как я говорил неоднократно, ведет так речь, чтоб одних смирить, а других ободрить. Между тем, как я сказал выше, если бы иудеи тысячу раз были отвергнуты, а язычники не показали веры, то последние никогда бы и не спаслись. Но (апостол) содействует слабой стороне и помогает утружденной. Вникни же и в то, в чем он угождает иудеям, утешая их только на словах. «Аще бо отложение их, – говорит он, – примирение миру». А что из того иудеям? «Что приятие, разве жизнь из мертвых?» Но и в этом нет для них пользы, если бы они не были приняты. А что говорит (апостол), означает следующее: если Бог, прогневавшись на иудеев, оказал столько милости другим, то чего Он не дарует им, после того как примирится с ними? Но как воскресение мертвых зависит не от принятия их, так не от них же и нынешнее наше спасение. Напротив, они были отвержены за свое неразумие, а мы спаслись своею верою и благодатью свыше. И все это не может принести им никакой пользы, если они не покажут надлежащей веры. Затем (апостол), по обыкновению своему, переходит к новой похвале, но не действительной, а только кажущейся, подражая искуснейшим врачам, которые также ободряют больных, насколько позволяет свойство болезни. Что же говорит он?

[28] Рим.11:16. Аще ли начаток свят, то и примешение: и аще корень свят, то и ветви.

[29] Начатком и корнем он называет здесь Авраама, Исаака, Иакова, пророков, патриархов и всех прославившихся в Ветхом Завете, а ветвями тех из потомков их, которые уверовали. Потом, так как иудеи противопоставляли ему многочисленность неуверовавших, то смотри, как он опровергает такое возражение и говорит:

[30] Рим.11:17. аще нецыи от ветвей отломишася.

[31] Но ведь выше ты, (Павел), выше сказал, что погибли очень многие, немногие же спаслись, – как же здесь, говоря о погибших, употребляешь слово: «нецыи», указывающее на немногих? Я не противоречу себе, отвечает (апостол), но спешу уврачевать и привлечь утружденных. Замечаешь ли, как в целой этой речи он обнаруживает одно намерение, именно желание утешить иудеев? А если потеряешь это из вида, то получится много противоречий. Ты обрати еще внимание на мудрость (апостола), как он, по-видимому, говорит в пользу иудеев и придумывает для них утешение, но незаметно поражает их и словами – «корень» и «начаток» (Рим.11:16) – показывает, что они не имеют никакого извинения. В самом деле, подумай о негодности ветвей, когда они, имея сладкий корень, не уподобляются ему, и о негодности месива, когда оно не изменяется от начатка. «Аще ли нецыи от ветвей отломишася». Отломилась большая часть ветвей, но (апостол), как я сказал, хочет утешить иудеев, потому приводит не свои собственные, но их слова, и этим незаметно уязвляет их, доказывая, что они отступили от родства с Авраамом; это именно (апостол) и старался сказать, т.е. что у иудеев нет ничего общего с Авраамом. Если корень свят, а они не святы, то, значит, они далеки от корня. Потом, по-видимому, утешая иудея, снова поражает его своим обвинением язычников.

Сказав: «аще… нецыи от ветвей отломишася», присовокупил:

32 ты же, дивия ма́слина сый, прицепился еси в них.

33 Насколько малоценнее был язычник, настолько более скорбит иудей, видя, что он наслаждается его достоянием; язычнику же не столько велик стыд от его малоценности, сколько велика честь от его перемены. И заметь мудрость (апостола), он не сказал: ты посажен, но: «прицепился еси», чем опять уязвляет иудея и показывает, что язычник стал на дереве вместо иудея, а иудей лежит на земле. А потому не остановился на этом и, сказав: «прицепился еси», не кончил речи, хотя уже и все сказал этим, но продолжает описывать благоденствие язычника и распространяется в изображении чести, говоря:

34 и причастник корене и масти ма́слянныя сотворился еси.

35 И, по-видимому, (апостол) поставил язычника в положение какого-то добавления, однако показывает, что он от этого не терпит никакого вреда, а имеет все, что свойственно ветви, вышедшей от корня. И чтобы ты, услышав: «ты же… прицепился еси», не подумал, что язычник унижен в сравнении с природной ветвью, смотри, как (апостол) равняет его, говоря: «и причастник корене и масти ма́слинныя сотворился еси», то есть получил то же благородство и ту же природу. Потом, сказавши с упреком:

36 Рим.11:18. не хвали́ся на ветви,

37 (апостол), по-видимому, утешает иудея, на самом же деле показывает его малоценность и большое бесчестие. Потому не сказал: не хвались, но: «не хвали́ся на ветви»,

не превозносись пред ними, как пред отломленными, потому что ты поставлен на их место и пользуешься тем, что им принадлежало. Видишь ли, как по-видимому укоряет язычников, а на самом деле уязвляет иудеев?

[38] Аще ли же хва́лишися , – продолжает, – не ты корень носиши, но корень тебе.

[39] Что же от этого пользы отломленным ветвям? Ничего. Как я уже заметил, (апостол) придумывая, по-видимому, и некоторую слабую тень утешения, даже тем самым, чем укоряет язычников, наносит смертельный удар иудеям. Сказав: «не хвали́ся на ветви», и: «аще ли хва́лишися, не ты корень носиши», он показал иудею, что совершившееся достойно того, чтобы им хвалиться, хотя и не должно хвалиться; а этим возбуждает и поощряет его к вере, представляет себя защитником его, показывает ему понесенный им ущерб и то, что другие владеют его собственностью.

[40] Рим.11:19. Речеши убо: отломишася ветви, да аз прицеплюся.

[41] Опять в виде возражения раскрывает противоположное прежнему, показывая, что и незадолго пред этим сказанное он говорил не с иным каким намерением, а единственно для привлечения иудеев. Спасение язычников произошло не вследствие прегрешений иудеев и не прегрешение их есть богатство миру, а равно мы спаслись не потому, что они пали, но совершенно напротив. (Апостол) показывает особенный о язычниках Промысл, хотя по-видимому слова выражают иное, и все это место излагает в виде возражения, освобождая себя от подозрения в неприязненности и делая речь свою удобоприемлемой.

[42] Рим.11:20. Добре.

[43] (Апостол) похвалил сказанное, а потом снова устрашает, говоря:

[44] неверием отломишася, ты же верою прицепился.

[45] Вот опять новая похвала язычникам и новое обвинение иудеев. Но (апостол) опять низлагает кичливость первых, присовокупляя и говоря:

[46] не высокомудрствуй, но бойся.

[47] Это не дело природы, но дело веры и неверия. И, по-видимому, он опять заграждает уста язычнику, но на самом деле поучает иудея, что не должно обращать внимания на естественное родство, почему и присовокупляет: «не высокомудрствуй», и не сказал: смиряйся, но: «бойся», так как высокомерие производит презрение и нерадение. Потом, намереваясь в печальном виде изобразить их несчастие и сделать свою речь менее неприятной, он излагает это в виде предостережения для язычника, и сказав:

[48] Рим.11:21. аще бо Бог естественных ветвей не пощаде,

[49] не продолжил так: и тебя не пощадит, но говорит:

[50] да не како и тебе не пощадит.

[51] Таким образом, исключая из речи жесткие выражения и побуждая верующего быть деятельным, он иудеев привлекает, а язычников смиряет.

[52] Рим.11:22. Виждь убо благость и непощадение Божие: на отпадших убо непощадение, а на тебе благость… аще пребудеши в благости, аще ли же ни, то и ты отсечен будеши.

[53] (Апостол) не сказал: видишь заслуги свои, видишь труды свои, но: видишь человеколюбие Божие, показывая этим, что все совершено благодатью свыше, и располагая тебя к трепету. Самое основание похвалы заставляет тебя бояться. Владыка стал к тебе милостив, потому и бойся, – ведь блага не остаются у тебя неотъемлемыми, если ты сделаешься нерадив; равно как и для иудеев не неотвратимо зло, если они переменятся. И ты будешь отсечен, говорит (апостол), если не пребудешь в вере.

[54] Рим.11:23. И они же, аще не пребудут в неверствии, прицепя́тся,

[55] потому что не Бог отсек их, но они сами отломились и отпали. И прекрасно сказал (апостол): отломились. Бог никогда их так не отвергал, хотя они согрешали многократно и во многом. Замечаешь ли, какова сила свободы и какова власть воли? Ничто не остается без изменения, ни твое благо, ни его зло.

[56] Видишь ли, как (апостол) и восстановил отчаивающегося иудея, и смирил самонадеянного язычника? И ты, иудей, слыша о строгости, не приходи в отчаяние; и ты, язычник, слыша о благости, не надейся на себя. Бог не пощадил тебя и отсек для того, чтобы ты пожелал возвратиться; а тебе оказал благость для того, чтобы ты пребывал: не сказал (апостол) – в вере, но – «в благости» (Рим.11:22), т.е. чтобы ты делал достойное Божия человеколюбия, потому что требуется не одна вера. Замечаешь ли, как (апостол) не позволяет одним лежать, а другим высокомудрствовать, но первых возбуждает к соревнованию, на примере язычников показывая иудею возможность снова стать на их месте, так же, как язычник наперед занял место иудея? Чтобы язычники не превозносились пред иудеями, (апостол)

устрашает их примером иудеев и тем, что с ними случилось, а иудею внушает смелость тем, что сделано для эллина. И ты будешь отсечен, говорит (апостол) язычнику, если вознерадишь. И иудей отсечен, но он прицепится, если постарается, потому что и ты прицепился. И вполне разумно (апостол) обращает всю речь к язычнику, как он обыкновенно и всегда делает, исправляя слабых ударом, наносимым более сильным. То же самое он делает и в конце послания, рассуждая о разборчивости в яствах. Потом он доказывает то же самое не только будущим, но и прошедшим, так как это сильнее убеждает слушателя. И намереваясь соблюсти бесспорную последовательность суждений, он прежде всего предлагает доказательство на основании всемогущества Божия. Хотя иудеи отсечены и отвержены, и другие заступили их место, но ты, при всем том, не отчаивайся.

[57] Си́лен бо есть Бог , – говорит он, – паки прицепити их,

[58] так как Он производит и то, что сверх надежды.

[59] Но если ты ищешь ряда событий и последовательности заключений, то на себе самом имеешь вполне достаточный пример.

[60] Рим.11:24. Аще бо ты , – говорит (апостол), – от естественныя отсечен дивия ма́слины, и чрез естество прицепился еси к добрей ма́слине: кольми паче сии, иже по естеству, прицепя́тся своей Масли́не?

[61] Если вера смогла произвести то, что не по природе, тем более произведет то, что согласно с природой. Если язычник, отсеченный от естественных своих родителей, не по природе присоединился к Аврааму, тем более можешь ты получить свое собственное. Язычнику по

природе свойственно зло, так как он по природе и был дикой маслиной; добро же не в его природе и не по природе он прицепился к Аврааму. А тебе, напротив, по природе свойственно добро; ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужом, как язычник, а на собственном корне. Итак, можешь ли ты быть достоин какого-либо извинения, когда для язычника стало возможным то, что не в его природе, а ты оказался не в силах сделать то, что в твоей природе, и даже погубил это? Затем, так как (апостол) сказал: «чрез естество», и: «прицепился еси», то, чтобы ты не подумал, что иудей имеет пред тобою некоторое преимущество, он опять устраняет такое заключение, говоря, что и иудей привьется. «Кольми паче сии, – говорит он, – иже по естеству, прицепятся своей Масли́не?» И еще: «си́лен… Бог… прицепити их». И выше сказал: «аще не пребудут в неверствии, прицепя́тся» (Рим.11:23). А всякий раз, как слышишь, что (апостол) постоянно употребляет выражение: «чрез естество» и: «по естеству», не подумай, что он разумеет здесь эту непреложную природу, но этими наименованиями он означает как сообразное и соответствующее, так и несообразное природе. Добрыми и злыми бывают не естественные действия, а только действия ума и воли. Заметь же, как (апостол) смягчает речь свою. Сказав язычнику, что он будет отсечен, если не пребудет в вере, а также иудеям, что и они привьются, если не пребудут в неверии, (апостол), умолчав о более неприятном, упоминает только о более приятном и на этом оканчивает свою речь, подавая иудеям большие надежды, если только они сами пожелают. Потому и продолжает так:

62 Рим.11:25. не бо хощу вас не ведети тайны сея, братия, да не будете о себе му́дри.

[63] Тайной называет он здесь неизвестное и сокровенное, в чем много и чудесного, и непонятного. Так и в другом месте говорит: «се, тайну вам глаголю: вси бо не у́спнем, вси же измени́мся» (1Кор 15.51). В чем же состоит эта тайна?

[64] Яко ослепление от части Израилеви бысть.

[65] Здесь опять наносит удар иудею, хотя, по-видимому, унижает и язычника. Разумеет же он под этим то же, что говорил и выше, именно, что не со стороны всех иудеев было неверие, а лишь со стороны «части», как он и говорил: «аще ли кто оскорбил [мене], не мене оскорби, но от части, да не отягчу, всех вас» (2Кор 2.5); и в другом месте: «аще вас прежде от части насыщуся» (Рим 15.24). Так и здесь он выражает то же, о чем говорил выше: «не отрину Бог людей Своих, ихже прежде разуме́», и еще: «еда согрешиша, да отпадут? Да не будет» (Рим.11:2, 11). И здесь он подтверждает это именно, что не целый народ отвержен, но многие уже уверовали или должны уверовать впоследствии. А так как он возвестил о важном, то приводит в свидетели пророка, говорящего то же. Что произошло ослепление, (апостол) не представляет свидетельства, так как это для всех очевидно, а что иудеи уверуют и спасутся, он опять указывает на Исаию, который восклицает и говорит:

[66] Рим.11:26. приидет от Сиона избавляяй, и отвратит нечестие от Иакова.

[67] Потом, указав на знамение спасения, чтобы кто-нибудь не отнес и не приложил его ко временам прошедшим, говорит:

[68] Рим.11:27. и сей им от Мене завет, егда отиму грехи их (срав. Ис 59.20–21, 27.9).

[69] Не тогда совершится это, когда они будут обрезываться, приносить жертвы, совершать и прочие законные дела, но когда получат отпущение грехов. А если это предвозвещено и еще не исполнилось на иудеях, которые еще не получили отпущения грехов посредством крещения, то несомненно исполнится. Потому (апостол) и присовокупил:

[70] Рим.11:29. нераскаянна бо дарования и звание Божие.

[71] Но не этим одним он утешает их, а и тем, что уже случилось, и при этом случившееся впоследствии ставит как происшедшее раньше, говоря так:

[72] Рим.11:28. по благовествованию убо, врази вас ради, по избранию же, возлюблени отец ради.

[73] Чтобы язычник не гордился, говоря: «вот я пред тобою, говори мне не о том, что может случиться, но что уже случилось», (апостол) удерживает его от этого, говоря: «по благовествованию убо, врази вас ради». Так как вы были призваны, то они сделались упорнее.

[74] Однако же Бог и при этом не пресек вашего призвания, но ожидает, пока войдут все, имеющие уверовать из язычников, и тогда уже придут и иудеи. Потом (апостол) дарует иудеям еще новое утешение, говоря: «по избранию же, возлюблени отец ради». Что же это такое? Где враги, их ожидает наказание, а где возлюбленные, им добродетель предков не принесет никакой пользы, если они не уверуют. Впрочем, как я заметил прежде, (апостол) не перестает утешать их словами, чтобы привлечь. Потому, раскрывая сказанное выше и иным путем, он продолжает:

[75] Рим.11:30–32. якоже бо и вы иногда противистеся Богови, ныне же помиловани бысте сих ради

противления: такожде и сии ныне противишася вашей милости, да и тии помиловани будут. Затвори бо Бог всех в противление, да всех помилует.

[76] Здесь (апостол) показывает, что прежде были призываемы язычники, а потом, когда они не захотели, избраны иудеи, и что впоследствии опять случилось то же самое: так как иудеи не захотели веровать, то снова были призваны язычники. Но (апостол) не останавливается и на этом и все обращает не к тому, что иудеи отвержены, а к тому, что и они опять будут помилованы. Смотри: он язычникам дает столько же, сколько прежде дал иудеям. Так как вы, язычники, говорит (апостол), были некогда непослушны, то пришли иудеи; и опять, так как они стали непослушными, пришли вы. Однако же они не совсем погибнут, потому что Бог «затвори… всех в противление», то есть всех обличил, показал непослушными, не для того, чтобы остались непослушными, но для того, чтобы упорством одних спасти других: иудеев чрез язычников и язычников чрез иудеев. Смотри же: вы были непослушны, и они спаслись; потом они стали непослушными, и вы спасены, но спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно иудеям, но для того, чтобы и их привлечь, побудив к соревнованию.

[77] Рим.11:33. О, глубина богатства и премудрости и разума Божия, яко неиспытани судове Его!

[78] Здесь, обратившись мыслью к первым временам, размыслив о древнем Божием Домостроительстве от начала мира и до настоящих событий, рассудив о том, как разнообразно Бог все устроял, (апостол) пришел в изумление и воскликнул, удостоверяя тем слушателей, что несомненно совершится то, о чем он сказал. Иначе он не стал бы восклицать и изумляться, если бы это не могло

вполне осуществиться. И он знает, что это глубина, но какая глубина, этого не знает. Это речь человека изумляющегося, но не такого, который знает все. Исполненный же удивления и изумления пред благостью, он возвестил о ней двумя выразительными словами, какие нашел: «богатство» и «глубина», в изумление он приведен тем, что Бог и захотел, и смог совершить это, и произвел противоположные действия одно другим: «яко неиспытани судове Его». Не только невозможно постигнуть это, но даже и исследовать.

[79] И неизследовани путие Его,

[80] то есть способы Домостроительства, потому что и их не только невозможно познать, но даже и исследовать. И я, говорит (апостол), не все нашел, но малую часть, далеко не все; один Бог совершенно знает Свои дела. Потому (апостол) и присовокупил:

[81] Рим.11:34–35. кто бо разуме ум Господень? или кто советник Ему бысть? или кто прежде даде Ему, и воздастся ему?

[82] Эти слова означают то, что Бог, будучи так премудр, не от другого заимствует премудрость, но Сам есть источник благ: что Он, столько для нас совершивший и столько нам даровавший, не заимствованное у другого дал нам, но излил это от Себя; что Он никого не должен вознаграждать, как взявши что-либо у другого, но всегда Сам есть главный виновник благ.

[83] Богатство в том преимущественно и состоит, чтобы во всем иметь изобилие и ни в чем не одолжаться другому. Потому (апостол) и присовокупил:

[84] Рим.11:36. яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая.

[85] Он Сам создал, Сам сотворил, Сам поддерживает, потому что богат и не имеет нужды брать у другого, потому что премудр и не нуждается в совете. И что я говорю – в совете? Никто не в состоянии даже знать, что принадлежит Ему, Он один богат и премудр. Великое богатство проявилось в том, что язычники так были обогащены, а великая мудрость в том, что учителями иудеев сделаны те, которые ниже их. Потом, после того как (апостол) приведен был в изумление, он воздает благодарение, говоря:

[86] Тому слава во веки. Аминь.

[87] Он всегда в удивлении заключает речь славословием, как скоро говорит о чем-нибудь столько же важном и неизреченном. Так он поступает, говоря о Сыне; и там, исполнившись удивления, он присовокупил то же, что и здесь: «от них же Христос по плоти, сый над всеми Бог благословен во веки. Аминь» (Рим 9.5).

[88] Будем и мы подражать апостолу и всегда станем прославлять Бога своей заботливостью в жизни, а не будем полагаться на добродетели предков, имея в виду пример иудеев. Ведь нет у христиан, нет родства плотского, а есть только близость по Духу. Таким образом и скиф делается сыном Авраама, а сын Авраама становится для него более чуждым, нежели скиф. Потому не будем полагаться на заслуги отцов, но хотя бы ты имел и удивительного по жизни родителя, однако же не думай, что этого достаточно тебе для спасения, чести и славы, если ты не сделаешься родным ему и в нравах; а равно, если бы ты имел дурного отца, не думай, что и ты вследствие этого подвергнешься осуждению и позору, хотя бы сам после ты и жил хорошо. Что было бесславнее язычников? Однако же они посредством веры скоро

сделались родными святых. Что было ближе иудеев к Богу? Однако же и они за неверие были отчуждены. Плотское родство есть дело природы и необходимости, по нему мы все родные, потому что все родились от Адама, и по отношению к Адаму и Ною и к общей всем матери земле – все мы друг другу родные в одинаковой степени. То родство достойно награды, которое разделяет нас от людей порочных. В этом отношении не все между собою родные, а только те, которые согласны по образу жизни. В этом отношении не того мы называем братом, кто родился от одной с нами матери, но того, кто оказывает одинаковую с нами ревность. Так и Христос одних называет чадами Божиими, а других сынами диавола, сынами противления, сынами геенны, сынами погибели. Так Тимофей по добродетели сделался сыном Павла и наименован «присным чадом» (1Тим 1.2); а сына сестры Павла мы не знаем и по имени, хотя по плотскому рождению он был близок Павлу, но никакой пользы не получил от этого, а Тимофей далек был и по плотскому рождению, и по месту жительства, как гражданин города Листры, однако же стал всех ближе. Потому и мы постараемся сделаться сынами святых, или лучше сделаемся сынами Божиими. А что нам можно сделаться сынами Божиими, послушай, что сказано: «будите… совершени, якоже Отец ваш небесный» (Мф 5.48). Потому и в молитве мы называем Бога Отцом и тем напоминаем себе не только о благодати, но и о добродетели, чтобы нам не делать ничего недостойного такого родства. Но спросишь: как можно сделаться сыном Божиим? Если ты свободен будешь от всех страстей, а по отношению к оскорбителям и обидчикам будешь вести себя кротко. Так и Отец твой поступает с теми, которые хулят Его. И Христос, хотя и часто говорил о многих предметах, но

нигде не говорил: будьте подобными Отцу вашему, но когда сказал: «молитеся за творящих вам напасть и …добро творите ненавидящим вас» (Мф 5.44), тогда упомянул и об этой награде за подвиг. Ничто так нас не приближает к Богу и не делает подобными Ему, как это совершенство. Потому и Павел, когда говорит: «бывайте… подражатели Богу» (Еф 5.1), разумеет именно это.

[89] Мы имеем нужду во всех добрых делах, но больше всего в человеколюбии и кротости, потому что и сами мы нуждаемся в человеколюбии. Так как мы каждый день много грешим, то и нужно нам много милосердия. Много или мало оценивается не количеством подаваемого, а достатком подающего. Богатый пусть не думает о себе много, а бедный пусть не унывает, как подающий мало, потому что часто бедный подает и больше богатого. Вследствие бедности вам не следует считать себя несчастными, так как она дает нам возможность более удобно подавать милостыню. Кто имеет у себя много, тот удерживается и высокомерием, и желанием приобрести больше, а кто имеет у себя мало, тот освобожден от мучительства обеих этих страстей, потому находит и больше случаев делать добро. Он без труда идет в темницу, посещает больных, подает чашу холодной воды, а богач, надменный своим богатством, не допустит себя до этого.

[90] Итак, не сетуй на нищету, потому что нищета дает тебе большую возможность приобрести небо. Хотя бы ты и ничего не имел, но у тебя есть сострадательное сердце, и за это тебе готова награда. Потому и Павел повелел «плакать с плачущими» (Рим 12.15) и с узниками обращаться так, как бы и мы были «с ними в узах» (Евр 13.3). Иметь многих сострадущих доставляет некоторое

утешение не только плачущим, но и находящимся в других затруднительных обстоятельствах; иногда одно слово может укрепить удрученного не меньше, чем деньги. И Бог повелел давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы помогать им в нищете, но и для того, чтобы научить нас состраданию к бедствиям ближнего. А сребролюбец ненавистен не только потому, что презирает живущих в скудости, но и потому, что сам привыкает к жестокости и бесчеловечию, а равно презирающий деньги для бедных тем и любезен, что милосерд и человеколюбив. И Христос, когда ублажает милостивых, ублажает и хвалит не просто подающих денежную милостыню, но делающих это с добрым расположением. Итак, будем иметь такое усердие к делам милосердия, и все блага последуют за этим. Имеющий человеколюбивое и милосердное расположение, если есть у него деньги, раздаст их, если увидит кого-нибудь в несчастьях, станет плакать и проливать слезы, если встретит обижаемого, заступится, если найдет бедствующего, подаст ему руку. Имея сокровище благ – человеколюбивую и милосердную душу, он изольет из нее все нужное для братий и получит все уготованные Богом награды. А чтобы и нам достигнуть их, прежде всего позаботимся сделать свое сердце кротким. Таким образом мы и в этой жизни совершим много добрых дел и сподобимся будущих венцов, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 20

[1] Рим 12.1. Молю убо вас, братие, щедротами Божиими, представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше.

[2] Сказав многое о Божием человеколюбии и показав неизреченную Божию попечительность, несказанную и неисследимую благость, (апостол) этою самою благостью пользуется для того, чтобы убедить облагодетельствованных Богом – явить жизнь, достойную дара. И будучи столь велик и высок, он не отказывается умолять их, к тому же умолять не о том, что послужило бы для его пользы, но о том, отчего могли получить пользу они сами. И удивительно ли, что он не отказывается умолять, если представляет умоляющим самое милосердие Божие? Так как от Божиих щедрот, говорит он, излились на вас бесчисленные блага, то постыдитесь их и побойтесь, потому что самые эти щедроты обращаются к вам с просьбою не делать ничего их недостойного. И я, говорит (апостол), умоляю вас теми же щедротами, которыми вы спасены. Так и желающий пристыдить много облагодетельствованного обыкновенно представляет умоляющим самого благодетеля. О чем же ты умоляешь, скажи мне? «Представите телеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше». Так как сказал: «жертву», то, чтобы кто-нибудь не подумал, что повелевает закалать тела, тотчас присовокупил: «живу». Потом, отличая ее от иудейской, продолжает: «святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше», иудейская же жертва плотская и не очень благоугодная. «Кто бо изыска сия из рук ваших», – говорит (Бог) (Ис 1.12). И в других многих

местах Писания видим, что Бог отвергает иудейские жертвы. Но не отвергает этой жертвы, напротив даже требует ее, когда и иудейская принесена. Потому и сказал: «жертва хвалы прославит Мя» (Пс 49.23). И еще сказано: «восхвалю имя Бога моего с песнию, …и угодно будет Богу паче телца юна, роги износяща и па́знокти» (Пс 68.31–32). И в другом месте, отвергая иудейскую жертву и сказав: «еда ям мяса́ юнча, или кровь козлов пию?» – (Господь) присовокупил: «пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя» (Пс 49.13–14). Так и Павел повелевает здесь: «представите телеса… жертву живу».

3 Но как тело, спросишь ты, может служить жертвой? Глаз пусть не смотрит ни на что дурное, и он уже сделался жертвой; язык пусть не говорит ничего постыдного, и он стал приношением; рука пусть не делает ничего беззаконного, и она стала всесожжением. А вернее сказать, и этого не достаточно, но мы должны и делать добро: пусть рука творит милостыню, уста благословляют обидящих, слух постоянно упражняется в слушании слова Божия. Ведь жертва не имеет никакой нечистоты, она есть начаток всего. Принесем же Богу начаток рук, ног, уст и всего прочего; такая жертва благоугодна, как и иудейская была нечиста: «требы их, – сказано, – хлеб жалости им» (Ос 9.4). Но не такова наша жертва. В иудейской приносимое в жертву делалось мертвым, а наша делает жертвуемое живым. Когда мы умертвим члены наши, тогда и в состоянии будем жить; этот способ жертвоприношения новый, потому и род огня необыкновенный. Нет нужды в дровах и в сгораемом веществе, но огонь наш горит сам собою и не сожигает жертву, а более оживляет ее. Такой жертвы Бог требовал издревле, почему пророк и сказал: «жертва Богу, дух

сокрушен» (Пс 50.19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: «несть… князя и пророка… ни места, еже пожрети… и обрести милость: но душою сокрушенною и духом смиренным да прияти будем» (Дан 3.38–39). Заметь же, как (апостол) с большой точностью пользуется словом. Не сказал он: сделайте тела свои жертвой, но: «представите», и этим как бы сказал: вы не имеете уже ничего общего с ними, вы отдали их другому. Как те, которые предоставили боевых коней, не имеют уже на них права собственности, так и ты, предоставив члены свои на брань с диаволом, на это грозное ополчение, не отвлекай их для собственных своих услуг. При этом (апостол) внушает еще и то, что, готовясь принесть члены свои в жертву, мы должны сделать их безукоризненными, потому что представляем их не кому-либо из живущих на земле людей, но Самому Царю вселенной – Богу, и не для употребления их только на брани, но чтобы восседал на них Сам Царь. Господь не отказывается восседать на наших членах, но и весьма этого желает, и чего не избрал бы царь, служащий одному с нами Господу, то избирает Владыка ангелов. Итак, если члены твои должны быть принесены и сделаться жертвой, то отсеки от них всякую скверну, потому что пока есть в них что-либо скверное, они не могут быть жертвой. Так, глаз, если смотрит на предметы, возбуждающие сладострастие, не может быть принесен в жертву, а равно и рука хищная и любостяжательная, ноги хромающие при движении и ходящие на зрелища, чрево раболепствующее сластолюбию и возжигающее страсти к удовольствиям, сердце питающее гнев или нечистую любовь, язык говорящий срамное.

4 Поэтому со всех сторон должно рассмотреть, нет ли в нашем теле чего скверного. Если приносившие

ветхозаветные жертвы обязаны были все осматривать и им не позволялось приносить безухого, бесхвостого, покрытого коростой или проказой, тем более мы, которые приносим не бессловесных овец, но себя самих, должны наблюдать большую осмотрительность и во всех отношениях быть чистыми, чтобы можно было сказать нам с Павлом: «аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста» (2Тим 4.6). И так как (Павел) был чище всякой жертвы, то и назвал себя жертвою. И с нами это будет, если мы истребим ветхого человека, умертвим земные члены, распнем для себя мир. В таком случае мы не будем уже нуждаться ни в ноже, ни в жертвеннике, ни в огне, или правильнее говоря, все это будет нам нужно, но не руками сделанное, а все будет дано нам свыше, – и огонь свыше, и нож, а широта неба будет для нас жертвенником. Если в то время как Илия приносил чувственную жертву, пламень, сошедший с неба, истребил все – и воду, и дрова, и камни, то тем более совершится это с тобою. Если ты и имеешь что-нибудь неустойчивое и житейское, но принесешь жертву с истинным расположением, то снишедший огонь Духа потребит все житейское и исполнит все приношение. Что же такое «словесное служение?» Духовное служение, жизнь во Христе. Как служащий и священнодействующий в Божием дому, каков бы ни был в другое время, при служении сосредотачивается в себе и делается более благоговейным, так и мы целую жизнь должны быть в таком расположении духа, как совершающие служение Богу и священнодействующие. А это будет, если ты каждый день станешь приносить Богу жертвы, сделаешься священником своего тела и добродетели, возникающей в душе, например, когда принесешь целомудрие, милостыню, кротость и незлобие. Исполняя

это, ты будешь совершать словесное служение, то есть не имеющее ничего телесного, ничего грубого и чувственного. Итак, самыми наименованиями ободрив слушателя и доказав, что каждый бывает священник собственного тела и жизни, (апостол) говорит и о способе, по которому можно во всем достигнуть успеха. Какой же это способ?

[5] Рим.12:2. Не сообразуйтеся веку сему, но преобразуйтеся обновлением ума вашего,

[6] потому что образ этого века привержен к земле, низок, кратковременен, не имеет ничего возвышенного, постоянного, правильного, а все извращенное. И ты, если хочешь идти правильным путем, не напечатлевай в себе образа настоящей жизни, потому что в нем нет ничего постоянного и твердого. Поэтому апостол и назвал его образом, как и в другом месте говорит: «преходит бо образ мира сего» (1Кор 7.31). В нем нет ничего постоянного, прочного, но все временно, почему и сказал: «веку сему», указывая этим на тленность, а словом: «образ» – на вещественность. Укажешь ли ты на богатство, славу, телесную красоту, удовольствия, на все прочее, что люди считают великим, – все это только образ, а не действительная вещь, явление – личина, а не постоянная какая-либо сущность. Но ты не сообразуйся с этим, говорит (апостол), а преобразуйся обновлением ума. Он не сказал: преобразуйся наружно, но преобразуйся по существу, показывая этим, что мир имеет наружный только образ, а добродетели принадлежит не наружный, но истинный, существенный образ, который имеет природную красоту и не нуждается во внешнем украшении и формах, одновременно появляющихся и исчезающих, так как все это исчезает прежде, чем

появится. Итак, если ты отбросишь внешность, то тотчас достигнешь (настоящего) образа.

7 Ведь ничего нет слабее порока, ничто так скоро не ветшает. Потом, так как людям ежедневно свойственно грешить, то (апостол) утешает слушателя, говоря, чтобы он ежедневно обновлялся. Как мы поступаем с домами, постоянно починяя те из них, которые обветшали, так поступай и с самим собою. Ты согрешил сегодня, душа твоя обветшала? Не отчаивайся, не унывай, но обнови ее покаянием, слезами, исповеданием, добрыми делами и никогда не переставай это делать. Но как мы можем делать это?

8 Во еже искушати вам лучшее, что есть воля Божия, благая и угодная и совершенная;

9 это и значит: обновляйтесь, чтобы вам познать полезное для себя и волю Божию; или: вы тогда можете обновиться, когда узнаете полезное для себя, и то, чего хочет Бог. Если ты познал это и научился распознавать свойства вещей, то ты постиг и весь путь добродетели. Спросишь: кто же не знает для себя полезного и того, в чем состоит воля Божия? Все те, которые стремятся к настоящему, которые считают завидным богатство, а бедность унижают, которые домогаются власти, стремятся к внешней славе, считают себя великими, когда настроят великолепных домов, купят пышные гробницы, имеют толпу слуг и водят за собою множество евнухов. Там люди не знают, что для них полезно и в чем состоит воля Божия, ведь то и другое – одно и то же.

10 Что полезно для нас, того хочет Бог, и чего хочет Бог, то полезно для нас. Итак, чего же хочет Бог? Того, чтобы мы жили в нищете, смиренномудрии, в презрении славы,

в воздержании, а не в роскоши, в скорби, а не в неге, в печали, а не в веселии и смехе, жили бы и во всем остальном, что заповедал нам Бог. Но многие отвращаются от этого, настолько они далеки от того, чтобы признавать это полезным и волею Божией; и потому они никогда не могут даже приблизиться к подвигам добродетели. Такие люди, не зная и того, что такое добродетель, но вместо нее восхищаясь пороком и, вместо целомудренной супруги, вступая в союз с блудницею, как могут отрешиться от настоящего века? Потому, прежде всего прочего, нам надлежит иметь правильное суждение о вещах, и если мы еще не следуем добродетели, то, по крайней мере, научимся хвалить ее, если еще не избегаем порока, то, по крайней мере, навыкнем порицать худое, чтобы пока приговоры наши были неподкупны. Вступив на этот путь, мы будем иметь возможность приняться потом и за дела. Потому и Павел повелевает обновляться, во «еже искушати вам, что есть воля Божия». Здесь он укоряет, как мне кажется, и иудеев, державшихся закона. Хотя была воля Божия и на жизнь ветхозаветную, но не преимущественная, а приспособленная к слабости иудеев, совершенная же и благоугодная воля открыта в жизни новозаветной. И когда апостол новозаветную жизнь наименовал разумным служением, то назвал так в противоположность жизни ветхозаветной.

[11] Рим.12:3. Глаголю бо благодатию давшеюся мне, всякому сущему в вас не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати: но мудрствовати в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры.

[12] Выше сказав: «молю… вас… щедротами Божиими» (Рим.12:1), здесь опять говорит: «глаголю благодатию».

Заметь смиренномудрие учителя, заметь кротость его души. Для столь великого увещания и совета он никак не признает достаточными собственные свои слова, но в подтверждение их ссылается то на милосердие Божие, то на благодать. Не от себя предлагаю я слово, говорит он, но от Бога. И не сказал: говорю вам Премудростью Божией, или законом Божиим, но: «благодатию», постоянно напоминая о благодеяниях, чтобы внушить им большую благодарность и доказать, что и благодать требует исполнения того, о чем говорится. «Всякому сущему в вас». Не тому только или другому, но и начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщине и мужчине, юноше и старцу – это общий закон, потому что Господний. Итак, апостол никого не обижает словом своим, предлагая наставление всем, даже и тем, которые невиновны, чтобы виновные удобнее приняли это вразумление и исправление.

[13] И что говоришь ты, скажи мне? «Не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати». Здесь он указывает на смиренномудрие, мать всех благ, подражая в этом своему Учителю. Как Христос, взойдя на гору, чтобы предложить нравоучительное слово, начал речь прежде всего о смиренномудрии и его положил основанием: сказав: «блажени нищии духом» (Мф 5.3), так и Павел, переходя от догматических истин к нравственным, преподал урок о добродетели вообще, требуя от нас достойной удивления жертвы, но, намереваясь изобразить добродетель, в частности, начинает с смиренномудрия, как бы с главы, и советует «не мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати», потому что такова воля Божия, «но мудрствовати в целомудрии». Слова эти означают следующее: мы приобрели благоразумие, чтобы обращать

его не в высокомерие, но в скромность. И апостол не сказал: думайте о себе смиренномудренно, но: «целомудренно», разумея здесь под целомудрием не противоположную надменности добродетель и не удаление от невоздержности, но ум трезвенный и здравый. Иметь здравые мысли и называется целомудрием. Таким образом, показав, что нескромный не может быть целомудренным, то есть устойчивым и здравым, но заблуждается, выходит из границ и бывает неразумнее всякого безумного, (апостол) смиренномудрие назвал целомудрием. «Коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры». Так как подаяние дарований привело многих из римлян и из коринфян к высокомерию, то обрати внимание, как (апостол) делает ясной причину этой болезни и мало-помалу удаляет ее. Сказав, что должно «мудрствовати в целомудрии», он присовокупил: «коемужде якоже Бог разделил есть меру веры», называя здесь верою духовное дарование. Словом же: «разделил» – он утешил и того, кто получил меньший дар, и смирил того, кто воспользовался большим даром. Если Бог разделил, а не твое преуспеяние имеет значение, то почему ты много думаешь о себе?

[14] Если же кто скажет, что здесь говорится о вере, а не о даровании, то это еще более доказывает, что (апостол) смиряет тщеславных. Если вера есть причина дара, ею творятся чудеса и все это от Бога, то на каком основании ты думаешь о себе много? Ведь если бы Бог не пришел на землю и не воплотился, то вера не имела бы таких успехов. Таким образом все блага имеют начало в Боге. А если Он Сам дает, то умеет и разделить; Он Сам всех сотворил и о всех одинаково печется. От Его человеколюбия зависело как дать, так и сколько дать. Тот, Кто явил благость в главном, именно в том, что сообщил

дары Свои, не оставит тебя и в отношении меры. Если бы Он хотел лишить тебя чести, то не дал бы тебе и самого первого, а если Ему благоугодно было спасти и почтить тебя (а для того Он и пришел на землю и распределил такое множество благ), то для чего ты приходишь в смущение и страх и из разумного становишься глупцом, стыдя себя больше, чем глупый по природе? Быть глупым по природе не составляет вины, а сделаться глупым, имея разум, не извинительно и влечет за собою большое наказание. Таковы те, которые по причине своей мудрости много о себе думают и впадают в крайнее высокомерие. Ничто ведь так не делает глупым, как кичливость. Потому и пророк, называя варвара глупцом, говорил: «юрод бо юродивая изречет» (Ис 32.6). А чтобы ты мог заключить о его глупости из собственных речей его, послушай, что говорит он: «выше звезд небесных поставлю престол мой, я …буду подобен Вышнему» (Ис 14.13–14). «Вселенную всю объиму рукою моею яко гнездо, и яко оставлена я́ица возму» (Ис 10.14). Что может быть глупее этих слов? Но и всякое хвастливое слово легко навлекает на себя такое же нарекание. И если я буду тебе представлять все речи высокомерных, ты не различишь, высокомерным ли это сказано или глупцом; таким образом, в них один и тот же недостаток. И другой варвар говорит опять: «аз есмь Бог» (Иез 28.2), а не человек, и еще другой: «не возможет Бог спасти вас или исхитит из рук моих» (Дан 3.15); также и египтянин: «не вем Господа, и Израиля не отпущу» (Исх 5.2). Таков и безумец, упомянутый у пророка, говоривший в сердце своем: «несть Бог» (Пс 13.1). Таков и Каин, сказавший: «еда страж брату моему есмь аз» (Быт 4.9)? Различишь ли ты, какие слова сказаны высокомерными и какие глупцами? Высокомерие, не соблюдая умеренности и

возникая помимо ума (почему и называется απονιά), создает и глупых, и тщеславных. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа.

15 Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение – глупость, неведение же происходит от гордости (а начало гордости есть неведение Господа), то следует, что гордость есть крайняя глупость. Таков был и Навал, если не пред Богом, то пред человеком сделавшийся от высокомерия безумным; впоследствии он умер от страха. Как скоро человек потеряет меру благоразумия, то по причине душевной слабости делается вместе и робким, и дерзким. Как тело, когда потеряет равномерное соединение жизненных сил, становится расстроенным и подвергается всяким болезням, так и душа, когда утратит свою возвышенность и смиренномудрие, впавши в некоторое болезненное состояние, делается и робкой, и дерзкой, и безумной, и, наконец, перестает узнавать саму себя. А кто не знает самого себя, как узнает то, что выше его? Как одержимый умопомешательством, когда не узнает себя, не знает и того, что у него под ногами, и как глаз, когда сам слеп, помрачает и все прочие члены, так бывает и с высокомерием. Потому высокомерные несчастнее и помешанных в уме, и глупых по природе. Они возбуждают смех подобно последним и неприятны подобно первым и хотя столько же расстроены в уме, как помешанные, но не возбуждают столько сожаления, как те; они безумствуют, как и глупцы, но не заслуживают оправдания, как те, а внушают только одно отвращение. Имея недостатки тех и других, они лишены оправдания, подобно тем и другим, будучи смешны не только своими речами, но и всеми приемами. Скажи мне: для чего ты вытягиваешь шею? Для чего ходишь, привстав на пальцы,

поднимаешь брови и надуваешь грудь? Ведь ты не можешь волоса сделать белым или черным, а ходишь будто по воздуху, представляя себя владыкою всего? Тебе, может быть, хотелось бы, чтобы у тебя выросли крылья, чтобы не ходить тебе по земле; может быть, тебе желательно сделаться необыкновенным. А теперь разве ты не делаешь из себя чуда, когда, будучи человеком, замышляешь летать? Но, лучше сказать, ты летаешь уже внутренне, все тебя поднимает вверх. Как мне назвать тебя? Чем истребить твое высокоумие? Если я назову тебя пеплом, прахом, дымом и пылью, то я, хотя и назвал низшие предметы, но ни один не изображает тебя в точности, как я хотел бы, ведь я желаю представить всю надутость и пустоту людей высокомерных. Какой же нам найти образ, им соответствующий? Мне кажется, что они подобны зажженному льну. Как вспыхнувший лен, по-видимому, раздувается и приподнимается, но от легкого прикосновения руки опадает и оставляет самый мелкий пепел, таковы же и души высокомерных: их пустую надутость может смирить и уничтожить случайное прикосновение. Всякий высокомерный по необходимости должен быть слабым, потому что высокое не бывает крепко, но, как водяные пузыри скоро лопаются, так и высокомерные легко погибают. Если ты не веришь этому, то представь мне человека наглого и высокомерного и увидишь, что от случайного обстоятельства он приходит в большую робость, чем иной от падения. Как хворост быстро обращается в пепел, едва вспыхнет охвативший его пламень, а толстые деревья нелегко воспламеняются и долго поддерживают пламя, так души твердые и непоколебимые с трудом и воспламеняются, и сгорают, а над слабыми в одно мгновение времени совершается и то, и другое. Итак,

зная это, будем упражняться в смиренномудрии. Нет ничего могущественнее его, оно тверже камня, крепче адаманта, ставит нас в большую безопасность, чем крепости, города и стены, будучи выше всех ухищрений диавола, тогда как высокомерие делает нас доступными всяким случайным нападениям, лопаясь, как сказано выше, легче водяного пузыря, разрываясь скорее паутины и рассеиваясь быстрее дыма. Потому, чтобы нам утвердиться на твердом камне, отложив высокомерие, возлюбим смиренномудрие. Тогда и в настоящей жизни найдем спокойствие, и в будущем веке насладимся всеми благами благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 21

[1] Рим 12.4–5. Якоже бо во едином телеси многи уды имамы, уды же вси не тожде имут делание: такожде мнози едино тело есмы о Христе, а по единому, друг другу уди.

[2] Апостол употребил здесь то же сравнение, каким он воспользовался в Послании к коринфянам, когда врачевал их от того же самого недуга. Сила этого врачевства велика и значение примера достаточно для того, чтобы избавить от болезни высокомерия. Почему, говорит он, ты думаешь о себе высоко, тогда как другой, напротив, принижает себя? Не все ли мы, большие и малые, составляем одно тело? А когда по отношению к главе мы одно тело, а по отношению друг к другу члены, то зачем ты отсекаешь себя высокомерием, зачем стыдишься брата? Как он есть твой член, так и ты его член, и в этом отношении существует большая равночестность. (Апостол) предложил два достаточных довода, чтобы побудить слушателей отложить высокомерие: первый тот, что мы члены друг друга, не только малый для большего, но и больший для меньшего, а второй тот, что все мы составляем одно тело. Вернее же сказать, им представлено три довода, так как он доказал, что всем сообщено одно благодатное дарование. Итак, не думай о себе много, ведь все, что ты получил, дано тебе от Бога, а не сам ты приобрел. По этой причине (апостол), коснувшись духовных дарований, не сказал, что один получил больше, а другой меньше, а как назвал дарования? Различными. Он говорит: «имуще… дарования» (Рим.12:6), не большие и меньшие, но – «различна». Что за дело, если не то же тебе вверено,

когда ты принадлежишь к тому же телу? И (апостол), начав говорить о даровании, заканчивает речь словами о милостыне, прилежании и заступничестве. И так как некоторые из римлян, как и естественно, были добродетельны, но не имели дара пророчества, то (апостол) доказывает, что и быть добродетельным есть также дар, притом гораздо больший дара пророчества (он доказал это в Послании к коринфянам), так как первый влечет за собою награду, а последний лишен вознаграждения, и все в нем – дар и благодать. Поэтому говорит:

[3] Рим.12:6. имуще же дарования по благодати данней нам различна: аще пророчество, по мере веры.

[4] Так как он достаточно утешил слушателей, то желает побудить их к подвигам и сделать более ревностными, указывая на то, что и от них самих зависит получить больший или меньший дар. Чтобы смирить гордых, он утверждает, что дается это от Бога, когда, например, говорит: «коемуждо яко же Бог разделил есть меру веры» (Рим.12:3), и еще: «по благодати данней нам». А чтобы поощрить беспечных, он присовокупляет, что первое основание полагают сами люди, как он утверждает в Послании к коринфянам, побуждая к тому и другому. Когда говорит: «ревнуйте дарований» (1Кор 12.31), показывает, что и они сами бывают причиной различия даруемого; а когда говорит: «вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя… коемуждо, якоже хощет» (1Кор 12.11), показывает, что получившие дар не должны им превозноситься; в обоих случаях (апостол) врачует недуг коринфян, как он поступает и здесь. И опять, поощряя к восстанию падших, говорит: «аще пророчество, по мере веры». Хотя пророчество дается по благодати, но

изливается не просто, а получая меру от принимающих, и течет настолько, насколько велик будет принесенный сосуд веры.

[5] Рим.12:7. Аще ли служение, в служении.

[6] Здесь служение взято в общем смысле: и апостольство называется служением, и всякое доброе духовное дело – служение. Конечно, это наименование употребляется и для означения частной деятельности, но здесь сказано вообще.

[7] Аще не учяй, во учении.

[8] Заметь, как (апостол) не наблюдает строгого порядка, но малое ставит на первом месте, а великое после, научая опять тому же самому, т.е. не гордиться и не превозноситься.

[9] Рим.12:8. Аще утешаяй, во утешении.

[10] И это – вид учения, так как сказано: «аще есть… в вас… слово утешения к людем, глаголите» (Деян 13.15). Потом, показывая, что не велика польза держаться добродетели без надлежащего соблюдения закона, присовокупляет: «подаваяй, в простоте». Не достаточно того, чтобы подать, но должно делать это и с щедростью; так и всегда это разумеется под словом – «простота», ведь и девы (юродивые) имели елей, но не имели его в избытке, почему и лишены были всего.

[11] Начальствуяй, со тщанием.

[12] Не довольно быть начальником, но надобно начальствовать с усердием и готовностью.

[13] Милуяй, с добрым изволением.

14 Недостаточно благотворить, но должно и это делать нескудно и без скорби, или лучше сказать, не только без скорби, но еще с веселым и радостным духом, потому что не одно и то же не быть печальным, и радоваться. То же самое с большим тщанием доказывал Павел и в Послании к коринфянам; побуждая их к щедрости, он говорил: «сеяй скудостию, скудостию и по́жнет, а сеяй о благословении, о благословении и по́жнет» (2Кор 9.6), и, научая, с каким расположением должно это делать, он присовокупил: «не от скорби, ни от ну́жды (2Кор 9.7).

15 В совершающем благотворение должно быть то и другое – и щедрость, и веселое расположение. Зачем ты плачешь, подавая милостыню? Зачем скорбишь, оказывая милосердие, и тем лишаешься плода заслуг своих? Если ты скорбишь, то нет в тебе милосердия, но ты жесток и бесчеловечен. Ведь если ты сам скорбишь, то как можешь ободрить того, кто в горе? Приятно то, чтобы он не подозревал ничего дурного, а также и то, когда подаешь ему с радостью, потому что для людей ничто не представляется столько унизительным, как принимать что-нибудь от других, если только ты особенной веселостью не отвратишь подозрения и не покажешь, что сам получаешь больше, нежели даешь, что скорее роняешь, чем восстановляешь принимающего. Потому (апостол) и говорит: «милуяй, с добрым изволением».

16 Кто с печальным лицом получает царскую власть? Кто остается в унынии, получив прощение грехов? Итак, обращай внимание не на трату денег, но на пользу от этой траты. Если сеятель радуется, хотя и сеет в неизвестности на будущее, тем более должен радоваться возделывающий небо. Если ты и мало дал, но с радостью, то дал много, равным образом, если ты и много подал, но

с прискорбием, то из многого сделал мало. Так две лепты вдовицы превзошли многие таланты, потому что ее расположение было исполнено щедрости. Скажешь: как может подавать с радушием тот, кто сам живет в крайней бедности и имеет во всем недостаток? Спроси вдовицу, у нее научишься, как это можно делать, и узнаешь, что не бедность создает затруднительное положение, но собственная воля производит как это, так и все противоположное. Можно и в бедности быть великодушным, и при богатстве малодушествовать. Потому (апостол) требует при подаянии простоты, при благотворении радушия, при начальствовании усердия. Он желает, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, делами, телесным трудом и всем прочим. И сперва упомянув о главном роде вспомоществования – учением и увещанием (все это более необходимо, так как служит пищею душе), потом уже переходит к вспоможению деньгами и всем иным. Затем, научая, как можно успеть в этих добродетелях, представляет их мать – любовь. Именно говорит:

[17] Рим.12:9. любы́ нелицемерна.

[18] Если будешь иметь любовь, то не почувствуешь ни траты денег, ни телесного труда, ни тяжести учения, ни пота и служения, но все будешь переносить мужественно, потребуется ли помочь ближнему телесными трудами, деньгами, словом или иным чем. Как (апостол) требует не одного только подаяния, но в простоте, не одного начальствования, но с усердием, не одной только милостыни, но с радушием, так он не просто требует и любви, но любви непритворной, а такова истинная любовь, и если это будет, все прочее последует само собою. Ведь оказывающий милосердие если оказывает его

с радушием, дает себе самому; начальствующий, если начальствует усердно, доставляет пользу себе самому и подающий, если подает со щедростью, наделяет себя самого. А так как любовь бывает и в худых делах, например, любовь людей развратных или думающих только о деньгах и хищениях, или предающихся пьянству и пирам, то (апостол), очищая любовь от этого, говорит:

19 ненавидяще злаго.

20 И он не сказал: удаляйтесь зла, но: ненавидьте его, и не просто ненавидьте, но весьма сильно ненавидьте. Предлог απο во многих местах (у апостола) означает усиление, так, например, в словах: ἀποκαραδοκία – заботливость (Рим 8.19), ἀπεκδεχομένοι – ожидая (1Кор 1.7) и απόλυτρώσις – искупление (Рим 3.24). Так как многие, хотя и не делают зла, но имеют злые пожелания, то (апостол) и сказал: ἀποστυγοῦντες – «отвращайтесь с ненавистью». Он хочет, чтобы наши помышления были чисты и чтобы мы имели в отношении к пороку полную вражду, ненависть и войну. Из того, что я сказал вам, говорит (апостол), – возлюбите друг друга – не заключайте, что я предлагаю и в худых делах содействовать друг другу. Я предписываю вам совершенно противоположное – чуждаться зла не только делом, но и расположением, и не только чуждаться такого расположения, но и совершенно отвращаться зла и ненавидеть его. Но (апостол) не довольствуется только этим, а требует упражнения в добродетели, говоря:

21 прилепляйтеся благому.

22 Не сказал – делайте добро, но – будьте расположены к нему; это он выразил, повелев «прилепляться». Так Бог, сопрягая мужа и жену, сказал: «прилепится к жене

своей» (Быт 2.24). После того (апостол) излагает причины, по которым мы должны любить друг друга.

23 Рим.12:10. Братолюбием друг ко другу любезни.

24 Вы – братья, говорит (апостол), и произошли из одной утробы, уже и по этой причине правильно было бы, чтобы вы любили друг друга. Это и Моисей сказал дравшимся египтянам: вы – братья, для чего же обижаете друг друга (Исх 2.13)? И (апостол), когда ведет речь о внешних, говорит: «аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте» (Рим.12:18); когда же рассуждает о своих, говорит: «братолюбием друг ко другу любезни». Там требует, чтобы они не ссорились, не ненавидели, не отвращались друг друга, а здесь повелевает любить друг друга и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говорит он, должна быть не только не притворная, но крепкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однако же не горячо? Потому (апостол) и сказал: «друг ко другу любезни», то есть любите горячо. Не жди, чтобы другой проявил к тебе любовь, но сам стремись к нему и начни первый, так как тогда ты приобретешь награду и за его любовь.

25 Показав причину, по которой мы обязаны любить друг друга, (апостол) объясняет, как любовь наша может сделаться непоколебимою, почему и присовокупляет:

26 честию друг друга болша творяще.

27 Таким-то образом любовь возникает и поддерживается. И ничто не приобретает нам столько друзей, как старание превзойти ближнего почтительностью. От этого возрастает не только любовь, но и честь. Как описанное выше происходит от любви, так любовь от чести, а равно и честь – от любви. Потом, чтобы мы оказывали не только

уважение, апостол требует и еще другого, большего, говоря:

[28] Рим.12:11. тщанием не ленивы.

[29] И то рождает любовь, когда вместе с почтительностью мы оказываем и услуги, потому что ничто так не заставляет любить, как почтение и попечительность. Не достаточно любить, но нужно иметь и это, а лучше сказать, и это происходит от любви, равно как и любовь от этого разгорается, вообще, одно подкрепляет другое. Многие, хотя сердечно друг друга любят, однако же не подают руки помощи. Потому апостол отовсюду укрепляет любовь. А как мы можем быть «тщанием не ленивы?»

[30] Духом горяще.

[31] Ты замечаешь, что апостол во всем требует усиления. Он сказал: не только подавайте, но не скудно, не только начальствуйте, но с усердием, не только совершайте дела милосердия, но с радостью, не только будьте почтительны, но предупреждайте в почтении других, не только любите, но любите непритворно, не только воздерживайтесь от зла, но ненавидьте его, не только держитесь доброго, но прилепляйтесь к нему, не только будьте дружелюбны, но с нежностью, не только будьте тщательны, но неослабно, не только имейте дух, но пламенейте духом, то есть будьте ревностны и возбужденны. Если ты будешь иметь все теперь исчисленное, то привлечешь Духа, а если пребудет в тебе Дух, то сделает тебя усерднее ко всему исчисленному, когда же воспламенен будешь Духом и любовью, тогда все сделается для тебя легким. Неужели ты не знаешь, насколько ужасны для всех волы, когда они имеют на

спине огонь? Так и ты сделаешься нестерпимым для диавола, если возьмешь оба эти пламени.

32 Господеви работающе.

33 Посредством всего этого возможно служить Богу. Все, чтобы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это. Замечаешь ли, куда (апостол) направил помыслы исполняющего это? Показав, как может возгореться огонь Духа, (апостол) говорит далее:

34 Рим.12:12. упованием радующеся, скорби терпяще, в молитве пребывающе.

35 Все это служит для воспламенения того огня. И так как апостол требовал уже денежных издержек, телесных трудов, покровительства, усердия, учения и других подвигов, то вместе с любовью и Духом поощряет еще подвижника надеждою. Ничто так не делает душу мужественной и на все готовой, как добрая надежда. Между тем до получения ожидаемых благ (апостол) дает другую награду. Так как надежда касается будущего, то, говорит он, в бедствии будьте терпеливы. Прежде будущих благ, в настоящей жизни ты пожнешь великий плод от бедствий, сделаешься терпеливым и опытным. Сверх того, (апостол) представляет и другую помощь, говоря: «в молитве пребывающе». Итак, когда любовь доставляет тебе удобство, Дух вспомоществует, надежда облегчает, бедствия делают тебя опытным и способным переносить все мужественно, когда, сверх того, ты имеешь и другое сильнейшее оружие – молитву и помощь, испрашиваемую по молитве, – тогда что останется трудного в исполнении заповедей? Ничего. Видишь ли, как (апостол) отовсюду утвердил подвижника и доказал,

что заповеди его весьма легки? Заметь также, что опять он начинает говорить о милостыне и не просто о милостыне, но о милостыне святым. Выше, сказав: «милуяй, с добрым изволением» (Рим.12:8), он отверз руку для всех, а здесь он говорит, конечно, о верующих, почему присовокупляет:

[36] Рим.12:13. требованием святых приобщающеся.

[37] Не сказал: помогайте святым в нуждах, но: принимайте участие в их нуждах, показывая, что они более получают, нежели дают, и что это дело есть купля, так как есть общение. Ты даешь деньги, а они дают тебе дерзновение пред Богом.

[38] Страннолюбия держащеся.

[39] Не сказал апостол: будьте странноприимны, но: ревнуйте о странноприимстве, научая нас, чтобы мы не ожидали, когда нуждающиеся придут к нам, но сами бежали к ним и догоняли их. Так поступал Авраам. Целый день провел он, выжидая этого прекрасного лова и, увидев, вскочил, побежал навстречу, поклонился до земли и сказал: «Господи, аще убо обретох благодать пред Тобою, не мини раба Твоего» (Быт 18.3). Он не сделал так, как мы, которые, как скоро увидим странника или нищего, поднимаем брови и не хотим удостоить их даже словом; а если, склоненные бесчисленными просьбами, мы прикажем слугам подать небольшую монету, то думаем, что с нашей стороны выполнено все должное. Не так поступил Авраам, но представлял из себя просителя и слугу, хотя не знал, кого примет у себя.

[40] А мы ясно знаем, что принимаем у себя Христа, однако же не делаемся вследствие этого кроткими. Авраам зовет, просит, кланяется, а мы оскорбляем приходящих к нам.

Авраам все исправляет сам с женою, а мы не хотим заставить слуг. Если угодно тебе посмотреть на самое угощение, предложенное Авраамом, то и здесь увидишь великую щедрость, состоявшую не в обилии предложенного, но в богатстве усердия. Сколько было тогда людей достаточных? Но ни один не сделал ничего подобного. Сколько было вдовиц в земле Израильской? Но ни одна не приняла в дом свой Илию. Сколько опять было достаточных людей и при Елисее? Но одна соманитянка пожала плод странноприимства, подобно Аврааму, который отличался в свое время щедростью и усердием. Особенно же заслуживает удивления то, что он совершил это, не зная, кто были пришедшие к нему. Так и ты не любопытствуй, потому что принимаешь ради Христа; а если всякий раз будешь допытываться, то часто будешь проходить и мимо человека достойного и лишишься следовавшей за то награды. Между тем принимающий и недостойного не делается виновным, но имеет свою награду: «приемляй пророка во имя пророчо, мзду пророчу приимет» (Мф 10.41). А кто от неуместного любопытства обходит человека, достойного удивления, тот навлекает на себя наказание.

41 Итак, не любопытствуй о жизни и делах: ведь за один кусок хлеба подвергать обследованию целую жизнь – это признак крайнего тщеславия. Если бы он был убийцей, разбойником или подобным тому, неужели, по твоему мнению, он не стоит куска хлеба и немногих монет? Господь твой и для него повелевает сиять солнцу, а ты считаешь его не стоящим дневного пропитания? Но я скажу тебе и еще больше: хотя бы ты хорошо знал, что он исполнен бесчисленных зол, и тогда ты не будешь иметь оправдания, если лишишь его дневного пропитания. Ты раб Того, Кто сказал: «не веста, коего духа еста вы» (Лк

9.55); ты слуга Того, Кто оказывал услуги метавшим в Него камнями, или лучше сказать, Кто за них распят. Не говори мне, что он убил человека; если он намеревается убить и тебя самого, и в таком случае не презирай его, когда он голоден. Ведь ты ученик Того, Кто желал спасения распявшим Его, Кто даже на Кресте говорил: «Отче, отпусти им: не ведят бо, что творят» (Лк 23.34). Ты раб Того, Кто оказал услугу ударившему Его, увенчал поносившего Его даже на Кресте. Может ли что-нибудь с этим сравниться? Ведь сначала оба разбойника поносили Его, несмотря на это одному из них Он отверз рай. Он плачет о тех, которые намереваются убить Его, беспокоится и смущается, видя предателя, не потому, что Сам будет распят, но потому, что тот погибнет; смущается, потому что предвидит удавление, а за удавлением наказание. Зная лукавство Иуды, Он до последнего часа терпел его и не отринул, но целовал предателя. Твой Владыка целует, допускает прикоснуться к устам Своим того, кто вскоре имеет пролить честную Кровь Его: а ты нищего не удостаиваешь и куска хлеба, не уважаешь закона, дарованного Христом? Ведь этими действиями Он доказал, что не должно отвращаться не только нищих, но и тех, которые ведут нас на смерть.

42 Итак, не говори мне, что такой-то человек причинил тебе зло, но подумай, что сделал Христос пред самым Крестом посредством целования, которым предал Его Иуда, желая исправить предателя. И смотри, в какой стыд должно бы привести его это целование. Христос сказал: «Иудо, лобзанием ли Сына человеческаго предаеши» (Лк 22.48)? Кого бы не смягчил, кого бы не тронул этот голос, какого зверя, какой адамант? Но он не смягчил того несчастного. Потому не говори, что такой-то убил такого-то, и вследствие этого я отвращаюсь его. Если кто

хочет пронзить тебя мечом, погрузить руку в гортань твою, ты поцелуй эту руку, потому что Христос облобызал уста, причинившие Ему смерть.

43 И ты не подвергай ненависти, но слезами и милосердием воздавай злоумышляющему, потому что такой заслуживает нашего сожаления и слез. Ведь мы рабы Того, Кто целовал предателя (я никогда не перестану повторять это), Кто произнес слова, нежнее самого целования. Господь не сказал Иуде: скверный, вселукавый и предатель, такую ли воздаешь ты Нам награду за столько благодеяний? Но что говорит Он? «Иудо», т.е. называет его по имени, что свойственно более сожалеющему и призывающему, чем гневающемуся. Он не сказал также: предаешь своего Учителя, Владыку и Благодетеля, но говорит: «предаешь …Сына человеческаго». Хотя бы Я и не был твоим Учителем и Владыкою, но можно ли предавать Того, Кто расположен к тебе так милостиво и искренно, что целует тебя во время предательства, когда целование служит знаком предательства? Благословен Ты, Господи. Какого смирения, какого незлобия Ты показал нам пример? Так поступил Христос с Иудою, а в отношении к тем, которые пришли с дрекольями и мечами, он поступил иначе. И что может быть скромнее сказанного им Господом? Имея возможность сразу всех их истребить, Он не сделал ничего подобного, но вступает в разговор, чтобы пробудить в них стыд, и говорит: «яко на разбойника ли изыдосте со оружием и дрекольми» (Мф 26.55)? Повергши их пред Собою на землю, когда они лежали без чувств, Он добровольно предал опять Себя и спокойно взирал, как они возлагали узы на святые руки, хотя мог все мгновенно поколебать и ниспровергнуть. А ты и после этого жестоко обходишься с нищим? Если бы он был виновен в

бесчисленных преступлениях, то достаточно его бедности и голода, чтобы смягчить твою душу, если она не слишком огрубела. А ты стоишь как зверь, уподобляясь гневом льву, но и львы никогда не могут вкушать мертвых тел, а ты, видя человека, истомленного множеством зол, наступаешь на лежащего, терзаешь его тело обидами, присоединяешь бурю к буре и прибегшего к пристани ударяешь об утес и подвергаешь крушению, которое ужаснее морского. И как скажешь Богу: помилуй меня? Просишь себе отпущения грехов, а сам обижаешь человека, который ни в чем не погрешил против тебя, осуждаешь за то, что он терпит голод и нужду, и превосходишь всяких зверей своей жестокостью. Звери, когда понуждает их голод, кидаются на обычную свою пищу, а ты, без всякого понуждения и необходимости, пожираешь брата, грызешь, терзаешь, если не зубами, то словами, которые язвительнее всякого укушения. Как же ты совершишь святое приношение, когда гортань твоя обагрена кровью человеческой? Как произнесешь слово мира устами, которые полны вражды? Как будешь есть чувственную пищу, когда ты собираешь столько яда? Ты не помогаешь бедному, зачем же тебе и угнетать? Не поднимаешь лежащего, для чего же низвергаешь? Не избавляешь от печали, зачем же огорчаешь? Не даешь денег, для чего же оскорбляешь словами? Неужели ты не слышал, какому наказанию подвергаются и на какие мучения осуждаются те, которые не кормят нищих? Им будет сказано: «идите… во огнь, …уготованный диаволу и аггелом его» (Мф 25.41). Если так осуждаются те, которые не кормят нищих, то какому подвергнутся наказанию те, которые не только не кормят, но еще оскорбляют? Какому они подлежат мучению и какой геенне?

44 Итак, чтобы не возжечь против себя столько зол, уврачуем этот злой недуг, пока имеем власть, и обуздаем язык свой. Не только не станем оскорблять нищих, но будем утешать их и словом, и делом, чтобы уготовать себе многое милосердие и получить обетованные нам блага, достигнуть которых да дарует Бог всем нам благодатью и человеколюбием и проч.

Беседа 22

[1] Рим 12.14. Благословляйте гонящия вы: благословите, а не клените.

[2] Научив римлян, как надлежит быть расположенными друг к другу, и тесно соединив между собою члены (тела Христова), апостол, наконец, выводит их на внешнее ратоборство, облегчив его предшествовавшими своими наставлениями. Как не исправившему своих домашних дел очень трудно устроить чужие, так, достигши опытности в управлении своими делами, очень легко управиться с посторонними. Потому и Павел идет таким же путем и после обязанностей к своим излагает обязанности к посторонним и говорит: «благословляйте гонящия вы». Не сказал: не помните обид, не мстите, но потребовал гораздо большего; первое свойственно и человеку любомудрому, а последнее свойственно лишь ангелу.

[3] И сказав: «благословите», присовокупил: «а не клените», чтобы мы не делали того и другого, но только благословляли. Гонители бывают для нас виновниками наград. А если будешь бодрствовать, то сверх этой награды сам приготовишь себе другую. Он доставит тебе награду за гонение, а сам приобретешь ее за благословение гонителя, представляя этим вернейшее доказательство любви своей ко Христу. Как проклинающий гонителя показывает, что он не с большой радостью терпит гонение за Христа, так благословляющий обнаруживает этим сильную любовь. Итак, не укоряй гонителя, чтобы тебе самому получить большую награду, а его научить, что это есть дело желания, а не необходимости, что это составляет для тебя

торжество и веселие, а не бедствие и унижение. Потому и Христос сказал: «радуйтеся, егда …рекут всяк зол глагол на вы лжуще» (Мф 5.11–12). Потому и апостолы возвращались, радуясь тому, что они не только услышали дурное, но и подверглись бичеванию. Сверх того, ты приобретешь и другую малую выгоду, так как приведешь в изумление противников и вразумишь их своими делами, что ты готовишься к другой жизни. Как скоро заметит твой гонитель, что ты с радостью и охотно терпишь зло, то на основании дел ясно поймет, что у тебя есть иные надежды, превосходящие все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и скорбеть, то откуда он может узнать, что ты ожидаешь другой жизни? И вместе с этим ты исправишь и другого, потому что твой гонитель увидит, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидевшего, и он перестанет тебя гнать.

4 Итак, вот сколько происходит отсюда добра: награда твоя увеличится, искушение уменьшится, гонитель прекратит гонение, Бог прославится, а любомудрие твое сделается для заблуждающегося уроком, руководствующим к благочестию. Потому не только оскорбителям, но и гонителям, и притеснителям (апостол) повелел воздавать противоположным. И теперь он заповедует благословлять их, а раньше убеждал оказывать им благодеяния.

5 Рим.12:15. Радоватися с радующимися, и плакати с плачущими.

6 Так как можно благословлять и не проклинать, но делать это не из любви, то (апостол) хочет, чтоб мы были согреты дружбой. Потому он и присовокупил, что должно не только благословлять, но и соболезновать и сострадать, когда видим, что другие впали в несчастье. Хорошо,

скажешь: (апостол) справедливо предписал, чтобы мы скорбели с плачущими, но для чего он дал другое повеление, которое не заключает в себе никакой важности? Напротив, для того, чтобы радоваться с радующимися, душе нужно более любомудрия, нежели для того, чтобы плакать с плачущими. К последнему влечет нас сама природа, и нет такого каменного человека, который бы не плакал при виде несчастного; но для того, чтобы, видя человека в благополучии, не только ему не завидовать, но еще разделять с ним радость, нужна душа очень благородная. Потому (апостол) и сказал об этом раньше. Ничто так не располагает нас к любви, как то, когда мы разделяем друг с другом и радость и печаль. Не чуждайся же сострадания, на том основании, что ты далеко стоишь от несчастья. Когда твой ближний терпит зло, ты должен несчастье его считать общим. Разделяй с ним слезы, чтобы облегчить печаль его, разделяй радость, чтобы упрочить веселье, укрепить любовь и самому раньше его получить пользу, так как посредством плача ты делаешься милостивым, а посредством радости очищаешься от зависти и недоброжелательства. Смотри же, как необременительна заповедь Павла. Ведь он не сказал: избавь от беды, – чтобы ты не мог возразить, что это во многих случаях не возможно, но предписал более легкое, что совершенно в твоей власти. Если ты не можешь отвратить несчастья, то проливай слезы, и этим уже ты многое отгонишь; если не можешь увеличить благополучия, то принеси свою радость, и этим ты уже сделаешь большое облегчение. Потому (апостол) повелевает не только не завидовать, но, что гораздо важнее, и сорадоваться; это гораздо больше значит, нежели не завидовать.

[7] Рим.12:16. Тожде друг ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся.

[8] Опять апостол, как и в начале речи, весьма заботится о смиренномудрии; ведь римляне и по месту жительства, и по другим многим причинам, как и естественно, были исполнены гордости, почему апостол постоянно и старается удалить болезнь и низложить надменность. Ничто так не раздирает тела Церкви, как высокомерие. Что же значат слова: «тожде друг ко другу мудрствующе?» К тебе в дом пришел нищий? Будь с ним единомыслен, не принимай на себя надменного вида, вследствие своего богатства, потому что во Христе нет ни богатого, ни бедного. Не стыдись наружного одеяния, а принимай по внутренней вере. Равным образом, если увидишь плачущего, не считай его недостойным утешения, если увидишь благоденствующего, не стыдись приобщиться к его удовольствию и возрадоваться, но как думаешь о себе, так думай и о нем. Будьте единомысленны между собою, говорит апостол. Например, ты считаешь себя важным человеком? Считай и его таким же. Ты подозреваешь, что он человек ничтожный и малый? Произнеси такой же суд и о себе, и отбрось всякое неравенство. А как это может быть? Если ты отложишь высокомерие. Потому (апостол) и присовокупил: «не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся», то есть снизойди, применись, приспособься к его низости. Не просто разделяй смиренные его чувствования, но и помогай, подавай ему руку, не чужую, а свою, как отец заботится о сыне и голова о теле. То же самое говорит (апостол) и в другом месте: «поминайте юзники, аки с ними связани» (Евр 13.3). Под именем же «смиренных» (апостол) разумеет здесь не просто смиренномудрых, но униженных и презираемых.

9 Не бывайте мудри о себе,

10 то есть не думайте довлеть самим себе. И в другом месте Писание говорит: «горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни» (Ис 5.21). Потому (апостол) опять подрывает высокомерие, низлагает кичливость и гордость. Ничто так не отвращает и не отделяет нас от остальных людей, как то, если кто-нибудь думает, что он довлеет самому себе, почему Бог и поставил нас в зависимости друг от друга. Хотя ты и умен, но имеешь нужду в другом, а если думаешь, что не нуждаешься, то ты стал неразумнее и слабее всякого. Кто так думает, тот сам себя лишит всякой помощи, и если в чем-нибудь согрешит, то не будет искать никакого исправления и извинения, прогневит Бога своим высокомерием и совершит множество грехов. Часто, очень часто бывает, что умный не видит должного, а менее умный открывает, что нужно. Это случилось с Моисеем и тестем его, с Саулом и отроком его, с Исааком и Ревеккою. Итак, не считай для себя унижением иметь нужду в другом. Напротив, это больше возвышает тебя, делает сильнее, знаменитее и безопаснее.

11 Рим.12:17. Ни единому же зла за зло воздающе.

12 Если ты другого упрекаешь в злоумышлении, то зачем и самого себе делаешь ответственным в этой вине? Если он сделал зло, то для чего ты не уклоняешься от подражания ему? Заметь, что (апостол) не сделал здесь никакого разграничения, но дал общий закон. Он не сказал: не воздавай злом за зло верующему, но говорит: «не воздавай ни единому», хотя бы то был злодей или кто бы то ни было.

13 Промышляюще добрая пред всеми человеки.

[14] Рим.12:18. Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте,

[15] то есть – «да просветится свет ваш пред человеки» (Мф 5.16). Мы должны жить не для тщеславия, но для того, чтобы не подать повода укорять нас тем, которые желают этого. Потому (апостол) и в другом месте говорит: «безпреткновени бывайте Иудеем и Еллином и церкви Божией» (1Кор 10.32). Хорошо также сказал (апостол) и последующее: «аще возможно, еже от вас». Ведь иногда невозможно быть в мире, например, когда идет речь о благочестии, когда возникает борьба за обижаемых. И что удивительного, если не всегда возможно быть в мире со всеми людьми, как скоро (апостол) устранил необходимость этого между мужем и женою, сказав: «аще ли неверный отлучается, да разлучится» (1Кор 7.15)? Смысл слов (апостола) таков: насколько зависит от тебя, никому не подавай повода ко вражде и ссоре – ни иудею, ни язычнику; если же увидишь, что как-нибудь нарушается благочестие, не предпочитай согласия истине, но стой за нее мужественно, даже до смерти; но и в этом случае не враждуй душой, не отвращайся добрым расположением, а восставай только против поступков. Вот что значат слова: «еже от вас, со всеми человеки мир имейте». Если бы другой не соблюдал мира, ты не воздвигай бури в душе своей, но внутренне будь его другом, однако же нимало не изменяя истине, как заметил я выше.

[16] Рим.12:19. Не себе отмщающе, возлюбленне, но дадите место гневу: писано бо есть: Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь.

[17] Какому гневу должны мы давать место? Божию. Так как обиженный всего более желает видеть и насладиться

возмездием за свою обиду, то Бог дает тоже самое в большей мере: если ты сам не отомстишь, Он будет твоим мстителем. Итак, Ему, говорит (апостол), предоставь отмщение. Вот что значат слова: «дадите место гневу».

[18] Потом для большего успокоения (апостол) привел свидетельство и, этим еще более ободрив слушателя, требует от него и большего любомудрия, говоря:

[19] Рим.12:20–21. аще убо алчет враг твой, ухлеби его: аще ли жаждет, напой его. Сие бо творя, углие огненно собираеши на главу его. Не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое (Притч 25.21–22).

[20] Зачем я говорю, продолжает (апостол), что надобно жить в мире с врагом? Я повелеваю и благодетельствовать ему. «Ухлеби его, …напой», – сказано. А так как он заповедал весьма трудное и великое, то присовокупил: «сие бо творя, угли огненно собираеши на главу его». Апостол сказал это для того, чтобы обидчика смирить страхом, а обиженного поощрить надеждой воздаяния. Когда обиженный ослабевает (духом), то не столько поддерживается собственными благами, сколько наказанием оскорбившего его. Ведь ничто так не приятно, как видеть врага наказанным. А чего человек желает, то (апостол) и дает ему прежде; когда же яд извлечен, предлагает ему увещания более возвышенные, говоря: «не побежден бывай от зла». (Апостол) знал, что враг, хотя бы он был зверь, будучи накормлен, не останется врагом, и что обиженный, хотя бы он был весьма малодушен, накормив и напоив врага, не станет уже и сам желать наказания его. Потому, будучи уверен в значении дела, он не только не запретил, но делается щедрым на наказание. Не говорит, что ты отмстишь, но – «углие огненно собираеши на главу его». А потом и заповедал

ему, говоря: «не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое». И этим он как бы слегка намекнул, что не должно поступать с таким намерением, так как помнить обиду – значит уже быть побежденным злом. Сначала (апостол) не сказал этого, потому что было еще неблаговременно; когда же истощил гнев слушателя, тогда и присовокупил, говоря: «побеждай благим злое». Это и есть победа. Ведь и боец удачнее одерживает победу не тогда, когда подвергает себя ударам противника, но когда приводит себя в такое положение, что противник принужден тратить силу на воздух. Таким образом, он не только сам спасается от ударов, но и истощает всю силу противника. То же бывает и при оскорбленных. Когда ты, в свою очередь, наносишь обиду, тогда побеждает тебя не человек, а, что гораздо постыднее, низкая страсть, потому что тобою овладел гнев; когда же ты молчишь, ты победил, без труда воздвиг себе трофей и будешь иметь тысячи людей, готовых увенчать тебя и сознающих ложь злословия. Кто возражает, тот своими возражениями показывает, что он уязвлен, а кто уязвляется, тот внушает подозрение в том, что сознается в сказанном о нем, а если ты ответишь смехом, то ты смехом уже опроверг худое о тебе суждение. И если ты желаешь получить ясное доказательство справедливости моих слов, то спроси самого врага своего, что для него больнее, то ли, что ты, разгорячившись за оскорбление, платишь ему оскорблением, или то, что ты смеешься над обидчиком? Ты скорее услышишь последнее. Он не столько радуется тому, что не подвергся в свою очередь оскорблению, сколько уязвляется тем, что не может вывести тебя из терпения. Разве ты не видел, что находящиеся во гневе, ни во что ставя наносимые им удары, со всею

стремительностью кидаются и злее дикого вепря стараются только наносить раны ближнему, на одно это обращают внимание и об этом заботятся больше, чем о том, чтобы предохранить себя от болей?

21 Итак, когда ты лишил врага того именно, чего особенно он желает, то ты лишил его всего, унизил и показал, что он достоин презрения, что он ребенок, а не муж, а сам ты, получив известность человека любомудрого, заставишь других думать о нем, как о негодном звере. Так мы и будем поступать и во время нанесения нам побоев, и когда желаем бить, а не будем платить ударом за удар. Но хочешь ли нанести смертельный удар? Ударившему тебя подставь другую щеку – и этим нанесешь ему тысячи ран. Те, которые рукоплещут и удивляются, сделаются для него хуже побивающих камнями, а прежде этих осудит и приговорит его к ужасному наказанию совесть, и он пойдет прочь со стыдом, как осужденный на смерть. Если же ты заботишься и о людской славе, то и ее достигнешь в большей мере таким поступком. И вообще к тем, которые подвергаются несчастьям, мы имеем некоторое сострадание, а когда увидим людей, которые не сопротивляются, но и сами предают себя, то не только сожалеем, но и удивляемся им.

22 Это именно ныне и побуждает меня плакать, – то, что мы, имея возможность получить и настоящие блага и достигнуть будущих, если бы как должно повиновались заповедям Христа, теряем то и другое, потому что не следуем заповеданному и излишне мудрствуем. Христос все узаконил надлежащим образом, и показал, что служит к нашей славе и что к нашему позору. И, конечно, Он предписал не с тем, чтобы сделать учеников Своих смешными, но заповедал все это потому, что не

злословить, когда слышишь злословя, и не делать зла, когда терпишь его, – это возвеличивает нас пред всеми. А если это так, то гораздо лучше на злоречие отвечать добром, хвалить оскорбляющих и благодетельствовать злоумышляющим на нас. Потому Христос и дал такую заповедь. Он щадит учеников Своих и ясно знает, что делает человека малым и великим. А если Он щадит и знает, то зачем ты упорствуешь и хочешь идти иным путем? Ведь побеждать посредством зла есть один из диавольских законов, почему и достигают таким образом победы все подвизающиеся на олимпийских играх, которые посвящены диаволу. Не таков, но совершенно противоположен порядок наград на поприще Христовом: там узаконено увенчивать не поражающего, но поражаемого. Таково поприще Христово, которое все постановления имеют совершенно противоположные и не только победою, но и самым способом победы возбуждает еще большее удивление; то, что в другом месте считается поражением здесь составляет победу. Это сила Божия, это небесное поприще, это ангельское зрелище.

23 Знаю, что и ваши сердца теперь согреты, что и вы теперь стали мягче воска; но вы всего этого лишаетесь, как только удаляетесь отсюда. Потому-то я и скорблю, что мы не исполняем на деле сказанного, хотя и должны приобрести от этого величайшие выгоды. Если мы обнаружили кротость, то сделаемся для всех непобедимыми и ни один человек, ни малый, ни большой, не в состоянии будет причинить нам вреда. Если кто-нибудь станет говорить о тебе худо, он тебе не повредит нисколько, а себе самому нанесет величайший вред, если кто причинит тебе обиду, весь вред падет на обидчика. Разве ты не видел и на судах, что обиженные бывают спокойны, стоят совершенно смело и говорят

свободно, а обидчики стоят с поникшею головою, в стыде и страхе? Но что мне говорить о злоречии и обидах? Если кто изострит на тебя меч, и руку свою обагрит в твоей гортани, то не сделает тебе никакого вреда, а себя самого убьет. Это может засвидетельствовать тот, кто первый пал от руки брата. Он отошел в безмятежную пристань, стяжав бессмертную славу, а братоубийца проводил жизнь хуже всякой смерти, стеня и трясясь и на самом теле нося улику своего злодеяния. Конечно, не последнего пожелаем мы, а первого. Кто терпит зло, в том не живет зло, потому что не он его произвел, а принял совне и посредством терпения обратил в добро. А кто сделал зло, в том остается язва зла. Иосиф не был ли в темнице, а жена блудница, умыслившая на него зло, не жила ли в светлом и великолепном доме? Однако кем бы из них ты желал быть? Не говори мне о воздаянии, но исследуй дело само в себе, и тогда в тысячу раз предпочтешь темницу с Иосифом тому дворцу, который вмещал в себе блудницу. А если заглянешь в душу того и другой, то увидишь, что душа Иосифа пользуется всем простором и свободою, а душа египтянки пребывает в тесноте и стыде, в унижении и в страхе, в великой тоске; хотя, по-видимому, она победила, но это была не победа. Итак, зная это, приготовим себя к злостраданиям, чтобы нам и освободиться от злостраданий и получить будущие блага, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием и проч.

Беседа 23

[1] Рим 13.1. Всяка душа властем предержащим да повинуется.

[2] (Апостол) много рассуждает об этом предмете и в других посланиях, когда говорит о покорности слуг господам и подначальных начальникам. А это он делает с целью показать, что Христос ввел Свои законы не для ниспровержения общего гражданского устройства, но для лучшего его исправления, и вместе хочет научить, чтобы мы не предпринимали лишних и бесполезных войн. С нас достаточно тех козней, какие строятся против нас за истину, а лишних и бесполезных испытаний присоединять не следует. Заметь же, как благовременно завел (апостол) речь об этом предмете. После того, как предложил слушателям различные требования любомудрия, расположил их жить в мире с друзьями и врагами, научил быть полезными для счастливых, для несчастных, для нуждающихся и, кратко сказать, для всех, после того, как насадил житие, приличное ангелам, истощил гнев, смирил высокомерие и совершенно умягчил их сердце, – после всего этого предлагает наставление о повиновении властям. В самом деле, если обижающим должно воздавать противоположным, то тем более надлежит повиноваться делающим добро. Но это побуждение (апостол) отлагает к концу своего увещания, а пока не представляет таких доказательств, о которых я упомянул, а призывает нас делать это по сознанию долга. И, желая внушить, что это всем повелевается, не одним только мирянам, но и священникам, и монахам, он объявляет об этом в начале, говоря так: «всяка душа властем предержащим да повинуется»; хотя бы ты был апостол

или евангелист, хотя бы ты был пророк и кто-либо другой, но подчинение власти не подрывает благочестия. И (апостол) не просто сказал – да будет послушна, но – «да повинуется». Первое основание такого законоположения, удовлетворяющее и правильным рассудочным доводам, состоит в том, что власти учреждены от Бога.

3 Несть бо власть, аще не от Бога,

4 – говорит (апостол). Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, – все это я называю делом Божьей Премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существе власти и говорит:

5 несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть.

6 Так и Премудрый, когда говорит, что «от Господа сочетавается жена мужеви» (Притч 19.14), разумеет здесь, что брак установлен Богом, а не то, что Бог сочетает каждого вступающего в брак, так как мы видим, что многие вступают в брак с дурным намерением и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можем вменить Богу. Но что сказал Христос: «сотворивый искони, мужеский пол и женский сотворил я есть; и рече: сего ради оставит человек отца [своего] и матерь, и прилепится к жене своей» (Мф 19.4–5), то же самое разумел и Премудрый. Так как равенство часто доводит

до ссор, то Бог установил многие виды власти и подчинения, как-то: между мужем и женою, между сыном и отцом, между старцем и юношею, рабом и свободным, между начальником и подчиненным, между учителем и учеником. И почему ты удивляешься этому в отношении к людям, когда то же самое Бог устроил и в теле? И здесь Он не все члены устроил равночестными, но сделал один меньше, другой важнее, одни для управления, другие для подчинения. То же самое можно заметить и у бессловесных: у пчел, у журавлей, в стадах диких овец. Даже и море не лишено такого благоустройства, и там многие породы рыб управляются одной, которая и предводительствует прочими и под начальством которой они отправляются в отдаленные путешествия. А безначалие везде есть зло и бывает причиной беспорядка. Апостол, сказав, откуда возникают власти, присовокупил:

[7] Рим.13:2. темже противляяйся власти, Божию повелению противляется.

[8] Смотри, куда он ведет дело, чем устрашает и как доказывает, что повиноваться – наша обязанность. Чтобы верующие не сказали: ты нас унижаешь и делаешь презренными, подчиняя начальникам тех, которые должны получить небесное царство, (апостол) доказывает, что и в настоящем случае он подчиняет их не начальникам, но опять Богу, так как подчиняющийся властям повинуется Богу. Впрочем, (апостол) не говорит это в таких, например, словах: кто слушается начальников, тот повинуется Богу, но устрашает противоположным и тоже самое подтверждает с большей силой, сказав: кто не повинуется начальнику, тот противится Богу, узаконившему это. И он везде старается внушать это, т.е. что мы не дарим властям повиновение,

но исполняем долг. Такими наставлениями (апостол) и верующих побуждал к повиновению, и неверующих начальников располагал в пользу (христианского) благочестия. Ведь тогда повсюду носилась молва, обвинявшая апостолов в восстании и нововведениях, а также в том, будто они и словом и делом стараются подорвать все общественные законы. А доказав, что общий наш Владыка повелевает всем соблюдать эти законы, можно и заградить уста клеветников, обвиняющих в нововведениях, и с большею смелостью защищать истинное учение.

9 Итак, не стыдись такого повиновения, говорит (апостол). Этот закон дал Бог, Который грозно и отмщает тем, которые нарушают его. Если ты ослушаешься Его, то Он накажет тебя не случайным наказанием, а самым строгим, и никакие отговорки не спасут тебя, да и от людей ты понесешь жесточайшее наказание, потому что никто за тебя не вступится, а Бога ты сильно прогневаешь. Это самое и внушает (апостол), говоря:

10 противляющиися же себе грех приимут.

11 Затем, после страха, (апостол) доказывает пользу повиновения и убеждает на основании рассудочных доводов, говоря так:

12 Рим.13:3. князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым.

13 Прежде он нанес сильный удар и привел слушателей в страх, а теперь опять делает послабление и, как мудрый врач, дает успокаивающее лекарство, утешает и говорит: чего боишься, чего ужасаешься? Разве начальник наказывает делающего добро? Разве он страшен для

заботящегося о добродетели? Потому (апостол) и присовокупляет:

14 хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имети будеши похвалу от него.

15 Видишь ли, как он делающего добро примирил с начальником, показав, что начальник поставлен хвалить его? Видишь ли, как он устранил всякий гнев?

16 Рим.13:4. Божий бо… есть… слуга тебе во благое.

17 Начальник не только не страшен для тебя, но еще и хвалит тебя, не только не препятствует тебе, но еще и содействует. Если же ты имеешь в его лице помощника и хвалителя, то почему не подчиняешься? Он и вообще делает для тебя добродетель более достижимой, так как наказывает злых, а добрым оказывает благодеяния и почести и этим содействует воле Божией, потому (апостол) и назвал его слугою. Смотри: я даю тебе советы относительно целомудрия, и он того же требует по законам; я увещеваю тебя, что не должно быть любостяжательным и похищать, и он над тем же поставлен судиею. Таким образом, он наш сотрудник и помощник, на это он и послан Богом. Значит, он в двояком отношении достоин уважения – и потому, что он послан Богом, и потому, что приставлен к одинаковому с нами делу.

18 Аще ли злое твориши, бойся.

19 Таким образом, не начальник создает страх, но наша порочность.

20 Не бо без ума меч носит.

21 Замечаешь ли, как (апостол) представляет его вооруженным, подобно какому-нибудь воину, чтобы сделать страшным для грешников?

22 Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему.

23 А чтобы ты, услышав о наказании, мщении и мече, не побежал прочь, (апостол) снова подтверждает, что начальник исполняет Божий закон. Что из того, если он и сам того не знает? Но Бог так устроил.

24 Итак, если начальник, наказывает ли он или награждает, Божий есть слуга, потому что защищает добродетель и изгоняет порок, чего и Сам Бог хочет, то зачем ты противишься тому, кто производит столько добра и споспешествует успеху твоих дел? Ведь многие сначала навыкли добродетели ради начальников, а впоследствии прилепились к ней из-за страха Божия. На людей более грубых не столько действует будущее, сколько настоящее. Потому тот, кто и страхом, и почестями предрасполагает души людей, чтобы они были способны воспринять слово учения, по справедливости назван Божиим слугой.

25 Рим.13:5. Темже потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть.

26 Что значит: «не токмо за гнев»? Ты должен повиноваться, говорит (апостол), не потому только, что, не подчиняясь, противишься Богу и от Бога и людей навлекаешь на себя великие бедствия, но и потому, что начальник, как охранитель мира и гражданского благоустройства, есть величайший твой благодетель. Ведь от властей для государств бывают бесчисленные блага; если упразднить их, все погибнет, и не устоят ни города,

ни села, ни дома, ни торжище и ничто другое, но все ниспровергнется, так как более сильные поглотят более слабых. Таким образом, если бы за неповиновением и не следовал гнев, то и тогда тебе надлежало бы подчиняться, чтобы тебе не оказаться бессовестным, а также и неблагодарным по отношению к благодетелю.

[27] Рим.13:6. Сего бо ради и дани даете , – продолжает (апостол): служители бо Божии суть, во истое сие пребывающе.

[28] Не перечисляя в частности всех благодеяний, какими государства обязаны своим правительствам, как то: благочиние, мир и другие услуги, происходящие от военных властей и от заведующих общественными делами, (апостол) на все это приводит одно следующее доказательство. Платя дань правительству, говорит он, этим самым ты свидетельствуешь, что оно благодетельствует тебе. Заметь мудрость и благоразумие блаженного Павла. То, что признавалось тягостным и обременительным, то есть налоги, он обращает в доказательство попечительности властей. За что, спрашивает он, мы даем царю дани? Не за то ли, что он заботится о нас, и не даем ли мы эту награду правителю за его попечение? Конечно, мы не стали бы платить даней, если бы заранее не знали, что покровительство начальства будет для нас полезно; потому издревле с общего согласия всеми принято, чтобы правители содержались на наш счет, потому что они, оставив собственные дела, заботятся о делах общественных и все свое время тратят на то чтобы наша собственность была неприкосновенна.

[29] Но, сказавши о внешних побуждениях (к признанию властей), апостол опять возвращается к прежнему своему

доказательству, потому что таким образом он удобнее мог привлечь на свою сторону верующих, и снова показывает, что так угодно Богу, чем и заключает свое увещание, говоря: «служители бо Божии суть». Потом, изображая заботы и труды начальников, он присовокупляет: «во истое сие пребывающе», т.е. на то посвящена вся жизнь их, к тому направляются и все их заботы, чтобы ты наслаждался миром. Потому и в другом послании (Павел) повелевает не только подчиняться начальникам, но и молиться за них, причем, показывая общую от этого пользу, присовокупил: «да тихое и безмолвное житие поживем» (1Тим 2.2). Ведь начальники немало содействуют нам в устройстве настоящей жизни тем, что действуют оружием, отражают неприятелей, усмиряют крамольников в городах, разрешают всякие ссоры. Не говори мне, что иной употребляет власть во зло, но обрати внимание на благочинность строя, и увидишь великую мудрость у того, кто в начале узаконил это.

[30] Рим.13:7–8. Воздадите убо всем должная: емуже убо урок, урок, [а] емуже дань, дань: [а] емуже страх, страх: [и] емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга.

[31] Апостол продолжает речь о том же самом и повелевает приносить начальникам не только деньги, но и честь и страх. Как же он выше сказал: «хощеши ли не боятися власти, благое твори» (Рим.13:3), а теперь говорит: «воздадите… страх?» Здесь под страхом он разумеет высшую степень почтения, а не страх, происходящий от худой совести, какой разумел выше. И не сказал: дайте, но: «воздадите», притом присовокупил: «должная», так как исполнение этого не есть дар, но долг, и если не исполнишь, то будешь наказан, как неблагодарный. Не

думай, что достоинство твоего любомудрия унижается и терпит ущерб, если в присутствии начальника ты встанешь или откроешь голову. Если (апостол) узаконил это, когда начальниками были язычники, то тем более должно это быть ныне, когда мы имеем начальниками верующих. Если же скажешь, что самому тебе вверено больше, то знай, что еще не пришло твое время, ведь ты еще странник и пришлец, а будет время, когда окажешься светлее всех. Ныне «живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда [же] Христос яви́тся, тогда и вы с Ним явите́ся в славе» (Кол 3.3–4).

32 Итак, не ищи себе воздаяния во временной жизни, но если бы и со страхом надлежало тебе предстать пред начальником, не думай, что это недостойно твоего благородства. Так угодно Богу, чтобы начальник, принявший от Него власть, имел свою силу. Если и не сознающий за собою ничего худого предстает пред судьей со страхом, то тем более должен страшиться делающий дурное. А ты от этого будешь еще в большей чести, потому что унижение создается не тем, что ты оказываешь другому почтение, а тем, что не оказываешь его. И начальник тебе же больше станет удивляться, и хотя бы был даже неверный, прославит твоего Господа. «Ни единому ничимже должни бывайте, точию еже любити друг друга». (Апостол) снова обращается к матери всех благ, к наставнице во всем сказанном выше, к создательнице всякой добродетели, и говорит, что и любовь есть долг наш, но не такой, как подать или оброк, но постоянный. Он желает, чтобы долг этот никогда не был уплачен, а лучше сказать, чтобы он всегда уплачивался, но не вполне, а так, чтобы нам постоянно оставаться в долгу. Ведь это и есть такого рода долг, чтобы всегда его уплачивать и всегда быть должным.

Сказав же, как должно любить, (апостол) указывает и пользу любви, говоря:

33 любяй бо друга, закон исполни.

34 И этого не считай милостью, так как и это долг; ты обязан любить брата по духовному с ним родству, и не только по родству, но и потому, что мы члены друг для друга, и если любовь в нас оскудеет, то все разрушится. Итак, люби брата. Если от любви к нему ты приобретаешь ту пользу, что исполняешь закон, то ты обязан любить его и потому, что облагодетельствован им.

35 Рим.13:9. Еже бо: не прелюбы сотвориши, не убиеши, не украдеши, не лжесвидетельствуеши, …и аще кая ина заповедь, в сем словеси совершается, во еже: возлюбиши искренняго твоего, якоже сам себе.

36 (Апостол) не сказал просто – исполняется, но – «совершается», то есть сокращенно и вкратце вмещается весь состав заповедей, так как начало и конец добродетели – любовь; она – и корень и необходимое условие, и вершина добродетели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется?

37 Впрочем, (апостол) требует не просто любви, а любви в высшей степени, так как не просто сказал: «возлюбиши искренняго твоего», но присовокупил: «якоже сам себе». И Христос сказал, что на любви утверждаются закон и пророки (Мф 22.40), и, указав два вида любви, смотри, какое высокое место дал любви к ближнему. Сказав: «возлюбиши Господа Бога твоего, …сия есть первая… заповедь», – он продолжал: «вторая же», – и здесь не замолчал, а прибавил: «подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко сам себе». Что может сравняться с таким великим человеколюбием, с такою кротостью? Хотя

мы бесконечно отстоим от Бога, однако же Он любовь нашу друг к другу ставит близ любви к Нему Самому и одну называет подобной другой. Потому для той и другой любви Он положил почти равную меру, и о любви к Богу сказал: «всем сердцем твоим, и всею душою твоею», а о любви к ближнему – «яко сам себе» (Мф 22.37–39). А Павел говорит, что если нет любви к ближнему, то немного пользы и от любви к Богу. Как мы, когда любим кого-нибудь, говорим, что если ты полюбил его, то и меня полюбил, так и Христос, выражая это, сказал: «подобна ей», а Петру: если любишь Меня, «паси овцы Моя» (Ин 21.16).

[38] Рим.13:10. Любы́ искреннему зла не творит: исполнение убо закона любы́ есть.

[39] Замечаешь ли, что любовь имеет то и другое совершенство – и воздержание от зла («зла бо, – сказано, – не творит»), и делание добра (сказано – она есть «исполнение… закона»), не только вкратце представляя для нас учение о том, что должно делать, но и делая легким исполнение этого. Она не только заботится о том, чтобы мы уразумели полезное для нас (это делает и закон), но и много споборствует нам в исполнении обязанностей, совершая в нас не одну какую-либо часть заповедей, но всю добродетель во всей ее полноте. Потому будем любить друг друга и таким образом возлюбим любящего нас Бога. У людей так бывает, что когда ты полюбишь кого, то другой, любящий его, вооружается против тебя; но Бог требует, чтобы и ты приобщился любви, и ненавидит того, кто не разделяет с Ним любви. Любовь человеческая исполнена зависти и злобы, а любовь Божия свободна от всякой страсти. Потому Бог и ищет сообщников любви. Люби вместе со Мною, говорит

Он, тогда и Я больше буду любить тебя. Вот слова беспредельно любящего! Если ты любишь любимых Мною, тогда Я вижу, что и Меня ты любишь усердно. Бог сильно желает нашего спасения и доказал это в самом начале. Послушай, что говорил Он, когда творил человека: «сотворим человека по образу» Божию (Быт 1.26), и еще: «сотворим ему помощника, …не добро быти ему единому» (Быт 2.18). И потом, когда первый человек впал в преступление, заметь, как Бог кротко укорял его, Он не сказал ему: нечистый и пребеззаконный, получив от Меня так много благодеяний, ты и после всего этого поверил диаволу и, оставив Благодетеля, послушался демона! Но что говорит? «Кто возвести тебе, яко наг еси, аще не бы от древа, егоже заповедах тебе сего единаго не ясти, от него ял еси» (Быт 3.11)? Так сказал бы и отец сыну, которому он приказал не трогать меча и который, не послушавшись, ранил себя: отчего ты ранен? Оттого, что меня не послушался. Замечаешь ли, что это – слова больше друга, чем Владыки, друга, подвергшегося обиде, но и при всем том не переставшего любить? Будем же и мы подражать Богу и, когда станем укорять других, будем сохранять такую же кротость. С тою же снисходительностью укоряет Бог и жену, а правильнее сказать, слова, обращенные к жене, были не укоризной, а советом, вразумлением и предостережением на будущее время. Потому Бог не говорит ничего такого змею, так как он был изобретателем зла и не мог сложить вины на другого. За то Бог сильно наказал его и даже не остановился на этом, но и самую землю подверг общему с ним проклятию. Если же Он и человека изгнал из рая и осудил на труд, то за это в особенности и должно поклоняться Ему и удивляться. Так как жизнь, протекающая в удовольствиях, приводит человека к

нерадению, то Бог пресекает для него веселие и скорбями, как стеною, ограждает нерадение, чтобы мы возвратились к любви Его. А как поступил Он с Каином? Не с такою ли же кротостью? Будучи опять оскорблен им, Он не отвечает обидою, но увещевает и говорит: «вскую испаде лице твое» (Быт 4.6)? Хотя поступок Каина не заслуживает никакого извинения, что и доказывает младший брат, но при всем том Бог не укоряет его, но говорит: «не согрешил ли еси? Умолкни, не приложи к тому, к тебе обращение его, – то есть брата, – и ты тем обладаеши» (Быт 4.7). Если ты боишься, говорит Бог, что ради этой жертвы я навсегда лишу тебя прав первородства, то ободрись: я отдаю в твои руки полную власть над братом, исправься только и люби брата, который ничем тебя не обидел. Я забочусь о вас обоих. И Меня более всего радует то, чтобы вы не враждовали друг на друга. Так Бог, подобно чадолюбивой матери, употребляет все средства и меры, чтобы ни один человек не был отторгнут от другого.

[40] А чтобы тебе яснее из примера понять сказанное мною, подумай о Ревекке, как она тревожилась и прибегала к разным способам, когда старший сын враждовал против младшего. Ведь хотя и любила она Иакова, но не отвращалась и от Исава, почему и говорила: «да не когда безчадна буду от обоих вас в день един» (Быт 27.45). По такому же побуждению и Бог говорил Каину: «не согрешил ли еси? Умолкни, к тебе обращение его», – желая предотвратить убийство и стараясь водворить между братьями мир. Даже когда Каин убил брата, Бог не лишил его Своего промышления, но опять с кротостью обращается к братоубийце и говорит: «где есть Авель брат твой» (Быт 4.9), – чтобы хотя таким образом заставить его сознаться в преступлении. Но Каин, как и прежде, и даже

с большим и грубейшим бесстыдством, упорствует. Но и после этого Бог не оставляет его, а словами оскорбляемого и пренебрегаемого друга говорит ему: «глас крове брата твоего вопиет ко Мне» (Быт 4.10). И вместе с убийцей опять поражает проклятием землю, на нее изливает гнев Свой и говорит: проклята земля, «яже разверзе уста своя, прияти кровь брата твоего» (Быт 4.11), – подражая в этом случае плачущим по умершим. Так поступил и Давид, узнав, что Саул пал; он проклинал горы, принявшие кровь Саула, и восклицал: «горы Гельвуйския, да не снидет роса, ниже дождь на вас: …яко тамо повержен бысть щит сильных» (2Цар 1.21). Так и Бог, как бы возглашая надгробную песнь Авелю, говорит: «глас крове брата твоего вопиет ко Мне; …и ныне проклят ты от земли, яже разверзе уста своя прияти кровь брата твоего от руки твоея́». Этими словами Бог хотел укротить кипящий гнев Каина и возбудить в нем любовь хотя бы к умершему. Ты угасил жизнь его, говорит Господь, почему же не угашаешь вражды? Но что еще делает Господь? Он любит и Авеля, и Каина, потому что Он сотворил их обоих. Как же поступить Ему теперь? Оставить убийцу без наказания? Но он может сделаться от этого еще хуже. Или наказать его? Но Бог чадолюбивее всякого отца.

41 Итак, смотри, как Он и наказывает Каина, и в самом наказании обнаруживает любовь, или лучше сказать, не наказывает, а только исправляет. Он не предал его смерти, но связал трепетом, чтобы он мог загладить вину свою, чтобы хотя таким путем мог он возвратиться в лоно любви Божией и примириться с Авелем, хотя и умершим, так как Бог не хотел, чтобы Каин ушел из этого мира во вражде против умершего брата. Так поступают любящие, которые, когда не могут возбудить к себе любви благодеяниями, прибегают к строгим мерам и угрозам,

побуждаемые к этому не внушением своей воли, но любовью, чтобы хотя таким средством привлечь к себе тех, которые их презирают. Конечно, такая любовь возникает в других под влиянием принуждения, однако же они и ею утешаются, вследствие сильной своей любви. Таким образом и наказание бывает следствием любви, ведь те, которые не оскорбляются тем, что их ненавидят, не желают и наказывать. Это самое Павел подтверждает в Послании к коринфянам, говоря: «кто есть веселяяй мя, точию приемляй скорбь от Мене» (2Кор 2.2)? Таким образом, всякий раз, когда усиливают наказание, тогда доказывают и любовь. Так и египтянка, вследствие сильной любви, жестоко наказала Иосифа. Но она наказала по злому побуждению, потому что любовь ее была бесстыдна, а Бог наказывает с доброю целью, потому что Его любовь достойна любящего. И чтобы ты уразумел силу любви Его, Бог не отказывается употреблять более грубые выражения, приписывать Себе страсти человеческие и называть Себя ревнивым. «Аз бо есмь… Бог ревнитель» (Исх 20.5), – говорит Он.

42 Потому возлюбим Его так, как Он желает, – это Он считает великим делом. Если мы и отвращаемся от Него, Он не перестает призывать нас, если и не хотим обратиться, Он наказывает, потому что любит, а не для того, чтобы подвергать наказанию. Послушай, что у Иезекииля говорит Он городу, Им любимому и презиравшему Его: «Аз… соберу на тя… вся похотники твоя, …и предам тя в руце их; …и побиют тебе камением и изсекут, …и отимется рвение Мое от Тебе: и почию и ктому не попекуся» (Иез 16.37–42). Мог ли больше этого сказать горячо любящий друг, презираемый своей возлюбленной и несмотря на это еще пламенеющий к ней любовью? Бог все делает, чтобы склонить нас любить Его;

для этого Он не пощадил и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Сделаемся же, наконец, кроткими и возлюбим Бога, как любить должно, чтобы мы могли с полным удовольствием наслаждаться добродетелью. Если тот, кто имеет любимую жену, нисколько не чувствует ежедневных огорчений, то представь, каким удовольствием будет наслаждаться тот, кто любит Божественной и чистой любовью. В этом, именно в этом заключается Небесное Царствие, в этом наслаждение благами, удовольствие, веселье, радость, блаженство, а вернее – что бы я ни сказал об этом, ничто не в состоянии будет изобразить его, но один только опыт может с ним познакомить. Потому и пророк сказал: «насладися Господеви» (Пс 36.4), и в другом месте: «вкусите и видите, яко благ Господь» (Пс 33.9). Итак, станем повиноваться и насладимся любовью Его. И тогда еще здесь мы узрим Царствие, поживем ангельскою жизнью и, пребывая на земле, будем иметь у себя нисколько не меньше, чем обитающие на небе, а после переселения отсюда, светлее всех предстанем Престолу Христову и будем наслаждаться неизреченною славою, быть участниками которой да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 24

[1] Рим 13.11. И сие, ведяще время, яко час уже нам от сна востати.

[2] Апостол, после того, как предписал все то, что нужно, побуждает римлян к совершению добрых дел и самою краткостью времени. Время суда, говорит он, стоит уже при дверях, как он писал коринфянам: «яко время прекращено есть прочее» (1Кор 7.29), а также евреям: «еще мало елико елико, грядый приидет и не укоснит» (Евр 10.37). Но там он говорил, восстановляя трудящихся и утешая в подвигах от постоянных искушений, а здесь он пробуждает спящих; и действительно, это слово (апостола) полезно для нас в обоих случаях. Что же значит это: «час уже нам от сна востати»? Это значит: близко воскресение, близок Страшный суд, близок день, как раскаленная пещь, и нам должно уже освободиться от нерадения.

[3] Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом.

[4] Видишь ли, как (апостол) представляет уже им воскресение? С течением времени, говорит он, настоящая жизнь истрачивается, а жизнь будущего века становится ближе. Если ты приготовился и исполнил все, заповеданное Богом, то день этот будет для тебя днем спасения, в противном же случае этого не будет. Впрочем, (апостол) пока убеждает указанием не на скорби, а на блага, и таким образом отвлекает римлян от пристрастия к настоящему. Затем, так как было вполне естественно, что они сначала, вскоре по принятии веры, отличались большей ревностью, потому что в них еще

сильно было чувство, а с течением времени всякая ревность ослабела, то (апостол) и внушает, что следует поступать совершенно напротив и, с течением времени, не ослабевать, но более процветать. Ведь чем ближе к нам царь, тем более мы должны быть готовы, чем ближе награда, тем больше мы должны возбуждать себя к подвигам. Так делают и состязающиеся в беге: они, когда приближаются к цели и к получению награды, тогда еще больше напрягают свои силы. Потому-то (апостол) сказал: «ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом».

5 Рим.13:12. Нощь [убо] прейде, а день приближися.

6 Итак, если ночь оканчивается, а день приближается, то займемся уже дневными делами, а не ночными. Так бывает и в делах житейских: как только мы замечаем, что ночь близится к утру, и услышим пение ласточки, то будим каждый своего ближнего, хотя бы ночь еще и не прошла; а когда, наконец, она пройдет, то мы понуждаем друг друга, говоря: наступил день, и, одевшись, расставшись с грезами и освободившись от сна, принимаемся за все дневные дела, чтобы день застал уже нас готовыми, чтобы нам не пришлось вставать и потягиваться тогда, когда солнечные лучи уже сияют. Как мы ведем себя в делах житейских, так будем поступать и в делах духовных: совлечем с себя мечтания, освободимся от грез настоящей жизни, отложим глубокий сон и вместо одежд облечемся в добродетель. Все это ясно и выразил (апостол), сказав:

7 отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света.

8 Ведь день призывает нас в строй и на сражение. Но не бойся, услышав об ополчении и оружии. Тяжело и

нежелательно облекаться в вещественное оружие, но облечься в духовное оружие вожделенно и достожелательно, потому что это есть оружие света. Оно являет тебя светлее солнечных лучей, испускающих яркое сияние, оно ставит тебя в безопасность, потому что есть «оружие», оно делает тебя светоносным, потому что оно есть оружие света. Что же? Поэтому не нужно и сражаться? Сражаться необходимо, но не опасайся при этом бед и трудов, потому что это не брань, а ликование и торжество. Таково свойство этого оружия, таково могущество вождя. Облеченный в это оружие так же украшен, как и жених, выходящий из брачного чертога, потому что он вместе и воин, и жених. Сказав же: «день приближися», (апостол) изображает его не приближающимся, но уже наступившим. Он говорит:

[9] Рим.13:13. яко во дни, благообразно да ходим,

[10] потому что день уже настал. И чем преимущественно большинство людей побуждается к деятельности, этим (апостол) и привлекает их, т.е. благообразием. И он не сказал – ходите, но – станем ходить, чтобы сделать увещание не тяжким и упрек легким.

[11] Не козлогласовании и пиянствы.

[12] Здесь (апостол) не пить запрещает, а пить без меры, не употребление вина изгоняет, но пьянство. Так и в следующих словах он предписывает меру наслаждений, говоря:

[13] не любодеянии и студодеянии.

[14] И здесь он возбраняет не совокупление с женщинами, а блуд.

[15] Не рвением и завистию.

16 (Апостол) угашает главные страсти – вожделение и гнев, и возбраняет не только самые страсти, но и источник их.

17 Ничто ведь так не разжигает вожделение и не воспламеняет гнев, как нетрезвость и пьянство. Потому (апостол), сказав сначала: «не козлогласовании и пиянствы», присовокупил потом: «не любодеянии и студодеянии, не рвением и завистию». И на этом он не остановился, но, совлекши с нас худые одежды, послушай, как украшает, говоря:

18 Рим.13:14. но облецытеся Господем нашим Иисусом Христом.

19 Не сказал – облекитесь в дела, но возвел слушателей выше. В самом деле, когда он говорит о пороках, то сказал и о делах, а когда начал речь о добродетели, то не говорит уже о делах, но об оружии, показывая тем, что добродетель поставляет обладающего ею в совершенной безопасности и полном блеске. Даже и этим он не ограничился, но, простираясь выше, вместо одеяния, дает нам – что возбуждает великий трепет – Самого Владыку, Самого Царя. Кто в Него облечен, тот вполне вмещает в себе всякую добродетель. Когда же говорит: «облецытеся», то повелевает нам отовсюду окружать себя Им. Подобное тому он выражает и в других местах, именно: «аще же Христос в нас» (Рим 8.10), и еще: «во внутреннем нашем человеце вселитися Христу» (Еф 3.16–17). Апостол желает, чтобы душа наша была домом Христовым, чтобы Христос облегал нас, как одежда, был для нас всем и внутри и совне. Христос есть наше исполнение, так как Он «исполнение исполняющаго всяческая во всех» (Еф 1.23). Он путь, Он супруг и жених: «обручих бо вас единому мужу деву чисту» (2Кор 11.2).

Он корень и питие, пища и жизнь: «живу… не ктому аз, – говорит (Павел), – но живет во мне Христос» (Гал 2.20). Он апостол, архиерей и учитель, отец, брат и сонаследник, сообщник в гробе и в кресте: «спогребохомся… Ему, – сказано, – и снасаждени быхом подобию смерти Его» (Рим 6.4–5). Он ходатай: «по Христе бо посольствуем» (2Кор 5.20). Он защитник наш пред Отцом, потому что, как говорит (Павел), «ходатайствует о нас» (Рим 8.34). Он дом и обитатель: «во мне пребывает, и Аз в нем» (Ин 6.56). Он друг: «вы друзи Мои есте» (Ин 15.14). Он основание и краеугольный камень, а мы Его члены и нива, Его здание, ветви и сотрудники. И чем только не желает Он сделаться для нас, чтобы всяким способом прилепить и присоединить к Себе? Все это свойственно безмерно любящему. Итак, покорись Ему и, восстав от сна, облекись в Него, а, облекшись, держи в покорности пред Ним и плоть свою. Это и разумел (апостол), сказав:

[20] плоти угодие не творите в похоти.

[21] Как выше он запретил не употребление вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство, так и теперь запрещает не попечение о плоти, но попечение, простирающееся до похотей, то есть сверх нужды. А что сам он велит иметь попечение о плоти, послушай, как говорит об этом Тимофею: «мало вина приемли, стомаха ради твоего и частых недугов» (1Тим 5.23). Подобно и во всем прочем имей попечение о плоти, но для поддержания здоровья, а не для удовлетворения чувственности. Ведь это не значит, конечно, иметь попечение, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А чтобы точнее вам узнать, когда попечение о плоти простирается до похоти, и чтобы избегать такого попечения, представьте себе людей, предающихся

пьянству, объедению, пристрастных к нарядам, забавам, ведущих жизнь изнеженную и роскошную, и тогда вы поймете сказанное (апостолом). Такие люди все делают не для поддержания здоровья, а для того, чтобы веселиться и распалять похоть. Но ты, облекшись во Христа и отвергнув все это, стремись только к одному тому, чтобы иметь здоровое тело, заботясь о нем столько, сколько нужно для этого, далее же того не простирайся, но все свое попечение употреби на заботы о духовном. Таким образом ты, не будучи отягчен этими различными похотями, будешь в состоянии восстать от греховного сна. Подлинно, настоящая жизнь есть сон и случающееся в жизни этой ничем не отличается от сонных грез. И как спящие говорят сами с собою и часто видят нечто совсем недействительное, так и мы поступаем. И даже гораздо хуже того. Сделавший или сказавший что-нибудь непристойное во сне, освободившись от сна, обыкновенно освобождается и от стыда, и не подвергается наказанию. Не то будет с нами после этой жизни, но позор и наказание будут вечными. Равным образом те, которые богатеют во сне, с наступлением дня удостоверяются, что напрасно льстили себя богатством; в настоящей же жизни часто удостоверение приходит и прежде наступления дня, и прежде, чем мы переселимся отсюда, эти грезы уже рассеиваются.

22 Итак, оттрясем, наконец, этот лукавый сон. Если день застигнет нас спящими, то мы сделаемся добычею не умирающей смерти. Да и до наступления того дня всем здешним врагам – и людям, и демонам – легко будет нападать на нас; если даже они захотят умертвить нас, никто им в том не воспрепятствует. Если бы много было бодрствующих, то не было бы и такой опасности, но так как теперь кой-где один и другой, зажегши светильник,

бодрствуют, все же прочие, как в глубокую ночь, погружены в сон; то нам необходимо совершенное бодрствование и полная осторожность, чтобы не потерпеть ужасных бедствий.

23 Но не кажется ли нам, что и ныне ясный день? Не думаем ли мы, что все бодрствуем и трезвимся? Может быть, вы и засмеетесь словам моим, но я, конечно, скажу: все мы подобны погруженным в сон и храпящим среди глубокой ночи. И если бы можно было видеть бестелесное существо, то я показал бы вам, как очень многие предаются крепкому сну, а между тем диавол подкапывает стены, умерщвляет спящих и похищает внутренние сокровища, делая все без опасения, как в глубокой тьме. А, лучше сказать, хотя и невозможно видеть этого глазами, опишем в слове и размыслим, сколько существует людей, отягченных злыми страстями, сколько одержимых тяжким помрачением сладострастия и угасивших в себе свет Духа. Потому они, вместо одного, смотрят и слушают другое и не обращают внимания ни на что, здесь излагаемое. Если же я говорю неправду и ты стоишь теперь в состоянии бодрствования, то скажи мне, что здесь происходило сегодня, если, действительно, ты все это слышал не как сон? Знаю, что некоторые мне ответят, да я и говорю это не о всех. Но ты, повинный в том, о чем здесь сказано, ты, который пришел сюда напрасно, скажи, какой пророк, какой апостол беседовал ныне с нами и о чем? Но ты не можешь сказать этого, потому что в это время ты о многом беседовал сам с собою, как бы во сне, и не слышал того, что вне тебя происходило в самой действительности.

24 То же самое я должен сказать и женщинам, потому что и они пребывают в глубоком сне, и хорошо было бы, если

бы только во сне. Ведь спящий не говорит ничего ни худого, ни хорошего, а бодрствующий, подобно вам, много изрекает слов на несчастие собственной своей головы, высчитывая проценты, оценивая залоги, вспоминая о бесстыдных барышах и посевая множество терний в душе своей, а доброму семени не давая пустить даже небольшого ростка. Но восстань от сна, исторгни с корнем эти терния, отрезвись от опьянения, от которого и сон. Я разумею здесь опьянение, происходящее не только от вина, но и от житейских забот, а вместе с тем и от вина. И в этом я увещеваю не одних богатых, но и бедных, всего же более тех, которые устраивают дружеские пиршества. Ведь это не есть ни удовольствие, ни отдых, но наказание и мука, потому что удовольствие состоит не в постыдном разговоре, но в благопристойной беседе, не в пресыщении, а в насыщении. Если же ты считаешь это удовольствием, то покажи мне и в течение вечера это удовольствие, но ты не можешь. Я еще не говорю о вреде, происходящем отсюда, а пока беседую с тобой об удовольствии, тотчас происходящем; едва пир окончился, как веселье тотчас обыкновенно и улетает. Но если еще упомяну о рвоте, о тяжести в голове, о бесчисленных болезнях, о пленении души, то что ты скажешь мне на это? Неужели мы должны позорно вести себя потому, что бедны. Но говоря это, я не запрещаю вам сходиться и совместно отобедать, а запрещаю вам позорить себя, желаю, чтобы ваше удовольствие было действительным удовольствием, а не обращалось в наказание, в муку, в пьянство и буйное веселие. Пусть узнают язычники, что христиане лучше всех умеют веселиться, но веселиться благопристойно, так как сказано: «радуйтеся… Господеви… с трепетом» (Пс 2.11). Как же должно радоваться? Возглашая гимны, совершая молитвы,

воспевая псалмы вместо позорных тех песен. Таким образом Сам Христос будет присутствовать при твоей трапезе и исполнит благословения все пиршество, – когда ты будешь молиться, когда будешь петь духовные песни, когда призовешь нищих к участию в предлагаемом тобою, когда на своем пире ты будешь соблюдать полное благочиние и умеренность; таким образом место собрания ты сделаешь церковью, – когда, вместо неприличных криков и рукоплесканий, будешь воспевать Владыку всяческих. Не говори мне, что ныне заведен другой обычай, но исправь то, что худо. «Аще… ясте, – говорит (апостол), – аще ли пиете́, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите» (1Кор 10.31). А от ваших пиров рождаются у вас худые пожелания, отсюда распутные дела, отсюда жены ваши оказываются в презрении, а блудницы в чести, отсюда гибель домов, бесчисленные бедствия, все приходит в беспорядок, и вы, оставивши чистый источник, устремляетесь к грязному болоту. А что тело развратной женщины есть такое именно болото, об этом я спрашиваю не кого другого, а тебя самого, валявшегося в этом болоте, – не стыдишься ли ты самого себя, не считаешь ли ты сам себя нечистым после греха? Потому, умоляю вас, бегайте блуда и матери блуда – пьянства. Зачем ты сеешь там, где не можешь пожать, или лучше сказать, если и пожнешь, то самый плод покроет тебя большим бесславием? Если и родится ребенок, то и тебе будет позор, и он по твоей вине будет страдать, как незаконнорожденный и худородный. Хотя бы ты оставил ему тысячи, все-таки бесчестен в доме, бесчестен в городе, бесчестен и пред судом тот, кто рожден от блудницы или от рабы; бесчестен и ты сам, как при жизни, так и по смерти, потому что, когда и умрешь, останутся после тебя памятники твоего позора.

25 Итак, зачем же ты все бесчестишь? Да и зачем ты сеешь там, где самая нива усиливается погубить плод, где множество причин бесплодия, где прежде рождения совершается убийство, так что ты не только предоставляешь блуднице оставаться блудницей, но и делаешь ее убийцею? Видишь ли, как от пьянства происходит блуд, от блуда прелюбодеяние, от прелюбодеяния убийство, или правильнее сказать, нечто хуже убийства, я даже не знаю, как и назвать это, так как здесь не умерщвляется рожденное, но самому рождению полагается препятствие. Итак, что же? Не значит ли это, что ты оскорбляешь дар Божий, борешься с Божественными законами, стремишься, как за благословением, за тем, что есть клятва, сокровищницу рождения делаешь сокровищницею убийства, женщину, сотворенную для деторождения, располагаешь к убийству? Ведь порочная женщина, чтобы всегда быть приятной и привлекательной для своих любовников и выманивать от них больше денег, не отказывается и это сделать и тем собирает великий огонь на твою голову, так как хотя решение (на преступление) и принадлежит ей, но главною причиной бываешь ты. Отсюда возникает и идолослужение. Многие женщины, чтобы сделаться приятными, употребляют наговоры, возлияния, любовные снадобья и другие бесчисленные средства. Но, несмотря на столь великий позор убийства и идолослужения, многим это дело представляется безразличным, многим и из тех, которые имеют собственных жен: здесь-то и бывает наибольшее стечение пороков. Здесь приготовляются врачебные средства не только против плода в утробе блудницы, но и против оскорбленной супруги, здесь бывают тысячи злоумышлений, призывание демонов и вызывание мертвых, отсюда

возникают ежедневные ссоры, непримиримая борьба и поминутные столкновения.

26 Потому и Павел, сказав – «не любодеянии и студодеянии», присовокупил: «не рвением и завистью» (Рим.13:13), так как знал, что следствием первого бывает вражда, гибель домов, обиды законным детям и тысячи зол. Чтобы нам избежать всего этого, облечемся во Христа и всегда с Ним пребудем, а облечься во Христа значит никогда не оставаться без Него, но всегда являть Его в себе своею святостью и правотою. И о друзьях, чтобы изобразить их сильную любовь и неразрывную связь, мы говорим, что один облечен в другого, так как облекшийся представляется тем, во что облечен. Потому пусть и в нас всегда остается Христос. Как же Он явится? Если ты будешь подражать Ему и делам Его. Что же сделал Христос? «Сын… человеческий, – говорит (Он о Себе), – не имать где главу подклонити» (Лк 9.58). И ты подражай этому. Когда надлежало вкусить пищу, Христос употреблял ячменные хлебы; когда был в пути, не имел у себя ни коней, ни вьючных животных, но ходил пешком, даже до утомления; когда необходимо было уснуть, ложился вместо возглавия на корме лодки; когда надо было возлежать, приказывал садиться на траве. И одежды Его были недорогие; часто Он ходил один, никого при Себе не имея. Далее, узнав все слова и дела Его на Кресте и среди различных поруганий и, вообще, всю жизнь Его, старайся подражать ей; таким образом ты и облечешься во Христа, если попечений о плоти не будешь простирать до похотей, каковое занятие не доставит тебе никакого удовольствия. Ведь пожелания такого рода рождают новые, еще более беспокойные, и ты никогда не достигнешь насыщения, но будешь причинять себе великое мучение. Как томимый непрестанною жаждою,

хотя бы пред ним были тысячи источников, не извлекает из того никакой пользы, не имея возможности угасить болезни, так бывает и с человеком, непрестанно живущим в похотях. Но если будешь ограничиваться потребным, то никогда не подвергнешься такой горячке, но освободишься от всего этого – и от пьянства, и от распутства. Потому, ешь столько, сколько нужно для утоления голода, одевайся так, чтобы быть только прикрытым, не наряжай своей плоти в одежды, чтобы не погубить ее, потому что посредством излишней неги сделаешь ее более слабою, расстроишь ее здоровье и приведешь ее в совершенное изнеможение.

27 Итак, чтобы плоть твоя была прекрасною колесницею души, чтобы кормчий безопасно сидел у кормила, чтобы воин легко мог владеть оружием, – наблюдай во всем благочиние. Не тот, кто много имеет, но тот, кто немногим удовлетворяется, бывает непобедимым. Первый, хотя бы и не потерпел обид, боится, а последний, хотя бы и был обижен, останется в лучшем расположении духа, чем не обиженный, и потому будет благодушнее. Потому не о том будем стараться, чтобы никто не обижал нас, но о том, чтобы не мог сделать нам обиды и тот, кто бы захотел. А этого не иначе возможно достигнуть, как ограничивая себя одним необходимым и не желая большего. Таким образом мы будем иметь возможность и здесь наслаждаться радостью, и получить будущие блага благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 25

[1] Рим 14.1–2. Изнемогающаго же в вере приемлите, не в сомнение помышлений. Ов бо верует ясти вся, а изнемогаяй зелия [да] яст.

[2] Знаю, что слова эти многим трудны для понимания. Потому прежде всего необходимо изложить содержание всего этого места и сказать, что (апостол) желал исправить, когда писал об этом. Итак, что же он хотел исправить? Были многие из уверовавших иудеев, которые, имея совесть, связанную законом, и по принятии веры, наблюдали строгую разборчивость в пище, еще не осмеливаясь совершенно отступить от закона. Затем, воздерживаясь только от свиного мяса, они, чтобы не подпасть нареканию, стали потом воздерживаться и от всего мясного и ели одни только овощи с таким расчетом, чтобы происходящее казалось соблюдением поста, а не закона. С другой стороны, были и более совершенные в вере, которые, сами нисколько не соблюдая подобной разборчивости в пище, отягощали и огорчали соблюдавших ее своими укоризнами и обличениями, ввергая их в уныние. Потому блаженный Павел опасался, чтобы они, имея намерение исправить неважный недостаток, не испортили всего, желая отклонить немощных в вере от разборчивости в пище, не довели их до отпадения от веры и, стараясь прежде времени все возвести к совершенству, не нанесли бы вреда настоящему их благу, а непрестанными своими укоризнами не поколебали бы их в исповедании Христовом, так что после этого нельзя было бы исправить ни того, ни другого. Смотри же, как благоразумно действует апостол и как с свойственною ему мудростью,

он заботится о пользе той и другой стороны. Он не решается сказать укоряющим: «вы делаете худо», чтобы не утвердить других в разборчивости, а равно и не говорит: «хорошо вы делаете», чтобы они не стали нападать еще сильнее, но употребляет соразмерное запрещение: по-видимому, он укоряет сильнейшую сторону, однако же его укоризна вся падает и на противную сторону. Это самый легкий способ исправления, когда, обращая слово к одному, наносишь удар и другому. Тогда тому, кому делается запрещение, не дается повода сердиться, и в него неприметным образом вливается врачевство исправления. Заметь же, как благоразумно и благовременно (апостол) делает это. Сказав: «плоти угодия не творите в похоти» (Рим.13:14), переходит вдруг к настоящей речи, чтобы нельзя было подумать, что он говорит в пользу тех, которые запрещали разборчивость и советовали есть все. Слабую сторону всегда надо больше беречь, почему и (апостол) обращается прямо к сильнейшей стороне и говорит так: «изнемогающаго же в вере». Видишь ли, что нанесен уже один удар наблюдающему разборчивость? Назвав его изнемогающим, (апостол) показывает, что он болен. Потом наносит другой удар, сказав: «приемлите». Этим он опять показывает, что он нуждается в большой заботливости, что также служит признаком крайней болезни. «Не в сомнение помышлений». Вот он нанес третий удар. Этими словами он показывает, что грех его настолько велик, что возбуждает сомнение даже в тех, которые, хотя сами не участвуют в этом грехе, однако же соединены узами дружбы с совершающими его и заботятся о его уврачевании. Примечаешь ли, как, по-видимому, он говорит одним, а затем незаметно и слегка упрекает и других? После того, сравнивая тех и

других, одних хвалит, а других обличает. Именно, говоря: «ов убо верует ясти вся», он восхваляет веру, а присовокупив: «изнемогаяй зелия… яст», порицает немощь в вере. Потом, после того, как нанес весьма сильный удар, снова ободряет немощного, говоря так:

[3] Рим.14:3. ядый не ядущаго да не укоряет.

[4] Не сказал: позволяй так делать, или: порицай, или: не побуждай к исправлению; но: не укоряй, не презирай, показывая, что они (не ядущие) совершали дело, достойное большого смеха. Но о том, кто верует ясти вся, (апостол) выразился иначе. Как же именно?

[5] И не ядый ядущаго да не осуждает.

[6] Как более совершенные унижали не ядущих, считая их маловерными, неистинными христианами, носящими внутри себя скрытый недуг и придерживающимися еще иудейства, так последние осуждали первых, считая их нарушителями закона или даже предающимися объедению, так как многие из них были, вероятно, обращенные из язычества. Потому (апостол) присовокупил:

[7] Бог бо его прият.

[8] Но он не сказал этого о не ядущем, хотя унижать по-видимому следовало бы ядущего, как маловерного. (Апостол) же сказал наоборот, показывая этим, что ядущий не только не заслуживает уничижения, но и сам может уничижать других. Но сам (апостол) не осуждает ли ядущего, спросишь ты? Нисколько, потому и присовокупил: «Бог бо его прият». Итак, зачем ты говоришь о законе ему, как преступнику? Бог принял его, то есть, явил в нем неизреченную благодать свою и

освободил его от всякой вины. Потом (апостол) снова обращает речь к твердому в вере:

[9] Рим.14:4. ты кто еси судяй чуждéму рабу?

[10] Отсюда видно, что и твердые в вере не только уничижали, но и осуждали слабых.

[11] Своему Господеви стоит, илѝ падает.

[12] Вот опять новый удар. Упрек обращен, по-видимому, на сильного, но касается слабого. Когда (апостол) говорит:

[13] станет же,

[14] то показывает, что он еще колеблется, требует большого внимания и такого попечения, что для его уврачевания нужно призвать на помощь Бога.

[15] Сѝлен бо есть Бог поставити его,

[16] – продолжает он. Так говорится о людях весьма безнадежных. Но чтобы ты в нем не отчаивался, (апостол), несмотря на слабость, называет его Божиим рабом, говоря: «ты кто еси судяй чуждему рабу?» Между тем и здесь опять незаметно наносит удар слабому. Я приказываю тебе не судить его не потому, что действия его не заслуживают осуждения, но потому, что он чужой раб, то есть не твой, а Божий. Потом снова ободряя его, не говорит: падает, – но как? «Стоит, илѝ падает». Если случится с ним то или другое, все это зависит от Господа. Если он падет, ущерб для Бога, а равно, если стоит, приобретение для Бога же. Впрочем, такое равнодушие было бы совершенно недостойно попечительности, приличной христианам, если бы мы опять не стали обращать внимание на цель Павла, который хочет, чтобы слабым в вере не делали укоризн прежде времени. Но, как я всегда говорил, необходимо принимать во внимание

расположение, с каким что-либо говорится, сущность предмета, о котором говорится, и то, что старается исправить ведущий речь. (Апостол), сказавши это, пристыдил укоряющего не без основания. Если Бог, рассуждает (Павел), подвергаясь ущербу, пока не делает ничего, то не безвременно ли действуешь ты и не выходишь ли из границ, муча и беспокоя слабого в вере брата?

[17] Рим.14:5. Ов убо разсуждает день чрез день, ов же судит на всяк день.

[18] Здесь, как думаю, (апостол) слегка намекает и на пост. Естественно, что некоторые из постившихся постоянно осуждали не постившихся, или, может быть, и между разборчивыми в пище были такие, которые в известные дни наблюдали эту разборчивость, а в другие нет, почему (апостол) и сказал:

[19] кийждо своею мыслию да извествуется.

[20] Этим он избавил разборчивых от страха, назвав их действие безразличным, а у тех, которые слишком много нападали на них, он отнял повод к укоризнам, вразумив их, что не следует с таким большим усердием постоянно беспокоить людей за их разборчивость; и не нужна такая ревность не по свойству самого дела, но по соображению времени, потому что укоряемые ими были еще новыми в вере. В Послании к колоссянам он запрещает это весьма строго, говоря: «блюдитеся, да никтоже вас будет прельщая философиею и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе» (Кол 2.8). И еще: «да никто же убо вас осуждает о ядении, или о питии и …никтоже вас да прельщает» (Кол 2.16, 18). И в Послании к галатам он со всею строгостью требует от них

высшего рассуждения и совершенства в этом отношении. Но здесь он не прибегает к такой настойчивости, так как вера еще недавно была насаждена у римлян. А потому мы и не должны на всех распространять слов (апостола): «кийждо своею мыслию да известву́ется». Так, когда идет речь об учении, послушай, как он говорит: «аще кто вам благовестит паче, еже приясте, – хотя бы то был ангел, – анафема да будет» (Гал 1.8–9). И в другом месте: «боюся же, да не како, яко же змий Еву прельсти, … так истлеют и разумы ваша» (2Кор 11.3). И в Послании к филиппийцам пишет: «блюдитеся от псов, блюдитеся от злых делателей, блюдитеся от сечения» (Флп 3.2). Но в римлянах еще рано было исправлять это и потому он сказал: «кийждо своею мыслию да известву́ется». Так как речь шла и о посте, то, низлагая гордость одних и изгоняя страх других, он присовокупил следующее:

[21] Рим.14:6. мудрствуяй день, Господеви мудрствует: и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствует. ядый, Господеви яст, благодарит бо Бога: и не ядый, Господеви не яст, и благодарит Бога.

[22] Опять он касается здесь того же самого. Смысл же его слов следующий: сущность не во временных делах (есть или не есть), спрашивается только, для Бога ли делает тот и другой, благодарением ли оканчивают оба? Ведь и тот, и другой благодарят Бога. А если благодарят оба, то различие не велико. Заметь же, как и здесь (апостол) скрытным образом наносит удар придерживающимся иудейства. Если главное состоит в том, чтобы благодарить, то ясно, что благодарит тот, кто ест, а не тот, кто не ест. Как благодарить тому, кто придерживается еще закона? То же самое подтвердил (Павел) в Послании к галатам: «иже законом

оправдастеся, от благодати отпадосте» (Гал 5.4). Впрочем, он здесь не раскрывает этой мысли, а только намекает на нее, потому что еще было не время, но пока терпит и тех, которые придерживались закона, а яснее раскрывает это в последующих словах, говоря:

[23] Рим.14:7–8. никтоже бо нас себе живет, и никтоже себе умирает. Аще бо живем, Господеви живем, аще… умираем, Господеви умираем.

[24] Действительно, тот, кто живет для закона, может ли жить для Христа? Впрочем, в этих словах (апостол) не одно только это рассматривает, но и удерживает твердых в вере от поспешности в исправлении слабых и убеждает их быть терпеливыми, доказывая, что Бог не может презреть немощных, но в надлежащее время исправит их.

[25] Что же это значит: «никтоже… нас себе живет?» Мы не свободны, мы имеем над собою Владыку, Который хочет, чтобы мы были живы, и не желает нашей смерти, и для Которого наша жизнь или смерть важнее, чем для нас самих. Этим (апостол) показывает, что Бог заботится о нас больше, нежели мы сами, что Он жизнь нашу почитает для Себя приобретением, а смерть потерею. Если мы умираем, то умираем не только для себя, но и для Господа. Под смертью же разумеет здесь (апостол) смерть духовную, состоящую в отпадении от веры. Что Бог печется о нас, в этом достаточно нас убеждает и то, что мы для Него живем и для Него умираем. Однако (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет еще новое подтверждение, говоря:

[26] аще убо живем, аще умираем, Господни есмы.

[27] Здесь он от смерти духовной переходит к смерти естественной, чтобы речь его не показалась жестокой, и

представляет новый самый важный признак Божия о нас промышления. Какой же именно?

[28] Рим.14:9. На сие бо , – говорит, – Христос и у́мре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладает.

[29] Таким образом и это должно удостоверить тебя в том, что Господь всегда печется о нашем спасении и исправлении. Если бы Он столько не промышлял о нас, то какая была бы нужда в Домостроительстве? Тот, Кто употребил для усвоения нас Себе столько попечения, что принял на себя зрак раба и умер, пренебрежет ли тобою после совершения этого? Не возможно это, не возможно. Он не захочет, чтобы погибло столь великое дело. «На сие бо, – говорит (апостол), – и у́мре». Это подобно тому, как если бы кто-нибудь сказал: такой-то человек не согласится бросить своего раба, потому что бережет собственное стяжание. Но не так мы любим деньги, как Бог наше спасение. Он дал за нас не деньги, а Свою Кровь, и потому не может оставить тех, за которых дал столь великую цену. Заметь также, как (апостол) показывает и неизреченное могущество Божие. «На сие бо, – говорит он, – и у́мре… и оживе, да и мертвыми… обладает». И выше сказал: «аще бо живем, аще умираем, Господни есмы» (Рим.14:8). Видишь ли, как сильно Его владычество? Видишь ли, как непреоборима Его крепость и как всеобъемлющ Его Промысл? Не говори мне о живых, рассуждает (апостол): Бог промышляет и об умерших. А если промышляет об умерших, то ясно, что также и о живых. Он ничего не оставил вне Своего владычества, но на людей приобрел еще большие права, чтобы промышлять о нас больше, чем о всем прочем. Человек платит деньги за раба и потому тщательно бережет его, а Бог заплатил смертью и, конечно, не может считать

маловажным спасение того, кого он купил столь великой ценой и приобрел во владение с таким усердием и усилием. А все это (апостол) говорит с целью пристыдить иудействующего христианина и убедить его, чтобы он помнил о величии благодеяния, потому что он был мертв и ожил, потому что он не получил никакой пользы от закона и было бы с его стороны крайнею неблагодарностью, если бы он, оставив Того, Кто явил ему столько милостей, прибег бы снова к закону. Итак, достаточно упрекнув его, (апостол) снова ободряет его, говоря:

[30] Рим.14:10. ты же почто осуждаеши брата твоего? или ты что уничижаеши брата твоего?

[31] Здесь, по-видимому, (апостол) уравнивает обоих, но однако полагает между ними большое различие. Он прекращает их споры прежде всего наименованием брата, а потом напоминанием о страшном дне Суда, так как, сказавши: «что уничижаеши брата твоего», присовокупил:

[32] вси бо предстанем судищу Христову.

[33] И говоря это, он, по-видимому, опять делает упрек более совершенному, но на самом деле старается потрясти дух иудействующего христианина, не только посрамляя его напоминанием об оказанном ему благодеянии, но и устрашая будущим наказанием: «вси бо, – говорит, – предстанем судищу Христову».

[34] Рим.14:11–12. Писано бо есть: живу Аз, глаголет Господь, яко Мне поклонится всяко колено, и всяк язык исповестся Богови. Темже убо кийждо нас… слово… о себе даст Богу.

35 Видишь ли, как (Павел) опять потрясает дух одного, нанося удар, по-видимому, другому? Слова его значат то же, как если бы он сказал: о чем ты заботишься? Ведь не ты будешь наказан за него? Он не высказал этого прямо, но это именно разумел, только выразил гораздо легче, сказав: «вси бо предстанем судищу Христову. Темже убо кийждо нас о себе слово даст Богу». (Апостол) привел также слова пророка, который свидетельствует о всеобщем повиновении Богу, о повиновении безусловном всех, живших в Ветхом Завете, и вообще всех без исключения. Не просто сказано – всякий поклонится, но – «исповестся», то есть даст отчет в том, что сделал.

36 Итак, представляя себе общего Владыку, сидящего на Престоле, будь внимателен к себе, не раздирай и не разделяй Церкви, отторгаясь от благодати и возвращаясь к закону, так как и закон принадлежит Ему. И что говорю – закон? Ему принадлежат все жившие и в законе, и до закона. И не закон потребует у тебя отчета, а Христос, как у тебя, так и у всего человеческого рода. Видишь ли, как (апостол) освободил немощного в вере от страха закона? Потом, чтобы не показалось, что он говорит об этом с намерением устрашить немощных, но что он перешел к этому по связи речи, (апостол) продолжает рассуждать о том же предмете, говоря:

37 Рим.14:13. не к тому убо друг друга осуждаем, но сие паче судите, еже не полагати претыкания брату, или соблазна.

38 Это к одному относится не больше, чем и к другому, а потому может быть приложено к обоим, и к совершенному, который соблазняется разборчивостью в пище, и к несовершенному, для которого служат преткновением слишком резкие укоризны. Смотри же,

какому мы подвергнемся наказанию, если просто соблазняем ближних? Если здесь, где вся ошибка состояла в неблаговременности упреков, (апостол) воспрещает их, чтобы не соблазнялся и не претыкался брат, то чего будем достойны мы, когда соблазняем брата, совсем не имея намерения исправить его? Если не сохранить – есть преступление, как это видно на примере закопавшего в землю талант, то чего не навлечем мы на себя, соблазняя другого? Ты скажешь: что же мне делать, если он соблазняется сам по себе, будучи слаб? Потому-то самому тебе и следовало бы переносить все. Если бы он был крепок, то и не имел бы нужды в такой попечительности, а теперь, так как он очень слаб, в силу этого и нуждается в большой заботе.

39 Итак, представим ему это и станем поддерживать его во всех случаях. Ведь мы дадим ответ не за свои только грехи, но и за все то, в чем мы служили соблазном для других. А если трудно отвечать и за свои грехи, то как мы спасемся, когда на нас будет возложена и эта ответственность? Не будем же считать для себя извинением того, что найдем сообщников в наших грехах, так как от этого увеличится только наше наказание. Так и змий наказан строже жены, а жена больше мужа; Иезавель понесла более тяжкое наказание, чем Ахаав, отнявший виноградник, потому что она была главной виновницей этой несправедливости и ввела в соблазн царя. И ты, если сделаешься виновником гибели других, подвергнешься более тяжкому наказанию, чем доведенные тобой до падения. Не так пагубно самому согрешить, как ввести в грех других, почему (апостол) и говорит: «не точию сия творят, но и соизволяют творящим» (Рим 1.32). Таким образом, когда мы видим, что другие грешат, не только не станем побуждать их к

греху, но постараемся извлечь из бездны порока, чтобы за гибель других нам самим не подвергнуться наказанию; будем непрестанно помнить о Страшном суде, об огненной реке, о неразрешимых узах, о непроницаемом мраке, о скрежете зубов и ядовитом черве. Но Бог человеколюбив, говоришь ты. Значит, по-твоему, все это одни слова? Богач, презревший Лазаря, не мучится (Лк 16.). Юродивые девы не изгоняются из брачного чертога? Отказавшиеся накормить Христа не пойдут в огонь, уготованный диаволу и ангелам его? Одетый в грязные одежды не будет связан по рукам и ногам и не будет осужден на гибель? Требовавший сто динариев не будет предан истязателям? И неправда то, что сказано о прелюбодеях: «червь их не умирает, и огнь их не угасает» (Мк 9.48)? Неужели все это одни только угрозы? Да, говоришь ты. Но на каком основании, скажи мне, ты осмеливаешься утверждать это и произносить от себя такой приговор? Я могу доказать тебе противное на основании и слов, и дел Христа. Если ты не веришь относительно будущего наказания, то, по крайней мере, поверь тому, что уже совершилось, так как то, что уже было, что исполнилось на самом деле, не пустые угрозы и слова. Кто при Ное навел потоп на всю вселенную, произвел столь ужасное истребление водою и гибель всего нашего рода? Кто потом низвел молнию и огонь на землю содомскую? Кто погрузил в море целый Египет? Кто истребил шестьсот тысяч человек в пустыне? Кто попалил огнем сонм Авиронов? Кто повелел земле разверсть уста свои и поглотить Корея, Дафана и бывших с ними? Кто при Давиде в одно мгновение поразил семьдесят тысяч? Упоминать ли еще о наказаниях в отдельности? О Каине, преданном на непрестанное мучение? О сыне Хармиине, который был побит камнями

со всем его родом? О собиравшем дрова в субботу и подвергшемся такому же наказанию? О сорока двух отроках, которые при Елисее были съедены зверями и которым не послужил извинением юный их возраст?

40 А если ты хочешь видеть подобные примеры и во времена благодати, то представь себе, какие наказания претерпели иудеи, как жены их ели собственных своих детей, одни жарили их, а другие приготовляли иначе; как они при нестерпимом голоде, среди различных и тяжких войн, подвергались таким чрезвычайным бедствиям, с какими не могут сравниться никакие ужасные злоключения прежних времен. А что все это навел на них Христос, послушай, как Сам Он предсказывает это и в причтах, и в ясных и вразумительных словах, – в притчах, когда говорит: «враги Моя оны, иже не восхотеша Мене, да Царь бых был над ними, приведите семо и изсецыте предо Мною» (Лк 19.27), а также в притчах о винограднике, и о браке: а в ясных и открытых словах, когда угрожает, что «падут во острии меча, и пленены будут во вся язы́ки: и… будет… на земли туга́ язы́ком от нечаяния, шума морскаго и возмущения, издыхающим человеком от страха» (Лк 21.24–26). «И будет… скорбь велия, яковаже не была от начала мира доселе, ниже имать быти» (Мф 24.21). Известно также всем, какому наказанию подверглись Анания и Сапфира за утаение нескольких монет. Не замечаешь ли и ныне ежедневных несчастных случаев? Разве это не бывает? Неужели ты не видишь, что и ныне погибают от голода, страдают проказой и другими телесными болезнями, живут в постоянной нищете и терпят тысячи невыносимых бедствий?

41 Итак, какое может быть основание одних наказывать, а других нет? Если Бог вполне справедлив, что и несомненно, то, конечно, и ты подвергнешься наказанию за грехи свои. Если же ты думаешь, что Бог тебя не накажет, потому что Он человеколюбив, то следовало бы и тех не наказывать. Но, как сказали мы выше, Бог и здесь многих наказывает, чтобы вы, как скоро не верите словам угроз, поверили действительным наказаниям. И так как старое не так нас устрашает, то Он вразумляет беспечных современными событиями, которые совершаются при каждом поколении. Почему же, спросишь, Бог не наказывает всех здесь? Чтобы иным дать предопределенное от Него время для покаяния. А для чего Он не наказывает всех там? Чтобы не оказалось много неверующих в Божий Промысл. Теперь и я спрошу тебя: сколько разбойников было поймано и сколько было таких, которые умерли без наказания? Где же Божие человеколюбие и правосудие? Если бы никто совершенно не наказывался, то ты мог бы прибегнуть к этому (возражению), но когда одни наказаны, а другие нет, и притом без наказания остались те, которые больше и согрешили, то какой может быть смысл в том, что за одни и те же преступления бывают неодинаковые наказания, и не может ли показаться, что наказанные обижены? Итак, почему же не все наказываются здесь? Послушай, что отвечает тебе на это Сам Христос. Когда упала башня и несколько человек погибли, то тем, которые приходили от этого в недоумение, Христос сказал: «мните́ ли, яко… сии грешнейши паче всех… бяху? …Ни, глаголю вам: но аще не покаятеся, вси такожде погибнете» (Лк 13.2–5). Этим Он учит нас не надеяться, что как скоро другие подверглись наказанию, мы, хотя и согрешим много, останемся без наказания. Если не покаемся, то

непременно будем наказаны. За что же, спросишь, нам терпеть вечное наказание, когда мы грешили здесь недолгое время? А как же здесь человек, в одно мгновение совершивши одно только убийство, осуждается на всю жизнь работать в рудниках? Но Бог, скажешь, так не поступает. Как же Он расслабленному попустил тридцать восемь лет терпеть столь тяжкое наказание? Что Он действительно наказал его за грехи, послушай, что говорит Христос: «се здрав еси, ктому не согрешай, да не горше ти что будет» (Ин 5.14). Однако же расслабленный, говоришь ты, получил освобождение от наказания? Но там этого не будет. Что там, действительно, не будет освобождения от наказания, послушай, как об этом говорит Сам Христос: «червь их не умирает, и огнь не угасает» (Мк 9.44). И еще: «пойдут одни в жизнь вечную, а другие в муку вечную» (Мф 25.46).

42 Итак, если будет жизнь вечная, то и наказание вечное. Или ты не знаешь, сколько было угроз иудеям? Исполнились ли эти угрозы, или остались только на словах? Сказано: «не останет камень на камени» (Лк 21.6) – и, действительно, остался ли камень на камне? Христос сказал: «будет… скорбь велия, яковаже не была» (Мф.24:21), и неужели не сбылось и это? Прочитай историю Иосифа, и ты не в состоянии будешь даже прийти в себя, услышав о бедствиях, какие претерпели иудеи в действительности. Я говорю это не с тем, чтобы огорчить вас, но чтобы привесть вас в безопасность, чтобы, утешая вас напрасными надеждами, не подвергнуть более тяжким наказаниям. И скажи мне: почему же ты не заслуживаешь наказания за грехи твои? Не сказал ли Бог тебе заранее все? Не запретил ли Он тебе? Не устрашил ли? Не употребил ли тысячи средств для твоего спасения? Не даровал ли тебе баню пакибытия

и не простил ли все прежние грехи твои? И после этой бани, после отпущения грехов, не оказал ли Он тебе, когда ты опять стал грешить, другую помощь в покаянии? Не сделал ли Он тебе легким путь отпущения грехов и после этого?

43 Итак, выслушай, что заповедал Бог. Если будешь прощать грехи ближнему, то и Я, говорит Он, прощу тебе. Какое же в этом неудобство? «Судите си́ру, – сказано, – оправдите вдовицу, и приидите, и истяжемся, глаголет Господь; и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю» (Ис 1.17–18). Какая же в этом трудность? «Глаголи ты беззакония твоя, да оправдишися» (Ис 43.26). Какая в этом тягость? «Грехи твоя милостынями искупи» (Дан 4.24). Какой в этом труд? Мытарь сказал: «милостив буди мне грешному», и «сниде… оправдан» (Лк 18.13–14). Трудно ли подражать мытарю? Но, несмотря на все это, ты не хочешь убедиться, что есть наказание и мучение. Но, может быть, ты скажешь, что диавол не подвергается наказанию? Сказано: «идите… во огнь, …уготованный диаволу и аггелом его» (Мф 25.41). А ведь если бы не было геенны, то и диавол не наказывался бы; если же он наказывается, то ясно, что и мы, совершая дела его, будем наказаны, так как и мы преслушали заповедь Божию, хотя не ту же, какую он. Как же ты не боишься дерзко говорить о Боге? Ведь когда ты говоришь, что Бог человеколюбив и не наказывает, то по твоему выходит, что Он уже не человеколюбив, если накажет. Замечаешь ли, на какие мысли наводит вас диавол? Что же? Неужели монахи, поселившиеся в горах и показавшие множество подвигов, останутся не увенчанными? Ведь если злые не наказываются и нет никакого воздаяния, то иной может сказать, что и добрые не награждаются. Я с этим не согласен, скажешь ты, так

как с благостью Божией более сообразно существование только одного царства, а не геенны. Значит, блудник, прелюбодей, совершивший тысячи преступлений будет наслаждаться теми же благами, какими и отличившийся целомудрием и святостью? Значит, Павел станет наряду с Нероном, или даже диавол наряду с Павлом? Если нет геенны, а воскресение будет общее, то и злые удостоятся тех же благ, каких и праведники? Какой же безумец может утверждать это? Или, лучше сказать, кто из демонов осмелится говорить это? Ведь бесы признают геенну, потому «и… возописта глаголюща: …пришел еси семо прежде времени мучити нас» (Мф 8.29).

44 Как же ты не боишься, не ужасаешься отрицать то, что признают даже бесы? Как ты не замечаешь, какой учитель внушает тебе это злое наставление? Кто обольстил человека в начале и предложением больших надежд исторг у него блага, бывшие уже в руках, тот и ныне наущает тебя так говорить и думать; диавол для того и убеждает некоторых думать, что нет геенны, чтобы ввергнуть в нее; напротив, Бог для того угрожает геенною и уготовал ее, чтобы ты, зная об этом, так жил, чтобы не впасть в нее. Если диавол и теперь, когда есть геенна, уверяет тебя, что ее нет, то, если бы действительно ее не было, какая была бы нужда свидетельствовать о ней бесам, которые всего более стараются о том, чтобы мы и не подозревали существования геенны, чтобы, не страшась ее, стали беспечнее и впали с ними в геенский огонь? Почему же, спросишь, они свидетельствовали тогда о геенне? Потому, что не переносят принуждающей их к тому необходимости.

45 Итак, размышляя о всем этом, пусть перестанут говорящие это обманывать себя и других, так как за эти

слова они понесут наказание, потому что смеются над страшными вещами, приводят к беспечности многих желающих истинно заботиться о своем спасении и даже нимало не подражают язычникам-ниневитянам. Те, будучи во всем несведущими, когда услышали, что город их будет истреблен, не только не обнаружили неверия, но и восстенали, облеклись во вретище, смирились и не прежде перестали все это делать, пока не утолили гнева Божия. А ты, зная столько случаев суда Божия, словами своими уничтожаешь то, что сказал Бог? Потому участь твоя будет противоположна участи ниневитян. Те, устрашившись слов, не подверглись наказанию на самом деле, а ты, презирая угрозы на словах, понесешь наказание на самом деле. Теперь слова эти кажутся тебе баснею, но не покажутся такими тогда, когда убедишься в них на деле. Неужели ты не видишь, что сделал Христос и здесь, на земле? Не одинакового жребия Он удостоил двух разбойников, но одного ввел в Царство, а другого послал в геенну. Но что мне говорить о разбойнике и человекоубийце? Христос не пощадил и апостола, когда он сделался предателем, но, предвидя, что он стремится в петлю, удавится и рассядется (ведь сказано: «проседеся посреде, и излияся вся утроба его» (Деян 1.18), – предвидя, говорю, все это, однако попустил ему претерпеть это, чтобы посредством настоящего удостоверить тебя во всем будущем. Итак, не обманывайте сами себя, доверяя диаволу, – ведь это его внушения. Если судьи, господа, учители и даже люди необразованные награждают добрых и наказывают злых, то возможно ли, чтобы Бог поступил иначе и доброго сравнял с порочным? Когда же совершится освобождение от пороков? Если и ныне люди порочные, ожидая наказания и находясь среди столь великого страха, –

страха судей и законов, – не отстают от худых дел, то когда же они перестанут совершать злые дела, если, по переселении в вечность, избавятся от всякого страха и не только не впадут в геенну, но еще получат царство? Это ли будет человеколюбие, скажи мне, чтобы усиливать порок, награждать зло, удостаивать одной чести целомудренного и распутного, верного и нечестивого, Павла и диавола? Но долго ли нам вести такие пустые речи? Умоляю же вас, освободитесь от этого безумия, будьте благоразумными, внушите душе страх и трепет, чтобы она освободилась от будущей геенны и, проживши настоящую жизнь в целомудрии, сподобилась будущих благ благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 26

[1] Рим 14.14. Вем и извещен есмь о Господе Иисусе, яко ничто же скверно само собою: точию помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.

[2] Апостол, сделав сперва запрещение осуждающему брата и отклонив его от укоризны, переходит потом к наставлению и спокойно поучает более слабого, показывая и здесь великую кротость. Он не говорит, что этот будет наказан, не употребляет даже и подобного выражения, но чтобы лучше убедить его в справедливости своих слов, только освобождает его от страха в этом деле и говорит: «вем и извещен есмь». Потом, чтобы кто-нибудь из неверующих не мог возразить: «какое нам дело, что ты убежден? Ведь ты еще не настолько для нас достоверен, чтобы слова твои предпочесть самому закону и тому, что возвещено нам свыше», – (апостол) и присовокупляет: «о Господе», то есть я узнал это от Господа, Он Сам удостоверил меня в этом, значит, это – приговор не человеческого ума. Но, скажи, в чем ты уверен и что знаешь? «Яко ничто же скверно само собою». Ничего нет нечистого по природе, говорит (апостол), но делается нечистым от воли употребляющего, и для него одного бывает не чисто, а не для всех. «Помышляющему что скверно быти, оному скверно есть». Почему же не исправить брата, чтобы он не считал чего-либо нечистым? Почему не употребить всей своей власти, чтобы отклонить от этой привычки и мнения – признавать что-либо нечистым для всех. Боюсь, отвечает (апостол), чтобы не огорчить его, почему и присовокупил:

[3] Рим.14:15. аще же брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши.

[4] Замечаешь ли, как он старается сперва привлечь его к себе, показывая, что имеет к нему такое большое внимание, что, дабы не огорчить его, не решается приказывать даже вполне необходимого, но лучше хочет привлечь его снисходительностью и любовью? И даже после того, как рассеял страх его, он привлекает не силой и не принуждает, но предоставляет ему полную волю, потому что не одно и тоже отклонить от употребления пищи и причинить огорчение. Видишь ли, сколько он заботится о сохранении любви? Он знал, что любовь может все исправить, а потому и требует здесь от слушателей большего. Не только не должно вам, говорит, доводить их до крайности, но если бы требовалось сделать снисхождение, то не должно и от этого отказываться. Потому присовокупляет:

[5] не брашном твоим того погубляй, за него же Христос у́мре.

[6] Неужели ты не считаешь брата стоящим того, чтобы посредством воздержания от пищи приобрести его спасение? Христос не отказался сделаться ради него рабом и умереть, а ты для его спасения не соглашаешься отказаться от пищи? Хотя Христос и знал, что не всем принесет пользу, однако же исполнил Свое дело и умер за всех. А ты знаешь, что ради пищи губишь его в более важном и, несмотря на это, споришь, считаешь презренным того, кого Христос признал достойным столь великих почестей, бесчестишь того, кого Он возлюбил? Христос умер не только за немощного в вере, но и за врага, а ты для немощного в вере не хочешь воздержаться от пищи? Христос совершил самое великое дело, а ты не

хочешь сделать малого, хотя Он Владыка, а ты брат. Этих слов достаточно для того, чтобы вразумить и немощного в вере, так как видно, что он малодушен и, получив от Бога великие дары, не жертвует и малым.

[7] Рим.14:16–17. Да не хулится убо ваше благое. Несть бо Царство Божие брашно и питие.

[8] Под именем «благого» (апостол) разумеет здесь или веру, или надежду на будущие блага, или совершенное благочестие. Ты не только не помогаешь брату, говорит (апостол), но заставляешь хулить самое учение, Божию благодать и дар. Всякий раз, как ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь церковь, укоряешь брата и обходишься с ним враждебно, тогда внешние хулят, так что от этого не только ничего не исправляется, но и делается все совершенно противоположное. Ваше благо состоит в любви, в братстве, в единении, в союзе, в жизни мирной и кроткой. Потом (апостол) опять, чтобы освободить одного от страха, а другого от упорства, говорит: «несть бо Царство Божие брашно и питие». Неужели этим мы можем достигнуть благополучия? И в другом месте говорит он то же: «ниже… аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся» (1Кор 8.8). Здесь нет нужды в доказательстве, а достаточно лишь сказать. Смысл же апостольских слов таков: если ты ешь, то неужели это введет тебя в Царство? Укоряя за то, что считают это важным, (апостол) упомянул не только о пище, но и о питии. Итак, что же вводит в Царство?

[9] Правда, …мир, …радость,

[10] добродетельная жизнь, братский мир, которому противится эта любовь к спорам, радость, происходящая от согласия и нарушаемая этой враждой. Это сказано

апостолом не одной из двух сторон, но обеим, так как благовременно было это сказать и тем, и другим.

[11] Потом, после слов: «мир и радость» (а мир и радость бывают и в худых делах) присовокупил:

[12] о Дусе Святе.

[13] Погубивший брата нарушил мир и радость и обидел его больше, чем похитивши у него деньги; и, что еще хуже, другой спас, а ты оскорбляешь и губишь. А как скоро пища и мнимое совершенство не вводят в Царство, а приводят к тому, что противоположно этому Царству, то как же не следует пренебрегать малым, под условием утвердить великое! Потом, так как укоризны происходили частью и от тщеславия, (апостол) присовокупляет далее:

[14] Рим.14:18. иже бо сими служит Христови, благоугоден есть Богови и искусен человеком.

[15] Все будут удивляться в тебе не столько совершенству, сколько миру и согласию. Последним благом воспользуются от тебя все, а первым никто.

[16] Рим.14:19. Темже убо мир возлюбим и яже к созиданию друг ко другу.

[17] Первое (сохранять мир) относится к немощному, а последнее к соблазняющему брата, чтобы он не поколебал его в вере. Впрочем, (апостол), сказав: «ко взаимному назиданию», отнес эти слова вообще и к тому и другому и показал, что без мира трудно назидать.

[18] Рим.14:20. Не брашна ради разоряй дело Божие.

[19] Делом Божиим он называет спасение брата и усиливает страх, доказывая, что соблазняющий брата делает противное тому, о чем заботится. Ты не только не

созидаешь, как думаешь, говорит (апостол), но разрушаешь, и притом не человеческое дело, а Божие, не для чего-либо важного, но для маловажной вещи – «брашна ради». Потом, чтобы такой снисходительностью не утвердить брата в худом настроении, опять излагает общее положение, говоря так:

[20] вся бо чиста, но зло человеку претыканием ядущему,

[21] то есть с лукавою совестью. Таким образом, если ты станешь принуждать и он станет есть, то не будет в этом никакой пользы, потому что не яства делают нечистым, а расположение, с каким ешь. Потому, если ты не исправишь расположения, то весь твой труд напрасен, даже вреден. Ведь не одно и то же считать что-нибудь нечистым и, считая нечистым, есть. В последнем случае ты грешишь вдвое, усиливая своим упорством предрассудок и заставляя есть нечистое; таким образом, пока не убедишь, дотоле и не принуждай.

[22] Рим.14:21. Добро не ясти мяс, ниже пити вина, ни о немже брат твой претыкается или соблазняется или изнемогает.

[23] Опять (апостол) требует большего, – не только не принуждать, но и оказывать снисхождение. Так и сам он поступал нередко, именно, когда обрезывал, стриг волосы и приносил иудейскую жертву. Он не говорит слабому – делай, но предлагает это в виде своего мнения, чтобы слабейшего не сделать еще более беспечным. И что же он говорит? «Добро не ясти мяс». И что говорю о мясе? Воздерживайся также от вина и от всего, что только служит соблазном, потому что ничто не может быть наравне со спасением брата. Это и показал Христос, Который сошел с небес и все претерпел ради нас, что ни

претерпел. Смотри же, как (апостол) вразумляет и другого, говоря: «претыкается или соблазняется или изнемогает». Не говори мне, продолжает он, что это безрассудно, но помни, что это может и исправить. Для тебя достаточное оправдание в том, что ты помогаешь немощному, а себе нимало не вредишь, так как твой поступок – не лицемерие, но созидание и сбережение. Если ты будешь принуждать его, он станет противиться и осуждать тебя, и еще более утвердится в том, чтобы воздерживаться от пищи, а если окажешь ему снисхождение, то он сначала полюбит тебя, без всякого подозрения будет слушать твое учение и, наконец, ты получишь возможность незаметно посеять в нем правые догматы. А если он сразу возненавидит тебя, то ты заградил вход словам своим. Итак, не принуждай брата, но сам воздерживайся для него, воздерживайся не как нечистого, но потому, что он соблазняется и что больше полюбит тебя. Так повелел и Павел, говоря: «добро не ясти мяс», не потому, что это нечисто, но потому, что брат соблазняется и изнемогает.

[24] Рим.14:22. Ты веру имаши? О себе сам имей.

[25] Здесь, кажется мне, (апостол) слегка намекает на тщеславие более совершенного в вере. Смысл слов его таков: ты желаешь доказать мне, что ты во всем исправен и совершен? Не доказывай мне, а довольствуйся свидетельством совести.

[26] О вере же он говорит здесь не в отношении к догматам, а в отношении к предмету рассуждения. О ней сказано: «усты… исповедуется во спасение» (Рим 10.10); также: «иже отвержется мене пред человеки, отвергуся его и аз» (Мф 10.33). Она постыдит тебя, если ее не исповедуешь, она посрамит, если исповедуешь не во время.

27 Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается.

28 Опять (апостол) наносит удар более слабому и доказывает, что для него довольно одобрения совести. Хотя другой человек и не увидит твоего блаженства, но ты в самом себе будь доволен своим блаженством. Так как (апостол) сказал: о «себе сам имей», то, чтобы ты не почел этого суда малым, утверждает, что оно для тебя лучше вселенной. Хотя бы и все обвиняли тебя, но если сам ты не осуждаешь себя и совесть не укоряет, ты – блажен. Но (апостол) не о всех без исключения дал такой отзыв. Много есть людей, которые сами себя не осуждают, хотя и весьма грешны; эти несчастнее всех; но пока (апостол) держится настоящего своего предмета.

29 Рим.14:23. А сомняяйся, аще яст, осуждается.

30 Опять (апостол) увещевает щадить немощного. Какая польза есть с сомнением и осуждать самого себя? Я одобряю того, кто ест и ест без всякого сомнения. Видишь ли, как он ведет его к тому, чтобы не только ел, но и ел с чистою совестью. Потом объясняет и причину, по которой осуждается, присовокупляя: «зане не от веры», т.е. осуждается не потому, что нечисто, но потому, что не по вере, так как не был уверен, что это чисто, но думал, что прикоснулся к нечистому. А этим (апостол) вразумляет их, сколько они делают вреда, принуждая других без предварительного убеждения прикасаться к тому, что, по их мнению, нечисто, и желает хотя этим удержать их от укоризны по отношению к немощным в вере.

31 Всяко же, еже не от веры, грех есть.

32 Когда, говорит, он не убежден и не верит, что чисто, то как не согрешить ему? Все же это говорится Павлом относительно настоящего предмета, а не вообще. И

смотри, сколько он заботится, чтобы не соблазнить другого? Выше говорил: «аще… брашна ради брат твой скорбит, уже не по любви ходиши» (Рим.14:15). А если не должно огорчать, тем более не должно соблазнять. И еще: «не брашна ради разоряй дело Божие» (Рим.14:20). Если разорить церковь и преступно, и нечестиво, но тем более разорить храм духовный, – ведь человек честнее церкви, так как Христос умер не за стены, а ради этих храмов.

33 Итак, будем с своей стороны во всем осмотрительны и не подадим никому и малого повода для нападения на нас. Настоящая жизнь есть поприще, повсюду необходимо иметь множество глаз и не должно думать, что для защиты достаточно неведения. Возможно, вполне возможно и за неведение подвергнуться наказанию, если оно непростительно. И иудеи были в неведении, однако же их незнание не было поставлено им в извинение. И язычники были в неведении, однако и они не имеют оправдания. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не подвергнешься обвинению, а когда не знаешь того, что можно и удобно тебе знать, то подвергнешься крайнему наказанию. Вообще же, если мы не будем слишком беспечны, но употребим все зависящие от нас самих меры, то Бог подаст нам руку и в неизвестном. Так Павел говорил филиппийцам: «аще ино что мыслите, и сие Бог вам открыет» (Флп 3.15). Когда же мы не хотим совершить того, что в нашей власти, то лишимся и этого содействия. Так и случилось с иудеями. «Сего ради в притчах глаголю им, – говорит (Христос), – яко видяще не видят» (Мф 13.13). Как же они видя не видели? Видели изгоняемых бесов, и говорили – «беса имать» (Мф.11:18). Видели воскрешаемых мертвых, и не поклонились Христу, но замышляли убить Его. Не таков был Корнилий. Так как он тщательно делал все то, что от него зависело, то Бог

приложил ему и остальное. Потому, не спрашивай, почему Бог презрел такого-то язычника, который был добр и справедлив. Во-первых, людям невозможно знать, кто справедлив, а это известно Тому, Кто образовал сердце каждого; потом, можно сказать и то, что этот язычник часто сам не заботился и не старался. Но как, скажешь, он мог делать это, как скоро он человек простой? Обрати однако ж внимание на этого простого и скромного человека и узнай его в делах житейских, и ты увидишь, что он употребляет здесь большую старательность и что, если бы он захотел употребить ее и в делах духовных, не оказался бы оплошным, так как истина яснее солнца. Куда бы кто ни направился, удобно достигнет своего спасения, если захочет быть внимательным и не будет почитать спасения делом маловажным. Ведь не одной Палестиной ограничены такие дела, не заключены же они в одном небольшом уголке вселенной? Разве ты не слышал, что говорит пророк: «яко вси познают Мя от мала даже и до великаго» (Иер 31.34)? Не видишь ли ты, что действительность доказала справедливость этого? Какое извинение могут иметь те, которые видят, что учение истины распространилось всюду, и не любопытствуют и не заботятся узнать его?

34 Ты скажешь: неужели ты требуешь этого от поселянина и варвара? Не только от поселянина и варвара, но и от того, кто оказался и грубее нынешних варваров. Скажи мне, почему в делах житейских обижаемый умеет возразить, подвергающийся насилию – противодействовать и вообще всякий делает и совершает все, чтобы не понести даже малого вреда, а в делах духовных не наблюдают того же самого благоразумия? Когда поклоняются камню, считают его богом и

совершают празднества, тогда тратят деньги, обнаруживают сильный страх и никто не бывает нерадивым по простоте своей, а когда надлежит взыскать истинного Бога, тогда мне напоминают о простоте и неведении? Не так это, нет, но виной всему наша беспечность. Кого ты считаешь более простыми и грубыми – современников ли Авраама или своих? Очевидно, что современников Авраама. Когда было легче найти благочестие, тогда или теперь? Очевидно, что теперь. Теперь у всех уже возвещается имя Божие; пророки предрекли, события уже совершились и язычество изобличено; а тогда большая часть людей оставалась без учения, грех владычествовал, закон не был пестуном, не было ни пророков, ни чудес, ни учения, ни множества знающих Бога и ничего другого тому подобного, но все лежало как бы в глубоком мраке в безлунную и зимнюю ночь. Но однако тот удивительный и благородный муж, при стольких затруднениях, познал Бога, упражнялся в добродетели и возбудил многих к такой же ревности, хотя при этом совсем не был опытен во внешней мудрости. Да и как, и где он мог научиться, если и самых письмен не было еще изобретено? Но так как он все с своей стороны сделал, то и Бог также не оставил его. Ведь нельзя же сказать, что Авраам заимствовал религию от отцов, так как отец его был идолопоклонник. Однако, происходя от таких предков, будучи варваром, будучи воспитан среди варваров и не имея никакого учителя в благочестии, он познал Бога и всех своих потомков, пользовавшихся и законом и пророками, превзошел настолько, что и невозможно выразить. А почему? Потому что не слишком заботился о житейском, но всего себя посвятил духовному. А Мелхиседек не жил ли в те же времена, и не просиял ли

настолько, что был назван священником Божиим? Невозможно, совершенно невозможно, чтобы бодрствующий когда-либо был презрен. Пусть это не смущает вас, но зная, что все зависит от расположения, будем внимательны к самим себе, чтобы сделаться нам лучше. Не будем требовать отчета у Бога и испытывать, почему Он одного оставил, а другого призвал, так как в противном случае уподобимся отверженному рабу, который с излишним любопытством входил в домашние распоряжения господина. Жалкий и бедный человек! Тогда как тебе надобно позаботиться, как самому дать отчет и умилостивить Владыку, ты требуешь отчета в том, в чем сам должен его дать, и оставляешь без внимания то, за что понесешь наказание.

35 Итак, – спрашиваешь, – что мне сказать язычнику? То, что выше сказано. И ты заботься не о том только, что сказать язычнику, но и о том, как исправить его. Когда он, исследуя твою жизнь, соблазняется ею, то на основании этого и позаботься, что говорить тебе. Ведь за него, хотя он и соблазняется, ты не дашь ответа, а за жизнь свою, если она приносит вред, ты подвергаешься крайней опасности. Когда он увидит, что ты любомудрствуешь о Царстве и тем не менее прилеплен к настоящему, боишься геенны и трепещешь здешних бедствий, тогда и позаботься. Когда, видя это, он станет укорять тебя и скажет: если желаешь Царства, то почему не презираешь настоящего; если ожидаешь Страшного суда, то почему не презираешь здешних бедствий; если надеешься на бессмертие, почему страшишься смерти? – когда он предложит тебе такие вопросы, ты позаботься, что ответить. Когда он увидит, что ты, ожидая неба, боишься потери денег, бываешь весьма рад каждой малой монете и за небольшую серебряную монету отдаешь душу, тогда и

подумай: ведь это, это именно и соблазняет язычника. Таким образом, если ты заботишься о своем спасении, доказывай это не словами, а делами. Из-за того вопроса никто никогда не хулил Бога, а вследствие худой жизни везде слышны бесчисленные хулы. Потому постарайся исправить ее, так как язычник опять спросит (тебя): откуда мне знать, что Бог заповедал возможное? Вот ты, будучи христианином по самому рождению и воспитанный в этой превосходной религии, ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на это? Без сомнения станешь отвечать: я укажу тебе других, которые исполняют, именно: монахов, обитающих в пустынях. Но не стыдно ли тебе признавать себя христианином и отсылать к другим, как будто ты не можешь доказать того, что и сам совершаешь дела христианские? Язычник тотчас возразит тебе: какая мне необходимость ходить по горам и исследовать пустыни? Если невозможно философствовать, живя в городах, то это может быть большим обвинением христианской жизни, для осуществления которой необходимо оставить города и бежать в пустыни. Но ты покажи мне человека, который имеет жену, детей и дом, и однако же живет благочестиво. Что мы скажем на это? Не придется ли нам потупить взоры свои и устыдиться? Не то заповедал Христос, но что же? «Да просветится свет ваш пред человеки» (Мф 5.16), не в горах, не в пустынях, не в непроходимых дебрях. Говорю это не в укор живущим в горах, но из сожаления к обитателям городов, которые изгнали из них добродетель. Потому умоляю вас ввести пустынножительное любомудрие и в города, чтобы они сделались истинными городами, так как это может исправить язычника и предохранить от бесчисленных соблазнов. Таким образом, если хочешь и его освободить

от соблазна, и себе приобрести бесчисленные награды, исправь жизнь свою и сделай ее во всем блистательною, «яко да видят люди ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже на небесех» (Мф 5.16). Тогда мы насладимся и будущего неизреченной и великой славой, получить которую да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 27

[1] Рим 14.24–26. Могущему же вас утвердити по благовествованию моему, и проповеданию Иисус Христову, по откровению тайны, леты вечными умолчанныя, явльшияся же ныне, писании пророческими, по повелению вечнаго Бога, в послушание веры, во всех языцех познавшияся, единому… Богу, Иисусом Христом, Ему… слава во веки. Аминь.

[2] Это всегдашний обычай Павла – заключать увещание молитвами и славословием, так как он знал, что это имеет немалое значение, и привык делать это по сильной любви и благочестию. Чадолюбивому и боголюбивому учителю свойственно не только научать словом, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Так поступает (Павел) и в настоящем случае. Вот последовательность его речи: «могущему же… утвердити… вас… слава во веки. Аминь». Здесь он опять имеет в виду немощных и к ним обращает слово. Когда он предлагал обличения, то обличал и тех, и других, но теперь, когда молится, он приносит молитву за немощных. Сказав же: «утвердити», присовокупляет и то, каким именно образом: «по благовествованию моему». Этим он дает знать, что они еще не были утверждены и, хотя стояли, но колебались. Потом, чтобы словам своим придать более достоверности, присовокупил: «и проповеданию Иисус Христову», т.е. и сам Христос об этом проповедовал. А если сам Христос так проповедал, то это не наше учение, а Его законы. (Апостол), любомудрствуя о самой проповеди, показывает, что она есть дар великого благодеяния и высокой ценности. И это он сперва раскрывает из указания на лицо проповедавшее, потом из свойства истин

проповеданных, так как проповедано было благовестие, и, наконец, из того, что оно не было никому открыто прежде нас. На это и указал (апостол), сказав: «по откровению тайны». Это – доказательство величайшей к нам любви, если Бог сделал нас участниками тайн, и никто не удостоен этого прежде нас. «Леты вечными умолчаянныя, явльшияся же ныне». Тайна эта предопределена была издревле, но явилась ныне. Как же явилась? «Писании пророческими». Здесь (апостол) опять освобождает немощного от страха. Чего ты боишься? Чтобы не отступить от закона? Но этого хочет закон, это предсказано им издревле.

3 А если ты допытываешься, почему тайна явилась ныне, то совершаешь небезопасное дело, когда любопытствуешь о тайнах Божиих и требуешь отчета, так как не любопытствовать тебе должно о них, но принимать их с любовью и радостью. Потому (апостол), желая остановить такое стремление ума, и присовокупил: «по повелению вечнаго Бога, в послушание веры». Вера требует послушания, а не любопытства, и когда повелевает Бог, должно повиноваться, а не исследовать. Потом (апостол) новыми убеждениями подкрепляет их веру, говоря: «во всех языцех познавшияся». Не ты один, но целая вселенная так верует и научена тому не человеком, но Богом. Потому и присовокупил: «Иисусом Христом». Тайна не только возвещена, но и утверждена: то и другое есть дело Иисуса Христа. А потому должно читать так: «могущему же вас утвердити… Иисусом Христом». То и другое, как я сказал, (апостол) приписывает Ему, или, лучше сказать, не только то и другое, но еще и славу, принадлежащую Отцу. Потому и сказал: «Емуже слава во веки. Аминь». Славословит (апостол), опять выражая изумление пред непостижимостью этих тайн. И ныне

ведь, когда тайны открыты, невозможно постигнуть их умом, но должно узнавать не иначе, как верою. Прекрасно сказал (апостол): «единому премудрому Богу». Когда размыслишь, как Бог ввел (в церковь) язычников и присоединил их к древним праведникам, как Он спас отчаявшихся в спасении, как недостойных земли возвел на небо, отпадших от настоящей жизни ввел в высшую жизнь, бессмертную и неизреченную, попираемых демонами сделал равными ангелам, отверз рай, уничтожил все древнее зло и все это совершил в непродолжительное время, путем удобным и кратким, тогда уразумеешь Премудрость Божию, увидев, что язычники внезапно научились от Иисуса Христа тому, чего не знали ни ангелы, ни архангелы. Итак, в то время, как тебе надлежало удивляться Его Премудрости и прославлять Его, ты вращаешься около мелочей и все еще сидишь под тенью: это свойственно мало прославляющему (Христа). Кто не имеет упования на Него и не руководится верою, тот не исповедует величия дел Его. Но (Павел) сам воздает за них славу Богу, побуждая этим и других к той же самой ревности. Когда же ты услышишь, что (апостол) говорит: «единому премудрому Богу», не подумай, что это сказано к унижению Сына. Если все то, в чем обнаруживается Премудрость Божия, совершено чрез Христа, без Него не совершено ни одного дела, то ясно, что Он и в премудрости равен Отцу. Для чего же (апостол) сказал: «единому?» Для противопоставления всей твари. Таким образом, воздав славословие, он от молитвы опять переходит к увещанию и, обращая речь к сильнейшим, говорит так:

[4] Рим 15.1–2. должни есмы мы сильнии.

5 Словом – «должни» показывает, что это дело обязанности, а не дара. Что же мы должны делать?

6 Немощи немощных носити.

7 Видишь ли, как (апостол) возвысил их похвалами, не только назвавши сильными, но и поставив наряду с собою? И не этим одним он привлекает их к себе, но и указанием на пользу ближнего, без всякого обременения для них самих. Ты силен, говорит он, и, если снизойдешь, не потерпишь вреда, а ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожает крайняя опасность. И не сказал – немощных, но – «немощи немощных», привлекая и призывая их к милосердию, как и в другом месте говорит: «вы духовнии исправляйте таковаго» (Гал 6.1). Ты стал силен? Воздай должное Богу, соделавшему тебя сильным. Но ты воздашь должное и в том случае, если уврачуешь немощь изнемогающего. Ведь и мы были немощны, но по благодати сделались сильными. Так должно поступать не только в этом случае, но и по отношению к немощным другого рода. Так, если кто вспыльчив или горд, или имеет какой-нибудь другой недостаток, ты переноси. Как же это возможно? Выслушай, что далее говорит (апостол). Сказав: «должни есмы… носити», он присовокупил:

8 и не себе угождати. Кийждо же вас ближнему да угождает во благое к созиданию.

9 Вот что говорит (апостол): ты силен? Пусть немощной получит доказательство твоей силы, пусть узнает твою крепость: угождай ему. И не просто сказал (апостол): «да угождает», но присовокупил: «во благое», и не только – во благое, но, чтобы совершенный не сказал: вот я влеку его к добру, присовокупил – «к созиданию». Таким образом, если ты богат или облечен властью, не себе угождай, но

бедному и имеющему нужду, так как этим ты и приобретешь истинную славу, и принесешь много пользы. Ведь житейская слава быстро улетает, а слава духовная остается, если будешь это делать к созиданию. Потому (апостол) требует этого от всех, он не говорит – тот, или другой, но – «кийждо… вас». Потом, так как он заповедал важное и повелел совершенному оставить свое совершенство, чтобы уврачевать немощи другого, то опять представляет в пример Христа, говоря:

10 Рим.15:3. ибо и Христос не Себе угоди.

11 Так всегда делает Павел. Когда он рассуждал о милостыне, то на Него указал, говоря: «весте… благодать Господа, …яко вас ради обнища, богат сый» (2Кор 8.9); когда побуждал к любви, убеждал тем же примером, сказав: «якоже и Христос возлюби нас» (Еф 5.25); когда советовал переносить стыд и бедствия, прибег к Нему же, говоря: «Иже вместо предлежащия Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив» (Евр 12.2). Так и здесь показывает, что сам Христос поступал таким образом и что пророк еще издревле предвозвестил это, почему и присовокупил:

12 якоже есть писано: поношения поносящих Тебе нападоша на Мя.

13 Что же значит: «не Себе угоди?» Христу можно было не подвергаться злословию и не терпеть того, что Он перенес, если бы Он захотел иметь в виду только Себя, но однако Он не захотел, а заботясь о нас, презрел Себя. Почему же не сказал (апостол): истощил Себя? Потому что Он хотел выразить не только то одно, что Сын Божий сделался человеком, но и то, что Он подвергался поруганиям и приобрел от многих худую славу, так как

Его считали бессильным. Ему говорили: «аще Сын еси Божий, сниди со креста» (Мф 27.40), и: «иныя спасе, Себе ли не может спасти» (Мф 27.42)? Поэтому (апостол) и упомянул об обстоятельстве, которое ему было нужно для настоящего предмета, но, однако, и здесь высказывает гораздо более того, сколько обещал. Из его слов видно, что был злословим не только Христос, но и Отец, так как сказано: «поношение поносящих Тебе нападоша на Мя». А это, между прочим, означает, что не случилось ничего нового и необычайного. Те самые, которые в Ветхом Завете научились поносить Бога, безумствовали и против Сына Его. А написано это для того, чтобы мы подражали (Сыну Божию). Здесь (апостол) поощряет верующих и к терпению в искушениях, говоря:

[14] Рим.15:4. елика бо преднаписана быша, в наше наказание преднаписашася: да терпением и утешением Писаний упование имамы,

[15] то есть, чтобы мы не отпали. Существуют различные подвиги – внутренние и внешние, чтобы мы, почерпая укрепление и утешение из Писаний, оказывали терпение и чтобы, живя в терпении, пребывали в надежде. Из них одно располагает к другому – терпение к надежде, надежда к терпению, но оба они почерпаются из Писания. Потом (апостол) опять обращает речь свою в молитву, говоря:

[16] Рим.15:5. Бог же терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе.

[17] Так как (апостол) предложил свое увещание, представил в пример деяния Христа и привел свидетельство из Писания, то теперь показывает, что Бог, давший Писание, сам дает и терпение. Потому сказал:

«Бог же терпения и утешения да даст вам тожде мудрствовати друг ко другу о Христе Иисусе». Ведь это свойственно любви – думать о другом то же, что всякий думает и о себе.

[18] Потом (апостол), показывая опять, что он требует не просто любви, присовокупил: «о Христе Иисусе». Так он и всегда поступает, потому что есть и другая любовь. Что же бывает плодом согласия?

[19] Рим.15:6. Да единодушно , – говорит, – едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

[20] Не сказал просто – одними устами, но повелел делать это и одною душою. Видишь ли, как он объединил целое тело и как заключил опять речь славословием? Этим он более всего и убеждает к единомыслию и согласию. Потом снова продолжает то же увещание, говоря:

[21] Рим.15:7. темже приемлите друг друга, якоже и Христос прият вас во славу Божию.

[22] Еще пример высокий и приобретение неизреченное, ведь Бога особенно и прославляет то, что мы находимся в общей ограде. Таким образом, если ты, огорчаясь за себя, заводишь раздор с братом твоим, то, подумавши, что, отложив гнев, прославишь своего Владыку, примирись с братом, если не для него самого, то для славы Божией, или лучше сказать, прежде всего для славы. Об этом непрестанно повторял и Христос и, беседуя с Отцом, Он сказал: «о сем да разумеют вси, яко Ты Мя послал еси, аще едино будут» (Ин 17.21–23).

[23] Итак, последуем увещанию и будем в единении друг с другом. К этому он побуждает не одних немощных, но всех вообще. Если бы кто-нибудь и захотел отделиться от тебя, ты не отделяйся от него и не произноси этого

холодного слова: если он любит меня, то и я буду любить его; если не любит меня правый глаз мой, и его вырву. Это сатанинские речи, достойные мытарей и языческого малодушия. А ты, как призванный к высшей жизни и вписанный на небе, подчинен и высшим законам. Не говори этого, когда он не хочет любить тебя, но тогда именно и покажи большую любовь, чтобы этим привлечь его. Ведь и он член, а когда член по какой-нибудь необходимости отделяется от остального тела, то мы употребляем все меры, чтобы опять присоединить его и даже в этом случае оказываем больше заботливости. И награда бывает больше, когда ты привлечешь нерасположенного к любви. Если Христос повелевает звать на обед людей, которые не могут воздать нам тем же, чтобы мы могли получить за это большее воздаяние (Лк 14.12), то тем более должно делать это относительно любви. Если любимый тобою и сам тебя любит, то он оказал уже тебе воздаяние, а если любимый тобою не любит тебя, то он поставил за себя Бога должником твоим. Сверх того, когда он любит тебя, то не много нужно тебе прилагать о нем попечения, а когда не любит, тогда особенно он и имеет нужду в твоей помощи. Потому не обращай причину попечения в причину нерадения и не говори: так как он болен (ведь охлаждение любви есть болезнь), то и я о нем не забочусь, но согрей охладевшего. Но скажешь: что же мне делать, если он не согревается? Продолжай делать свое. Что делать, если он еще больше станет отвращаться от меня? Этим он готовит тебе еще большее воздаяние и тем больше обнаруживает в тебе подражателя Христа. Если и взаимная любовь есть признак учеников Христовых: «о сем разумеют, – говорит Христос, – яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою» (Ин 13.35), то представь себе, как важно

любить ненавидящего? Ведь и Владыка твой любил и призывал к Себе ненавидевших Его, и насколько слабее они были, настолько более заботился о них и громко проповедовал: «не требуют здравии врача, но болящии» (Мф 9.12). Он и удостаивал трапезы Своей мытарей и грешников и, вообще, насколько великое бесчестие причинил Ему народ иудейский, настолько, или лучше сказать, гораздо больше Он оказывал ему попечения и расположения. И ты подражай Ему. Это дело немалое, но без него, как говорит Павел, и великий мученик не может угодить Богу. Не говори: так как он ненавидит меня, то и я не люблю его. Напротив, поэтому особенно ты и должен любить его. Да и, вообще, невозможно скоро возненавидеть любящего, но всякий, хотя бы он был и зверем, будет любить любящих его; это делают и язычники и мытари, говорит Христос (Мф 5.46–47). А если всякий любит любящих, то кто не полюбит тех, которые любят, будучи ненавидимы?

24 Итак, докажи это на себе, не переставай говорить: сколько бы ты меня ни ненавидел, я не перестану любить тебя, и ты победишь этим всякое упорство, смягчишь всякую душу. Ведь эта болезнь бывает или от воспламенения, или от охлаждения, но сила любви своей теплотой обыкновенно врачует то и другое. Разве не случалось тебе видеть, что преданные позорной любви терпят от блудных женщин побои, оплевания, ругательства и тысячи неприятностей? Но что же, все эти оскорбления могут ли охладить любовь их? Нисколько, но они еще более разжигают ее. И хотя женщины, оскорбляющие их, бесчестны и по своей непотребной жизни, и по своему низкому и безвестному происхождению, а оскорбляемые часто могут указать и знаменитых предков и рассказать об иной известности,

однако же и это не ослабляет в них любви, не отвращает от любимой женщины.

25 Как же не стыдно нам, если в любви, угодной Богу, мы не можем показать такой силы, какую имеет любовь диавольская и демонская? Как ты не понимаешь, что любовь, угодная Богу, есть сильнейшее оружие против диавола? Или ты не замечаешь, что злой демон стоит на страже, привлекает к себе ненавидимого тобой и хочет сделать его своим членом? А ты бежишь мимо и теряешь награду за борьбу? Ведь наградой служит брат твой, лежащий между тобой и врагом твоим; если ты победишь, то получишь венец, а если будешь беспечен, то удалишься неувенчанным. Перестань же изрекать эти сатанинские слова: если брат мой ненавидит меня, я не хочу и видеть его. Ничего нет постыднее такой речи, хотя многие считают это знаком благородной души, но нет ничего неблагороднее, безумнее, жестокосерднее этого. Потому я особенно и сокрушаюсь, что многие считают злые дела добродетелью и что пренебрегать и презирать других кажется им делом прекрасным и честным. Это и есть самая опасная сеть диавола, когда порок облекается доброю славою, – потому он и неистребим. Я сам слышал, как многие ставят себе в честь то, что они не подошли к человеку, который от них отворотился, хотя твой Владыка и этим хвалится. Сколько раз оплевывали Его люди? Сколько раз отворачивались от Него? Но Он не перестает приходить к ним. Итак, не говори: я не могу подойти к людям, меня ненавидящим, но скажи: я не могу оплевать тех, которые оплевывают меня. Это будет речь ученика Христова, а первое – речь диавольская. Это сделало многих знаменитыми и славными, а первое – презренными и смешными. Потому мы и удивляемся Моисею, что, когда Сам Бог говорил: «остави Мя, и

возъярився гневом на ня, потреблю их» (Исх 32.10, 32), он не мог презреть тех, которые многократно отвращались от него, но сказал: «аще убо оставиши им грех их, остави: аще же ни, изглади мя». Так Моисей был другом и подражателем Богу. Не будем хвалиться тем, чего должно стыдиться, не будем произносить слов, употребляемых на рынке людьми порочными: «плевать мне на всех». А если и другой кто-нибудь скажет это, обличим его и заставим молчать, как человека, который хвалится тем, чего надлежало бы стыдиться. И скажи мне: что говоришь ты? Ты презираешь человека верующего, а Христос не презирал его, когда он был и неверующим. Что я говорю – не презирал? Христос возлюбил его так, что и умер за него, хотя он был врагом Его и покрыт безобразием. Христос много возлюбил его и в таком состоянии, а ты презираешь его теперь, когда он стал прекрасен и достоин удивления, сделался членом Христовым, телом Владычним. Как же ты не думаешь о том, что произносишь, как не чувствуешь, на что решаешься? Христос ему глава, трапеза, одежда, жизнь, свет, жених, Христос для него все, а ты смеешь говорить: плюю на него, и не на него одного, но на всех, ему подобных. Удержись, человек, отложи свое безумие, узнай своего брата, пойми, что такие слова приличны человеку безумному или помешанному, и скажи совершенно обратное: хотя бы он и тысячу раз на меня плюнул, я не отойду от него. Таким образом ты и брата приобретешь, и будешь жить во славу Божию, и сделаешься причастником будущих благ, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием и проч.

Беседа 28

[1] Рим 15.8. Глаголю же Христа Иисуса служителя бывша обрезания по истине Божией, во еже утвердити обетования отцев.

[2] Апостол, держась прежнего предмета речи, опять беседует о попечении Христа и показывает, сколько Он сделал для нас и как Он не Себе угодил. А вместе с этим доказывает также, что верующие из язычников – наибольшие должники Богу. Если же они наиболее одолжены, то их обязанность – носить немощных из иудеев. Так как (апостол) нанес последним сильный удар, то чтобы от этого не возгордились первые, он опять смиряет их высокомерие, доказывая, что иудеям блага дарованы по обетованию отцам их, а призванным из язычников – по одному милосердию и человеколюбию, почему он и говорит: «а языком по милости, прославити Бога» (Рим.15:9). Но, чтобы сказанное было для тебя яснее, снова выслушай слова (апостола) и тогда поймешь, что значит выражение: Христос, ради истины Божией, сделался служителем обрезания, чтобы исполнить обещанное отцам. Итак, что же здесь разумеется? Обетование, данное Аврааму, заключалось в следующих словах: «тебе дам… землю… и семени твоему» (Быт 13.15), и: «о семени твоем благословятся вси язы́цы» (Быт 22.18). Но после того все, происшедшие от семени Авраама, сделались достойными наказания, так как нарушение закона навлекло на них гнев и, наконец, лишило обетования, данного отцам. Поэтому Сын, пришедши на землю, содействовал Отцу оправдать эти обетования и привести их в исполнение. Когда Он исполнил весь закон, а в нем и обрезание, и когда и этим

исполнением закона, а также посредством креста освободил людей от проклятия за преступление закона, то не допустил обетование до падения.

[3] Итак, когда (апостол) называет (Иисуса Христа) служителем обрезания, то разумеет, что Он Своим пришествием, исполнением всего закона, принятием обрезания и тем, что сделался семенем Авраамовым, снял клятву, избавил людей от гнева Божия и, наконец, тех, которые готовы были принять обетование, сделал способными к этому и однажды навсегда освободил их от преткновений. А чтобы обвиняемые не сказали: как же сам Христос был обрезан и соблюдал весь закон? – (апостол) выводит отсюда противоположное заключение. Христос исполнил это, говорит он, не для того, чтобы закон оставался в силе, но чтобы отменить его, избавить тебя от лежащей на тебе клятвы и совершенно освободить от владычества закона. Так как ты преступил закон, то Христос исполнил его не для того, чтобы и ты исполнял, но чтобы утвердить за тобой обетования, данные отцам, которые погубил у тебя закон, показав, что ты нарушил его и недостоин наследия. Таким образом и ты спасен по благодати, потому что прежде был отвержен. Итак, не возражай, не упорствуй, придерживаясь безвременно закона, который лишил бы тебя и обетования, если бы Христос не пострадал за тебя так много. Пострадал же Он столько не потому, чтобы ты был достоин спасения, но чтобы показать верность Божию. Потом, чтобы призванный из язычников этим не возгордился, (апостол) продолжает:

[4] Рим.15:9. а языком по милости, прославити Бога.

[5] Это значит: иудеи, хотя и недостойны были, однако же имели обетования, а ты и этого не имеешь, но спасен по

одному человеколюбию. Правда, и иудеям, если бы не пришел Христос, обетования не дали бы никакого преимущества, но (апостол) для того упоминает об обетованиях, чтоб язычники смирились и не восставали на немощных. О язычниках он и говорит, что они спаслись только по милости, а потому и обязаны особенно славить Бога. А слава Богу воздается тогда, когда мы живем в союзе и единении, когда единодушно благословляем Бога, переносим того, кто немощнее нас, и не презираем отторгающегося члена. После этого (апостол) приводит свидетельства, из которых видно, что верующие из иудеев должны быть в единении с призванными из язычников и говорит:

6 якоже есть писано: сего ради исповемся Тебе во языцех, Господи, и имени Твоему пою.

7 Рим.15:10–12. Возвеселитеся язы́цы, с людьми Его… Хвалите Господа, вси язы́цы, похвалите Его вси людие… Будет корень Иессеов, и востаяй владети над язы́ки, на Того язы́цы уповают.

8 Все это приводит (апостол) в доказательство того, что должно всем соединиться и славить Бога, а вместе с тем и смиряет иудея, чтобы он не превозносился пред язычником, потому что все пророки призывают и язычников, и чтобы внушить скромность и язычнику, показывая, что он больше воспользовался благодатью.

9 Потом опять заключает речь молитвою, говоря:

10 Рим.15:13. Бог же упования да исполнит вас всякия радости и мира в вере, избыточествовати вам во уповании, силою Духа Святаго,

11 то есть, чтобы вам освободиться от взаимного огорчения и не пасть когда-нибудь под влиянием

искушений, а это случится тогда, когда вы будете избыточествовать в уповании. Упование же есть причина всех благ. Оно подается от Святого Духа, но не просто от Духа, а если привнесем нечто и с своей стороны. Потому (апостол) сказал: «в вере». Вы можете исполниться радости в том случае, если будете веровать, если будете надеяться. Но он не сказал – если будете надеяться, а – когда будете избыточествовать надеждою, так чтобы не только найти для себя утешение в бедствиях, но и радоваться от богатства веры и надежды. Этим вы и Духа Святого привлечете и, когда Он придет, сохраните все блага. Как жизнь наша поддерживается пищею, а пища создает жизнь, так, если имеем добрые дела, будем иметь и Духа, а если имеем Духа, будем иметь и добрые дела. Равно и наоборот, если не имеем добрых дел, Дух улетает от нас, а если лишимся Духа, то будем хромы и на добрые дела. Как скоро отступит от нас Святый Дух, приходит к нам дух нечистый, как это и случилось с Саулом. И что из того, если он не мучит нас, как Саула? Он давит нас иначе – худыми делами. Потому нам нужны гусли Давида, чтобы для души воспевать Божественные песни, то есть и песни Давидовы, и песни добрых дел. А если будем делать только одно из двух и, слушая песнопения, будем противоборствовать Псалмопевцу своими делами, как некогда Саул, то самое врачевство обратится нам в осуждение и безумие сделается более опасным. Прежде чем мы стали слушать, злой демон боится, чтобы мы, послушавши песнопения, не исправились, а когда, выслушав, остаемся все теми же, это освобождает его от страха. Потому воспоем песнь дел, чтобы изгнать из себя грех, который лютее демона. Ведь демон не всецело лишает нас неба, но иногда человеку бдительному даже содействует, а грех решительно отлучает от Небесного

Царства. Грех есть добровольный демон, самовольное безумие, а потому никто о нем не жалеет, никто его не извиняет. Итак, для души, лежащей во грехе, будем воспевать песни, заимствуя их как из остального Писания, так и у блаженного Давида. Пусть поют уста, пусть поучается ум. И одно песнопение уже немаловажно. Если мы обучим песнопению язык, то, когда язык будет петь, душа устыдится желать противного. И не это одно благо мы приобретем, но и то, что узнаем многое, для нас полезное. В псалмах говорится тебе и о настоящем, и о будущем, и о видимом, и о невидимой твари. Если хочешь знать о небе, всегда ли оно пребудет таким, как теперь, или изменится, Давид ясно тебе ответит, говоря: «небеса… яко риза обетшают, и яко одежду свиеши я, и изменятся» (Пс 101.26–27). А если хочешь слышать о виде небес, слушай опять: «простираяй небо яко кожу» (Пс 103.2). Или угодно тебе знать больше о поверхности небес, он же опять скажет тебе: «покрываяй водами превыспренняя небес» (Пс 103.3). И на этом он не останавливается, но описывает тебе широту и высоту небес и показывает, что они равномерны. «Елико отстоят востоцы от запад, – говорит он, – удалил есть от нас беззакония наша… По высоте небесней от земли, утвердил есть Господь милость Свою на боящихся Его» (Пс 102.11–12). Любопытствуешь ли ты об основаниях земли, и это не будет скрыто от тебя, но послушай, как Давид воспевает и говорит: «на морях основал ю есть» (Пс 23.2). Желаешь ли знать, отчего бывают землетрясения, он освободит тебя от всякого недоумения, говоря так: «призираяй на землю и творяй ю трястися» (Пс 103.32). Спросишь ли о пользе ночи, и об этом узнаешь, услышавши от него, что «в ней… пройдут вси зверие дубравнии» (Пс 103.20).

[12] Спросишь, к чему полезны горы, он ответит тебе: «горы высота еленем». Для чего камни, скажет тебе: «камень прибежище хирогриллам и заяцем» (Пс 103.18). Для чего бесплодные дерева, – знай: «тамо птицы вогнездятся» (Пс 103.17). Для чего источники в пустынях? «На тых птицы небесныя привитают и …звери сельныя» (Пс 103.11–12). Для чего вино? Не для утоления только жажды – на это достаточно и воды – но для того, чтобы веселить и утешать тебя: «вино веселит сердце человека» (Пс 103.15). Понявши это, будешь знать, в какой мере должно употреблять вино. Чем питаются птицы и полевые звери? Слушай, что говорит Давид: «вся к Тебе чают, дати пищу им во благо время» (Пс 103.27). Или спросишь: для чего рабочий скот, – он отвечает, что и это для тебя. «Прозябаяй траву скотом, – говорит он, – и злак на службу человеком» (Пс 103.14). Какая польза тебе от луны? Слушай, что говорит Давид: «сотворил есть луну во времена» (Пс 103.19). И что Бог сотворил все существующее, видимое и невидимое, и этому он ясно научил, говоря: «Той рече, и быша. Той повеле, и создашася» (Пс 148.5). И что будет освобождение от смерти, он же научает тебя этому, говоря: «Бог избавит душу мою от руки адовы, егда приемлет мя» (Пс 48.16). Откуда произошло наше тело? И об этом говорит: «помяну, яко персть есмы» (Пс 102.14). Куда пойдет оно опять? «В персть свою возвратится» (Пс 103.29). Для чего сотворено все? Для тебя. «Славою и честию венчал еси его, и поставил еси его над делы руку Твоею». Есть ли у людей что-нибудь общее с ангелами? И на это отвечает, воспевая так: «умалил еси его малым чим от ангел» (Пс 8.6–7). О любви Божией говорит: «якоже щедрит отец сыны, ущедри Господь боящихся Его» (Пс 102.13). И о том, что ожидает нас после жизни, о безмятежной той

участи он учит: «обратися душе моя, в покой твой» (Пс 114.6). Для чего так обширно небо? И на это скажет: «небеса поведают славу Божию» (Пс 18.2). Для чего бывает ночь и день? Не для того только, чтобы светить и давать покой, но и назидать: «не суть речи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи их» (Пс 18.4). Как море облегает землю? «Бездна, яко риза одеяние ея» (Пс 103.6). Так стоит в еврейском тексте.

13 А начавши с того, что доселе было сказано, вы узнаете и о всем прочем, о Христе и воскресении, о будущей жизни и упокоении, о мучении, о нравоучении, о всех догматах и таким образом найдете, что книга Давида исполнена бесчисленных благ. Если ты впадешь в искушение, то почерпнешь в ней большое для себя утешение; если впадешь в грехи, то найдешь в ней множество врачеваний; если впадешь в нищету или в скорбь, то увидишь в ней для себя многие пристани. Если ты справедлив, то найдешь в ней твердую опору; если ты грешен, то в ней же почерпнешь великое утешение. А если ты праведен и терпишь бедствия, то послушай, что говорит Давид: «тебе ради умерщвляемся весь день, вменихомся яко овцы заколения… Сия вся приидоша на ны, и не забыхом Тебе» (Пс 43.23, 18). Если добрые дела твои побуждают тебя к надменности, выслушай сказанное псалмопевцем: «не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк живый» (Пс 142.2), и немедленно смиришься. Если ты грешник и отчаиваешься в самом себе, повторяй часто воспеваемое им: «днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших, яко в прогневании» (Пс 94.7–8), и вскоре восстанешь. Если ты носишь на голове своей венец и много о себе думаешь, научись от него, что «не спасается царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своея́» (Пс

32.16), и тогда сделаешься скромнее. Если ты богат и славен, слушай опять воспеваемое им: «горе вам, надеющиися на силу свою и о множестве богатства своего хвалящиися» (Пс 48.7); и: «человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет» (Пс 102.15); и: «не снидет с ним слава его» (Пс 48.18), и не станешь ничего земного считать великим. Если так малоценно то, что всего блистательнее, слава и могущество, то что же другое на земле может быть достойно твоего внимания? Но ты пребываешь в унынии? Выслушай, что говорит Давид: «вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповемся Ему» (Пс 41.6). Но ты видишь благоденствующих не по достоинству? Скажи: «не ревнуй лукавнующим, …зане яко трава скоро изсшут, и яко зелие злака скоро отпадут» (Пс 36.1–2). Ты видишь, что и праведные, и грешные наказываются? Узнай, что не одна и та же причина этого: «многи раны грешному» (Пс 31.10), говорит Давид. Говоря же о праведных, он не упомянул о ранах, но: «мнози скорби праведным, и от всех их избавит я Господь» (Пс 33.20); и еще: «смерть грешников люта (Пс.33:22); и: «честна пред Господем смерть преподобных Его» (Пс 115.6). Повторяй это постоянно и получай отсюда наставление, так как каждое из этих слов заключает в себе неизмеримое море мыслей. Мы только слегка коснулись этого, а если захотите со вниманием исследовать сказанное, увидите великое богатство. Но и сказанного уже достаточно для нас, чтобы освободиться от обдержащих нас страстей. Если Давид запрещает тебе завидовать, скорбеть и унывать безвременно, учит презирать богатство, бедствия, нищету и самую жизнь вменять ни во что, то этим избавляет тебя от всех страстей. Возблагодарим же за это Бога и воспользуемся сокровищем так, чтобы чрез терпение и

утешение, почерпаемые в Писании, сохранить нам надежду и насладиться будущими благами, достигнуть которых да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием и проч.

Беседа 29

[1] Рим 15.14. Извещен же есмь, братия моя, и сам аз о вас, яко и сами вы полни есте благости, исполнени всякого разума, могуще и иные научити.

[2] Апостол выше сказал: «понеже… есмь аз языком апостол, службу мою прославляю» (Рим 11.13), также: «да не како и тебе не пощадит» (Рим 11.21), и еще: «не бывайте мудри о себе» (Рим 12.16), и потом: «ты же почто осуждаеши брата твоего» (Рим 14.10), опять: «ты кто еси, судяй чуждему рабу» (Рим 14.4), а также употреблял много других подобных выражений. И после того, как он высказал в своем послании много жесткого, в заключение он врачует (нанесенные раны) и чем начал, тем и оканчивает. В начале сказал он: «благодарю Бога моего… о всех вас, яко вера ваша возвещается во всем мире» (Рим 1.8). Здесь же говорит: «извещен… есмь, …яко… вы полни есте благости, …могуще и иных научити», и в этом месте сказано даже больше, нежели в первом. Он не сказал – услышал я, но – «извещен есмь», т.е. я не имею нужды узнавать от другого, но я сам уверен в вас, я сам, который вас обличал и обвинял. «Яко полни есте благости»: это относится к недавно сделанному увещанию. (Апостол) как бы так говорит: я и не считал вас жестокими и братоненавистными, когда советовал принимать друг друга, не оставлять и не разорять дела Божии, я знаю, что вы полны благости. Благостью же, как думаю, именует он здесь полноту добродетели. И не сказал – имеете благость, но – «полни есте благости». С такою же выразительностью и продолжает: «исполнени всякаго разума». Что было бы пользы, если бы они при своей любви не знали, как должно обращаться с любимыми?

Потому (апостол) присовокупил: «исполнени всякого разума, могуще и иныя научити», не только научиться, но и научить других.

[3] Рим.15:15. Дерзее же писах вам, …от части.

[4] Обрати внимание на смиренномудрие Павла и на его мудрость, как он, нанесши перед этим глубокую рану, когда уже достиг, чего хотел, пользуется опять многим врачеванием. Довольно уже было для их успокоения, кроме сказанного, одного того, что (апостол) сознается в излишней смелости. То же делает он и в Послании к евреям, говоря так: «надеемся же о вас, возлюблении, лучших и придержащихся спасения, аще и тако глаголем» (Евр 6.9). Подобно и к коринфянам пишет: «хвалю же вы, …яко вся моя помните, и якоже предах вам предания, тако держите» (1Кор 11.2). И в Послании к галатам говорит: «аз надеюся о вас, яко ничто же ино разумети будете» (Гал 5.10). И во всех посланиях Павла повсюду можно встретить ту же мысль, но здесь преимущественно, потому что римляне пользовались большим уважением и надменный их ум надлежало смирять не только строгими, но и кроткими мерами. Апостол и употребляет те и другие. Поэтому и здесь он говорит им: «дерзее писах вам», но не довольствуясь этим, присовокупил: «от части», то есть слегка. Но и на этом не останавливается, а что говорит?

[5] Яко воспоминая вам.

[6] И не сказал он – уча вас, или – напоминая вам, но – «воспоминая», то есть немного напоминая. Замечаешь ли, как конец соответствует началу? Как в начале послания (апостол) говорил: «вера ваша возвещается во всем мире» (Рим 1.8), так и в конце прибавил: «ваше бо послушание

ко всем достиже» (Рим 16.19). И как в начале сказал: «желаю бо видети вас, да некое подам вам дарование духовное, ко утверждению вашему, сие же есть, соутешитися» (Рим 1.11–12), так и здесь выразился: «яко воспоминая». И здесь, и там он сходит с учительской кафедры и беседует с ними, как с братьями, как с друзьями и как с равными. А это главное достоинство учителя – делать речь свою разнообразной для пользы слушателей. Заметь же, как (апостол), сказав: «дерзее писах вам», притом: «от части», и еще: «яко воспоминая вам», не ограничился этим, но, выражаясь еще скромнее, присовокупил:

7 за благодать данную ми от Бога,

8 как и в начале он сказал: «должен есмь» (Рим 1.14), как бы говоря: не сам я восхитил себе честь, не сам первый взялся за дело, но Бог повелел мне это и притом по благодати, а не потому, что нашел меня достойным для этого. Итак, не огорчайтесь: не я восстаю, а Бог повелевает. И как там (апостол) сказал: «Ему же служу… во благовествовании Сына Его» (Рим.1:9), так и здесь, сказав: «за благодать данную ми от Бога», присовокупил:

9 Рим.15:16. во еже быти ми служителю Иисус Христову во языцех, священнодействующу благовествование Божие.

10 После достаточного доказательства сказанного, (апостол) обращает речь к важнейшему достоинству (своего апостольства) и называет его не просто служением, как в начале, но священным служением и священнодействием. Проповедовать и благовествовать – это мое священство, это жертва, мною приносимая. А священника никто не может упрекнуть в том, что он

заботится о беспорочности приношений жертвы. Такими словами (апостол) вместе окрыляет помыслы верующих, показывая им, что они жертва, и оправдывает себя тем, что ему так повелено. Мой жертвенный нож, говорит он, есть Евангелие и слово проповеди, а цель моя не та, чтобы самому прославиться и сделаться знаменитым, но

11 да будет приношение, еже от язык благоприятно и освященно Духом Святым,

12 то есть да будут приятны Богу души научаемых мною. Бог, изведши меня на это дело, не столько хотел меня прославить, сколько имел попечение о вас.

13 Как же приношение может сделаться благоприятным? Во Святом Духе. Не одна вера нужна, но и духовная жизнь, чтобы мы могли удержать в себе Духа, данного однажды. Не дрова и огонь, не жертвенник и нож, но Дух для нас – все. Потому я всеми мерами стараюсь, чтобы этот огонь не угасал, так как мне поручено это. Почему же ты говоришь об этом тем, кто не имеет нужды? Потому-то, отвечает (апостол), я не учу, а напоминаю. Как (в Ветхом Завете) священник предстоял (пред Богом), возжигая огонь, так я предстою, возбуждая ваше усердие. И заметь, он не сказал: да будет приношение от вас, но: «приношение, еже от язык», а под словом – «от язык» разумеет вселенную, т.е. всю землю и море, и таким образом смиряет гордость римлян, чтобы они не считали недостойным иметь своим учителем того, чье влияние простирается до пределов вселенной. То же сказал он и в начале послания: «якоже и в прочих языцех. Эллином же и варваром, мудрым же и неразумным должен есмь» (Рим 1.13–14).

[14] Рим.15:17. Имам убо похвалу о Христе Иисусе в тех, яже к Богу.

[15] Так как (апостол) весьма смирил себя, то опять возвышает слово и делает это с тем, чтобы римляне не признали его презренным. Возвышая же себя и говоря: «имам похвалу», не изменяет своему обычаю. Хвалюсь, говорит он, не самим собою, не усердием своим, но благодатью Божией.

[16] Рим.15:18–19. Не смею бо глаголати что, ихже не содея Христос мною, в послушание язы́ков, словом и делом, в силе знамений и чудес, силою Духа Божия.

[17] Никто не может сказать, говорит (апостол), что слова мои – одно хвастовство. Я могу представить многие признаки такого моего священнодействия и доказательства моего рукоположения – не подир, не звонцы, не увясло и кидар, как у ветхозаветных, но то, что гораздо более внушает благоговейного страха – знамения и чудеса. Нельзя сказать, что я был поставлен Богом и не выполнил порученного, а лучше сказать, и не я это совершил, а Христос, почему я и хвалюсь в Нем, хвалюсь не маловажными, какими-нибудь делами, но духовными. Это самое и означают слова: «яже к Богу» (Рим.15:17). А что я совершил то, на что был послан, и что слова мои не хвастовство об этом свидетельствуют чудеса и послушание язычников. «Не смею бо глаголати что, ихже не содея Христос мною, в послушание язы́ков, словом и делом, в силе знамений и чудес, силою Духа Божия». Смотри, как (апостол) усиливается доказать, что все принадлежит Богу, а не ему. Если я говорю что-нибудь или делаю, или совершаю чудеса, все это производит Христос, все производит Дух Святый. Говоря это, он вместе показывает и достоинство Духа. Замечаешь ли,

насколько все это – жертва, приношение и символы – чудеснее и страшнее ветхозаветного служения? Говоря: «словом и делом, в силе знамений и чудес», (апостол) под этим разумеет учение, любомудрие относительно Царства Божия, явление дел и жизни, воскрешение мертвых, изгнание бесов, прозрение слепых, хождение хромых и все другие чудесные действия, какие совершил в нас Дух Святый. Далее, в подтверждение этого, он указывает на множество учеников, так как, между прочим, и об этом было упоминание, и потому присовокупил:

18 якоже ми от Иерусалима и окрест даже до Иллирика исполнити благовествование Христово.

19 Итак, он перечисляет города и страны, народы и племена не только в Римской державе, но и у варваров. Не только соверши путь чрез Финикию, Сирию, Киликию, Каппадокию, но и представь все и за ними лежащие народы – сарацинов, персов, армян и прочих варваров. (Апостол) сказал – «и окрест» для того, чтобы ты шел не прямой только и большой дорогой, но и всякой, и мысленно проник и в Южную Азию. И как, сказав: «в силе знамений и чудес», он изобразил одним словом всю совокупность чудес, так и в одном слове: «окрест» он соединил опять бесчисленные города, народы, племена и страны. Вообще же, он далек был от всякой кичливости и говорил это для римлян с той целью, чтобы они не много о себе думали. В начале он сказал: «да некий плод имею и в вас, якоже и в прочих языцех» (Рим 1.13), а здесь ссылается на обязанность священства. Так как он раньше употребил несколько жестких выражений, то здесь яснее показывает власть свою. Потому там он просто сказал: «якоже и в прочих языцех», а здесь указывает и все места своего проповедания, и таким образом отовсюду

подрывает их надменность. И не просто сказал – проповедовать Евангелие, но: «исполнити благовествование Христово».

[20] Рим.15:20. Сице же потщахся благовестити, …идеже… не именовася Христос.

[21] Вот еще новое преимущество (апостола), который не только благовествовал многим народам и обратил их, но и не приходил с проповедью к тем, которые были уже научены. Он так был далек от того, чтобы привлечь себе чужих учеников и делать это для собственной славы, что учил только тех, которые не слышали проповеди. Потому и не сказал он: где не уверовали во Христа, но – что значительнее – «не идеже именовася Христос». Для чего же он заботился об этом?

[22] Да не на чужем основании созижду,

[23] – говорит. А этими словами он доказывает, что чужд тщеславия, и вместе внушает римлянам, что пишет к ним не по любви к славе и не из желания получить от них честь, но потому, что исполняет свое служение, совершает священнодействие и заботится об их спасении. «Основание» же, положенное апостолами, он называет «чуждым» не по свойству лиц и не по характеру проповеди, но по отношению к награде каждого. Их проповедь сама по себе не была для него чуждою, но была чуждою только по отношению к награде, так как чужда была для него награда за труды, понесенные другими. После того (апостол) показывает, что таким образом исполнилось пророчество, говоря так:

[24] Рим.15:21. якоже есть писано: имже не возвестися о Нем, узрят, и иже не слышаша, уразумеют.

[25] Видишь ли, что Павел спешил туда, где требовалось больше труда и пота?

[26] Рим.15:22. Темже и возбранен бых многажды приити к вам.

[27] Смотри опять, как (у апостола) заключение послания сходно с началом. В начале он сказал: «яко множицею восхотех приити к вам, и возбранен бых доселе» (Рим 1.13), а здесь представляет причину, по которой был задержан не раз и не два, но многократно. Как там говорит: «множицею восхотех приити к вам», так и здесь: «возбранен был многажды приити к вам». Ведь то, что он многократно собирался к ним, всего более доказывает его сильное желание быть у них.

[28] Рим.15:23–24. Ныне же ктому места не имый в странах сих.

[29] Видишь ли, как он доказал, что писал к ним и приходил не для снискания у них себе славы?

[30] Желание же имый приити к вам от многих лет. Яко аще пойду во Испанию, уповаю… мимо грядый видети вас, и вами проводитися тамо, аще вас прежде от части насыщуся.

[31] Чтобы римлянам не показалось унизительным, если бы (апостол) сказал: иду к вам, потому что нет у меня другого дела, – он опять обращает к ним слово любви и говорит: «желание… имый приити к вам от многих лет». Я желал прийти к вам не потому, чтобы имел свободное время, но чтобы разрешиться тем желанием, которым давно мучусь. Но чтобы этим опять не возбудить в них гордости, смотри, как он смиряет их, говоря: «аще пойду во Испанию, уповаю… мимо грядый видети вас». Потому он и написал это, чтобы они не подумали много о себе,

так как он желает вместе и любовь свою показать, и их не допустить до кичливости. Поэтому он часто говорит об одном и том же и попеременно раскрывает то и другое. А для того, чтобы римляне опять не сказали: он хочет только мимоходом быть у нас, – (апостол) присовокупил: «и вами проводитися», то есть вы сами будете свидетелями, что спешу не из презрения к вам, но увлекаемый нуждою. А так как и это еще печалит их, то он успокаивает их утешительным словом: «аще вас прежде от части насыщуся». Выражением – «мимоидый» он показывает, что не ищет от них славы, а словом – «насыщуся» выражает, что стремится к ним из любви и притом не простой любви, но сильной, почему и не сказал – насыщуся, но – «от части насыщуся». Никакое время не может насытить меня и дать мне пресыщение от пребывания с вами. Видишь ли, как он доказывает любовь свою тем, что, при всей необходимости поспешить, он не прежде оставит их, как насытится? И то уже служит признаком любви его, что он употребляет выражения, исполненные такой теплоты. Ведь он не сказал – увижусь с вами, но – «насыщуся», подражая выражениям родителей. В начале он говорил: «да некий плод имею» (Рим.1:13), а здесь выражается: «да насыщуся», то и другое обнаруживает сильное влечение сердца. В первом содержится величайшая им похвала, если от послушания они должны даровать (апостолу) плод, а во втором он уже прямо показывает искреннюю привязанность. Так же точно писал он и к коринфянам: «да вы мя проводите, аможе аще пойду» (1Кор 16.6), во всем выражая свою ни с чем несравнимую любовь к ученикам. Этим он всегда и начинал свои послания и оканчивал. Как чадолюбивый отец любит своего единственного родного сына, так он любил всех верных, почему и говорил: «кто изнемогает, и

не изнемогаю? Кто соблазняется, и аз не разжизаюся» (2Кор 11.29)? Это прежде всего остального и нужно иметь учителю. Потому и Петру Христос сказал: если любишь Меня, «паси овцы Моя» (Ин 21.16). Кто любит Христа, тот любит и стадо Его. И Моисея Бог поставил вождем народа иудейского после того, как он показал свое усердие к своим единоплеменникам. Подобно и Давид взошел на царство, явивши прежде привязанность к своим соотечественникам. Еще в юности он так скорбел о людях, что готов был отдать свою душу, когда умертвил иноплеменника. Хотя и спрашивал: «что сотворите мужу, иже убиет иноплеменника онаго» (1Цар 17.26), но говорил это не потому, что домогался награды, но только хотел, чтобы ему оказали доверие и допустили до ратоборства с ним. И потому, когда после победы он пришел к царю, то и ничего не сказал об этом. И Самуил отличался сильною любовью, почему и говорил: «да никакоже ми согрешити Господу, оставити еже молитися о вас ко Господу» (1Цар 12.23). Так, или лучше сказать, гораздо более и Павел сгорал любовью ко всем подчиненным ему. Поэтому и учеников он так расположил к себе, что говорил: «яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертевше дали бысте ми» (Гал 4.15). Потому и Бог более всего укоряет иудейских учителей за недостаток любви, говоря: «оле, пастыри Израилевы, еда пасут пастыри самих себе, не овец ли пасут пастыри?» Но они поступали иначе: «се млеко ядите, – говорит (Бог), – и во́лною одеваетеся и тучное закалаете, а овец Моих не пасете» (Иез 34.3). И Христос, представляя образец совершеннейшего пастыря, говорил: «пастырь добрый душу свою полагает за овцы» (Ин 10.11). Так поступал и Давид во многих случаях, а особенно тогда, когда страшный гнев угрожал истреблением целому народу.

Видя общую гибель, он восклицал: «аз есмь согрешаяй, аз есмь пастырь зло сотворивый, а сии овцы что сотвориша» (2Цар 24.17)? Поэтому и при выборе наказаний он избрал не голод, не преследование от неприятелей, но смерть, посылаемую от Бога, в той надежде, что она пощадит других, а прежде всех поразит его самого. Когда же этого не случилось, он плачет и говорит: «да будет… на мне… рука Твоя», а если этого не достаточно, «и на дому отца моего. Ибо …аз есмь… пастырь… согрешивый». Он говорил как бы так: если бы и они согрешили, я подлежал бы наказанию за то, что не исправлял их; когда же грех был собственно мой, то по всей справедливости мне должно подвергнуться наказанию. И желая увеличить вину свою, Давид именует себя пастырем. Так он и остановил гнев, так и умолил Бога отменить определение. Таково исповедание праведника: «праведный себе самого оглагольник в первословии» (Притч 18.17); такова попечительность и сострадательность совершеннейшего пастыря. Гибель подданных так же терзала сердце Давида, как смерть родных детей, почему он и просил Бога обратить гнев на него самого. И он сделал бы это в самом начале поражения, если бы не надеялся, что оно, идя своим путем, достигнет и его. Когда же он заметил, что это не совершается, а бедствие истребляет только подданных, то он не стерпел этого и был уязвлен более, чем смертью первенца своего Амнона. Тогда он не просил себе смерти, а теперь желает пасть прежде других. Таким надобно быть начальнику, который должен скорбеть более о чужих, нежели о собственных несчастиях. Такую же скорбь чувствовал Давид, лишившись сына, из чего можно видеть, что он любил его не больше, чем подданных. Хотя Авессалом был необузданный юноша и замышлял отцеубийство, однако же Давид говорил: «кто

даст смерть мне вместо тебе» (2Цар 18.33)? Что ты говоришь, блаженный и кротчайший из всех людей? Сын стремился умертвить тебя, окружил тебя бесчисленными бедствиями, а ты, как скоро его не стало и одержана победа, молишь себе смерти? Да, отвечает. Не для меня приобретена эта победа войском; во мне кипит брань сильнее прежней, и сердце мое разрывается теперь больше прежнего. Так Давид и подобные ему заботились о вверенных им.

32 А блаженный Авраам прилагал великое попечение даже и о тех, которые не были ему вверены, и даже такое попечение, что подвергал себя великим опасностям. Не в пользу одного только племянника своего совершил он то, что совершил, но и для содомлян, и не прежде перестал преследовать персов, как освободил всех содомлян. Хотя можно было ему возвратиться назад по освобождении одного Лота, однако же Авраам не захотел этого, потому что заботился равно о всех, как и доказал это впоследствии. Когда содомлянам угрожало не нашествие войска иноплеменников, но гнев Божий готов был истребить до основания города их, когда настояла нужда не в оружии, не в брани, не в ополчении воинов, но в молитве, тогда Авраам ходатайствовал за них с такою заботливостью, как будто бы ему самому предстояла погибель. Вследствие этого и раз, и два, и три, и многократно приступает он к Богу, даже ссылается на слабость человеческой природы, говоря: «аз же есмь земля и пепел» (Быт 18.27). И так как знал, что содомляне сами навлекли на себя гнев Божий, то умоляет спасти их ради других. И Бог говорил ему: «еда утаю Аз от Авраама, раба Моего, яже Аз творю» (Быт 18.17), чтобы мы уразумели из этого, сколько праведник человеколюбив. И Авраам не перестал бы умолять Бога,

если бы Бог первый не отошел от него. Хотя, по-видимому, он молился о праведных, но на самом деле все это было для содомлян. Ведь души святых исполнены кротости и человеколюбия как к своим, так и к чужим; они жалеют даже бессловесных. Потому и Премудрый сказал: «праведник милует душы скотов своих» (Притч 12.10), а если скотов, то гораздо более людей. Но так как я вспомнил о животных, то представим себе, сколько тяжелых трудов переносят пастухи овец в Каппадокийской стране, заботясь о бессловесных. Часто занесенные снегом, по три дня сплошь остаются они в таком положении. Говорят также, что не меньше бедствий переносят пастухи и в Ливии, по целым месяцам скитаясь по этой суровой пустыне, наполненной самыми свирепыми зверями. А если столько забот бывает о бессловесных, то какое извинение будем иметь мы, когда нам вверены разумные души, а мы спим таким глубоким сном? Можно ли тут думать об отдыхе? Можно ли искать покоя? Напротив, для этих овец не должно ли идти повсюду и подвергать себя тысяче смертей? Или вы не знаете цены этого стада? Не для него ли твой Владыка совершил бесчисленные деяния и пролил даже Свою Кровь? А ты ищешь покоя? Что же может быть хуже таких пастырей? Разве ты не понимаешь, что и Христово стадо окружено волками, которые злее и свирепее ливийских? Неужели ты не представляешь себе, какую душу должно иметь тому, кто принимает на себя начальство в церкви? Народные правители, совещаясь о делах маловажных, дни и ночи проводят в бодрствовании, а мы, подвизающиеся для неба, спим и днем. Кто же после этого избавит нас от наказания за такую беспечность? Если бы даже надлежало резать тело, если бы предстояло испытать бесчисленные смерти, то не следовало ли бы спешить на

все это, как на торжество? Пусть слышат это не одни пастыри, но и овцы, – чтобы сделать пастырей более усердными и побудить их к большой ревности, оказывая им всякое послушание и повиновение и ничего другого. Так заповедал и Павел, говоря: «повинуйтеся наставником вашым и покоряйтеся: тии бо бдят о душа́х ваших, яко слово воздати хотяще» (Евр 13.17). Под словом же – «бдят» он разумеет бесчисленные труды, заботы и опасности. Добрый пастырь, именно такой, какого и желает Христос, состязается в подвигах с многочисленными мучениками. Ведь мученик однажды за Христа умер, а пастырь, если он таков, каким должен быть, тысячекратно умирает за стадо, он даже каждый день может умирать. Поэтому и вы, зная труд его, содействуйте ему молитвами, усердием, готовностью, любовью, чтобы и мы для вас, и вы для нас сделались похвалою. Потому и Христос, вверяя стадо Свое первоверховному из апостолов, который более всех любил Его, предварительно спрашивал: «любиши ли Мя» (Ин 21.16)? – чтобы ты уразумел, что попечение о стаде Христовом является преимущественным признаком любви к Самому Христу, так как для этого нужна мужественная душа. Но это сказано мною о совершенных пастырях, не о мне самом и о подобных нам, но о пастыре, – если есть такой, – вроде Павла, или Петра, или Моисея. Итак, будем им подражать, как начальствующие, так и подчиненные, ведь и подчиненному можно отчасти быть пастырем своего дома, друзей, домашних, жены, детей; а если мы так будем управлять делами своими, то достигнем всех благ, получить которые да будет дано всем нам благодатью и человеколюбием и проч.

Беседа 30

[1] Рим 15.25–27. Ныне же гряду во Иерусалим, служяй святым. Благоволиша бо Македониа и Ахаиа общение некое сотворити к нищим святым, живущим во Иерусалиме. Благоволиша бо, и должни им суть.

[2] Так как (апостол) сказал: «не имею места… в… сих… странах» и: «с давних лет имею желание идти к вам» (Рим.15:23), а между тем нужно было ему еще промедлить, то, чтобы римляне не подумали, что он смеется над ними, он объясняет причину, по которой пока не может прийти к ним, и говорит: «гряду во Иерусалим». Но, говоря о причине своего промедления, (апостол), кажется, имеет в виду и другое, именно – побудить их к милостыне и сделать их в этом более усердными. Если бы он не об этом заботился, ему довольно было бы сказать: «гряду во Иерусалим». Но теперь присовокупляет и причину этого путешествуя: «гряду, – говорит, – служяй святым». Даже останавливается на этих словах, приводит доказательства, говоря: «должни… суть», и еще: «аще… в духовных их причастники быша язы́цы, должни суть и в плотских послужити», – чтобы и римляне научились подражать им. Здесь особенно нужно подивиться мудрости (апостола) в том, что он придумал такой способ дать совет, так как на римлян он мог более этим подействовать, нежели прямым увещанием. Ведь они почли бы для себя оскорбительным, если бы (апостол) представил им коринфян и македонян в образец подражания. Поэтому коринфян, в послании к ним, увещевает таким образом: «сказую же вам… благодать Божию, данную в церквах Македонских» (2Кор 8.1); равно и на македонян действовал примером коринфян: «яже от

вас ревность раздражи множайших» (2Кор 9.2). Равным образом и примером галатов он также пользуется, когда говорит: «якоже устроих церквам Галатийским, тако и вы сотворяйте» (1Кор 16.1). Но с римлянами (апостол поступает) иначе, более осторожно. Таким же образом он поступает и относительно проповеди, когда говорит: «или от вас слово Божие изыде, или вас единых достиже» (1Кор 14.36), потому что соревнование всего сильнее. Потому (апостол) многократно повторяет это; так и в другом месте говорит: как «во всех церквах повелеваю» (1Кор 7.17); и еще: «якоже везде во всякой церкви учу» (1Кор 4.17); и к колоссаям говорит: «якоже благовестие Божие есть плодоносно и растимо… во всем мире» (Кол 1.6). Так поступает и здесь, говоря о милостыне. И смотри, с каким величием он употребляет выражения. Он не сказал – иду отнести милостыню, но – «гряду служяй». А если Павел служит, то рассуди, как это важно, когда сам учитель вселенной берет на себя труд отнести подаяния, и хотя намеревался путешествовать в Рим и сильно желал видеться с римлянами, однако же первое предпочитает последнему. «Благоволиша бо Македониа и Ахаиа», то есть признали делом хорошим и пожелали «общение некое сотворити». Опять не сказал – милостыню, но – «общение». Не без цели также поставил слово – «некое», но чтобы римляне не приняли сказанного за укоризну себе. И не сказал просто – к нищим, но – «к нищим святым», убеждая двояким образом к вспомоществованию, как нищетой, так и добродетелью. Даже и этим не ограничился, но присовокупил: «должни суть». Потом доказывает, почему должны. «Аще бо, – говорит, – в духовных их причастники быша язы́цы, должни суть и в плотских послужити им». Это значит: для них пришел Христос, им, обратившимся из иудеев,

принадлежат все обетования, от них Христос, потому и Сам Он сказал: «спасение от иудей есть» (Ин 4.22); от них апостолы, от них пророки, от них все блага. И вселенная сделалась причастницей всего этого. Итак, говорит (апостол), если вы сделались причастниками более важного и если, по евангельской притче, вечеря была приготовлена для них, а вы пришли и вкусили предложенного, то и вы должны допустить их до участия в телесных благах и уделить им. Но (апостол) не сказал прямо – допустить до участия, а – «послужити», поставив их как бы в разряд диаконов или приносящих подати царям. Не сказал также – в телесных ваших, как (выше сказано) – «в духовных их», потому что духовные блага принадлежат одним иудеям, а телесные не одним язычникам, но и всем вообще. И (апостол) повелел, чтобы имения принадлежали всем, а не одним владельцам.

[3] Рим.15:28. Сие убо скончав, и запечатлев им плод сей,

[4] то есть как бы положив в царскую сокровищницу, в неприступное и безопасное место. И не сказал – милостыню, но опять – «плод», показывая, что подающие милостыню и сами получают прибыль.

[5] Пойду вами во Испанию.

[6] Снова упоминает об Испании, показывая свое попечение и расположение к жителям ее.

[7] Рим.15:29. Вем же, яко грядый к вам, во исполнении благословения благовестия Христова прииду.

[8] Что значит: «во исполнении благословения?» (Апостол) говорит здесь или об имуществах, или вообще о всяком добром деле. Он имеет обыкновение называть благословением милостыню, как и многое другое. Например, когда говорит: «якоже благословение, а не яко

лихоимство» (2Кор 9.5). Даже и в Ветхом Завете было обыкновение называть так милостыню. Но так как (апостол) присовокупил здесь – «благовестия», то мы утверждаем, что под благословением разумеется не одно имущество, а и все прочее. Он как бы так говорит: я знаю, что, пришедши к вам, найду вас во всем благополучными, изобилующими в благах и достойными многих добрых похвал, согласно Евангелию. Вот удивительный способ давать совет – предупредить их похвалами. А так как (апостол) уклоняется от того, чтобы предложить мысль свою в виде увещания, то и приступает к такому способу исправления.

9 Рим.15:30–31. Молю же вы… Господем нашим Иисус Христом, и любовию Духа.

10 (Апостол) опять упоминает здесь о Христе и о Духе, но вовсе не говорит об Отце. Я замечаю об этом для того, чтобы ты, когда (апостол) упоминает об Отце и Сыне, или об одном Отце, не исключал ни Сына, ни Духа. И не сказал (апостол) – Духом, но – «любовию Духа». Как Христос и как Отец возлюбили мир, так и Дух. Но о чем же умоляешь ты, (Павел), скажи мне?

11 Споспешествуйте ми в молитвах о мне к Богу. Да избавлюся от противлящихся во Иудеи.

12 Итак, (апостолу) предстояла великая борьба, почему он и просит их молиться. И не сказал – да вступлю в состязание, но – «да избавлюся», как повелел Христос: «молитеся, да не внидете в напасть» (Мф 26.41). (Апостол) этими словами, с одной стороны, показывает, что на него намереваются напасть какие-то злые волки и вообще звери, а не люди, с другой же стороны, он имеет в виду показать, что он справедливо принял на себя труд

служить святым, как скоро неверующих так много, что нужно было молиться об избавлении от них. Живущие среди столь многочисленных врагов могли погибнуть от голода, поэтому необходимо было доставлять им пропитание из других мест.

13 И да служба моя, яже во Иерусалиме, благоприятна будет святым,

14 то есть да будет приятна моя жертва и охотно принято подаяние. Видишь ли, как опять он возвысил достоинство принимающих милостыню, если просит молитвы многочисленного народа, для того, чтобы посылаемое было принято? А с другой стороны, этим он показывает, что недостаточно дать для того, чтобы милостыня была принята. Когда кто-нибудь подает по принуждению, или из тщеславия, или неправедно приобретенное, тогда плод теряется.

15 Рим.15:32. Да с радостию прииду к вам волею Божиею.

16 Как говорил в начале: «аще… когда поспешен буду волею Божиею приити к вам» (Рим.1:10), так и здесь прибегает к той же воле Божией и говорит: для того спешу и молю Бога избавиться отсюда, чтобы скорее увидеть вас и увидеть с удовольствием, не подвергаясь там никакой скорби.

17 И упокоюся с вами.

18 Смотри, как он опять показывает, что в нем нет надменности. Не сказал – научу вас и наставлю в вере, но – «упокоюся с вами». Но ведь (апостол) сам подвизался и боролся, как же говорит – «упокоюся с вами»? Он говорит это в угождение римлянам, располагает их к большему усердию, делая участниками в победных венцах и показывая, что они также подвизаются и трудятся.

Потом, по обыкновению своему, присовокупляет к увещанию своему молитву, говоря:

[19] Рим.15:33. Бог же мира со всеми вами. Аминь.

[20] Рим 16.1. Вручаю же вам Фиву сестру, …сущу служительницу церкве, яже в Кегхреех.

[21] Ты видишь, сколько (апостол) уважает Фиву, если упомянул о ней прежде всех и назвал сестрою, а называться сестрою Павла – дело немалое. Сказал и о должности ее, наименовав служительницею.

[22] Рим.16:2. Да приимете ю о Господе достойне святым,

[23] то есть для Господа примите ее с честью, потому что принимающий для Господа даже и незначительного человека принимает со тщанием. А так как Фива была святая, то рассуди сам, каким попечением она в праве была пользоваться. Потому (апостол) присовокупил: «достойне святым», то есть как следует принимать святых. Вы должны услуживать ей по двум причинам – потому что принимаете ее для Господа и потому что она святая.

[24] И споспешествуйте ей, о нейже аще от вас потребует вещи.

[25] Видишь ли, как это не обременительно? Не сказал – избавьте ее от всех нужд, но – снабдите, чем можете, подайте руку помощи, какие бы нужды она у вас ни имела; и притом говорит не о всех ее нуждах, но о тех, какие будет иметь у вас, а нуждаться она будет в том, чем можете располагать и вы. Потом опять несказанная похвала:

[26] ибо сия заступница многим бысть, и самому мне.

[27] Замечаешь ли благоразумие (Павла?) На первом месте он поставил похвалу, в середине увещание, а потом опять похвалу, с обеих сторон защищая похвалами нужду блаженной жены. Как же не блаженна Фива, как скоро удостоилась такого свидетельства от Павла и была в состоянии оказывать помощь самому Павлу, учителю вселенной? Это венец всех ее совершенств, почему (апостол) и поставил это в конце, сказав: «и самому мне». Что же значит – «и самому мне»? Тому, кто был проповедником вселенной, претерпел бесчисленные страдания и один довлел для многих тысяч. Итак, мужи и жены, будем подражать этой святой, а равно и той, которую вместе с мужем именует (Павел) после Фивы. Кто же они?

[28] Рим.16:3. Целуйте , – говорит, – Прискиллу и Акилу, споспешника моя о Христе Иисусе.

[29] О добродетели их свидетельствует и Лука, когда говорит: «пребысть у них Павел, бяху бо скинотворцы хитростию» (Деян 18.3), и когда извещает, что Прискилла приняла к себе Аполлоса, «и известнее тому сказаша путь Господень» (Деян 18.26).

[30] Но как ни велики эти доблести, а гораздо важнее то, что сказал Павел. Что же он говорит? Сперва называет их своими споспешниками, показывая, что они разделяли с апостолом несказанные труды и опасности. Потом говорит, что они

[31] Рим.16:4. по души моей своя выя положиша.

[32] Видишь ли, что они были совершенные мученики? Ведь при Нероне, как и естественно, опасности были бесчисленны, когда он приказал всем иудеям удалиться из Рима.

33 Ихже не аз един благодарю, но и вся церкви языческия.

34 Здесь (апостол) разумеет страннолюбие и вспомоществование деньгами и удивляется им в том, что они пролили кровь свою и отдали все имение на общую пользу. Видишь ли ты, что и немощь естества не воспрепятствовала благородным женщинам идти стезею добродетели? И вполне естественно, потому что «во Христе Иисусе несть мужеский пол, ни женский» (Гал 3.28). И что сказал (апостол) о Фиве, тоже говорит и о Прискилле. Как о той сказано: «сия заступница многим бысть и самому мне» (Рим.16:2), так и об этой: «не аз един благодарю, но и вся церкви языческия». И чтобы не подумали, что это сказано из лести, представляет других свидетелей, которые многочисленнее жен.

35 И домашнюю их церковь.

36 Они были настолько добродетельны, что обратили дом свой в церковь, так что все их домашние сделались верующими, и дом их был открыт для всех странных. (Апостол) не имел обыкновения без основания называть дома церквами, если в них не было большого благочестия и не был утвержден особенный страх Божий. Поэтому и коринфянам сказал: «целуйте Акилу и Прискиллу с домашнею их церковию» (1Кор 16.19), и об Онисиме он писал, говоря: «Павел… Филимону… и Апфии возлюбленней… и домашней твоей церкви» (Флм 1.1–2). Конечно, и в супружеской жизни можно быть достойным удивления и благородным. Вот и Акила с Прискиллою жили в супружестве и весьма просияли, хотя занятие их и было незамечательно: они делали палатки, однако же добродетель покрыла все и показала их светлее солнца. Ни ремесло, ни брачный союз не вредили им, но они явили такую любовь, какой требовал Христос, сказав:

«болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин 15.13). Они исполнили то, что служит признаком Христова ученика, взяли крест и последовали за Христом, так как делавшие это для Павла тем более показывали такое же мужество для Христа. Пусть услышат это и богатые, и бедные. Если жившие трудами рук своих и управлявшие рабочим заведением показали столько щедрости, что сделались полезными для многих церквей, то какое извинение будут иметь богачи, презирающие нищих? Те в угождение Богу не пощадили своей крови, а ты бережешь и немногие монеты, часто презирая и собственную свою душу. Но, может быть, усердные к учителю не таковы были к ученикам? И этого нельзя сказать, ведь их благодарили, говорит (апостол), и церкви языческие. Хотя они были из иудеев, однако же веровали настолько искренно, что и язычникам служили со всем усердием. Такими и должны быть женщины, которым должно украшаться не плетением волос, или золотом, или драгоценною одеждою, но добрыми делами (1Тим 2.9–10).

37 В самом деле, скажи мне, какая царица столько знаменита и так прославляется, как эта жена скинотворца? Она у всех на устах и так будет не десять и двадцать лет, но до пришествия Христова. И притом, все прославляют ее за то, что украшает ее более царской диадемы. Да и что более важно, что равняется с тем, чтобы быть заступницею Павла и с опасностями для себя спасать учителя вселенной? Рассуди, сколько было цариц и имена их преданы забвению, а имя жены скинотворца и ее мужа проносится повсюду, и сколько солнце освещает землю, столько слава ее обтекает во вселенной: и персы, и скифы, и фракиане, и живущие в отдаленных пределах земли прославляют и ублажают благочестивую жизнь

этой женщины. Какое богатство, сколько диадем и царских багряниц ты с удовольствием отдал бы, чтобы только получить о себе такое свидетельство! Нельзя также сказать, чтобы они, подвергаясь опасностям и не щадя имущества, не радели и о проповеди. За это именно (апостол) и называет их сослужителями и споспешниками. Сосуд избрания не стыдится назвать женщину своею споспешницею, даже хвалится этим, потому что не смотрит на природу, а венчает добрую волю. Что равняется такому украшению? Где теперь ваше богатство, расточаемое повсюду? Что значат наряды? Где суетная слава? Рассмотри внимательнее убранство этой женщины, которым не тело облекается, но украшается душа, которое никогда не складывается и не хранится в ящике, но возлагается на небе.

38 Посмотри на их труд в проповеди, на их мученический венец, на их щедрость касательно имущества, на их любовь к Павлу, на их усердие ко Христу и сравни с этим себя, свое попечение о деньгах, свою привязанность к блудницам, свои распри за клочок сена, тогда увидишь, кто были они и кто ты. Или лучше, не только сравни, но и поревнуй женщине и, сложив с себя ношу травы (это твои драгоценные одежды), возьми небесное украшение и поучись у Прискиллы и Акилы, отчего они сделались такими. Отчего же? Они два года содержали у себя в доме Павла. А чего не могли произвести в душе их эти два года? Ты скажешь: что же мне делать, – у меня нет Павла? Если захочешь, то ты имеешь больше, нежели они. Не лицезрение Павла, а слова его сделали их таковыми. Итак, если тебе угодно, с тобою непрестанно готовы беседовать и Павел, и Петр, и Иоанн, и целый сонм пророков и апостолов. Возьми книги этих блаженных мужей, постоянно занимайся их писаниями, и они могут и

тебя сделать подобным жене скинотворца. И что говорить о Павле? Если хочешь, будешь иметь у себя самого Владыку Павла, и Он будет с тобою беседовать языком Павла. И другой есть способ принять к себе Господа, – когда станешь принимать святых, служить верующим в Него. Тогда, и по отшествии их, у тебя останется много памятников благочестия. И стол, за которым питался святой, и стул, на котором он сидел, и ложе, на котором он возлежал, даже по удалении его способны привести в чувство умиления того, кто принимал его к себе. С каким, думаешь, умилением входила соманитянка в ту горницу, где жил Елисей, взирала на стол и на ложе, где спал этот святой муж? Какими благочестивыми чувствованиями воодушевлялась она при этом? А если бы этого не было, если бы она не получала от этого великой пользы, то не принесла бы в эту горницу мертвого сына. Если мы, по прошествии многого времени, приходя туда, где Павел жил, был связан, сидел и беседовал, окрыляемся мыслью и от видимых нами мест переносимся к представлению того самого времени, то что, естественно, происходило в душе тех, которые с благоговением принимали его в своем доме, когда события были еще очень свежи?

39 Итак, зная это, будем принимать к себе святых, чтобы дом наш просиял и очистился от терний, чтобы жилище наше сделалось пристанью, будем принимать их и умывать им ноги. Ты не лучше, не благороднее и не богаче Сарры, хотя бы ты была и царицею. Она имела триста восемнадцать домочадцев, когда и двоих слуг иметь считалось богатством. И что я говорю о трехстах восемнадцати домочадцах? В семени и обетованиях она владела целою вселенною, имела супругом друга Божия, покровителем Самого Бога, а это больше всякого царства. Однако же при такой знаменитости и славе сама

приготовляла тесто, исполняла все домашние дела и прислуживала гостям как рабыня. Ты не благороднее Авраама, а он исполнял дела слуг после своих знаменитых деяний, после побед, после чести, оказанной ему египетским царем, после того, как он отразил персидских царей и воздвиг себе замечательные памятники. Не смотри на то, что приходящие к тебе святые по наружности убоги и часто бывают бедны и покрыты рубищами, а помни сказанное Христом: «понеже сотвористе единому сих… менших, Мне сотвористе» (Мф 25.40), и: «да не презрите единаго [от] малых сих: …яко ангели их на небесех выну видят лице Отца нашего небеснаго» (Мф 18.10). Принимай с усердием тех, которые приносят тебе бесчисленные блага своими приветствиями мира. Вместе с Саррою приведи себе на память и Ревекку, которая, отвергнув всякую гордость, сама черпала воду, напоила и пригласила к себе в дом странника, а потому и получила великие награды за свое страннолюбие. Но ты, если захочешь, получишь еще большие. Тебе Бог даст в награду не только Сына, но и самое небо, небесные блага, избавление от геенны, прощение грехов. Велик, весьма велик плод страннолюбия. Так и Иофор, будучи даже иноплеменником, удостоился иметь зятем того, кто с такою властью повелевал морю, и такую добрую добычу для него уловили в свою сеть его дочери. И ты, размыслив об этом и представив в уме мужество и благочестие тех жен, постарайся попрать земную гордость, нарядные одежды, дорогие золотые украшения и благовония; отложив негу, роскошь и мерную поступь, обрати все свое попечение на душу и воспламени в сердце своем страсть к небесному. Если овладеет тобою эта любовь, ты увидишь нечистоту и гнусность настоящего и сама будешь

смеяться над тем, что теперь удивляет тебя. Ведь женщине, украшенной духовными совершенствами, не свойственно домогаться таких смешных вещей. Потому, сбросив все то, что ставят себе в большую честь жены торгующих, а также занимающиеся пляской и музыкой, укрась себя благочестием, страннолюбием, попечением о святых, умилением, частыми молитвами. Это лучше золотых одежд, драгоценнее дорогих камней и запястий, это и перед людьми делает почтенными, и у Бога приносит тебе великую награду. Это украшение церкви, а то – театра, это достойно неба, а то – коней и мулов; в те убранства облекаются и мертвые тела, а это сияет только в доброй душе, в которой живет Христос. Итак, станем приобретать себе такое украшение, чтобы и нас везде прославляли, и мы угодили Христу во веки веков. Аминь.

Беседа 31

[1] Рим. 16:5. Целуйте Епенета возлюбленного ми, иже есть начаток Ахаии во Христа.

[2] 1. Думаю, что многие, даже считающие себя весьма ревностными, оставляют без внимания эту часть послания, как бесполезную и не заключающую в себе ничего важного; полагаю, что они рассуждают подобным образом и о родословной, помещенной в Евангелии: так как она представляет список имен, то они и заключают, что отсюда нельзя извлечь большой пользы. Но золотых дел мастера собирают и мелкие опилки, а эти люди проходят мимо и больших слитков золота. Итак, чтобы они не подверглись этому, и сказанного прежде достаточно, чтобы удержать их от такой беспечности. А что и отсюда может быть немалая польза, это мы уже доказали в предыдущей беседе, когда такими приветствиями возбудили ваше внимание. Попытаемся и теперь также извлечь из этого места благородный металл, потому что и в голых именах можно открыть великое сокровище. Если вникнешь, почему Авраам назван этим именем, почему (названы) Сарра, Израиль и Самуил, то и из этого извлечешь сведения о многом. То же самое ты можешь извлечь для себя из наименования времен и мест. Внимательный человек и отсюда обогащается, а нерадивый не получает пользы и от самого очевидного. Немало обучают нас любомудрию имена Адама, его сына, жены и многих других, потому что имена – памятники многих событий: ими выражаются и Божье благодеяние и благодарность матерей, так как матери, зачавшие в чреве, по обетованию Божьему, в воспоминание такого благодеяния Божьего и давали детям имена. Но зачем

теперь нам любопытствовать об именах, когда не радят о многих изречениях Писания, когда неизвестны самые имена многих книг? Однако же и в таком случае не следует пренебрегать знаниями относительно этого. «Подобаше бо, – как сказано, – вдати сребро торжником» (Мф. 25:27). Итак, хотя бы и никто не захотел воспользоваться этим, мы сделаем свое дело и докажем, что в Писании нет ничего лишнего и без цели сказанного. Если бы и в настоящем месте не заключалось ничего полезного, оно не было бы приложено к посланию и Павел не написал бы того, что написал. Но есть люди настолько нерадивые, легкомысленные и недостойные неба, что считают излишними не только имена, но и целые книги, как–то: книгу Левит, Иисуса Навина и многие другие. Многие из таковых безумцев отвергли и весь Ветхий Завет и, дав волю этому злому навыку, убавили многое и в Новом Завете. Впрочем, нам мало теперь дела до таких нетрезвых умом и живущих по плоти людей, а ревнитель любомудрия и любитель духовной беседы пусть знает, что в Писании даже, по–видимому, маловажное сказано не напрасно и не без цели и что Ветхий Завет заключает в себе много полезного. «Сия вся образа писана быша в научение наше» (1Кор. 10:11), говорит (апостол). Потому и Тимофею он говорил: «внемли чтению, утешению» (1Тим. 4:13), побуждая его читать все книги Писания, хотя он имел такой духовный дар, что изгонял бесов и воскрешал мертвых. Но обратимся к предмету речи. «Целуйте Епенета возлюбленнаго ми». Из этого можно видеть, что (апостол) воздает каждому особую похвалу. И быть возлюбленным Павла, который умел любить не из милости, но с разбором, – такая похвала не мала, а напротив очень велика и показывает в Епенете много добродетелей.

Потом следует другая похвала: «иже есть начаток Ахаии». Этим (апостол) показывает, что Епенет или прежде всех притек к Христу и уверовал, что также составляет немалую похвалу, или показал благочестие, больше всех остальных. Потому, сказав: «иже есть начаток Ахаии», (апостол) не умолк, чтобы не стал ты здесь разуметь мирскую славу, но присовокупил: «во Христе». Если первенствующий в гражданских делах считается великим и знаменитым, то тем более первенствующий в делах духовных. И так как Епенет, как вероятно, был низкого рода, то (апостол) указывает истинное его благородство и преимущество и этим украшает его. Он говорит, что Епенет не для одного Коринфа, но для целого народа был «начатком», то есть сделался как бы дверью и входом для прочих. А таким дается немалая награда, потому что такой человек получит великое воздаяние и за добродетели других, как немало содействовавший им в начале.

[3] Рим. 16:6. Целуйте Мариам, яже много трудися о нас.

[4] Что это? Опять венчается и восхваляется женщина, а мы, мужчины, опять пристыжены, или лучше сказать, не только пристыжены, но и почтены, – почтены тем, что у нас есть такие женщины, а пристыжены тем, что мы, мужчины, далеко отстаем от них. Но если постараемся узнать, чем украшаются эти женщины, то и мы вскоре уподобимся им. Чем же они украшаются? Пусть слышат это мужчины и женщины: не перстнями, не ожерельями, не евнухами, не служанками, не златотканными одеждами, но трудами за истину. «Яже много трудися о нас», – говорит (апостол), т. е. не за себя одну, не для собственного только усовершенствования в добродетели она трудилась, как и ныне делают многие женщины,

постясь и ложась на земле, но и для спасения других, приняв на себя подвиги апостолов и евангелистов. Как же говорит (Павел): «жене же учити не повелеваю» (1Тим. 2:12)? Он запрещает женщине занимать почетное место среди церкви и заседать на возвышении, но не запрещает учить словом; в противном случае, как он мог бы сказать жене, имеющей неверующего мужа: «что бо веси жено, аще мужа спасеши» (1Кор. 7:16), и как мог бы позволить женщине обучать детей, говоря: «спасется же чрез чадородие, аще пребудет в вере и любви и во святыни с целомудрием» (1Тим. 2:15)? И как же Прискилла наставляла в вере Аполлоса? Итак, (апостол) запрещает в этих словах не частные назидательные беседы, но собеседования в общих собраниях, что прилично одним учителям. И опять, когда муж – человек верующий, вполне совершенный и могущий учить жену, но жена мудрее его, то (апостол) не запрещает ей учить и исправлять. И здесь он не сказал: которая многому научила, но: «много трудися», давая тем разуметь, что Мария, кроме слова, служила и иным образом, именно тем, что подвергалась опасностям, давала деньги и совершала путешествия.

[5] 2. Ведь тогда женщины были неустрашимее львов и разделяли с апостолами труды проповедничества, почему с ними вместе путешествовали и служили во всем остальном. И за Христом следовали женщины, служившие имуществом своим и ухаживавшие за Учителем.

[6] Рим. 16:7. Целуйте Андроника и Иунию сродники моя.

[7] Хотя и это кажется похвалой, однако же, следующее гораздо важнее. Что же именно? «И спленники моя». Вот величайший венец, вот громкая слава.

[8] Где же был пленником Павел, называющий их своими сопленниками? Пленником он не был, но пострадал больше всякого пленника, так как не только был разлучен со своим Отечеством и домом, но боролся с голодом, непрестанной смертью и тысячами других несчастий. Для пленника это в особенности ужасно, что, разлучаемый со своими, он часто делается из свободного рабом. А здесь можно указать бесчисленное множество искушений, каким подвергался блаженный Павел, влачимый с места на место, бичуемый, связываемый, побиваемый камнями, ввергаемый в море, окруженный тысячами злоумышленников. Пленники, после отведения в плен, не имеют уже ни одного врага, но пленившие их прилагают о них большое попечение. А Павел всегда находился среди врагов, везде видел копья, изощренные мечи, ополчения и битвы. А так как и бывшие с ним по необходимости участвовали во многих опасностях, то он и называет их своими сопленниками, как и в другом месте говорит: «Аристарх спленник мой» (Кол. 4:10). Потом следует новая похвала:

[9] Рим. 16:7. иже суть нарочиты во апостолех.

[10] Конечно, и быть апостолом важно; но посуди, как велика похвала – быть прославившимся среди апостолов; прославились же они своими делами, своими заслугами. Вот каково было любомудрие этой женщины, удостоившейся наименования апостольского. Но (Павел) и на этом не останавливается, а присоединяет еще другую похвалу, говоря: «иже и прежде мене вероваша во Христа». И это – предупредить других и прийти прежде – есть весьма большая похвала. Смотри же, насколько святая душа (Павлова) чиста была от тщеславия. При всей своей славе (Павел) предпочитает себе других, не

скрывает того, что пришел последний, и не стыдится признаться в этом. И чему дивиться, если он не стыдится этого, когда он не отказывается раскрывать и прежнюю жизнь свою, называя себя богохульником и гонителем? А так как он не мог предпочесть их в этом другим апостолам, то отыскал того, кто пришел к Христу после других, именно себя, и из этого составил им похвалу, говоря:

[11] Рим. 16:7–8. иже и прежде мене вероваша во Христа. Целуйте Амплия возлюбленнаго ми.

[12] (Апостол) опять обращает в похвалу любовь свою, потому что любовь Павла была любовь для Бога и заключала в себе бесчисленные блага. Если великим считается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленным Павла? Если бы он не обладал многими добродетелями, то не привлек бы его любви к себе. (Апостол) не только не любил живущих худо и беззаконно, но даже предавал проклятию. Так, например, говорит: «аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят» (1Кор. 16:22), и: «аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1:9).

[13] Рим. 16:9. И Урвана споспешника нашего о Христе.

[14] Эта похвала больше предыдущей, потому что в ней заключается и предыдущая. «И Стахиа возлюбленнаго ми». И этого опять венчает тем же.

[15] Рим. 16:10. Целуйте Апеллия, искусна о Христе.

[16] Ничто не равняется с этой похвалой – быть безукоризненным и не подать даже повода к укоризне в делах по Богу. И когда (апостол) говорит: «искусна о Христе», он разумеет всякую добродетель. Почему же (апостол) не употребляет в приветствиях своих таких

выражений: господина моего такого–то, владыку моего? Потому что та похвала важнее этой: в этой выражается одна честь, а в апостольской похвале указывается добродетель. И (апостол) не случайно почтил их одинаковой похвалой, приветствуя многих низших наряду с высшими и знатными. Тем, что приветствует их и приветствует вместе с другими в том же послании, (апостол) оказал всем равную честь, а тем, что каждого хвалит в частности, представил нам особую добродетель каждого. И это он делает для того, чтобы не породить зависти, почтив одних и не почтив других, а также, чтобы не смешать недостойных с достойными и не довести до нерадения, удостоив той же чести всех и неодинаково достойных.

[17] 3. Смотри же, как (апостол) опять обращается к славным женщинам, сказав: «целуйте сущыя от Аристовула, и Иродиона сродника моего, и иже от Наркисса» (которые, вероятно, были не таковы, как прежде упомянутые, почему и не названы по именам), и, воздав им надлежащую похвалу, именно что они были верные, – это и означают слова: «сущыя о Господе», – опять начинает приветствовать женщин, говоря: «Трифену и Трифосу, труждающияся о Господе». (Апостол) о Марии говорит: «трудися о нас», об этих же женщинах говорит, что они еще трудятся. Немалая это похвала – всегда быть в деле и не только содействовать, но и трудиться. А Персиду (апостол) называет возлюбленной, показывая, что она выше упомянутых перед ней. Он говорит: «целуйте Персиду возлюбленную» и свидетельствует о многих ее трудах следующими словами: «яже много трудися о Господе». Так умел он назвать каждого по достоинству, одних поощряя к большему усердию тем, что никого не лишает принадлежащего ему,

но возвещает и о малейшем преимуществе каждого, а других делая более ревностными тем, что возбуждает в них своими похвалами соревнование к делам первых.

[18] Рим. 16:13. Целуйте Руфа избраннаго о Господе, и матерь его и мою.

[19] И здесь опять все хорошо, когда такой сын, такая мать, дом, полный благословения, и корень, соответствующий плоду. (Апостол) без основания не сказал бы – «матерь его и мою», если бы не свидетельствовал этим о многих добродетелях женщины.

[20] Рим. 16:14. Целуйте Асигкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ермиа, и сущию с ними братию.

[21] Здесь смотри не на то, что (апостол) перечислил их, не приписав им никакой похвалы, но на то, что, хотя они были и гораздо ниже всех, однако же, удостоились его приветствия. Лучше же сказать, и то немалая похвала, что называет их братьями, равно как и других с ними святых, когда говорит:

[22] Рим. 16:15. целуйте Филолога и Иулию, Нирея и сестру его, и Олимпана, и сущыя с ними вся святыя.

[23] Вот самое высокое достоинство, неизреченное величие чести. Потом, чтобы не подать повода к распрям тем, что одних приветствует так, а других иначе, одних по имени, а других вообще, одних с большими, а других с меньшими похвалами, (апостол) опять уравнивает всех равночестием любви и святым лобзанием, говоря:

[24] Рим. 16:16. целуйте друг друга лобзанием святым.

[25] Этим миром он удаляет от них всякий помысел, могущий смутить их, и всякий повод к малодушию, чтобы высший не презирал низшего, а низший не завидовал

высшему, но удалены были презрение и зависть, а святое лобзание все умиротворило и уравняло. Поэтому не только повелевает им приветствовать друг друга, но и посылает им приветствие всех церквей, – говорит: «целуют вы», не того или другого в частности, но всех вообще, «церкви Христовы». Замечаешь ли, какую немалую пользу мы получили от этих приветствий? Скольких сокровищ мы прошли бы мимо, если бы этой части послания не исследовали с тщательностью, разумею – такой, какая была для нас возможна? А если бы отыскался мудрый и духовный муж, то он проник бы глубже и увидел бы больше жемчужин. Но так как иные неоднократно спрашивали, почему (апостол) в этом послании многих приветствует, чего он не делал в других посланиях, то можно бы сказать на это, что (апостол) поступает таким образом потому, что еще никогда не видел римлян. Но на это скажут, что он не видел и колоссян, однако же, не делает этого. Но римляне были знаменитее прочих, и в Риме, как в более безопасном и столичном городе, жили переселившиеся туда из других городов. И так как они жили на чужой стороне и имели нужду в большем покровительстве, некоторые же из них были лично знакомы Павлу, а другие, находясь в Риме, весьма много служили ради него, то и естественно было (апостолу) похвалить их в послании. Ведь и тогда слава Павла была не мала, но настолько велика, что удостоившиеся его послания в самом этом писании находили для себя большую защиту. Павла не только уважали, но и боялись. Иначе он не стал бы говорить так: «заступница многих бысть и самому мне»; и еще: «молилбыхся сам аз отлучен быти» (Рим. 9:3). Он и в послании к Филимону сказал: «якоже Павел старец, ныне же и узник Иисуса Христа» (Флм. 1:9), а в Послании к

галатам: «се аз Павел глаголю вам» (Гал. 5:2), и: «приясте мя, яко Иисуса Христа» (Гал. 4:14). Также в Послании к коринфянам говорил: «яко не грядущу ми к вам разгордешася нецыи» (1Кор. 4:18), и еще: «сия же преобразих на себе и Аполлоса вас ради, да от нас научитеся не паче написанных мудрствовати» (1Кор. 4:6). Из всех этих мест видно, что о Павле все имели высокое мнение. Потому желая, чтобы они были в безопасности и в уважении, (апостол) приветствует и отличает каждого по возможности. Одного назвал возлюбленным, другого сродником, иного возлюбленным и сродником, иного сопленником, одного сотрудником, другого искусным, иного избранным. Равным образом и касательно женщин он указывает на звание; так Фиву назвал не просто – служительницей (потому что, в противном случае, он также наименовал бы Трифену и Персиду), но говорит, что она имела и рукоположение диаконисы, одну называет сотрудницей, другую матерью, относительно третьей указывает труды, какие она понесла. Иным он обращает в похвалу славу их дома, других приветствует именем братьев и святых, одних отличает тем, что удостаивает приветствия, других тем, что приветствует по имени, иных тем, что именует начатком, а иных отличает по старшинству; более же всех восхваляет Прискиллу и Акилу. Хотя все они были верные, но не все были равны между собой, различались друг от друга подвигами. А потому (апостол), побуждая всех к большим трудам, не утаил ничьей похвалы. Ведь если бы более трудящиеся получали не большую награду, многие сделались бы более нерадивыми.

[26] 4. Потому и в Царстве Небесном не всем равная честь, и между учениками Христа не все были равны, но трое превосходили прочих, даже между этими тремя было

опять много различия, так как у Бога соблюдается во всем точность в высшей степени. «И звезда бо от звезды, – так сказано, – разнствует во славе» (1Кор. 15:41). Хотя все были апостолами, все двенадцать должны были сесть на престолах, все оставили свое и последовали за Христом, однако же, Он избрал троих. Опять и об этих троих Он сказал, что иные займут место ниже, а другие выше. Он сказал: «а еже сести одесную и ошую, несть Мне дати, но имже уготовано есть» (Мк. 10:40). Петру отдает перед ними первенство, говоря: «любиши ли Мя паче сих» (Ин. 21:15) А Иоанн любил Его более прочих. И испытание всех вообще будет строгое: хотя бы ты немного превосходил ближнего, хотя бы это преимущество было весьма мало и даже ничтожно, Бог не оставит и его без внимания. Это ясно можно видеть и в Ветхом Завете. И Лот был праведен, но не так, как Авраам, то же и Езекия, но не столько, как Давид, и все пророки, но не так, как Иоанн. Итак, где те, которые и при таком правосудии Божьем не допускают существования геенны? Если праведники не все получат равные награды, хотя бы и мало превосходили друг друга («звезда бо от звезды, – как сказано, – разнствует во славе»), то, как же грешники получат одно и то же с праведниками? И человек не допустит такого слияния, а тем более Бог. Но если угодно, я докажу вам это различие и строгое правосудие на самих грешниках и на основании того, что уже произошло. Смотри же: согрешил Адам, согрешила и Ева, и хотя оба преступили заповедь, однако же, не в равной степени согрешили, почему не одинаково и наказаны. Различие было так велико, что Павел сказал: «Адам не прельстися, жена же прельстившаяся в преступлении бысть» (1Тим. 2:14). Хотя прельщение было одно, однако же, по строгому испытанию Божьему оказалось такое различие,

что Павел мог сказать это. Опять Каин наказан, а Ламех, после него совершив убийство, не понес подобного наказания, хотя и здесь убийство, и там убийство, даже Ламехово убийство гораздо ужаснее, потому что Ламех, и под воздействием примера, не сделался лучше; но, так как он убил не брата и не после сделанного ему вразумления, не имел нужды в обличителе и не отвечал с бесстыдством на вопрос Божий, напротив, – никем не обличаемый, сам себя укорил и осудил, то он и получил себе прощение, а Каин, поступивший совершенно иначе, был наказан. Заметь, с какой точностью Бог испытывает каждое дело. Поэтому иначе Он наказал живших перед потопом и иначе содомлян; и израильтян он также различно наказывал и в Вавилоне и при Антиохе, показывая, что Он строго взвешивает наши дела. Одни работали семьдесят, другие четыреста лет, иные ели собственных детей и перенесли тысячи других ужаснейших бедствий, и при всем том не получили избавления, как израильтяне, так и те, которые заживо сгорели в Содоме. Сказано: «отраднее будет земли Содомстей и Гоморрстей, нежели граду тому» (Мф. 10:15). Если бы Бог не наблюдал за тем, грешим ли мы, или делаем добро, то, может быть, было бы некоторое основание сказать, что нет наказания, а если Он так много печется о том, чтобы мы не грешили, и употребляет такие большие меры, чтобы исправить нас, то очевидно, что Он наказывает и согрешающих и венчает делающих добро. Обрати опять внимание на непостоянство (в суждениях) большинства людей. Здесь жалуются на Бога, что Он часто бывает долготерпелив и равнодушно взирает на то, что многие злодеи, распутники, притеснители остаются без наказания; там опять горько и сильно ропщут на то, что Бог угрожает им наказанием, хотя,

конечно, если последнее огорчает их, то первое следовало бы восхвалить и одобрить. О, безумие! О, скотское и ослиное рассуждение! О, грехолюбивая и преданная пороку душа! Ведь все эти суждения происходят от любви к удовольствиям, а если бы рассуждающие таким образом захотели прилепиться к добродетели, то они скоро убедились бы в геенне и не стали более сомневаться.

[27] Спрашиваешь, где и в каком месте будет геенна? Но что тебе до этого? Нужно знать, что она есть, а не то, где и в каком месте скрывается, некоторые пустословят и говорят, что она находится на Иосафатовой долине, основываясь на том, что здесь была какая–то давняя война, и теперь превращая ее в геенну. Но Писание этого не говорит. Ты спрашиваешь: в каком месте будет геенна? По моему мнению, где–нибудь вне всего этого мира. Как царские темницы и рудокопни бывают вдали, так и геенна будет где–нибудь вне этой вселенной.

[28] 5. Итак, станем спрашивать не о том, где она находится, но как избежать ее, а также на том основании, что Бог не всех наказывает здесь, ты не должен не верить будущим наказаниям; ведь Он человеколюбив и долготерпелив, потому угрожает и не тотчас ввергает (в геенну). «Не хощу смерти грешника» (Иез. 18:32), – говорит Он. А если нет смерти для грешника, то это напрасно сказано. Знаю, что для вас всего неприятнее речь о геенне, но для меня нет ничего приятнее этого. О, если бы вы и за обедом, и за ужином, и в бане – везде беседовали о геенне! Тогда мы не сетовали бы на настоящие бедствия и не услаждались бы земными благами. Да и что ты назовешь несчастьем: нищету, болезнь, плен, лишение членов тела? Все это достойно смеха в сравнении с будущим наказанием. Хотя бы ты

указал мне на томящихся всегда от голода, на лишенных зрения с младенчества, на живущих нищенством, – и это ничего не значит в сравнении с будущим мучением. Потому будем непрестанно говорить о геенне, память о которой не допустит нас впасть в нее. Или ты не слышишь, что говорит Павел: «иже муку приимут вечную от лица Господня» (2Сол. 1:9)? Или не слышал, каков был Нерон, которого Павел называет антихристовой тайной? «Тайна бо уже деется беззакония», – говорит он (2Сол. 2:7). Итак, что же? Неужели ничего не потерпит Нерон? Ничего не потерпит антихрист? Ничего дьявол? А следовательно, антихрист и дьявол всегда будут, потому что, оставшись без наказания, не оставят злобы своей. Да, говоришь ты, всякому известно, что есть наказание и геенна, но впадут в геенну одни неверующие. Почему же, скажи мне? Потому, отвечаешь, что верующие познали своего Владыку. Что же из этого? Если жизнь их нечиста, то они подвергнутся за это большему наказанию, чем неверные. «Елицы бо без закона согрешиша, без закона и погибнут, и елицы в законе согрешиша, законом суд приимут» (Рим. 2:12). И еще: «раб ведевый волю господина своего, и не сотворив, биен будет много» (Лк. 12:47). Но если это сказано без цели и нам не придется отдавать отчет в жизни, то и дьявол не будет наказан, потому что он знает Бога лучше многих из людей, и все бесы знают Бога, трепещут Его и признают Судьей. Значит, если не потребуется от нас отчета в жизни и в злых делах, то и бесы избегнут наказания. Нет, это не так! Не обманывайте сами себя, возлюбленные. Если нет геенны, то, как же апостолы будут судить двенадцать колен Израилевых? Как же Павел говорит: «не весте ли, яко аггелов судити имамы, а не точию житейских» (1Кор. 6:3) Для чего же Христос сказал: «мужие ниневитстии

востанут на суд, и осудят род сей» (Мф. 12:41); и еще: «земли Содомстей отраднее будет в день судный» (Мф. 11:24)? Итак, зачем ты шутишь тем, чем шутить не должно? Зачем ты обманываешь себя самого и вводишь в заблуждение душу свою? Зачем борешься против Божьего человеколюбия? Бог уготовал геенну и угрожает ею для того именно, чтобы мы, сделавшись от страха лучше, не впали в нее. Таким образом, кто не позволяет говорить о геенне, тот незаметно делает не что иное, как этим обманом толкает и ввергает другого в геенну. Не ослабляй же рук, подвизающихся в добродетели, не усиливай нерадения в людях, погруженных в сон. Если бы большинство людей поверили, что нет геенны, то когда они отстанут от порока? Где же явится правда? Не говорю о правде в отношении к грешникам и праведникам, но в отношении к грешникам и к грешникам. Почему один наказан здесь, а другой не наказан за одни и те же грехи или и гораздо более тяжкие? Если нет геенны, ты не в состоянии будешь отвечать на такое возражение. А потому и прошу вас оставить такую смешную мысль и этим заградить уста возражающих против этого. В самых малых делах, как худых, так и добрых, будет строгое испытание. И за нескромный взгляд мы подвергнемся наказанию, дадим отчет за праздное слово, за смех и злоречие, за помысел и пьянство, а равно и в добрых делах – за чашу студеной воды, за ласковое слово, за один вздох получим награду. Сказано: «даждь знамения на лица стенящих и болезнующих» (Иез. 9:4). Как же ты смеешь говорить, что Бог, с такой строгостью испытующий нашу жизнь, напрасно и без причины угрожает геенной? Прошу тебя, не губи такими суетными надеждами и себя самого, и тех, которые верят тебе. Если ты не веришь нашим словам, спроси иудеев, эллинов, всех

еретиков, и все они как бы одними устами ответят, что будет суд и воздаяние. Но тебе не достаточно человеческого свидетельства? Тогда спроси самих бесов и услышишь, как они вопиют: «что пришел еси семо прежде времени мучити нас» (Мф. 8:29)? Сообразив же все это, убеди душу твою не предаваться суетным мыслям, чтобы она на опыте не изведала геенны, а напротив, уцеломудрившись помышлением о геенне, могла бы не только избежать будущих мучений, но и получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа 32

[1] Рим. 16:17–18. Молю же вы, братие, блюдитеся от творящих распри и раздоры кроме учения, ему же вы научистеся; и уклонитеся от них. Таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву; и благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых.

[2] 1. Опять увещание и после увещания молитва. Сказав: остерегайтесь вводящих разделения и не слушайтесь их, (апостол) присовокупил: «Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша», и: «благодать Господа с вами» (Рим. 16:20). Заметь же, как снисходительно он увещевает, делая это не как советник, но как слуга и даже с большим к ним уважением. (Апостол) называет их братьями и просит, говоря: «молю вы, братие». Потом предостерегает их, обнаруживая козни вредных людей. Но так как эти люди не действовали явно, то (апостол) говорит: «молю же вы, блюдитеся», то есть, тщательно исследуйте, узнавайте, испытывайте. Кого же именно остерегаться? «Творящих распри и раздоры кроме учения, емуже вы научистеся», потому что разделение всего более подрывает церковь, это – дьявольское оружие, им все ниспровергается. Пока единение соблюдается в теле (церкви), до тех пор дьявол не может иметь доступа, но от разделения происходит соблазн. Отчего же разделение? От учений, противных учению (апостолов). Откуда же такие учения? От служения чреву и прочим страстям. «Таковии бо, – говорит (апостол), – Господеви не работают, но своему чреву» Таким образом, не было бы ни соблазнов, ни разделения, если бы не было выдумано учение, противное учению апостольскому; указывая на

это, (апостол) и говорит здесь: «кроме учения». Он не сказал: которому мы научили, но: «ему же вы научистеся», чем предупреждает их и показывает, что они совершенно убеждены, услышали и приняли учение. Что же нам делать с этими зловредными людьми? (Апостол) не сказал: идите против них и бейте, но: «уклонитеся от них». Если бы они делали это по незнанию или по заблуждению, то их следовало бы исправить, но так как они с сознанием грешат, то удаляйтесь от них прочь. И в другом месте (апостол) говорит: «отлучайтеся от всякаго брата безчинно ходяща» (2Сол. 3:6). И относительно (Александра) ковача он дает такой же совет Тимофею, говоря: «от негоже и ты себе блюди» (2Тим. 4:15). Потом, укоряя тех, которые осмеливаются вводить разделение, он показывает и причину этого их поступка, говоря: «таковии бо Господеви нашему Христу не работают, но своему чреву». То же самое он говорил и в Послании к филиппийцам: «имже бог чрево» (Флп. 3:19). А здесь, как думаю, (апостол) делает намек на обратившихся из иудеев, которых обыкновенно всегда укоряет в чрезмерном чревоугодии. И в Послании к Титу он сказал о них: «злии зверие и утробы праздныя» (Тит. 1:12). Также Христос, обвиняя их в этом, говорит: «снедаете домы вдовиц» (Мф. 23:14). И пророки обличали их в том же, – сказано: «уты, утолсте, и отвержеся возлюбленный» (Втор. 32:15). Потому и Моисей увещевал их так: «ядый и насытився вспомни Господа Бога твоего» (Втор. 6:11, 12). И по свидетельству Евангелия иудеи говорили Христу: «кое знамение являеши нам» (Ин. 2:18) – и, оставив все остальное, упоминают только о манне. Таким образом, из всего можно видеть, что иудеи были заражены страстью чревоугодия. Как же брату Христа не стыдиться иметь учителями рабов чрева? Итак,

чревоугодие служит причиной заблуждения, а способ злоумышления есть опять другая болезнь, именно – лесть. «Благими словесы прельщают сердца незлобивых», говорит (апостол). Хорошо сказано: «благими словесы». Услуги льстецов только на словах, а сердце их не таково, но исполнено коварства. Далее (апостол) не сказал: прельщают вас, но: «сердца незлобивых». Даже и этим не ограничился, но, чтобы слова его показались не слишком резкими, продолжает:

[3] Рим. 16:19. ваше бо послушание ко всем достиже.

[4] Это сказано не с тем, чтобы избавить их от стыда, но чтобы предупредить похвалами и множеством свидетелей удержать в повиновении. Не я один, говорит, свидетельствую, но целая вселенная. И не сказал (апостол): ваше благоразумие, но: «ваше послушание», то есть повиновение, а это свидетельствовало о великой кротости. «Радуюся же еже о вас». Немалая и это похвала. Потом за похвалой следует увещание. Освободив их от обличения, (апостол), чтобы они по забвению не могли сделаться более нерадивыми, снова делает им намеки и говорит: «хощу же вас мудрых убо быти во благое, простых же в злое». Видишь ли, как тонко он опять обличает их, когда они и не подозревают этого, так как этим (апостол) намекает, что некоторые из них уже обольщены.

[5] Рим. 16:20. Бог же мира да сокрушит сатану под ноги ваша вскоре.

[6] Так как (апостол) сказал о вводящих раздоры и соблазны, то говорит теперь о Боге мира, чтобы они смело надеялись на освобождение от них. Кто любит мир, тот ниспровергает все, нарушающее мир. И не сказал

(апостол) – покорит, но, что гораздо важнее – «сокрушит», сокрушит не только тех, которые вводят раздоры, но и вождя их – сатану. И не просто сокрушит, но сокрушит «под ноги ваша», так что они одержат победу и сделаются знаменитыми вследствие этой победы. (Апостол) утешает также и непродолжительностью времени, а именно присовокупил – «вскоре». Таким образом, в словах его заключались вместе и молитва и пророчество. «Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами» Вот величайшее оружие, несокрушимая стена, непоколебимая крепость, – (апостол) для того и напомнил им о благодати, чтобы сделать их более ревностными. Если вы освободились от более опасного и освободились по одной благодати, то тем более освободитесь от меньшего, когда сделались и друзьями и присоединили собственные свои усилия.

[7] 2. Видишь, как (апостол) не отделяет и молитву от дел, и дела от молитвы. Засвидетельствовав об их послушании, он потом стал молиться, показывая этим, что, если мы со всем усердием ищем спасения, то необходимо для нас и то, и другое, и собственные усилия, и благодать Божья. В благодати Божьей мы не только прежде имели нужду, но и теперь имеем, как бы мы ни были велики и искусны.

[8] Рим. 16:21. Целует вас Тимофей споспешник мой.

[9] Видишь опять обычные похвалы? «И Лукий и Иасон и Сосипатр сродницы мои». Об Иасоне упоминает также и Лука и представляет нам его мужество, говоря: «влечаху его ко градоначальником, вопиюще» (Деян. 17:6). Естественно, что и остальные были люди примечательные, так как (Павел) не упомянул бы просто о сродниках, если бы они не были подобны ему по благочестию.

[10] Рим. 16:22. Целую вы и аз Тертий, написавый послание сие.

[11] И это немалая похвала – быть писцом Павла; но, конечно, Тертий говорит это не в похвалу себе, но чтобы служением своим привлечь к себе горячую любовь римлян.

[12] Рим. 16:23. Целует вы Гаие страннопримец (ξενος) мой и церкве всея.

[13] Замечаешь ли, какой венец сплел ему (апостол), засвидетельствовав о столь великом его страннолюбии и собрав всю церковь к нему в дом? Словом ξενος он называет здесь страннопримца. А когда услышишь, что Гаий принимал у себя в доме Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаия, потому что, если бы Гаий не был достоин добродетелей Павла, то Павел и не пошел бы к нему в дом. Стараясь исполнить многие из заповедей Христовых более того, сколько ими предписывалось, (апостол) не преступил бы того закона, которым повелевалось наперед осведомляться о принимающих и останавливаться в домах у достойных.

[14] Рим. 16:23. Целует вы Ераст строитель градский, и Куарт брат.

[15] Не без основания (апостол) прибавил слова: «строитель градский», но как писал и филиппийцам: «целуют вы иже от Кесарева дома» (Фил. 4:22), чтобы показать, что проповедь коснулась и людей знатных, – так и здесь с той же самой целью упоминает о достоинстве Ераста, давая этим понять, что внимательному к себе человеку не служат препятствием ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное.

[16] Рим. 16:24. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами. Аминь.

[17] Видишь ли, чем должно все начинать и оканчивать? Это самое апостол положил и в основание своего послания, этим же и покрыл все здание, одновременно испрашивая римлянам у Бога благодать – мать всех благ и напоминая им обо всех благодеяниях Божьих. Это преимущественная черта доблестного учителя – помогать ученикам не только словом, но и молитвой, почему и сказано: «мы же в молитве и служении слова пребудем» (Деян. 6:4). Кто же будет молиться о нас, после того как Павел отошел от нас? Подражатели Павла, – сделаемся только достойными этого ходатайства о нас, чтобы не только здесь слышать нам голос Павла, но и по удалении туда удостоиться нам видеть Христова подвижника; или лучше сказать, если здесь будем слушать его, то, без сомнения, и там его увидим, и хотя будем стоять и не возле него, но, несомненно, увидим его во всем блеске близ царского престола, где славословят херувимы, где парят серафимы. Там мы и увидим Павла вместе с Петром, как главного и первоверховного в лике святых, и там вполне насладимся его любовью. Если в этой жизни он столько любил людей, что, при всем желании разрешиться и быть с Христом, предпочитал оставаться во плоти (Фил. 1:23), то тем более пламенную любовь он покажет там. Поэтому и я люблю Рим; хотя можно хвалить в нем многое – его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, военные доблести, но, оставив все это, я прославляю его за то, что Павел при жизни своей писал к римлянам, весьма любил их, беседовал с ними лично и жизнь свою окончил в Риме. И город (Рим) этим знаменит более чем всем прочим. Подобно великому и могучему телу, Рим имеет два

светлых ока – тела этих святых апостолов. Не так блистательно небо, когда солнце разливает лучи свои, как блистателен город римлян, озаряющий все концы вселенной этими двумя светилами. Оттуда будет восхищен Павел, оттуда Петр. Помыслите и содрогнитесь, какое зрелище представит Рим, когда Павел и Петр восстанут там из своих гробов и будут восхищены для встречи Христа, какую розу поднесет Рим Христу, какие два венца украшают этот город, какие золотые цепи опоясывают его, какими обладает он источниками. Потому я и удивляюсь Риму, а не множеству золота, не колонам, не прочим украшениям, но этим столпам Церкви.

[18] 3. Кто даст мне ныне прикоснуться к телу Павла, прильнуть к гробу и увидеть прах этого тела, которое восполнило в себе недостаток скорбей Христовых, носило язвы Христовы, повсюду посеяло проповедь, прах того тела, в котором Павел обтек вселенную, прах тела, посредством которого вещал Христос, воссиял свет блистательнее всякой молнии, возгремел глас, бывший для демонов ужаснее всякого грома, при помощи которого Павел изрек те вожделенные слова: «молилбыхся отлучен быти по братии моей» (Рим. 9:3), в котором он говорил перед царями и не стыдился, а мы познали Павла и самого Владыку его. Не столько страшен для нас гром, сколько страшен для демонов голос его. Если демоны трепетали одежд его, то тем более голоса его. Этот голос привел демонов связанными, очистил вселенную, прекратил болезни, изгнал порок, водворил истину; в этом голосе присутствовал сам Христос и всюду с ним шествовал; голос Павла был то же, что херувимы. Как восседает Христос на небесных силах, так восседал он и на языке Павла. Подлинно достоин был принять Христа

этот язык, вещавший только угодное Христу и, подобно серафимам, воспаривший на неизреченную высоту. Что превыспреннее такого голоса, который вещает: «известихся бо, яко ни ангела, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе» (Рим. 8:38, 39)? Сколько, ты думаешь, крыльев, сколько очей было у этого голоса? Потому–то он и говорил: «не неразумеваем бо помышлений Его» (2Кор. 2:11); потому–то и бегали демоны, когда не только слышали вещания Павла, но и видели одежду его, хотя бы Павел и находился далеко. Я желал бы увидеть прах этих уст, посредством которых Христос изрек великие и неизреченные тайны, даже большие тех, какие возвестил сам, потому что как через учеников Он и совершил больше, так и изрек больше, – прах тех уст, которыми Дух дал вселенной дивные свои провозвестия. Чего не совершили благие уста Павла? Изгнали бесов, избавили от грехов, заградили уста мучителям, связали язык философов, привели вселенную к Богу, убедили варваров быть любомудрыми, преобразовали все на земле и на небе устраивали таким образом, как желал Павел, потому что он, по данной ему власти, вязал и разрешал тех, кого хотел. Я желал бы увидеть прах не только уст, но и сердца Павлова, которое можно, не погрешая, назвать сердцем вселенной, источником тысячи бесчисленных благ, началом и стихией нашей жизни. Из этого сердца разливался на все дух жизни и передавался членам Христовым, будучи сообщаем не посредством жил, но посредством добровольных благих дел. Это сердце было так пространно, что вмещало в себе целые города, племена и народы. «Сердце наше распространися» (2Кор. 6:11), говорит (апостол). Однако же и это столь

пространное сердце нередко сжимала и угнетала расширяющая его любовь, как говорит сам (Павел): «от печали многие и туги сердца написах вам» (2Кор. 2:4). Я желал бы видеть и разрушившееся это сердце, которое воспламенялось против каждого из погибающих и вторично мучилось болезнями рождения о чадах, родившихся несовершенными, которое видит Бога (как сказано: «блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят» (Мф. 5:8)), которое сделалось жертвой («жертва Богу дух сокрушен» – (Пс. 50:19)), было превыше небес, пространнее вселенной, блистательнее луча солнечного, горячее огня, тверже алмаза и источило реки, как сказано: «реки от чрева его истекут воды живы» (Ин. 7:38). В этом сердце был источник текущий и напояющий не лицо земли, но человеческие души, из него и ночью, и днем истекали не простые реки, но источники слез, оно жило новой, а не этой – нашей жизнью. «Живу не ктому аз, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20), говорит (Павел). Итак, сердце его было Христовым сердцем, скрижалью Духа Святого, книгой благодати. Оно трепетало за чужие грехи: «боюся, – говорит (апостол), – еда како всуе трудихся в вас» (Гал. 4:11), «да не како, якоже змий Еву прельсти» (2Кор. 11:3), «еда како пришед, не яцех же хожу, обрящу вас» (2Кор. 12:20); а за себя оно и боялось, и имело дерзновение: «боюся, – говорит (апостол), – да не како, иным проповедуя, сам неключим буду» (1Кор. 9:27), и также: «известихся, яко ни ангели, ни начала не возмогут разлучити нас» (Рим. 8:38, 39); оно удостоилось так возлюбить Христа, как не любил никто другой, презирало смерть и геенну, сокрушалось от братских слез: «что творите, – говорит (Павел), – плачуще и сокрушающе ми сердце» (Деян. 21:13); это сердце было

самое терпеливое, однако же, и в течение короткого времени не могло стерпеть отчуждения фессалоникийцев.

[19] 4. Я желал бы увидеть прах рук, бывших в узах, – рук, через возложение которых (Павел) подавал Духа и которыми написал он эти письмена: «видите, колицеми книгами, писах вам моею рукою» (Гал. 6:11), и еще: «целование моею рукою Павлею» (1Кор. 16:21), – прах рук, увидев которые ехидна упала в огонь. Я желал бы увидеть прах очей, которые не напрасно потеряли зрение, прозрели во спасение вселенной и еще в теле удостоились увидеть Христа, которые смотрели на земное и не видели, созерцали незримое, не знали сна, бодрствовали среди ночей и не страдали тем, что свойственно завистникам. Я желал бы увидеть прах тех ног, которые обтекли вселенную и не утомились, которые были заключены в колоду, когда поколебалась темница, которые обошли обитаемую и необитаемую землю и многократно по ней путешествовали (Деян. 16:24, 26). Но зачем говорить в подробностях? Я желал бы увидеть гроб, в котором положено оружие правды, оружие света, члены ныне живые, но мертвые тогда, когда находился Павел в живых, члены, в которых жил Христос, члены распятые миру, члены Христовы, во Христа облеченные, храм Духа, святое здание, члены связанные Духом, пригвожденные страхом Божьим, носящие на себе язвы Христовы. Это тело ограждает Рим, оно надежнее всякого укрепления и бесчисленных стен. А с ним и тело Петра, потому что Павел почитал Петра еще при жизни: «взыдох соглядати Петра» (Гал. 1:18), говорит он. Потому благодать удостоила его и после смерти быть с Петром под одним кровом. Я желал бы увидеть этого духовного льва. Как лев, дышащий пламенем на стада лисиц, напал он на сборище бесов и философов и, подобно быстрой молнии,

ворвался в дьявольские полчища. И дьявол не мог стоять против него прямо и открыто, но так боялся и трепетал, что, как скоро замечал его тень и слышал его голос, бежал далеко. Так Павел, будучи вдали, предал сатане впадшего в блудодеяние и потом опять исхитил из рук его (1Кор. 5:35). Так поступал и с другими, чтобы научились не богохульствовать. И смотри, как Павел поощряет, возбуждает и укрепляет подчиненных своих. Так Ефесянам он говорит: «несть наша брань противу крови и плоти, но к началом и ко властем» (Еф. 6:12), и потом указывает на награду в небесном, говоря, что подвизаемся не ради земного, но ради неба и небесного; а другим пишет: «не весте ли, яко аггелов судити имамы, а не точию житейских» (1Кор. 6:3) Итак, размыслив обо всем этом, будем мужественны. И Павел был человек, и он имел одинаковое с нами естество, и все прочее было у него общее с нами. Но так как он явил великую любовь к Христу, то взошел превыше небес и стал с ангелами. Таким образом, если и мы захотим хотя бы немного вознестись и возжечь в себе этот огонь, то и мы будем в состоянии подражать святому (апостолу). А если бы это было невозможно, то (Павел) не восклицал бы: «подобни мне бывайте, якоже аз Христу» (1Кор. 4:16). Итак, не будем только удивляться ему, не станем только изумляться перед ним, но и будем подражать ему, чтобы, по отшествии отсюда, нам удостоиться узреть его и участвовать в неизреченной славе, достигнуть которой да будет дано всем нам, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн